

Литература

6
КЛАСС

 ПРОСВЕЩЕНИЕ

СВЯТЫЙ
НЕСТОР

ЛѢТОПИСЕЦЪ

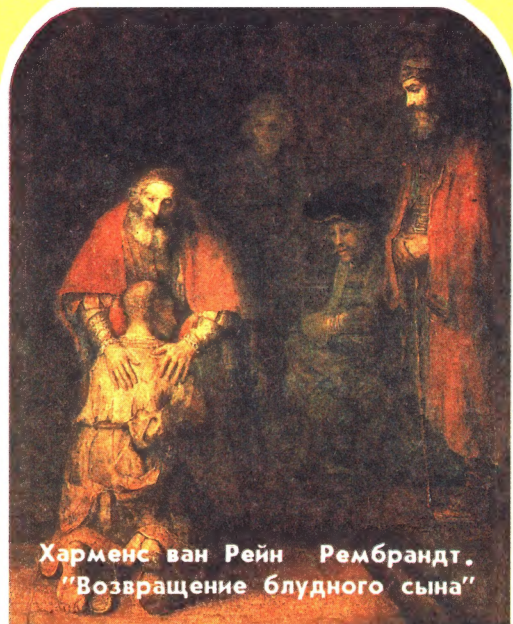

В.М. Васнецов, "Нестор-летописец"

В.

Владимирская Богоматерь. Икона

Харменс ван Рейн Рембрандт.
"Возвращение блудного сына"

В.А. Серов. "Покорение Европы"

Литература

6
КЛАСС

**Учебник
для общеобразовательных учреждений**

Автор-составитель В. П. ПОЛУХИНА

*Рекомендован Министерством образования
Российской Федерации*

3-е издание, исправленное и дополненное

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1996

УДК 373.167.1

ББК 83.3я72

Л64

АНИМ ВОДОЧ. И ЯШИН

В составлении разделов «Мифы народов мира» («Мифы древних славян», «Мифы Древней Индии», «Скандинавские мифы», «Мифы североамериканских индейцев»), «Знакомство с Библией», «Древнерусская литература», а также в написании вступительных статей к этим разделам и к разделам: «А. С. Пушкин» (лирика), «М. Ю. Лермонтов», «Юмор», «Н. А. Заболоцкий», «А. Я. Яшин» принимала участие кандидат филологических наук *Р. И. Альбеткова*.

На переплете — репродукции картин С. В. Герасимова «Лед прошел» и Н. Н. Ге «Пушкин и Пущин в селе Михайловском».

Художник И. И. Пчелко

В учебнике использованы иллюстрации художников: А. Лаптева, Н. Кузьмина, Кукрыниксов, Е. Рачева, Г. Мазурина, В. Юдина, Г. Фитингофа, М. Ромадина, Д. Шаринова.

Литература: 6 кл.: Учеб. для общеобразоват. учреждений/Л64 ний/Авт.-сост. В. П. Полухина.—3-е изд., испр. и доп.—М.: Просвещение, 1996.—447 с.: ил.—ISBN 5-09-007016-4.

Л 4306020300—111 план выпуска 1996 г.
103(03)—96

ББК 83.3я72

ISBN 5-09-007016-4

© Издательство «Просвещение», 1996
Все права защищены

МИФЫ НАРОДОВ МИРА

Глубокое проникновение в культуру прошлого и культуры других народов сближает времена и страны.

Д. С. Лихачев

Что такое мифы? Многие из вас уже знают, что это произведения, созданные фантазией народа, в которых рассказывается о происхождении мира и человека, а также о деяниях древних богов и героев.

Само слово «миф» — греческое и означает предание, сказание.

Мифы — это огромный пласт культурного развития всего человечества. Без знания мифов невозможно понять сюжеты многих картин, опер и балетов, поэтических произведений.

В хрестоматии вы продолжите знакомство с мифами древних народов мира.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Легенды и предания, сложенные древними греками, создавались в те далекие времена, когда люди только начинали вглядываться в окружающий их мир, только приступали к его исследованию и объяснению.

Одну за другой, мешая правду и вымысел, придумывали они и рассказывали друг другу удивительные истории: о том, как возник мир и что его наполняет; о том, почему по бурному морю бегут белые барашки-волны; о том, почему люди бывают то смелыми и мудрыми, то глупыми и трусливыми, или о том, откуда берется отголосок в лесу, точно повторяющий в тишине каждое громко сказанное слово.

Зачем же нам сейчас, спустя два с лишним тысячелетия, вспоминать древнегреческие мифы? Ведь мы знаем, что почти

все рассказываемое в них очень мало похоже на правду.

Тот, кто думает так, забывает одно важное обстоятельство: мифы созданы не каким-нибудь одним человеком — их на протяжении долгих веков творил, изменял, поправлял великий художник — греческий народ. В них он воплощал все, что было ему в те давние дни известно о мире, все свои заветные чаяния, свои огорчения и надежды. И мало-помалу мифы эти стали сокровищницей великолепных образов, прекрасными произведениями искусства.

Изображая своих богов и героев, древние греки с великим искусством воплощали в них самые лучшие и самые дурные свойства человека. Наряду с примерами благородного мужества, беззаветной отваги, крепкой дружбы и нежной любви мы находим в мифах вызывающие отвращение образы самой жалкой трусости, омерзительной жадности, коварства и вероломства.

Как живые глядят и сейчас на нас из этих древних преданий слагавшие их тысячелетия назад люди — простодушные, доверчивые, любопытные и по-своему мудрые. У них — зоркие глаза, чуткие уши, сильные и умелые руки, мужественные, закаленные в борьбе с невзгодами жизни сердца. Мы видим, как они жили в своих хижинах и дворцах, как они охотились и пасли стада, как воевали и веселились. Мы с глубоким интересом узнаем, что, страдая и радуясь, эти древние люди мечтали стать могучими и справедливыми, стремились побеждать врагов и покорять суровую природу.

Бесконечно давно, две с половиной тысячи лет тому назад, греческие дети, сидя на теплом песке у городских ворот или на каменных плитах храмов, слушали, как, нараспев, пощипывая в лад струны тихой кифары, слепые певцы-рапсоды начинали перед любопытными эти же самые удивительные повествования:

Слушайте, добрые люди, про то, что свершилось когда-то!
Древним сказаньям внимая, последуйте верным приметам:
Каждый, рожденный для жизни, быть может и смелым, и трусом;
Зло от добра отличать научиться должны мы сызмала!
Слушайте ж, добрые люди, рассказы неспешные старцев:
Каждый, кто в мире родится, свой подвиг исполнить обязан.
В жизни и вы поплывете, какплыли в морях аргонавты,—
Пусть же попутные ветры несут вас к намеченной цели!

*Из предисловия Л. Успенского
к книге «Двенадцать подвигов Геракла»*

ПОДВИГИ ГЕРАКЛА

В переложении Н. Куна

Геракл — в греческой мифологии — сын бога Зевса и смертной женщины Алкмены. Став взрослым, Геракл поселяется в городе Тиринфе и служит царю Эврисфею. Выполняя приказания Эврисфея, Геракл совершает двенадцать знаменитых подвигов.

Скотный двор царя Авгия (шестой подвиг)

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды, сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми, как снег, ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, посвященных богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Он считал, что невозможно выполнить такую работу в один день. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвел в него воду двух рек, Алфея и Пеней. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Пришел Геракл к Авгию требовать награды, но царь не отдал ему обещанной десятой части стад, и пришлось ни с чем вернуться Гераклу в Тиринф.

Страшно отомстил Геракл царю Элиды. Через несколько лет, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся с большим войском в Элиду, победил в кровопролитной битве Авгия и убил его смертоносной стрелой. После победы собрал Геракл войско и всю богатую добычу у города Писы, принес жертвы олимпийским богам и учредил Олимпийские игры¹, которые прово-

¹ *Олимпийские игры* — важнейшее из общегреческих празднеств, во время которого объявлялся во всей Греции мир. За несколько месяцев до игр по всей Греции и греческим колониям рассылали послов, приглашавших на игры в Олимпию. Игры справлялись раз в четыре года. На них происходили состязания в беге, борьбе, кулачном бою, бросании диска и копья, а также состязания колесниц.

дились с тех пор каждые четыре года на священной равнине, обсаженной самим Гераклом оливами, посвященными богине Афине-Палладе.

Геракл отомстил и всем союзникам Авгия. Особенно же поплатился царь Пилоса Нелей. Геракл, придя с войском к Пилосу, взял город и убил Нелея и одиннадцать его сыновей. Не спасся и сын Нелея Периклимен, которому дал властитель моря Посейдон дар обращаться в льва, змею и пчелу. Геракл убил его, когда, обратившись в пчелу, Периклимен сел на одну из лошадей, запряженных в колесницу Геракла. Один лишь сын Нелея — Нестор остался в живых. Впоследствии прославился Нестор среди греков своими подвигами и великой мудростью.

Яблоки Гесперид (двенадцатый подвиг)

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый подвиг. Геракл должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа Геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок Гере в день ее свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз.

Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошел он все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути в сады Гесперид. Пришел Геракл на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные, беспредельные воды реке Эридану. На берегах Эридана с почетом встретили сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады Гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вешего старца Нерея, когда он выйдет на берег из морской

Победители на играх получали в награду оливковый венок и пользовались великим почетом. Греки вели летосчисление по Олимпийским играм, считая первыми игры, происходившие в 776 г. до н. э. Существовали Олимпийские игры до 393 г. н. э., затем они были запрещены императором Феодосием, как несовместимые с христианством. Через 30 лет император Феодосий II сжег храм Зевса в Олимпии и все роскошные здания, украшавшие то место, где происходили Олимпийские игры. Они обратились в развалины и постепенно были занесены песком. Только раскопки XIX и XX вв. дали возможность получить представление об Олимпийских играх того времени.

пучины, и узнать у него путь к Гесперидам; кроме Нерее никто не знал этого пути. Геракл долго искал Нерее. Наконец удалось ему найти старца на берегу моря. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с ним. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные образы, но не выпускал его герой. Наконец он связал утомленного Нерее, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в сады Гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далекий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей, и богини земли Геи. Антей заставлял всех путников бороться с ним, и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Нельзя было победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы все новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает ослабевать, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы; он черпал их у матери, великой богини земли. Но стоило только оторвать Антея от земли и поднять его на воздух, как исчезали его силы. Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко на воздух; иссякли силы сына Геи, и Геракл задушил его.

Дальше пошел Геракл и пришел в Египет. Там, утомленный длинным путем, уснул он в тени небольшой рощи на берегу Нила. Увидел спящего Геракла царь Египта Бусирис, сын Посейдона и дочери Эпафа Лисианассы, и велел связать спящего героя. Он хотел принести Геракла в жертву отцу его Зевсу. Девять лет был неурожай в Египте. Пришедший с Кипра прорицатель Фрасий предсказал, что прекратится неурожай только в том случае, если будет Бусирис ежегодно приносить в жертву Зевсу чужеземца. Бусирис велел схватить прорицателя Фрасия и первым принес его в жертву. С тех пор жестокий царь приносил в жертву громовержцу всех чужеземцев, которые приходили в Египет. Привели к жертвеннику и Геракла, но разорвал великий герой веревки, которыми был связан, и убил у жертвенника самого Бусириса и сына его Амфидаманта. Так был наказан жестокий царь Египта.

Много еще пришлось встретить Гераклу на пути своем опас-

ностей, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О, великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл. — Я — сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса, — ответил Атлас, — ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на мое место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл все его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками.

Вернувшись, Атлас сказал герою:

— Вот три яблока, Геракл: если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты поддержи до моего возвращения небесный свод; потом я встану опять на свое место.

Геракл понял хитрость Атласа, понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжелого труда, и против хитрости применил хитрость.

— Хорошо, Атлас, я согласен! — ответил Геракл. — Только позволь мне прежде сделать себе подушку, я положу ее на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на свое место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук и колчан со стрелами, взял палицу и золотые яблоки и сказал:

— Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками Гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушел от титана, и снова пришлось Атласу держать, как и прежде, на могучих плечах небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, дочери Зевса Афине-Палладе. Афина вернула яблоки Гесперидам, чтобы вечно оставались они в их садах.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы. Но недолго оставался там сын Зевса. Ждали его новые подвиги. Он отдал жену свою Мегару в жены своему другу Иолаю, а сам ушел опять в Тиринф.

Но не одни победы ждали его, были у Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его богиня Гера.

Вопросы и задания

I. Прочитайте про остальные подвиги Геракла, а также другие легенды о его жизни, смерти и принятии в число олимпийских богов и ответьте на следующие вопросы:

1. Кто такая богиня Ата? С каких пор она стала жить среди людей?
2. Почему разгневалась богиня Артемида, когда Геракл ранил керинейскую лань, и каким образом ему удалось помириться с богиней?
3. Как Геракл отблагодарил Адмета за гостеприимство?
4. «Не одни победы ждали его, были у Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его богиня Гера». Какие беды ждали Геракла? За что преследовала его богиня Гера?

5. Рассмотрите иллюстрацию «Подвиги Геракла», на которой изображены все 12 подвигов героя. Расскажите, какой эпизод из каждого подвига нарисовал художник.

II. Часто в речи употребляются имена, названия, образные выражения, заимствованные из древнегреческой мифологии. Говорят о «титанической борьбе», «паническом страхе», «олимпийском спокойствии», «муках Тантала», «сизифовом труде». Прочитайте самостоятельно легенды и мифы «Борьба богов-олимпийцев с титанами», «Олимп», «Пан», «Мидас», «Пандора», «Сизиф», «Прометей», «Тантал», и вы поймете значение этих и других образных выражений.

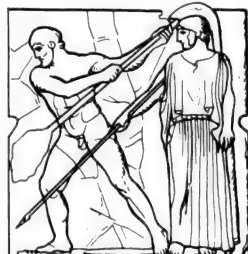
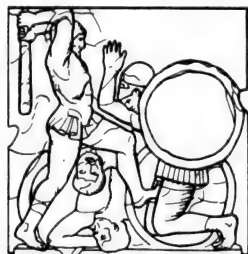
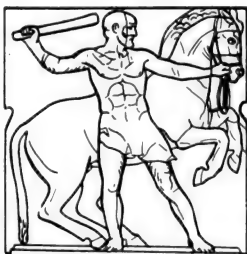
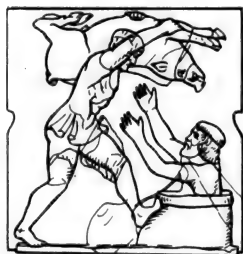
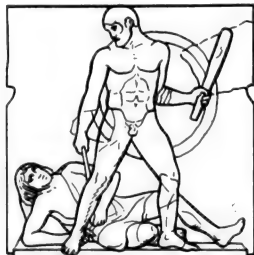
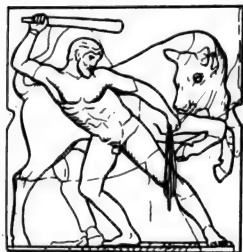
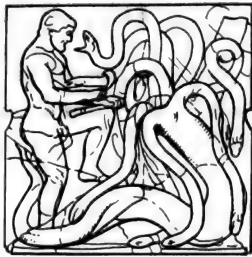
III. Древнегреческая мифология питала творчество поэтов и художников многих народов мира. Русские писатели, художники и композиторы тоже обращались к этому источнику. Выдающийся русский скульптор Ф. П. Толстой создал скульптуру «Сон Морфея», К. П. Брюллов написал некоторые картины на сюжеты античной мифологии («Встреча Аполлона и Дианы», «Сатурн и Нептун на Олимпе»), В. А. Серов написал картину «Похищение Европы».

1. Прочитайте самостоятельно миф о похищении Европы и подготовьте сообщение, используя репродукцию картины В. Серова «Похищение Европы».

2. Скульптурными группами и отдельными статуями на сюжеты древнегреческой мифологии украшены многие здания в Москве и Санкт-Петербурге: Большой театр, Адмиралтейство, Государственный Эрмитаж, аллея Летнего сада в Санкт-Петербурге, дворцы, дома и сады подмосковных дворянских усадеб XVIII в. — Куково, Останкино, Архангельское и другие.

3. Вспомните, какие произведения на сюжеты древнегреческой мифологии вы видели. Чем они вам запомнились?

4. Названия многих планет Солнечной системы, звезд и созвездий взяты из античной мифологии, например: Юпитер, Сатурн, Марс. Вспомните другие названия.

Подвиги Геракла. Верхний ряд: немейский лев, лернейская гидра, стимфалийские птицы. Второй ряд: критский бык, керинейская лань, пояс царицы Ипполиты. Третий ряд: эрманийский вепрь, кони Дюмёда, великан Герион. Нижний ряд: золотые яблоки Гесперид, Кёрбер, очистка аэгиевых конюшен.

ЛЕГЕНДА ОБ АРИОНЕ

Эту легенду записал древнегреческий историк Геродот, который в своих трудах широко использовал мифы и сказания.

...Периандр был тираном¹ Коринфа. С ним-то, как говорят коринфяне, приключилось в жизни величайшее диво. Арион из Мегимны был вынесен на дельфине из моря у Тенара. Это был несравненный кифаред² своего времени и, насколько я знаю, первым стал сочинять дифирамб³, дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе.

Этот-то Арион большую часть времени своей жизни провел у Периандра и затем решил отплыть в Италию и Сикелию. Там он нажил великое богатство, потом пожелал возвратиться назад в Коринф. Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял больше коринфян, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали злое дело: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его сокровищами. Арион же, догадавшись об их умысле, стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велели Ариону либо самому лишить себя жизни, чтобы быть погребенным в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком отчаянном положении Арион все же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачась в полный наряд певца, взял кифару и, стоя на корме, исполнил торжественную песнь. Затем он, как был во всем наряде, ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару. Арион вышел на берег и в своем наряде певца отправился в Коринф. По прибытии туда он рассказал все, что с ним случилось. Периандр же не поверил рассказу и велел заключить Ариона под стражу и никуда не вы-

¹ *Ти́ран* — в Древней Греции и в средневековых городах-государствах Италии — единоличный правитель.

² *Кифаре́д* — тот, кто играет на кифаре, музыкальном инструменте древних греков, родственном лире.

³ *Дифира́мб* — преувеличенная, восторженная похвала.

пускать, а за корабельщиками внимательно следить. Когда же те прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и спросил, что им известно об Арионе. Корабельщики отвечали, что Арион живет и здравствует где-то в Италии и они-де оставили его в Таранте в полном благополучии. Тогда внезапно появился Арион в том самом одеянии, в каком он бросился в море. Пораженные корабельщики не могли уже отрицать своей вины, так как были уличены. Так рассказывают коринфяне и лесбосцы. А на Тенаре есть небольшая медная статуя — жертвенный дар Ариона, изображающая человека на дельфине.

В о п р о с ы

1. Почему Арион просит корабельщиков «позволить ему спеть в полном наряде певца»?
2. Почему Арион был спасен дельфином?

МИФЫ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Наши далекие предки представляли силы природы в виде живых существ, которые, как считали древние люди, могли помогать человеку, а если их рассердить, то творили зло. Мы и сейчас говорим: солнце с е л о, з а ш л о за тучу, хотя вовсе не представляем его в виде могучего божества, которое каждое утро побеждает тьму. Мы говорим: ветер д у е т, земля п л о д о р о д н а я, гроза с в и р е п с т в у е т, дождь и д е т. Так в нашем языке сохранились следы мифологических представлений.

Древние славяне поклонялись богу Сваро́гу. Он считался владыкой Вселенной. Во мраке он возжигал пламя молний, разбивая ими тучи. Он дал жизнь Солнцу. Поэтому Сварог представлялся отцом Солнца — Дажьд-бога. Родив Дажьд-бога и других светлых богов, Сварог ушел на покой, и миром стали править его дети.

Иногда Солнце представляли в виде царицы, одетой в пурпурные одежды зари и в сияющем венце лучей. В Иванов день¹ Солнце выезжает навстречу своему супругу Месяцу, пляшет и рассыпает по небу лучи. А с началом зимы Солнце и Месяц расходятся в разные стороны и не встречаются друг с другом до

¹ *Ива́нов день* (день Ивана Купалы) — народный праздник, отмечавшийся в день летнего солнцестояния.

самой весны. Солнце не знает, где живет и что делает Месяц, а он ничего не ведает про Солнце. Весной же они встречаются и долго рассказывают друг другу о том, где были и что видели.

Славяне представляли, что жилище Солнца находится на востоке. Там, в стране вечного лета, стоит его золотой дворец, оттуда выезжает оно поутру в своей золотой колеснице. Солнцевы девы расчесывают его золотые лучи и умывают его, тогда на землю льется благодатный дождь.

Другой сын Сварога — Перун, бог грома и молнии. Он мечет свои стрелы-молнии, мощной палицей разбивает тучи, гром выражает его гнев, по всему небу развевается его одежда и борода, ветры и бури — его дыхание.

Могучий и деятельный летом, Перун умирает на зиму. Морозы запечатывают его громовые уста, палица-молния выпадает из его ослабевших рук, и бог всю зиму покоится в гробе-туче. Когда же вернутся из теплых стран птицы, Перун разбивает свою темницу и сбрасывает с высоты врагов. Богатырский конь переносит его в мгновение ока в любое место, мощными копытами побивает врагов. Перуну служат быстролетные сокол и орел, остроклювый ворон, петух, возвещающий утро. Земные травы крапива и чертополох напоминают о его стрелах. Могучие дубы, похожие на тучи, считались священными.

Перун посылает дожди, от него зависит урожай, а значит — жизнь. Он покровитель земледелия и кузнечного дела. Как Перун плугом-грозой вспахивает облачное небо, разбрасывает семя дождя, гремит палицей, так и человек на земле возделывает пашню, кует плуги и топоры. Как Перун побеждает темные силы, так и пахарь ведет вечный бой с засухой или холодом. Поэтому в древнерусском языке родственны слова: оратай (пахарь) и рать (войско). А Перун не только бог грома и молнии, но и покровитель воинов. Перун стал главным, старшим богом. Его изображали в виде бородатого могучего старика с палицей.

Богом весеннего солнца был Ярило. В его имени есть и яркость, и ярость. Его представляли молодым и прекрасным. Одетый в белые одежды, он едет на белом коне. На голове его венки из весенних цветов, в руке — горсть ржаных колосьев. И куда он ступит своими босыми ногами — там тотчас вырастет густая рожь. Ярило — покровитель любви, плодородия.

Самое страшное, враждебное человеку божество — Морана, богиня ночи, зимы, смерти. От этого имени вошли в наш язык

слова мрак, мор, смеркаться. Славяне представляли, что Морана живет на севере, в недрах покрытых вечными снегами скал. Она всеильна, но светлые боги заключают ее в оковы с приходом весны. Поэтому, встречая весну, славяне сжигали чучело Мораны. Но кончается лето — и возвращается злая Морана. Так происходит вечная борьба между светлыми и темными богами за власть над миром.

НАРОДНЫЙ МИФ О СОЛНЦЕ

Лежала Мать-Сыра-Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму крошечную на Мать-Сыру-Землю, хороша ль, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землею, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло солнце красное. И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света.

Мать-Сыра-Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам ее... Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого, и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, темными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озерами...

Пила она жаркие поцелуи Ярилины, и из недр ее вылетали поднебесные птицы, из вертепов выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплавала рыба, в воздухе затолклись мелкие насекомые, мушки да мошки.

И все жило, и все любило, и все пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой-Земле. Потом Земля породила человека. И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжей — яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громами, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе встrepенулась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и на речь отца громовую отвечал вещим словом, речью крылатою... И услыша то слово и узрев

царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки перед ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра-Земля стала тосковать, боясь, что все замерзнет. Ярило утешил ее, сказав, что опять вернется, а пока для поддержания тепла на земле послал Огонь.

Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня. Оттого наши праотцы сжигали умерших — заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А потом стали отдавать мертвецов их матери — опуская их в ложе ее, т. е. зарывая в землю. Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники совершались в долгие летние дни, когда Солнце, не укорачивая ход, начинает расставаться с Землею...

Из романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Древние индийцы, как и другие народы мира, тоже интересовались происхождением Земли и всего живого.

В индийской мифологии существует несколько версий сотворения мира. Одной из наиболее распространенных является версия происхождения мира из космического яйца. Верховное божество Брахма творит Вселенную из этого яйца.

Вот как об этом рассказано в мифах.

ТВОРЕНИЕ

Вначале не было ничего. Ни солнца, ни луны, ни звезд. Только воды простирались беспредельно. Воды породили огонь. Великой силой тепла в них зародилось Золотое Яйцо. Тогда еще не было года, ибо некому было отмерять время, но столько, сколько длится год, плавало Золотое Яйцо в безбрежном океане. Через год из Золотого Яйца возник Прародитель Брахма. Он разбил Яйцо, и оно раскололось надвое. Верхняя половина его стала Небом, нижняя — Землею, а между ними, чтобы разделить их, Брахма поместил воздушное пространство. И он утвердил землю среди вод, и создал страны света, и положил начало времени. Так была создана Вселенная.

Но тогда творец оглянулся вокруг и увидел, что нет никого,

Бог солнца Сूरья. Индия. XIII в.

кроме него, и ему стало страшно. С той поры страх приходит ко всякому, кто остается один. Но Брахма помыслил: «Ведь здесь нет никого, кроме меня. Кого же мне бояться?» И страх его прошел, ибо страх может быть перед кем-то другим. Но и радости не

ведал он. И потому тот, кто пребывает один, не знает радости.

И Брахма решил сотворить потомство. От его сыновей произошли боги и демоны, люди, птицы и змеи, исполины и чудовища, коровы и другие животные, населившие небеса, землю и подземный и подводный миры.

СКАЗАНИЕ О СОЗДАНИИ НОЧИ

Первых людей звали Яма и Ями. Когда Яма умер, его сестра Ями проливала безутешные слезы, и не было конца ее горю. На все уговоры она отвечала: «Но ведь он умер только сегодня!» Тогда еще не было ни дня, ни ночи. Боги сказали: «Так она его никогда не забудет! Давайте сотворим ночь». И они создали ночь. И ночь прошла, и настало утро. И Ями утешилась и забыла о своей горе. Потому говорят: «Череда ночи и дня приносит забвение горя».

З а д а н и е

Вспомните русские пословицы или поговорки, которые имеют такой же смысл.

СКАНДИНАВСКИЕ МИФЫ

На самом севере Европы, в суровых скандинавских скалах жили трудолюбивые и воинственные предки нынешних шведов, норвежцев, датчан, немцев. Они сложили поэтические предания о возникновении мира, о том, как боги победили великанов и создали людей. В скандинавских мифах рассказывается, что землей правит мудрый и справедливый бог Один. Ему и другим богам приходится постоянно вести борьбу с великанами, которые олицетворяют темные силы. Великаны могущественны: им подчиняются огонь и вода, они владеют древним чародейством. Поэтому борьба с ними трудна и опасна.

Прочитайте один из скандинавских мифов.

СКАЗАНИЕ О ПУТЕШЕСТВИИ ТОРА В УТГАРД

Бог грома и молнии Тор постоянно сражался с великанами на востоке. Он слышал, что там, в стране великанов, есть чудесное королевство Утгард, где живут могущественные, непобедимые

Тор с молотом. Бронзовая статуэтка.
Около 1000 г. Исландия.

Вариант картины мира. Памятный
камень с о. Готланд. V—VI вв.

волшебники. Ему захотелось испытать свою силу. И он стал собираться в дорогу. Его сопровождали бог огня Лóки и двое служителей — Тьяльви и сестра его Рёсква. Путь был долгий.

Однажды путники заночевали в дремучем лесу. Они нашли хижину с очень широким входом и легли спать. Вдруг ночью слышались раскаты грома, и вся хижина затряслась. Путники нашли в хижине маленькую пристройку и забились туда, а Тор встал у входа с молотом в руках. Всю ночь земля сотрясалась от грохота. Наутро Тор вышел из хижины и увидел спящего великана. От его храпа тряслась земля. Тор уже хотел метнуть в великана

свой волшебный молот, но тот проснулся и встал на ноги. Он был так огромен и страшен, что Тор не решился сражаться с ним, а только спросил великана, как его зовут.

— Меня зовут Скрюмир,— отвечал тот.— А о твоём имени мне не нужно и спрашивать: ты, конечно, Тор. Но куда же девалась моя рукавица?

Он нагнулся, и Тор увидел, что хижина, в которой они провели ночь, была рукавица великана, а небольшая пристройка — её большой палец.

Узнав, куда направляется Тор со спутниками, великан предложил им идти вместе. Котомку Тора с едой он положил в свой мешок, затянул его ремнем, и путники отправились. Великан шел так быстро, что Тор едва поспевал за ним. Только под вечер Скрюмир остановился и улегся под огромным дубом.

— Я так устал,— сказал он,— что не хочу есть, а вы развяжите котомку и берите, что вам надо.

И он тут же захрапел. Тор хотел открыть котомку, но, несмотря на свою силу, не смог развязать ремней. Голодный и злой, он подошел к Скрюмиру и с размаху ударил его по голове молотом. Он почувствовал, что молот глубоко ушел в голову великана, но тот приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Кажется, на меня с дерева лист упал? Ну что, Тор, вы уже поужинали? Ложитесь спать, завтра предстоит долгий путь.

И он опять захрапел. А Тор не мог уснуть от голода и гнева. Он встал и опять ударил Скрюмира по голове. Но тот потянулся и проговорил:

— Опять на меня что-то упало. Наверное, желудь. Спите, еще ночь.

В первый раз Тор встретил великана, против которого оказался бессильным его волшебный молот. И когда начало светать, он решил еще раз попытаться. Он изо всей силы ударил Скрюмира молотом в висок, так что молот чуть не по рукоятку ушел в голову исполина. Великан проснулся, провел рукой по виску и сказал:

— Неудачное место я выбрал для ночлега: опять на меня что-то упало, наверное, сучок. Эй, Тор! Пора вставать, уже рассвело.

Он развязал свою котомку, и путешественники, удивленно переглядываясь, сели завтракать и поели за два дня сразу. Потом они пошли дальше. Расставаясь с ними на опушке леса, Скрюмир показал им дорогу в Утгард и посоветовал не слишком надеяться на свои силы.

Около полудня боги увидели впереди огромный замок, окруженный высокой железной решеткой. Ворота были закрыты, но прутья решетки так далеко отстояли друг от друга, что все четверо легко пролезли между ними. Тор смело распахнул двери замка, и они вошли и скоро оказались в огромном зале, посреди которого сидел сам король — Утгард-Локи, а вокруг него стояло много великанов.

— Привет тебе, Тор! — сказал король. — Я рад видеть тебя и твоих спутников. Но по нашему закону здесь имеют право быть только те, кто занял в каком-нибудь деле первое место. Чем вы можете похвалиться?

— В нашей стране, — сказал бог огня Локи, — нет никого, кто ел бы быстрее меня.

— Если это так, — сказал король, — ты будешь окружен почетом. Но проверим, устроим тебе состязание с моим слугой.

В зал внесли огромное корыто с мясом. Локи и великан сели друг против друга и начали есть. Через несколько минут они встретились как раз посредине корыта, но Локи съел только мясо, а великан — и мясо, и кости, да и полкорыта. Поэтому он был объявлен победителем.

— Не очень-то быстро едят боги, — с насмешкой сказал король. — Ну, а что умеет делать этот юноша, Тьяльви?

— Говорят, что я бегаю быстрее всех, — сказал Тьяльви, удивленный тем, что король знает его имя.

— Хорошо, — сказал король. — Проверим и это.

Все вышли из замка, и на ровном лугу Тьяльви должен был бежать вперегонки с одним из великанов. В первый раз великан обогнал его на шаг. Во второй — на расстояние полета стрелы. А в третий не успел Тьяльви сделать первые шаги, как его соперник был уже у цели.

— Видно, что у вас бегают так же, как и едят, — усмехнулся король.

— Ну а ты, Тор, что умеешь делать?

— Среди богов никто не может пить столько, сколько я, — отвечал Тор.

Король приказал своему виночерпию, и тот поднес Тору длинный рог, до краев наполненный водой. Рог не показался Тору очень большим. Он стал пить, но увидел с удивлением, что воды в нем не убывает. У Тора даже дыхание перехватило, а воды убавилось совсем чуть-чуть.

— Плохо ты пьешь,— сказал король.— Придется тебе показать свое искусство в чем-нибудь другом.

— Я берусь побороться с любым из вас! — воскликнул Тор.

— Прежде чем бороться с нами, попробуй силу на моей старой кормилице. Если ты ее поборешь, значит, ты не так слаб и можешь состязаться с настоящими мужчинами.

Вошла дряхлая, сморщенная старуха и спросила короля, что ему надо. Король попросил ее побороться с гостем. Тор схватил старуху поперек туловища и хотел сразу же положить ее на обе лопатки, но она устояла и с такой силой сжала его руками, что у него перехватило дыхание. Чем больше старался Тор, тем крепче становилась старуха. Внезапно она сделала ему подножку, и не ожидавший этого бог грома упал на одно колено.

Король сказал:

— Ну, Тор, теперь ты сам видишь, что тебе незачем меряться с нами силою, не можешь ты оставаться в моем замке. Но я все же гостеприимный хозяин и не отпускаю вас голодными.

Тор молча опустил голову. Ему стало стыдно. Король на славу угостил своих гостей и пошел их провожать. Когда они вышли из замка, он спросил Тора, понравилось ли ему в Утгарде.

— У вас мне понравилось,— отвечал Тор.— Но еще ни одно мое путешествие не кончалось так бесславно.

— А я, Тор, даже и не подозревал, что ты так могуч,— улыбаясь, сказал король.— Теперь я могу сказать тебе, что ты с самого начала был обманут. Великан Скрюмир, повстречавшийся тебе в лесу, был я сам. Мою котомку ты не открыл потому, что ремни ее были заклепаны железом. Когда ты бил меня молотом по голове, я подсунил тебе вместо себя обломок скалы. Может быть, ты заметил в моем замке большой камень с тремя глубокими впадинами? Это следы твоих ударов. Локи ел очень быстро, но великан, с которым он состязался, был сам огонь, а огонь прожорливее всех на свете. Тьяльви замечательный бегун, но он состязался с мыслью, а мысль быстрее любого бегуна. Рог, из которого ты пил, был соединен другим концом с мировым морем. Осушить это море, конечно, нельзя, но ты выпил из него столько воды, что оно обмелело, как при сильнейшем отливе. Самое трудное испытание ты выдержал тогда, когда боролся со старой кормилицей. Она — сама старость. Ты знаешь, что она любого человека кладет на обе лопатки, ты же упал перед нею только на одно колено. Теперь, Тор, я убедился в твоей силе и от всей души желаю больше никогда тебя не видеть. Прощай!

Весь красный от охватившего его гнева, Тор схватил свой молот, но король внезапно исчез. Исчез и его замок, и на том месте, где он стоял, простиралось зеленое поле.

МИФЫ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ

О мифах индейцев мы узнаем из поэмы американского поэта Гэбриэля Лонгфелло «Песнь о Гайавате». Лонгфелло так сказал о своей поэме: «Я написал ее на основании легенд, господствующих среди североамериканских индейцев. В них говорится о человеке чудесного происхождения, который был послан к ним расчистить их реки, леса и рыболовные места и научить народы мирным искусствам. У разных племен он был известен под разными именами... В это старое предание я вплел и другие интересные индейские легенды... Действие поэмы происходит в стране Оджибуэев, на южном берегу Верхнего Озера, между Живописными Скалами и Великими Песками».

Гайавата и Деганавида перед Атотархо. Рисунок индейского художника 1-й пол. XIX в.

Г. ЛОНГФЕЛЛО. 1807—1882

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

(перевод с англ. И. А. Бунина)

Трубка Мира

На горах Большой

Равнины,

На вершине Красных Камней,

Там стоял Владыка Жизни,

Гйтчи Мánито могучий,

И с вершины Красных Камней

Созывал к себе народы,

Созывал людей отовсюду.

От следов его струилась,

Трепетала в блеске утра

Речка, в пропасти скрываясь,

Ишкудой¹, огнем сверкая.

И перстом Владыка Жизни

Начертал ей по долине

Путь излучистый, сказавши:

«Вот твой путь отныне будет!»

От утеса взявши камень,

Он слепил из камня трубку

И на ней фигуры сделал.

Над рекою, у побережья,

На чубук тростинку вырвал,

Всю в зеленых длинных

листьях;

Трубку он набил корою,

Красной ивовой корою,

Идохнул на лес соседний.

От дыханья ветви шумно

Закачались и, столкнувшись,

Ярким пламенем зажглись;

И, на горных высях стоя,

Закурил Владыка Жизни

Трубку Мира, созывая

Все народы к совещанью.

Дым струился тихо, тихо

В блеске солнечного утра:

Прежде — темною полоской,

После — гуще, синим паром,

Забелел в лугах клубами,

Как зимой вершины леса,

Плыл все выше, выше, выше,—

Наконец коснулся неба

И волнами в сводах неба

Раскатился над землею.

Из долины Тавазэнта,

Из долины Вайоминга,

Из лесистой Тоскалузы,

От Скалистых Гор далеких,

От озер Страны Полночной

Все народы увидали

Отдаленный дым Покваны,

Дым призывный Трубки Мира.

И пророки всех народов

Говорили: «То Поквана!

Этим дымом отдаленным,

Что сгибается, как ива,

Как рука, кивает, манит,

Гитчи Манито могучий

Племена людей сзывает,

На совет зовет народы».

Вдоль потоков, по равнинам,

Шли вожди от всех народов,

Шли Чокто́сы и Комáнчи,

Шли Шошóны и Омóги,

Шли Гурóны и Мэндэ́ны,

Делавэ́ры и Могóки,

Черноно́гие и Пóны,

Оджибве́и и Дакóты² —

¹ *Ишкуда* — по-индейски — огонь.

² Это все названия индейских племен.

Шли к горам Большой
Равнины,
Пред лицо Владыки Жизни.

И в доспехах, в ярких
красках,—

Словно осенью деревья,
Словно небо на рассвете,—
Собрались они в долине,
Дико глядя друг на друга.
В их очах — смертельный

вызов,
В их сердцах — вражда
глухая,

Вековая жажда мщения —
Роковой завет от предков.

Гитчи Манито всесильный,
Сотворивший все народы,
Поглядел на них с участием,
С отчей жалостью, с любовью,—
Поглядел на гнев их лютый
Как на злобу малолетних,
Как на ссору в детских играх.

Он простер к ним сень
десницы¹,
Чтоб смягчить их нрав упорный,
Чтоб смирить их пыл безумный
Мановением десницы.

И величественный голос,
Голос, шуму вод подобный,
Шуму дальних водопадов,
Прозвучал ко всем народам,
Говоря: «О дети, дети!
Слову мудрости внимлите²,
Слову кроткого совета
От того, кто всех вас создал!

Дал я земли для охоты,
Дал для рыбной ловли воды,

Дал медведя и бизона,
Дал оленя и косулю,
Дал бобра вам и казарку;
Я наполнил реки рыбой,
А болота — дикой птицей;
Что ж ходить вас заставляет
На охоту друг за другом?
Я устал от ваших распрей,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,
От молитв о кровной мести.
Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилие — в разладе.
Примиритесь, о дети!
Будьте братьями друг другу!

И придет Пророк на землю,
И укажет путь к спасенью;
Он наставником вам будет,
Будет жить, трудиться с вами.
Всем его советам мудрым
Вы должны внимать покорно —
И умножатся все роды,
И настанут годы счастья.
Если ж будете вы глухи —
Вы погибнете в раздорах!

Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови;
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня,
Тростников для них нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь как братья!»

Так сказал Владыка Жизни.
И все воины на землю
Тотчас скинули доспехи,

¹ Сень — по-древнерусски — тень, десница — правая рука.

² Внемлите — старинное слово, означает: услышьте, слушайте.

Сняли все свои одежды,
Смело бросились в реку,
Смыли краски боевые.

Светлой, чистою волною
Выше их вода лилася —
От следов Владыки Жизни.
Мутной, красною волною
Ниже их вода лилася,
Словно смешанная с кровью.

Смывши краски боевые,
Вышли воины на берег,
В землю палицы зарыли,
Погребли в земле доспехи.

Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
Встретил воинов с улыбкой.

И в молчанье все народы
Трубки сделали из камня,
Тростников для них нарвали,
Чубуки убрали в перья
И пустились в путь обратный —
В ту минуту, как завеса
Облаков заколебалась
И в дверях отверстых неба
Гитчи Манито сокрылся,
Окружен клубами дыма
От Покваны, Трубки Мира.

З а д а н и е

Вы прочитали первую главу произведения. Постарайтесь прочитать всю «Песнь о Гайавате», и вы узнаете о чудесном рождении Гайаваты, о его жизни и подвигах, познакомитесь с мифами индейцев.

Д л я с а м о с т о я т е л ь н о й р а б о т ы

Вы познакомились с мифами разных народов мира. И конечно, почувствовали, что мифы похожи на сказки. Как по-вашему, зачем люди создавали мифы? Какие из приведенных далее определений вы отнесете к мифу, какие — к сказке? А какие характеризуют оба вида народного творчества?

1. Художественное произведение, созданное народной фантазией.
2. Произведения объясняют явления природы, поучают людей, как они должны жить.
3. Действие происходит в вымышленном мире (в тридевятом царстве), герои и события — плод фантазии.

А теперь постарайтесь сделать вывод: что такое мифы. Проверьте себя по словарю литературоведческих терминов.

II

ЗНАКОМСТВО С БИБЛИЕЙ

...Книга сия называется Евангелием,— и такова ее вечно новая прелесть, что если мы... случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению.

А. С. Пушкин

Наше летосчисление начинается с Рождества Христова, о котором рассказывается в Библии.

Библия (по-гречески это слово означает «книга») по времени своего происхождения разделяется на Ветхий Завет и Новый Завет. Те священные книги, которые написаны до Рождества Христова, называются Ветхим Заветом, а те, которые написаны после Рождества Христова, называются Новым Заветом.

В Библии рассказывается, как в незапамятные времена Бог создал человека и потом заключил с ним завет.

Слово «завет» означает «договор», «союз». Лица, вступающие в договор или союз, дают друг другу обещания, и завет между Богом и человеком заключает в себе также взаимные обещания Бога человеку и человека Богу.

В Ветхом Завете Бог через пророчества обещал людям Божественного Спасителя, а люди должны были верить в это обещание и готовиться принять Избавителя.

Вы прочитаете отрывки из Нового Завета, из Евангелия. Слово «евангелие» — греческое, оно означает «радостная весть». О чем же эта весть? О том, что Бог любит людей и хочет их спасти от зла, и для этого Он послал на землю Своего Сына — Иисуса Христа. Четыре ученика Христа — Матфей, Марк, Лука и Иоанн — рассказали о Его жизни и учении. И с тех пор, вот уже почти две тысячи лет, личность Иисуса, Его судьба и Его проповеди не перестают волновать людей.

Английский писатель Чарлз Диккенс сказал: «Новый Завет

есть лучшая книга, какую когда-либо знал или будет знать мир».

Перенесемся и мы в ту эпоху, когда происходили события, описанные в Евангелии, в маленькую страну Иудею, расположенную между Средиземным и Мертвым морями. Это гористая и бесплодная земля с редкими оазисами-городами. В центре ее — древний город Иерусалим, окруженный могучими стенами и глубоким рвом. Самое красивое здание в городе — храм, куда стекались многочисленные паломники¹.

После трехлетней гражданской войны трон в Иудее захватил Ирод. Римляне, под властью которых находилась Иудея, даровали ему титул царя. Больше всего Ирод боялся потерять власть, и это сделало его подозрительным и жестоким. Везде ему чудился заговор, и казни следовали одна за другой. Народ ненавидел Ирода. Измученные поборами римлян, бесконечными мятежами и несправедливостью властителей, люди жили в ожидании Посланника Божьего. Посланник по-еврейски — Мессия, а по-гречески — Христос. Люди представляли Его себе как великого воина, который сожжет старый мир зла и установит Царство Добра, где исчезнут несправедливость и страдания, где не будет слез и печали.

В Евангелии рассказывается, что Христос действительно пришел в мир, но совсем не в виде могучего воина или грозного царя, а родился у простой женщины Марии, жены плотника Иосифа.

РОЖДЕСТВО ИИСУСА ХРИСТА

Римский император Август велел сделать перепись населения в завоеванных землях. Для этого каждому жителю надо было пойти в город своих предков. Отправился и Иосиф с Марией в город Вифлеем, откуда он был родом. Иосиф шел пешком, Мария ехала на осле. А путь был неблизкий, да еще через горы. И шли они много дней.

Усталые путники добрались, наконец, до Вифлеема и хотели остановиться в гостинице, но там не оказалось места. Хозяин предложил им переночевать в пещере, куда загоняли скот.

И здесь у Марии родился Сын. Она спеленала Его и положила в ясли, решетчатый ящик с сеном. И никто из людей не знал о

¹ Паломники — странствующие богомольцы.

пришествии Христа, только ослик и бычок смотрели на Младенца и согревали Его своим дыханием.

Недалеко от Вифлеема пасли свои стада пастухи. Вдруг они увидели яркое сияние, и посланник Бога сказал им: «Я возвещаю великую радость вам и всем людям. Ибо ныне родился Спаситель, Христос. Идите в город, и вы найдете Его лежащего в пеленах, в яслях».

Пастухи тотчас оставили стадо и пошли в Вифлеем. Там они нашли Марию, Иосифа и Младенца, лежащего в яслях. Они поклонились Младенцу и рассказали Марии и Иосифу о том, что им было возвещено. И Мария сохраняла все слова эти в своем сердце.

Потом пастухи вернулись к своим стадам, благодаря Бога за все, что они увидели и услышали.

Младенца называли Иисусом. Когда Ему исполнилось сорок дней, Мария и Иосиф понесли Его в Иерусалим, в храм, как полагалось по закону.

В то время жил в Иерусалиме очень старый человек Симеон, которому было предсказано, что он не умрет до тех пор, пока не увидит Христа. Симеон пришел в храм, когда родители принесли Иисуса, взял Его на руки, благословил Бога и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыка, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое!» Потом он благословил родителей Христа и сказал, что Иисусу предстоит великое дело и гибель ради спасения людей и что Марии «тоже оружие пройдет душу», то есть придется пережить самое страшное — смерть Сына.

А далеко на Востоке мудрецы, которых называли волхвами, увидели на небе новую звезду и поняли, что она возвещает рождение Великого Царя. Волхвы отправились в долгий путь, чтобы поклониться Ему. Они пришли в столицу — Иерусалим и стали спрашивать: «Где родившийся Царь Иудейский?» А царем Иудеи был в то время Ирод. Собрав своих священников, он спросил у них: «Где должен родиться Христос?» Они ответили: «По древним пророчествам — в Вифлееме». Тогда Ирод выведал у волхвов, когда появилась звезда, чтобы знать время рождения Младенца. Ирод сказал волхвам: «Пойдите в Вифлеем, хорошенько все узнайте о Младенце и потом расскажите мне, чтобы и я пошел поклониться Ему». На самом же деле он хотел убить Младенца, потому что боялся лишиться власти.

Волхвы пошли в Вифлеем, а звезда все шла впереди них и остановилась над местом, где был Младенец. Волхвы обрадова-

Поклонение волхвов. Фреска¹ Успенского собора Московского Кремля. Конец XV — начало XVI вв.

лись, вошли в дом, увидели Младенца с Марией, матерью Его, и поклонились Иисусу. Они принесли Ему дары: золото — как Царю царей, ладан² — как Богу и смирну³ — как человеку.

Во сне волхвы получили повеление от Бога не возвращаться к Ироду, и они другим путем, минуя Иерусалим, возвратились в свою землю.

Когда волхвы ушли ночью, ангел сказал Иосифу: «Встань, возьми Младенца и мать Его и беги в Египет, и будь там, пока не скажу тебе, потому что Ирод хочет убить Младенца». Иосиф сразу же встал и той же ночью с Младенцем и Марией отправился в Египет.

А Ирод, поняв, что волхвы к нему не придут, разгневался и послал своих воинов убить всех детей до двух лет в Вифлееме. Великий плач и рыдание стояли в городе: это матери оплакивали своих детей и не могли утешиться.

¹ *Фрэска* — картина, написанная водяными красками по сырой штукатурке.

² *Лáдан* — ароматическая смола, душистый дым которой используется во время богослужения.

³ *Смíрна* — благовонная мазь, предохраняющая тело от тления.

После смерти царя Ирода ангел вновь явился Иосифу и велел возвращаться домой. Иосиф вернулся в свою страну и поселился в городе Назарете. Иосиф занимался своим ремеслом — он был плотником, Иисус помогал ему, рос и укреплялся духом, исполняясь премудрости.

От древних времен до наших дней дошел обычай наряжать елку на Рождество, петь песни, разыгрывать целые спектакли, где действуют пастухи, волхвы. В рождественские дни — Святки у славян было принято ходить ряжеными, кататься в санях.

А сколько прекрасных стихотворений и песен написано о Рождестве! Вот начало стихотворения Б. Л. Пастернака «Рождественская звезда»:

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было Младенцу в вертепе¹
На склоне холма.
Его согревало дыхание вола.
Домашние звери
Стояли в пещере.
Над яслями теплая дымка плыла...

Художники создавали картины, композиторы сочиняли музыку — о том, как мудрые старые волхвы поклонились Младенцу.

Вопросы и задание

1. В каких произведениях вы встречали упоминание о Рождестве?
2. Рассмотрите репродукции фрески «Поклонение волхвов» и иконы² Владимирской Богоматери. Какие слова из повествования о Рождестве Христа помогают понять эти произведения живописи?

* * *

В Библии рассказывается далее, что, когда Иисус вырос, он стал проповедовать людям свое учение.

Он выбрал себе двенадцать учеников — их называют апостолами — и ходил с ними из города в город.

Иисус рассказывал людям небольшие истории иносказательного характера — притчи — так, чтобы они были понятны каждому. Вот одно из таких повествований.

¹ *Вертеп* — здесь: пещера.

² *Икона* — живописное изображение Иисуса Христа, Богоматери и святых, являющееся предметом религиозного поклонения.

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ¹

У одного человека было два сына. Однажды младший сын сказал отцу: «Отец, дай мне мою часть наследства». Отец разделил имение, и младший сын, взяв свое, отправился в чужую страну. Там он жил весело, ни в чем себе не отказывал, и скоро денег у него не осталось.

А в это время настал голод в той стране. Юноша нанялся к одному из жителей пасти свиней. Он голодал и рад был, если ему удавалось поесть свиного корма.

И тут он опомнился и сказал: «Сколько работников у моего отца получают хлеб в изобилии, а я умираю от голода! Пойду я к отцу моему и скажу: «Отец, я согрешил против тебя и недостоин называться твоим сыном. Прости меня и прими в число наемников твоих».

Встал он и пошел к отцу. Отец еще издали увидел его, побежал навстречу, обнял и поцеловал его. Сын же сказал отцу: «Отец, я согрешил против тебя и недостоин называться твоим сыном!»

А отец приказал слугам: «Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги. И заколите откормленного тельца, станем пировать и веселиться. Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся». И начали веселиться.

Старший сын был в это время в поле. Возвратившись, он услышал пение и веселые голоса. Он спросил у одного из слуг: «Что это такое?» Слуга ответил: «Твой брат пришел, и отец твой заколол откормленного тельца, обрадовавшись, что он здоров».

Старший сын рассердился и даже не захотел войти в дом. Отец вышел и позвал его. Но сын сказал отцу: «Сколько лет я служу тебе, всегда слушался тебя, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями. А брат, растративший имение, пришел, и ты заколол для него откормленного тельца».

Отец же сказал ему: «Сын мой! Ты всегда со мной, и все, что есть у меня — твое. А брат твой был как бы мертв и ожил, пропадал и нашелся».

¹ Слово *блудный* — старинное. Оно означает: заблудший, совершивший ошибку, впавший в заблуждение.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему отец простил младшего сына?
2. Как вы понимаете слова отца, сказанные о младшем сыне: «был как бы мертв и ожил»?
3. Рассмотрите репродукцию картины великого голландского художника Рембрандта «Возвращение блудного сына». Расскажите о том, что вы увидели на картине.

ПРИТЧА О ДОБРОМ САМАРЯНИНЕ¹

Иисус учил: «Люби ближнего своего как самого себя». Один человек спросил у него: «А кто мой ближний?» В ответ Иисус рассказал ему притчу:

Некий человек шел из Иерусалима в Иерихон² и попался разбойникам, которые ограбили его, сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою же дорогой, увидел его и прошел мимо. Также шел помощник священника, подошел, посмотрел и прошел мимо. А потом проезжал этой дорогой самарянин, увидел его и сжался. Он подошел, перевязал ему раны, возливая масло и вино. И посадил на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем. А на другой день, отъезжая, вынул два динария³, дал содержателю гостиницы и сказал ему: «Позаботься о нем, и если издержишь денег больше, я, когда возвращусь, отдам тебе».

Иисус спросил человека: «Как ты думаешь, кто из этих троих был *ближним* попавшемуся разбойникам?» Человек ответил: «Оказавший ему милость». Тогда Иисус сказал ему: «Иди и ты поступай так же».

Вопросы и задание

1. Прочитайте в словаре литературоведческих терминов определение притчи. Почему приведенный рассказ о добром самарянине можно назвать притчей?
2. Кто, по-вашему, в «Притче о блудном сыне» не следовал словам Иисуса Христа «Люби ближнего своего как самого себя»?

¹ *Самарянин* — житель Самарии, области, расположенной к северу от Иерусалима. Иудеи считали самарян нечестивыми, смотрели на них свысока.

² *Иерихон* — город неподалеку от Иерусалима.

³ *Динарий* — римская монета, бывшая тогда в обращении.

III

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Древняя русская литература наполняет нас гордостью за наших далеких предшественников, учит нас с уважением относиться к их труду, борьбе, к их заботам о благе родины.

Д. С. Лихачев

О «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

На высоком берегу Днепра стояла столица Древней Руси — Киев. Золотые купола белокаменных храмов возвышались над маленькими домиками и над княжеским дворцом. Город был окружен крепкой стеной, а въезжали в него через Золотые ворота.

Во время правления князя Ярослава Мудрого Киев стал культурным центром Древней Руси. Князь любил читать и собирал многих книгописцев, которые переводили на русский язык греческие, болгарские и латинские книги. Тогда же стали создаваться летописи — описание событий по годам. «В лето (т. е. год) 1037...», «В лето 1038...» — так начинаются повествования в летописи.

Недалеко от Киева, в Киево-Печорском монастыре ученый монах Нестор составил первую историю Руси. Это самая древняя русская книга, которая дошла до нас. В ней повествуется о том, как жили славянские племена в незапамятной древности, о войнах и князьях, о крещении Руси и о многом другом.

Летописец описывает события своего времени и прошлых лет для того, чтобы люди знали, каким трудом и подвигами создавалась наша земля, и любили ее. Чтобы они учились жить, сравнивая настоящее с годами минувшими. Летописец прославляет защитников родной земли от врагов и осуждает тех князей, которые воевали со своими братьями. Славит он князя Владимира, который ввел на Руси христианство и приобщил страну к мировой культуре, князя Ярослава Мудрого, много сделавшего для просвещения Руси.

Сильвестр, монах Выдубецкого монастыря, пишет летопись.

Но не только князя, а и простые люди описаны в летописи. Это простой юноша, не только не князь, но даже и не дружинник — Кожемяка. Это безымянный старик в Белгороде. Храбростью, силой или хитростью победили они врагов.

В тихой келье при свете лампы неустанно пишет Нестор свой труд. Лежат на столе древние книги — огромные, в толстых кожаных переплетах с медными застежками. Они написаны от руки (печатать еще не умели) на тонко выделанной телячьей коже (бумаги тоже еще не знали). Скрипит гусиное перо в руке летописца, выводя заглавие книги: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве начал первее княжить, и откуда Русская земля стала есть». В наше время это звучит так: «Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве начал первым княжить и как возникла Русская земля».

Оживают под пером летописца события и люди далеких лет. Прочитаем и мы отрывки из этой книги.

Сказание о Кожемяке

В лето 992. Князь Владимир только возвратился с войны, как напали на Русь печенеги. Выступил Владимир против них и встретил их на берегу реки Трубеж у брода. И стоял Владимир на этой стороне, а печенеги — на той, и не решались ни наши перейти на ту сторону, ни те — на эту.

И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего воина, а я — своего, пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года, если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года».

И разошлись. Владимир, вернувшись в свой стан, послал глашатаев со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» Но никого не нашлось.

На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему. И пришел к князю один старый муж и сказал ему:

— Князь! Есть у меня один сын меньшей дома. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками.

Услышав об этом, князь обрадовался и послал за ним. И привели его к князю, и поведал ему князь все. Юноша сказал:

— Князь! Не знаю, могу ли я с ним бороться — испытай меня. Нет ли большого и сильного быка?

И нашли быка большого и сильного. И повелел он разъярить его. Призгли быка каленым железом и пустили, и побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок, и вырвал кожу с мясом, сколько рука захватила. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться».

На следующее утро пришли печенеги и стали звать: «Где же муж? Вот наш готов!» Был печенег очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста.

И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга. И удавил юноша печенежина руками досмерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и печенеги побежали, а русские погнались за ними и прогнали их.

Владимир же рад был и заложил город у брода того и назвал его Переяславль, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победой и со славой великой.

Сказание о белгородском киселе

В лето 997. Пришли печенеги и стали под Белгородом. И не давали выйти из города. Осада затянулась, и был в городе голод сильный.

И собрали в городе вече¹ и сказали:

— Вот уже скоро умрем от голода. Сдадимся печенегам — может, они хоть кого-то оставят в живых, а то все умрем.

Один старец, который не был на вече, спросил: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что утром хотят они сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю.

Они же с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей.

Они собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, выкопать колодец, а болтушку налить в кад-

¹ Вече — собрание горожан для решения общественных дел.

Яви прѣмъ юнѣ свое иу рече
 .свое палица желѣзную повидѣхъ
 .испави и похотѣ самъ прѣхъ
 чѣти штарестѣ дѣла с похотѣ
 .свою великую шѣдѣ.

СТАВШИ НА ДѢЛѢ

ВОЙСКОМЪ

Сказание о Мамаевом побоище.

ку и опустить ее в колодец. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадку, и поискать меду. Нашли лукошко меду в княжеской кладовой. И приказал он разбавить мед и влить в кадку во втором колодце.

Наутро повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

— Возьмите от нас заложников, а сами пошлите десять мужей, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем.

Печенеги обрадовались, подумав, что хотят им сдать, выбрали лучших мужей и послали в город.

И пришли они в город, и сказали им люди:

— Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Даже если будете стоять десять лет, что вы сделаете нам? Ибо мы имеем пищу от земли. Если не верите, посмотрите своими глазами.

И привели их к колодцу, где была болтушка кисельная, и почерпнули ведром и вылили в горшки. И когда сварили кисель,

взяли его, и пришли к другому колодцу, и почерпнули меду, и стали есть сами и дали печенегам. И удивились печенеги и сказали: «Не поверят нам князья наши, если не отведают сами».

Люди же налили корчагу кисельной болтушки и меду из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, отпустив заложников, поднялись и пошли от города восвояси.

Вопросы и задания

1. Вы, конечно, почувствовали, что эти летописные сказания похожи на легенды, на устные народные предания. Это и не удивительно, ведь события, описанные в них, происходили более чем за сто лет до составления Несторовой летописи. Автор записывал все, что сохранила народная память.

Что прославляется в этих сказаниях?

2. Интересны ли летописные сказания современному читателю? И если интересны, то чем? Что дает людям знание своего прошлого, истории своей страны от самых древних времен?

Для самостоятельной работы

1. Попробуем составить сценарий нескольких кадров фильма по одному эпизоду: «Кожемяка перед Владимиром». Перечитаем эти строки:

«И привели его к князю, и поведал ему князь все. Юноша сказал:

— Князь! Не знаю, могу ли я с ним бороться — испытай меня. Нет ли большого и сильного быка?»

Чтобы работать над сценарием, надо ясно представить себе, где происходит событие, как выглядят Владимир, дружинники и юноша. В этом вам помогут иллюстрации. Постарайтесь найти репродукции картин художников, изображавших Древнюю Русь.

Кадр первый. Дружинники приводят юношу к Владимиру. Нарисуйте устно эту картину: где и как сидит или стоит князь, его лицо, одежду, как подходят дружинники и юноша, как они выглядят.

Кадр второй. «И поведал ему князь все». В фильме должна быть прямая речь князя. Покажите, что мы видим на экране.

Кадр третий. Ответ юноши. Слова его есть в летописи, надо только представить, как он говорит и как его слушают князь и дружинники.

2. Расскажите о русском летописании, используя репродукцию картины В. В. Васнецова «Нестор-летописец».

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

А. И. Герцен

A black and white portrait of a young man with dark, curly hair and a full beard. He is looking slightly to the right of the camera. He is wearing a dark, high-collared coat over a white shirt and a dark bow tie. The background is a plain, light color.

А. С. Пушкин

Их было 30 мальчиков, ровесников. Они сдружились, полюбили своих учителей, свою «лицейскую республику». Самым близким другом Пушкина стал Иван Пущин. Жанно — так называли его лицеисты — был веселым, обаятельным, безупречно честным. Годы спустя Пущин так вспоминал о лицейской поре:

39

живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий или по чему другому, неосознанно сближающему, только я его заметил с первого взгляда... Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, все, что читал, помнил; но достоинство его состояло в том, что он отнюдь не думал выказываться и важничать, как это очень часто бывает в те годы (каждому из нас было 12 лет)...

Комнаты Пушкина и Пущина были рядом, и часто, когда все уже засыпало, друзья толковали вполголоса обо всем на свете.

Лицейсты не только обучались наукам, они горячо откликались на все, что происходило на родине. А это было трудное и тревожное время, 1812 год. Началась война с Наполеоном, решалась судьба России.

Вы помните, текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...

Уже в Лицее Пушкин понял, что главное дело его жизни — поэзия. «При самом начале — он наш поэт, — вспоминает Пущин. — Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четверостишия, которые всех нас восхитили».

В 1815 году на публичном экзамене Пушкин прочел свои стихи в присутствии знаменитого поэта Державина. Державин был очень стар, экзамен его утомил. Но вот начался экзамен по русской словесности. «Тут он оживился, глаза заблестали... Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...» — вспоминал Пушкин.

А. С. Пушкин. Автопортрет.

Слава юного поэта распространилась в литературных кругах. В Лицей приезжали лучшие поэты того времени — Жуковский, Батюшков, чтобы познакомиться с ним. А знаменитый Карамзин при встрече сказал ему: «Пари, как орел, но не останавливайся в полете!»

Шесть лет, проведенные в Лицее, навсегда остались для Пушкина самыми светлыми:

Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы, нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Окончив Лицей, Пушкин поселился в Петербурге. Столичная жизнь с ее театрами, балами, литературными обществами захватила поэта. Он встречается с молодыми офицерами, вступает с ними в горячие споры о том, как добиться свободы. Вольно-

любивые стихи Пушкина, насмешливые эпиграммы¹ на царя и его приближенных расходились по всему Петербургу. Дошли они и до царя. И царь решил: «Пушкина надобно сослать в Сибирь: он наводнил всю Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает».

Однажды Пушкина вызвали к генералу-губернатору Мило-радовичу, и тот хотел направить полицейского на квартиру поэта опечатать его бумаги. Пушкин сказал ему:

— Все мои стихи сожжены — у меня ничего не найдете на квартире. Лучше прикажите подать бумагу, я здесь же вам все напишу.

Подали бумагу. Пушкин сел и написал целую тетрадь. Мило-радович был пленен благородством поэта, его прямоотой и честностью. И обещал ему от имени государя прощение. Вступились за Пушкина и его друзья, они просили смягчить наказание. И поэта сослали не в Сибирь, а в Кишинев. Там он должен был служить чиновником.

Кишинев был в те годы глухой провинцией. Над одноэтажными домиками мрачно возвышался острог. Здание было сложено из огромных серых камней, узкие окна выходили во двор, где, прикованные цепями к столбам, сидели два орла. Могучие птицы не могли улететь, но они не становились ручными. Гордо смотрели они на людей круглыми желтыми глазами и величественно принимали пищу.

Несколько раз Пушкин заходил в острог, чтобы поговорить с арестантами. Поэт всей душой разделял их мечту о свободе. Так родилось стихотворение «Узник». Его полюбили не только просвещенные читатели, но и простые люди: стихотворение стало народной песней.

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.
Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

¹ *Эпиграмма* — короткое стихотворение, высмеивающее кого-либо.

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

Вопросы и задания

1. Представьте себе картину, нарисованную в первой строфе. Как эпитеты помогают передать настроение?
2. Перечитайте слова, которые «вымолвить хочет» орел. К чему он призывает узника?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Для этого сравните картины, нарисованные в начале и в конце стихотворения, и подумайте: как меняются пространство, освещение, краски, предметы? Как благодаря этому меняются настроение и интонация?

Для самостоятельной работы

Писатель Всеволод Александрович Рождественский в своей книге «Читая Пушкина» писал: «Узник» — одно из самых замечательных стихов Пушкина на вечную его тему — свобода. Каждая строчка этого произведения говорит о ней, хотя само слово ни разу не встречается в тексте». Докажите, что это суждение верно.

...Прошли годы. Уже прославленным поэтом Пушкину пришлось прожить два года в ссылке в селе Михайловском (имение родителей в Псковской губернии). Ни родных, ни друзей, только няня Арина Родионовна разделяла его одиночество, да иногда бывал он у соседей в Тригорском. И вот однажды ранним морозным утром к поэту приехал лицейский друг Пущин.

Кони влетели в отворенные ворота со звоном колокольчика, и сани засели в снегу нерасчищенного двора. Пушкин выбежал на крыльцо, поднял вверх руки для приветствия. Пущин в заснеженной шубе выскочил из саней, проваливаясь в снег, побежал к другу, крепко обнял его и повел в комнату. День прошел в бескончаемых разговорах, чтении новых стихов. Это была их последняя встреча. Через несколько месяцев Пушкин так о ней напишет:

Поэта дом опальный,
О, Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Прошли годы. Пущин участвовал в восстании декабристов и был осужден на каторгу. В самый день приезда в Читу он полу-

чил посвященные ему стихи друга. «Отрадно отозвался во мне голос Пушкина», — вспоминал он.

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

З а д а н и е

Расскажите о том, что вы видите на репродукции картины Н. Н. Ге «Пушкин и Пущин в селе Михайловском».

Как бы ни были тяжелы обстоятельства жизни, Пушкин никогда не терял надежды на лучшее. Неизменный заряд бодрости получал он от природы. Михайловские рощи, поля Болдина, парк Павловского не только несли утешение от тревог и горя, но и рождали творческие силы. Самые обыкновенные картины превращались под пером поэта в прекрасные образы. Вспомните стихи Пушкина о зиме:

Опрятней модного паркета
Блится речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на бег.

Или такие стихи:

Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,

Плетется рысью, как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке...

А теперь представьте себе, что вы проснулись зимним утром и увидели, что вся комната залита ослепительным солнечным светом. Вы подбегаете к окну... Попробуйте рассказать, что вы там видите. Как выглядят снег, соседние дома, что видно вдали? Расскажите и о том, какое настроение вызвала у вас эта картина.

А вот как передал свое чувство А. С. Пушкин:

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный,—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры,
Навстречу северной Авроры¹
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела,—
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском

¹ *Аврора* — богиня утренней зари в древнеримских мифах. Поэт говорит о «северной Авроре», то есть о заре на севере, в России.

Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Вопросы и задания

1. Сопоставьте картину сияющего утра с описанием вечера. Зачем поэт противопоставил их?

2. Найдите в стихотворении сравнения. Вы помните, что сравнения обычно выражаются оборотом со словами «как», «будто», «словно» и др. Но сравнения могут быть выражены и существительными в творительном падеже. «Великолепными коврами... снег лежит» — сравнение: снег сравнивается с коврами. Вдумайтесь в это сравнение. Представьте себе этот снег. Почему поэт сравнил его с коврами? Какое чувство передано в этом сравнении? Что нового открывает нам поэт?

3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

Для самостоятельной работы

Есть ли у вас любимые места в вашем городе, селе, вокруг них? Чем они привлекают вас? Расскажите о них так, чтобы передать их красоту, вашу любовь к ним.

СТИХОТВОРНАЯ РЕЧЬ

Двусложные размеры стиха

Стихи отличаются от прозы прежде всего тем, что они звучат ритмично. Это значит, что каждая новая строка звучит похоже на предыдущую. Но что же сходного в строках с разными словами, разными предложениями? Давайте возьмем строки стихотворения «Зимнее утро»:

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный...

Чем похожи эти строки? Тем, что в них одинаково расположены ударные и безударные слоги. В самом деле — расставим ударения:

Морóз и sóлнце; дéнь чудéсный!
Ещё ты дрёмлешь, друг прелéстный...

Обозначим ударные слоги значком — ' , а безударные значком — .
Составим схему расположения ударных и безударных слогов в строках:

— ' — ' — ' — ' —
— . — . — . — . —

Вы увидели, что в каждой строке одинаково повторяются группы из **двух слогов**: первый безударный — второй ударный (— '). Поэтому такие стихи называются **двусложными**.

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие четные слоги, называется я м б. Итак, стихотворение «Зимнее утро» написано ямбом.

Теперь возьмем другие строки:

Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

Расставим ударения и составим схему расположения ударных и безударных слогов в строках:

' — ' — ' — '
' — ' — ' — '

Вы увидели, что и здесь повторяются группы из двух слогов, только в этих группах первый слог ударный, а второй безударный (' —).

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие нечетные слоги, называется х о р е й.

Итак, двусложных размеров всего два: ямб (— ') и хорей (' —). Ямбом и хореем написано множество стихов русских поэтов, это самые распространенные размеры в русской поэзии. И несмотря на то что схема расположения ударных и безударных слогов везде одна и та же, все стихотворения звучат по-разному.

В о п р о с

Каким размером написано стихотворение «И. И. Пущину»?

МЕТЕЛЬ

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке Божий храм
Виден одинокой.

.....
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...

Жуковский

В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненарадове добрый Гаврила Гаврилович Р**. Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи по минутно ездили к нему поестъ, попить, поиграть по пяти копеек в бостон¹ с его женою, Прасковьею Петровною, а некоторые для того, чтоб поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестою, и многие прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне. Само по себе разумеется, что молодой человек пылал равною страстию и что родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать, а его принимали хуже, нежели отставного заседателя.

Наши любовники были в переписке и всякий день видались наедине в сосновой роще или у старой часовни. Там они клялись друг другу в вечной любви, сетовали на судьбу и делали различные предположения. Переписываясь и разговаривая таким образом, они (что весьма естественно) дошли до следующего рассуждения: если мы друг без друга дышать не можем, а воля жестоких родителей препятствует нашему благополучию, то нельзя ли нам будет обойтись без нее? Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку и что она

¹ *Бостон* — карточная игра.

весьма понравилась романическому воображению Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия».

Марья Гавриловна долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто. Наконец она согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать и удалиться в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка ее была в заговоре; обе они должны были выйти в сад через заднее крыльцо, за садом найти готовые сани, садиться в них и ехать за пять верст от Ненарадова в село Жадрино, прямо в церковь, где уж Владимир должен был их ожидать.

Накануне решительного дня Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала белье и платье, написала длинное письмо к одной чувствительной барышне, ее подруге, другое к своим родителям. Она прощалась с ними в самых трогательных выражениях, извиняла свой проступок неодолимою силою страсти и оканчивала тем, что блаженнейшею минутою жизни почтет она ту, когда позволено будет ей броситься к ногам дражайших ее родителей. Запечатав оба письма тульской печаткою, на которой изображены были два пылающие сердца с приличной надписью, она бросилась на постель перед самым рассветом и задремала; но и тут ужасные мечтания поминутно ее пробуждали. То казалось ей, что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца; то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ним обвенчаться... другие безобразные, бессмысленные видения неслись перед нею одно за другим. Наконец она встала, бледнее обыкновенного и с непритворной головною болью. Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? — раздирали ее сердце. Она старалась

их успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступил вечер. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ее сильно забилося. Дрожащим голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться с отцом и матерью. Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она чуть не заплакала. Пришед в свою комнату, она кинулась в кресла и залилась слезами. Девушка

уговаривала ее успокоиться и ободриться. Всё было готово. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую девическую жизнь... На дворе была метель; ветер выл, ставни тряслись и стучали; всё казалось ей угрозой и печальным предзнаменованием. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась шалью, надела теплый капот, взяла в руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Они сошли в сад. Метель не утихла; ветер дул навстречу, как будто силясь остановить молодую преступницу. Они насилу дошли до конца сада. На дороге сани дожидались их. Лошади, прозябнув, не стояли на месте; кучер Владимира расхаживал перед оглоблями, удерживая ретивых. Он помог барышне и ее девушке усесться и уложить узлы и шкатулку, взял вожжи, и лошади полетели. Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки-кучера, обратимся к молодому нашему любовнику.

Целый день Владимир был в разъезде. Утром был он у жадринского священника; насилу с ним уговорился; потом поехал искать свидетелей между соседними помещиками. Первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою. Это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы. Он уговорил Владимира остаться у него отобедать и уверил его, что за другими двумя свидетелями дело не станет. В самом деле, тотчас после обеда явились землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы. Они не только приняли предложение Владимира, но даже клялись ему в готовности жертвовать для него жизнью. Владимир обнял их с восторгом и поехал домой приготавливаться.

Уже давно смеркалось. Он отправил своего надежного Терешку в Ненарадово с своею тройкою и с подробным, обстоятельным наказом, а для себя велел заложить маленькие сани в одну лошадь, и один без кучера отправился в Жадрино, куда часа через два должна была приехать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а езды всего двадцать минут.

Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел

снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались; Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минут; рощи всё было не видать. Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу.

Наконец он увидел, что едет не в ту сторону. Владимир остановился: начал думать, припоминать, соображать, и уверился, что должно было взять ему вправо. Он поехал вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже более часа был он в дороге. Жадрино должно было быть недалеко. Но он ехал, ехал, а полю не было конца. Всё сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно он их подымал. Время шло; Владимир начинал сильно беспокоиться.

Наконец в стороне что-то стало чернеть. Владимир поворотил туда. Приближаясь, увидел он рощу. Слава Богу, подумал он, теперь близко. Он поехал около рощи, надеясь тотчас попасть на знакомую дорогу или объехать рощу кругом: Жадрино находилось тотчас за нею. Скоро нашел он дорогу и въехал во мрак дерев, обнаженных зимою. Ветер не мог тут свирепствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владимир успокоился.

Но он ехал, ехал, а Жадрина было не видать; роще не было конца. Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес. Отчаяние овладело им. Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и через четверть часа пошло шагом, несмотря на все усилия несчастного Владимира.

Мало-помалу деревья начали редеть, и Владимир выехал из лесу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу. Погода утихла, тучи расходились, перед ним лежала равнина, устланная белым волнистым ковром. Ночь была довольно ясна. Он увидел невдалеке деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов. Владимир поехал к ней. У первой избушки он выпрыгнул из саней, подбежал к окну и стал стучаться. Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик высунул свою седую бо-

роду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече; верст десяток будет». При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти.

«А отколе ты?» — продолжал старик. Владимир не имел духа отвечать на вопросы. «Можешь ли ты, старик,— сказал он,— достать мне лошадей до Жадрина?» — «Как у нас лошади»,— отвечал мужик. «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будет угодно». — «Постой,— сказал старик, опуская ставень,— я те сына вышлю; он те проводит». Владимир стал дожидаться. Не прошло минуты, он опять начал стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?» — «Что ж твой сын?» — «Сейчас выдет, обувается. Али ты прозяб? взойди погреться». — «Благодарю, высылай скорее сына».

Ворота заскрипели; парень вышел с дубиною и пошел вперед, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снеговыми сугробами. «Который час?» — спросил его Владимир. «Да уж скоро рассвет»,— отвечал молодой мужик. Владимир не говорил уже ни слова.

Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!

Но возвратимся к добрым ненарадовским помещикам и посмотрим, что-то у них делается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли в гостиную. Гаврила Гаврилович в колпаке и байковой куртке, Прасковья Петровна в шляфке на вате. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал девчонку узнать от Марьи Гавриловны, каково ее здоровье и как она почивала. Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придет в гостиную. В самом деле, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться с папенькой и с маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» — спросил Гаврила Гаврилович. «Лучше, папенька»,— отвечала Маша. «Ты верно, Маша, вчерась угорела»,— сказала Прасковья Петровна. «Может быть, маменька»,— отвечала Маша.

День прошел благополучно, но в ночь Маша занемогла. Послали в город за лекарем. Он приехал к вечеру и нашел боль-

ную в бреду. Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба.

Никто в доме не знал о предположенном побеге. Письма, накануне ею написанные, были сожжены; ее горничная никому ни о чем не говорила, опасаясь гнева господ. Священник, отставной корнет, усатый землемер и маленький улан были скромны, и недаром. Терешка-кучер никогда ничего лишнего не высказывал, даже и во хмелю. Таким образом тайна была сохранена более чем полудюжиною заговорщиков. Но Марья Гавриловна сама в беспрестанном бреду высказывала свою тайну. Однако ж ее слова были столь несообразны ни с чем, что мать, не отходявшая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиною ее болезни. Она советовалась со своим мужем, с некоторыми соседями, и наконец единогласно все решили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженого конем не объедешь, что бедность не порок, что жить не с богатством, а с человеком, и тому подобное. Нравственные поговорки бывают удивительно полезны в тех случаях, когда мы от себя мало что можем выдумать себе в оправдание.

Между тем барышня стала выздоравливать. Владимира давно не видно было в доме Гаврилы Гавриловича. Он был напуган обыкновенным приемом. Положили послать за ним и объявить ему неожиданное счастье: согласие на брак. Но каково было изумление ненарадовских помещиков, когда в ответ на их приглашение получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их доме, и просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою. Через несколько дней узнали они, что Владимир уехал в армию. Это было в 1812 году.

Долго не смели объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владимире. Несколько месяцев уже спустя, нашед имя его в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином, она упала в обморок, и боялись, чтоб горячка ее не возвратилась. Однако, слава Богу, обморок не имел последствия.

Другая печаль ее посетила: Гаврила Гаврилович скончался, оставя ее наследницей всего имения. Но наследство не утешало ее; она разделяла искренно горесть бедной Прасковьи Петров-

ны, клялась никогда с нею не расставаться; обе они оставили Ненарадово, место печальных воспоминаний, и поехали жить в ***ское поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себе друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владимир уже не существовал: он умер в Москве, накануне вступления французов. Память его казалась священной для Маши; по крайней мере она берегла всё, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписанные для нее. Соседи, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы.

Между тем война со славою была кончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Музыка играла завоеванные песни: *Vive Henri-Quatre*¹, тирольские вальсы и арии из Жоконда. Офицеры, ушедшие в поход почти отроками, возвращались, возмужав на бранном воздухе, обвешанные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вменявая поминутно в речь немецкие и французские слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове *отечество*! Как сладки были слезы свидания! С каким единодушием мы соединяли чувства народной гордости и любви к государю! А для него, какая была минута!

Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали.

Кто из тогдашних офицеров не сознается, что русской женщине обязан он был лучшей, драгоценнейшей наградой?..

В это блистательное время Марья Гавриловна жила с матерью в *** губернии и не видала, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но в уездах и деревнях общий восторг, может быть, был еще сильнее. Появление в сих местах офицера было для него настоящим торжеством, и любовнику во фраке плохо было в его соседстве.

Мы уже сказывали, что, несмотря на ее холодность, Марья

¹ Да здравствует Генрих Четвертый (франц.).

Гавриловна всё по-прежнему окружена была искателями. Но все должны были отступить, когда явился в ее замке раненый гусарский полковник Бурмин, с Георгием в петлице и с *интересной бледностию*, как говорили тамошние барышни. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При нем обыкновенная задумчивость ее оживлялась. Нельзя было сказать, чтоб она с ним кокетничала; но поэт, заметя ее поведение, сказал бы:

Se amor non è, che dunque?..¹

Бурмин был, в самом деле, очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. Он казался нрава тихого и скромного, но молва уверяла, что некогда был он ужасным повесою, и это не вредило ему во мнении Марьи Гавриловны, которая (как и все молодые дамы вообще) с удовольствием извиняла шалости, обнаруживающие смелость и пылкость характера.

Но более всего... (более его нежности, более приятного разговора, более интересной бледности, более перевязанной руки) молчание молодого гусара более всего подстрекало ее любопытство и воображение. Она не могла не сознаваться в том, что она очень ему нравилась; вероятно, и он, с своим умом и опытностию, мог уже заметить, что она отличала его: каким же образом до сих пор не видала она его у своих ног и еще не слыжала его признания? Что удерживало его? робость, неразлучная с истинною любовию, гордость или кокетство хитрого волокиты? Это было для нее загадкою. Подумав хорошенько, она решила, что робость была единственной тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностию и, смотря по обстоятельствам, даже нежностию. Она приготавливала развязку самую неожиданную и с нетерпением ожидала минуты романического объяснения. Тайна, какого роду ни была бы, всегда тягостна женскому сердцу. Ее военные действия имели желаемый успех: по крайней мере, Бурмин впал в такую задумчивость и черные

¹ Если это не любовь, так что же?.. (франц.).

глаза его с таким огнем останавливались на Марье Гавриловне, что решительная минута, казалось, уже близка. Соседи говорили о свадьбе, как о деле уже конченном, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха.

Старушка сидела однажды одна в гостиной, раскладывая гранпасьянс, как Бурмин вошел в комнату и тотчас осведомился о Марье Гавриловне. «Она в саду,— отвечала старушка; — подите к ней, а я вас буду здесь ожидать». Бурмин пошел, а старушка перекрестилась и подумала: авось дело сегодня же кончится!

Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье, настоящей героинею романа. После первых вопросов Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговор, усиливая таким образом взаимное замешательство, от которого можно было избавиться разве только незапным и решительным объяснением. Так и случилось: Бурмин, чувствуя затруднительность своего положения, объявил, что искал давно случая открыть ей свое сердце, и потребовал минуты внимания. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза в знак согласия.

«Я вас люблю,— сказал Бурмин,— я вас люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснела и наклонила голову еще ниже.) «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St.-Preux¹.) «Теперь уже поздно противиться судьбе моей; воспоминание об вас, ваш милый, несравненный образ отныне будет мучением и отрадою жизни моей; но мне еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вам ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...» — «Она всегда существовала,— прервала с живостию Марья Гавриловна,— я никогда не могла быть вашею женою...» — «Знаю,— отвечал он ей тихо,— знаю, что некогда вы любили, но смерть и три года сетований... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня последнего утешения: мысль, что вы бы согласились сделать мое счастье, если бы... молчите, ради Бога, молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но — я несчастнейшее создание... я женат!»

Марья Гавриловна взглянула на него с удивлением.

¹ Сен-Прё (франц.).

— Я женат,— продолжал Бурмин,— я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидеться с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Марья Гавриловна,— как это странно! Продолжайте; я расскажу после... но продолжайте, сделайте милость.

— В начале 1812 года,— сказал Бурмин,— я спешил в Вильну, где находился наш полк. Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей,

как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю. Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщик проехал мимо того места, где выезжали на дорогу, и таким образом очутились мы в незнакомой стороне. Буря не утихала; я увидел огонек и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло несколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» — закричало несколько голосов. Я велел ямщику подъехать. «Помилуй, где ты замешкался? — сказал мне кто-то, — невеста в обмороке; поп не знает, что делать; мы готовы были ехать назад. Выходи же скорее». Я молча выпрыгнул из саней и вошел в церковь, слабо освещенную двумя или тремя свечами. Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. «Слава Богу, — сказала эта, — насилу вы приехали. Чуть было вы барышню не уморили». Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» — «Начинайте, начинайте, батюшка», — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. «Поцелуйтесь», — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное свое лицо. Я хотел было ее поцеловать... Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышел из церкви безо всякого препятствия, бросился в кибитку и закричал: «Пошел!»

— Боже мой! — закричала Марья Гавриловна, — и вы не знаете, что сделалось с бедной вашею женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин, — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал. В то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции. Слуга, бывший тогда со мною, умер в походе, так что я не имею и надежды отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена.

— Боже мой, Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к ее ногам...

Вопросы и задания

1. Интересно ли было читать повесть?
2. Какой эпизод показался вам особенно ярким?
3. Как вы понимаете выражение: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена»?
4. Найдите строки, в которых говорится о чувствах молодых людей. Как, по-вашему, рассказчик относится к влюбленным? Прочитайте места в повести, где чувствовалась бы авторская ирония.
5. Почему Владимир не обрадовался предложению родителей Марьи Гавриловны, а ответил, по их мнению, полусумасшедшим письмом?
6. Подготовьте художественный (близкий к тексту) рассказ о жизни Бурмина. Что вы можете сказать о характере героя?
7. Прочитайте выразительно сцену метели. Подумайте, какую роль сыграл этот эпизод в жизни героев. Почему повесть так названа?
8. Перескажите сцену «В церкви» от лица одного из присутствующих.
9. Можно ли догадаться по последней сцене, как дальше развернутся события?
10. Как автор относится к своим героям? Из чего это видно?
11. Обратите внимание на иллюстрации к повести «Метель». В чем, по-вашему, удача художника? Озаглавьте эти иллюстрации строками текста. Попробуйте красками или словами нарисовать свои иллюстрации к этой повести.
12. Композитор Г. Свиридов создал вальс к кинофильму «Метель». Если вы слышали его, то подумайте, какому эпизоду, по-вашему, больше всего соответствует этот вальс?
13. Прочитайте в словаре литературоведческих терминов, что такое композиция. Обратите внимание на построение повести «Метель». Подумайте, когда и от кого мы узнаем, что же произошло в церкви в ту метельную ночь. Почему рассказ о давно прошедших событиях дан лишь в конце повести?

Для самостоятельной работы

Повесть «Метель» входит в цикл произведений А. С. Пушкина под общим названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Прочитайте еще одно произведение из этого цикла — «Станционный смотритель» и подумайте над вопросами:

1. Что общего и чем различаются эти произведения?
2. Как вы думаете, почему картинки на стенах «смирненной, но опрятной обители» особенно запомнились рассказчику?
3. Чем напоминает судьба Дуни историю блудного сына из библейской притчи?
4. К кому из героев автор относится с особым сочувствием и почему? Из чего это видно?

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Коллежский регистратор,
Почтовой станции диктатор.
Князь Вяземский

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Чрез пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во всё это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители

вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коиими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия зрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями.

В 1816 году, в мае месяце, случилось мне проезжать через ***скую губернию, по тракту, ныне уничтоженному. Находился я в мелком чине, ехал на перекладных и платил прогоны за две лошади. Вследствие сего зрители со мною не церемонились, и часто брал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву. Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например: *ум ума почитай*? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь к моей повести.

День был жаркий. В трех верстах от станции *** стало накрапывать, и через минуту проливной дождь вымочил меня до последней нитки. По приезде на станцию, первая забота была поскорее переодеться, вторая спросить себе чаю. «Эй, Дуня! — закричал зритель, — поставь самовар да сходи за сливками». При сих словах вышла из-за перегородки девочка лет четырнадцати и побежала в сени. Красота ее меня поразила. «Это твоя дочка?» — спросил я зрителя. «Дочка-с, — отвечал он с видом довольного самолюбия; — да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать». Тут он принялся переписывать мою дорожную, а я занялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына. В первой почтенный старик в колпаке и шлафорке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его

благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлаффорке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой прочел я приличные немецкие стихи. Всё это дорыне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамином, и кровать с пестрой занавескою, и прочие предметы, меня в то время окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах.

Не успел я расплатиться со старым моим ямщиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет.

Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мне всё не хотелось расстаться с смотрителем и его дочкой. Наконец я с ними простился; отец пожелал мне доброго пути, а дочь проводила до телеги. В сенях я остановился и просил у ней позволения ее поцеловать; Дуня согласилась... Много могу я насчитать поцелуев,

С тех пор, как этим занимаюсь,

но ни один не оставил во мне столь долгого, столь приятного воспоминания.

Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места. Я вспомнил дочь старого смотрителя и обрадовался при мысли, что увижу ее снова. Но, подумав, старый смотритель, может быть, уже сменен; вероятно, Дуня уже замужем. Мысль о смерти того или другого также мелькнула в уме моем, и я приближался к станции *** с печальным предчувствием.

Лошади стали у почтового домика. Вошед в комнату, я тотчас узнал картинки, изображающие историю блудного сына; стол и кровать стояли на прежних местах; но на окнах уже не было цветов, и всё кругом показывало ветхость и небрежение. Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его; он привстал... Это был точно Самсон Вырин; но как он постарел! Покамест собирався он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину — и не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика. «Узнал ли ты меня? — спросил я его; — мы с тобою старые знакомые». — «Может статься, — отвечал он угрюмо; — здесь дорога большая; много проезжих у меня перебывало». — «Здорова ли твоя Дуня?» — продолжал я. Старик нахмурился. «А Бог ее знает», — отвечал он. «Так видно она замужем?» — сказал я. Старик притворился, будто бы не слышал моего вопроса и продолжал шепотом читать мою подорожную. Я прекратил свои вопросы и велел поставить чайник. Любопытство начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш развяжет язык моего старого знакомого.

Я не ошибся: старик не отказался от предлагаемого стакана. Я заметил, что ром прояснил его угрюмость. На втором стакане сделался он разговорчив; вспомнил или показал вид, будто бы

вспомнил меня, и я узнал от него повесть, которая в то время сильно меня заняла и тронула.

«Так вы знали мою Дуню? — начал он. — Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили ее, та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает. Поверите ль, сударь: курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались. Ею дом держался: что прибрать, что приготовить, за всем успевала. А я-то, старый дурак, не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье? Да нет, от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать». Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе. — Три года тому назад, однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиневывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала, и проезжий в черкесской шапке, в военной шинели, окутанный шалью, вошел в комнату, требуя лошадей. Лошади все были в разгоне. При сем известии путешественник возвысил было голос и нагайку; но Дуня, привыкшая к таким сценам, выбежала из-за перегородки и ласково обратилась к проезжему с вопросом: не угодно ли будет ему чего-нибудь покушать? Появление Дуни произвело обыкновенное свое действие. Гнев проезжего прошел; он согласился ждать лошадей и заказал себе ужин. Сняв мокрую, косматую шапку, отпутав шаль и сдернув

шинель, проезжий явился молодым, стройным гусаром с черными усиками. Он расположился у смотрителя, начал весело разговаривать с ним и с его дочерью. Подали ужинать. Между тем лошади пришли, и смотритель приказал, чтоб тотчас, не кормя, запрягали их в кибитку проезжего; но, возвратясь, нашел он молодого человека почти без памяти лежащего на лавке: ему сделалось дурно, голова разболелась, невозможно было ехать... Как быть! смотритель уступил ему свою кровать, и положено было, если больному не будет легче, на другой день утром послать в С *** за лекарем.

На другой день гусару стало хуже. Человек его поехал верхом в город за лекарем. Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом, и села с своим шитьем у его кровати. Больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и охая заказал себе обед. Дуня от него не отходила. Он поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ея заготовленного лимонада. Больной обмакивал губы и всякий раз, возвращая кружку, в знак благодарности слабою своею рукою пожимал Дунюшкину руку. К обеду приехал лекарь. Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и порусски объявил, что ему нужно одно спокойствие и что дни через два ему можно будет отправиться в дорогу. Гусар вручил ему двадцать пять рублей за визит, пригласил его отобедать; лекарь согласился; оба ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом.

Прошел еще день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насвистывал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный; Дуня собиралась к обедне. Гусару подали кибитку. Он простился с смотрителем, щедро наградив его за постой и угощение; простился и с Дунею и вызвался довести ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла в недоумении... «Чего же ты боишься? — сказал ей отец, — ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись-ка до церкви». Дуня села в кибитку подле гусара, слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали.

Бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам

позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом. Не прошло и получаса, как сердце его начало ныть, ныть, и беспокойство овладело им до такой степени, что он не утерпел и пошел сам к обедне. Подходя к церкви, увидел он, что народ уже расходился, но Дуни не было ни в ограде, ни на паперти. Он поспешно вошел в церковь: священник выходил из алтаря; дьячок гасил свечи, две старушки молились еще в углу; но Дуни в церкви не было. Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что не бывала. Смотритель пошел домой ни жив ни мертв. Одна оставалась ему надежда: Дуня по ветрености молодых лет вздумала, может быть, прокатиться до следующей станции, где жила ее крестная мать. В мучительном волнении ожидал он возвращения тройки, на которой он отпустил ее. Ямщик не возвращался. Наконец к вечеру приехал он один и хмелен, с убийственным известием: «Дуня с той станции отправилась далее с гусаром».

Старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик. Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная. Бедняк занемог сильной горячкой; его свезли в С *** и на его место определили на время другого. Тот же лекарь, который приезжал к гусару, лечил и его. Он уверил смотрителя, что молодой человек был совсем здоров и что тогда еще догадывался он о его злобном намерении, но молчал, опасаясь его нагайки. Правду ли говорил немец или только желал похвастаться дальновидностью, но он нимало тем не утешил бедного больного. Едва оправясь от болезни, смотритель выпросил у С *** почтмейстера отпуск на два месяца и, не сказав никому ни слова о своем намерении, пешком отправился за своею дочерью. Из подорожной знал он, что ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург. Ямщик, который вез его, сказывал, что во всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ехала по своей охоте. «Авось,— думал смотритель,— приведу я домой заблудшую овечку мою». С этой мыслию прибыл он в Петербург, остановился в Измайловском полку, в доме отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца, и начал свои поиски. Вскоре узнал он, что ротмистр Минский в Петербурге и живет в Демутовом трактире. Смотритель решился к нему явиться.

Рано утром пришел он в его переднюю и просил доложить

его высокоблагородию, что старый солдат просит с ним увидаться. Военный лакей, чистя сапог на колодке, объявил, что барин почивает и что прежде одиннадцати часов не принимает никого. Смотритель ушел и возвратился в назначенное время. Минский вышел сам к нему в халате, в красной скуфье. «Что, брат, тебе надобно?» — спросил он его. Сердце старика закипело, слезы навернулись на глаза, и он дрожащим голосом произнес только: «Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..» Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь. «Ваше высокоблагородие! — продолжал старик, — что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере, бедную мою Дуню. Ведь вы натешились ею; не погубите ж ее понапрасну». — «Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве; — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком, и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошел!..» Смотритель за ним не погнался. Он решил отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть еще раз увидеть бедную свою Дуню. Для сего дни через два воротился он к Минскому; но военный лакей сказал ему сурово, что барин никого не принимает, грудью вытеснил его из передней и хлопнул двери ему под нос. Смотритель постоял, постоял — да и пошел.

В этот самый день, вечером, шел он по Литейной, отслужив молебен у Всех Скорбящих. Вдруг промчались перед ним щегольские дрожки, и смотритель узнал Минского. Дрожки остановились перед трехэтажным домом, у самого подъезда, и гусар вбежал на крыльцо. Счастливая мысль мелькнула в голове смотри-

теля. Он воротился и, поравнявшись с кучером: «Чья, брат, лошадь? — спросил он, — не Минского ли?» — «Точно так, — отвечал кучер, — а что тебе?» — «Да вот что: барин твой приказал мне отнести к его Дуне записочку, а я и позабудь, где Дуня-то его живет». — «Да вот здесь, во втором этаже. Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь уж он сам у нее». — «Нужды нет, — возразил смотритель с неизъяснимым движением сердца, — спасибо, что надоумил, а я свое дело сделаю». И с этим словом пошел он по лестнице.

Двери были заперты; он позвонил, прошло несколько секунд в тягостном для него ожидании. Ключ загремел, ему отворили. «Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он. «Здесь, — отвечала молодая служанка; — зачем тебе ее надобно?» Смотритель, не отвечая, вошел в залу. «Нельзя, нельзя! — закричала вслед ему служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости». Но смотритель, не слушая, шел далее. Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь. Он подошел к растворенной двери и остановился. В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел в задумчивости. Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы. Бедный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; он поневоле ею любовался. «Кто там?» — спросила она, не подымая головы. Он всё молчал. Не получая ответа, Дуня подняла голову... и с криком упала на ковер. Испуганный Минский кинулся ее подымать и, вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню, и подошел к нему, дрожа от гнева. «Чего тебе надобно? — сказал он ему, стиснув зубы, — что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!» и, сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу.

Старик пришел к себе на квартиру. Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить. Через два дня отправился он из Петербурга обратно на свою станцию и опять принялся за свою должность. «Вот уже третий год, — заключил он, — как живу я без Дуни и как об ней нет ни слуху ни духу. Жива ли, нет ли, Бог ее ведает. Всяко случается. Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, погля-

дишь, метут улицу вместе с голью кабацкою. Как подумаешь порою, что и Дуня, может быть, тут же пропадает, так поневоле согрешишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таков был рассказ приятеля моего, старого зрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентьич в прекрасной балладе Дмитриева. Слезы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования; но как бы то ни было, они сильно тронули мое сердце. С ним расставшись, долго не мог я забыть старого зрителя, долго думал я о бедной Дуне...

Недавно еще, проезжая через местечко***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый зритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа. Я решился посетить знакомую сторону, взял вольных лошадей и пустился в село Н.

Это случилось осенью. Серенькие тучи покрывали небо: холодный ветер дул с пожатых полей, унося красные и желтые листья со встречных деревьев. Я приехал в село при закате солнца и остановился у почтового домика. В сени (где некогда поцеловала меня бедная Дуня) вышла толстая баба и на вопросы мои отвечала, что старый зритель с год как помер, что в доме его поселился пивовар, а что она жена пивоварова. Мне стало жаль моей напрасной поездки и семи рублей, издержанных даром. «Отчего ж он умер?» — спросил я пивоварову жену. «Спился, батюшка», — отвечала она. «А где его похоронили?» — «За околицей, подле покойной хозяйки его». — «Нельзя ли довести меня до его могилы?» — «Почему же нельзя. Эй, Ванька! полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему зрительскую могилу».

При сих словах оборванный мальчик, рыжий и кривой, выбежал ко мне и тотчас повел меня за околицу.

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой.

— Как не знать! Он выучил меня дудочки вырезывать. Бывало (царство ему небесное!), идет из кабака, а мы-то за ним: «Дедушка, дедушка! орешков!» — а он нас орешками и наделяет. Всё, бывало, с нами возится.

— А проезжие вспоминают ли его?

— Да ноне мало проезжих; разве заседатель завернет, да тому

не до мертвых. Вот летом проезжала барыня, так та спрашивала о старом смотрителе и ходила к нему на могилу.

— Какая барыня? — спросил я с любопытством.

— Прекрасная барыня, — отвечал мальчишка; — ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной моською; и как ей сказали, что старый смотритель умер, так она заплакала и сказала детям: «Сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю». И дала мне пятак серебром — такая добрая барыня!..

Мы пришли на кладбище, голое место, ничем не огражденное, усеянное деревянными крестами, не осененными ни единым деревцом. Отроду не видал я такого печального кладбища.

— Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудку песка, в которую врыт был черный крест с медным образом.

— И барыня приходила сюда? — спросил я.

— Приходила, — отвечал Ванька; — я смотрел на нее издали. Она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, а мне дала пятак серебром — славная барыня!

И я дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных.

1814—1841

М. Ю. Лермонтов

Детство М. Ю. Лермонтова прошло в селе Тарханы Пензенской губернии. Лермонтову шел третий год, когда умерла его мать. Он остался с бабушкой, которая не поладила с отцом мальчика, и отец вынужден был расстаться с сыном. Ссора самых близких людей тяжелым грузом легла на чуткую душу ребенка. Позже он писал:

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и в разлуке умереть...

Бабушка — богатая помещица Елизавета Алексеевна Арсеньева — горячо любила внука и старалась сделать все, чтобы он не чувствовал себя сиротой. В доме постоянно жили мальчики-сверстники, дети родственников и соседей. Они вместе с деревенскими ребятами играли, строили и брали штурмом снежные крепости, скакали верхом, часами пропадали в лесу и на речке. Во всех играх Лермонтов — командир, неистощимый на выдумки. Его любят за прямоту, настойчивость, верность в дружбе.

Друзья вспоминали, что он был небольшого роста, но очень сильным и ловким. Среди темных волос надо лбом выделялась белокурая прядь. Взгляд его больших темных глаз приводил в смущение того, на кого он долго смотрел.

Как было принято в дворянских семьях, мальчик учился дома. С детства Лермонтов владел французским и немецким языками так же свободно, как русским, изучал историю, географию, математику, словесность, выучился играть на скрипке и фортепьяно. Он много читал, рисовал акварелью, особенно любил лепить из крашеного воска. Однажды он вылепил целую сцену охоты на зайца.

в другой раз изобразил битву Александра Македонского — там были многочисленные воины, слоны, колесницы. А зимой ребята лепили фигуры из снега. Был у мальчиков и самодельный кукольный театр.

Уже тогда, в детские годы, Лермонтов не просто полюбил природу. Картины ее оживали в его воображении и становились волшебными. «Когда я еще мал был,— вспоминал поэт,— я любил смотреть на луну, на разнovidные облака, которые в виде рыцарей с шлемами теснились будто вокруг нее, будто рыцари, сопровождающие Армиду¹ в ее замок, полные ревности и беспокойства». Это детское впечатление выразилось в стихах о луне, написанных шестнадцатилетним поэтом:

Взгляни опять: подобная Армиде
Под дымкою серебристой мглы ночной,
Она идет в волшебный замок свой.
Вокруг нее и следом тучки
Теснятся, будто рыцари-вожди,
Горящие любовью; и когда
Чело их обращается к прекрасной,
Оно блесит; когда же отвернут
К соперникам, то ревность и досада
Его нахмурят тотчас — посмотри,
Как шлемы их чернеются, как перья
Колеблются на шлемах...

Весь мир природы был для поэта родным домом. Он слышит ее таинственные голоса — как «звезда с звездою говорит», как «пела русалка над синей рекой».

Елизавета Алексеевна трижды возила внука на Кавказ, где жили ее родственники. Позднее Лермонтов писал:

«Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе».

Будучи уже знаменитым поэтом, Лермонтов не раз с нежностью и грустью вспоминал о своем детстве:

И вижу я себя ребенком; и кругом —
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,

¹ *Армада* — волшебница, героиня поэмы итальянского поэта Торквато Тассо.

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет.

А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами.

Но детство кончилось. Елизавета Алексеевна переезжает с внуком в Москву, чтобы он продолжил учение. Тринадцати лет Лермонтов поступил сразу в четвертый класс московского универси-

тетского Благородного пансиона. Это была замечательная школа, вроде Царскосельского Лицея. Особенно любили воспитанники литературу. Они читали и обсуждали стихи и прозу, пробовали сами сочинять, издавали рукописные журналы. Лермонтов учился легко и охотно, много читал. В 14 лет он начинает писать стихи, которые становятся для него дневником; юный поэт говорит в них обо всем, что его волнует.

Лермонтов проучился в пансионе два года. А пятнадцати лет он поступил в Московский университет.

Он живет вместе с бабушкой в небольшом особняке на Малой Молчановке. В его комнате в мезонине часто собираются друзья. Звучит музыка, читаются стихи, ведутся страстные споры о том, для чего человек живет, о дружбе, о любви. И конечно, о родине, о свободе. В лермонтовских стихах звучит мечта о подвиге для блага людей.

Вскоре его спокойная жизнь ломается. Лермонтову пришлось уйти из университета, переехать в Петербург и поступить в военную школу. Трудным был этот перелом. Поэт тоскует по друзьям, по Москве. Неизвестно, что ждет его впереди. Ясно одно: спокойной и безмятежной его жизнь не будет. В эти дни создано стихотворение «Парус».

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны, ветер свишет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Вопросы и задания

1. Нарисуйте устно картины, которые возникают в воображении при чтении стихотворения.

2. В стихотворении «Парус» есть какая-то тайна. Оно пробуждает настроение, которое невозможно выразить словами. Но попробуем все же хоть немного проникнуть в его тайну.

«Парус». Акварель М. Ю. Лермонтова

Сравните картины, нарисованные во 2-й и 3-й строфах. Какие чувства вызывают они?

Какие чувства у вас вызывает этот странный парус?

3. Рассмотрите акварельный рисунок М. Ю. Лермонтова «Парус». Сравните настроение, выраженное Лермонтовым в поэтическом «Парусе» с настроением, которое передает произведение живописи.

4. Перечитайте строки:

**Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...**

Поэт не только нарисовал картину, но и заставил нас проникнуться сочувствием к одинокому парусу. Казалось бы, какие простые слова! Но в том-то и чудо поэзии, и слова здесь не такие уж простые. Если бы сказать об этом прозой, вы построили бы фразу иначе: «Одинокий парус белеет в голубом тумане моря». И вся поэтичность и очарование слов исчезают. В стихах же эпитеты стоят на необычном месте, после определяемого слова, в конце строк, это сделало их особенно заметными, выделенными.

Необычный порядок слов в предложении называется **и н в е р с и е й**. Инверсия — одно из выразительных средств стихотворной речи. Она помогает передать настроение.

Найдите еще инверсии в стихотворении «Парус» и подумайте, какое настроение они помогают выразить.

О стихотворении «Тучи»

В 1840 году Лермонтов за дуэль снова был сослан на Кавказ (первый раз, в 1837 году, он был отправлен туда за стихотворение «Смерть Поэта»), где шла война. Царь распорядился назначить Лермонтова в такой полк, который находился на самом опасном участке войны и нес огромные потери. Лермонтов понимал, что его посылают на верную смерть. А к этому времени он был уже знаменитым поэтом, о нем писали критики, спорили читатели. Он мечтал уйти в отставку и целиком посвятить себя литературе. Но этому не суждено было осуществиться.

Один из современников вспоминал: «Друзья и приятели собрались... проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение «Тучки небесные, вечные странники...». Несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что написанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез».

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Вопросы и задания

1. Представьте себе нарисованную в первой строфе картину. Что такое «степь лазурная»? Как сравнение «цепью жемчужною» помогает нам увидеть тучи? Каким чувством наполнена строфа?

2. Почему поэт называет тучки «вечными странниками»? Что общего в судьбе поэта и тучек? А в чем различие? К кому относится слово «изгнанники»? В чем вы видите смысл сравнения поэта с тучками?

3. Найдите в стихотворении инверсии и повторы. Какова их роль?

4. Прочитайте самостоятельно напечатанные далее стихотворения Лермонтова. Подумайте над их смыслом. Читая, старайтесь представить себе нарисованные в них картины, вслушайтесь в звучание стиха, прочувствуйте выраженное в них настроение.

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой¹ она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растёт.

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни во славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

¹ *Риза* — так в старину называли длинное красивое одеяние без рукавов (например, царское парадное одеяние).

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев твоих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара,—
Ты пылен и желт,— и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

ТРИ ПАЛЬМЫ

Восточное сказание

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча пробивался водою холодной,
Хранимый под сенью зеленых листов
От знойных лучей и сыпучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кушей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать¹:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;

¹ *Роптать* — выражать недовольство.

Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса¹ вились в беспорядке;
И, с криком и свистом носясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины, звуча, налились водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь продолжал караван,
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный,
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно Пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Вопросы и задания

1. В чем вы видите сходство между «героями» лермонтовских стихотворений: парусом, сосной, утесом, дубовым листком, пальмами? От чего они страдают, чего хотят?

2. Подумаем над поэтическим словом. В стихотворении «Три пальмы» Лермонтов называет пальмы «питомцами столетий». Он говорит: «пали без жизни» —

¹Фарис — по-арабски: всадник, витязь.

как о людях, войнах. Вслушайтесь в строфу, где рассказывается об их гибели. Какое чувство вызвало у вас изображение, какие мысли возникли?

Для самостоятельной работы

1. Прочитайте в словаре литературоведческих терминов определение метафоры. Почему слова «одежду их сорвали малые дети, изрублены были тела их...» можно назвать метафорами? Зачем поэт употребил эти слова в переносном смысле?

2. Вы, конечно, почувствовали, что в нарисованных поэтом картинах речь идет не только о природе. Попробуйте рассказать об одном из прочитанных стихотворений, какой вы представляете изображенную в нем картину, какие мысли пробуждает у вас это стихотворение. Что нового о себе узнали вы, читая Лермонтова?

Антитеза (Противопоставление)

Лермонтовские стихотворения часто бывают построены на антитезе — противопоставлении. Картина цветущего оазиса в начале стихотворения «Три пальмы» — и то же место, где стало «дико и пусто»; холодные и свободные тучи — и поэт, любящий свою родину изгнанник; засохший дубовый листок — и полная сил красавица-чинара и т. д.

Противопоставлены друг другу отдельные картины, фразы и слова. Вот в стихотворении «Парус»: и щ е т — к и н у л, в стране д а л е к о й — в к р а ю р о д н о м.

Благодаря антитезе предметы сопоставляются друг с другом, в них открываются новые свойства. Антитеза — одно из средств выражения мысли в поэзии и в прозе.

Задание

Найдите антитезу в стихотворении Пушкина «Зимнее утро», объясните ее роль.

Для самостоятельной работы

Выберите одну из пословиц, основанных на антитезе:

Не торопись отвечать — торопись слушать.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Маленькое дело лучше большого безделья.

Делу время — потехе час.

Какой в выбранной вами пословице иносказательный смысл? Попробуйте составить небольшой рассказ, раскрыв в нем этот смысл. Это может быть рассказ о школьной жизни или о жизни ваших знакомых, может быть сказка или фантастическая история. Одно условие: произведение должно быть построено на антитезе.

Трехсложные размеры стиха

Вы знаете двусложные размеры стиха — ямб и хорей. Но между ударными слогами могут быть и два безударных слога. Рассмотрим строки стихотворения «Узник»:

Сижú за решёткой в темнiце сырóй.
Вскормлénный в неволе орёл молодóй...

Расставим ударения и составим схему ударных и безударных слогов:

— ' — — ' — — ' — — '
— ' — — ' — — ' — — '

Здесь повторяются группы из трех слогов: первый безударный, второй ударный, третий безударный. Это **трехсложный** размер с ударением на втором слоге. Он называется а м ф и б р á х и й: — ' —.

Рассмотрим теперь строки из стихотворения Лермонтова «Тучи»:

Тúчки небéсные, вéчные стрáнники!
Стéпью лазúрной, цéпью жемчúжною
Мчiтесь вы, бúдто как я же, изгнáнники...

Расставим ударения и составим схему ударных и безударных слогов:

' — — ' — — ' — — '
' — — ' — — ' — — '
' — — ' — — ' — — '

Опять повторяются группы из трех слогов, в которых первый слог ударный, а второй и третий — безударные. Трехсложный размер с ударением на первом слоге называется д á к т и л ь: ' — —.

А вот строки из стихотворения А. А. Блока «Ворона»:

Вот ворóна на крыше покáтой
Так с зимы и остáлась лохмáтой...

Расставим ударения и составим схему ударных и безударных слогов:

— — ' — — ' — — '
— — ' — — ' — — '

Здесь повторяются группы из трех слогов, в которых первый и второй слоги безударные, а третий — ударный. Трехсложный размер с ударением на третьем слоге называется **анапест**:
— — —.

Итак, трехсложных размеров три: **дактиль** (— — —), **амфибрахий** (— — —) и **анапест** (— — —).

Задания

1. Рассмотрите таблицу. Запомните названия стихотворных размеров и их схемы.

Размеры стиха

Двусложные

Хорей	— — —	Что ты ржешь, мой конь ретивый, Что ты шею опустил...
Ямб	— — —	Мороз и солнце; день чудесный! Еще ты дремлешь, друг прелестный...

Трехсложные

Дактиль	— — —	Славная осень! Здоровый, ядреный Воздух усталые силы бодрит...
Амфибрахий	— — —	Однажды в студеную зимнюю пору Я из лесу вышел; был сильный мороз...
Анапест	— — —	Что ты жадно глядишь на дорогу В стороне от веселых подруг...

2. Определите размер стиха в следующих отрывках из стихотворений А. С. Пушкина:

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,

Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Определите размер стиха в отрывках из произведений М. Ю. Лермонтова:

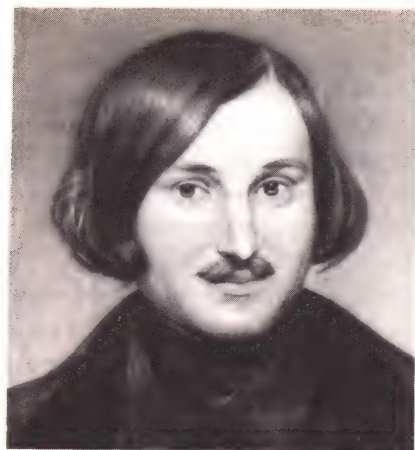
В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич, взгляни на меня!»

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою...

Посреди небесных тел
Лик луны туманный,
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной...

Николай
Васильевич
ГОГОЛЬ
1809—1852

Мы не знаем, как могла бы
Россия обойтись без Гоголя.

Н. Г. Чернышевский

Наступил последний гимназический год. За полгода до окончания гимназии Гоголь писал матери, что занимается целый день с утра до вечера. В июне 1828 года были выпускные экзамены. Все двадцать четыре предмета, которые требовалось сдавать на экзаменах, Гоголь сдал очень хорошо. Кончилась нежинская жизнь...¹

«Скорей в Петербург, на службу государству», — мечтал он.

В декабре Гоголь уже уезжал в Петербург вместе с Данилевским, товарищем детства и юности, — «с братом», как Гоголь часто называл его. С ними ехал и крепостной слуга Яким Нимченко — спокойный, рассудительный человек.

Прошли первые суматошные дни недели: беготня по городу, знакомство с театром, с книжными лавками...

...Почти ежедневно ходил он искать работу. И конечно, никто не распахнул перед ним дверей, никто не встретил с восторгом юношу, горевшего огнем привязанности к родине. Часами просиживал он в приемной какого-нибудь важного начальника, чтобы получить равнодушно-презрительный отказ...

Наконец нашлась служба. Это была самая маленькая должность... Целый день переписывал Гоголь бумаги, подшивал в папки дела, вставал вместе со всеми, когда в канцелярию входило «значительное лицо» — высшее начальство. Как не похожа была эта служба на ту, о которой мечтал Гоголь!..

Вечерами в своей тихой комнате он часто сидел один. Пусть неудача постигла «Ганца»², но писать он будет несмотря ни на

¹ Учеба в Гимназии высших наук в городе Нежине.

² «Ганц» — «Ганц Кюхельгартен» — поэма Гоголя, неодобрительно встреченная критикой.

что. О чем? О солнечной прекрасной Украине — обо всем, что хорошо знакомо ему, что так мило и дорого сердцу с самого раннего детства.

В ящике стола лежит большая, в четыреста девяносто страниц тетрадь, привезенная из Нежина. На обложке рукой гимназиста Гоголя написано: «Книга всякой всячины, или Подручная энциклопедия. Состав. Н. В. Гоголь. 1826 год». Чего только нет в этой тетради: и мысли знаменитых писателей, и сведения по истории и географии, и собственные сочинения, но больше всего здесь записей о жизни русских и украинских народов — предания, обычаи и нравы, пословицы и поговорки, песни. Как все это пригодится ему теперь! Но Гоголю мало и этих записей, и своих детских и юношеских воспоминаний, и книг, которые он читает.

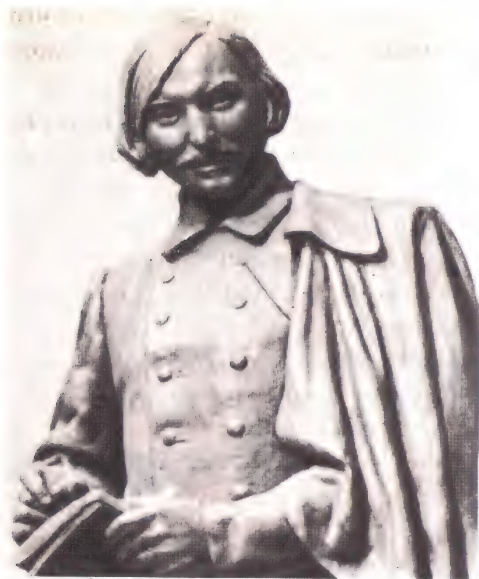
Он пишет матери: «Почтеннейшая маменька, мой добрый ангел-хранитель, теперь я вас прошу в свою очередь сделать для меня величайшее из одолжений. Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы много знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и поэтому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мне их в нашей переписке. Это мне очень, очень нужно... Все это будет для меня чрезвычайно занимательно...» С такой же просьбой обращается он к сестре, к знакомым.

Так начал Гоголь работу над повестями, которые составили потом книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Подошел и 1831 год — один из самых знаменательных в жизни Гоголя. Весной в доме литератора Петра Александровича Плетнева познакомился он, наконец, с Пушкиным. «Какой прекрасный сон видел я в жизни!» — говорил Гоголь. Ничего на свете не было для него выше и дороже Пушкина. Казалось, вся жизнь осветилась, хотелось сделать что-то большое. «Все, что есть у меня хорошего, всем этим я обязан ему», — всегда говорил Гоголь.

Все больше и больше захватывала Гоголя работа над повестью. «Занятия мои теперь составляют неизъяснимое для души удовольствие... Я более нежели когда-либо тружусь и более нежели когда-либо весел», — писал он матери.

В петербургской типографии уже печаталась первая книга, в которую вошли повести: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота». Гоголь назвал книгу «Вечера на хуторе близ Диканьки»... На титульном листе было напечатано: «Повести, изданные пасичником Рудым Паньком».

Памятник Н. В. Гоголю скульптора Н. В. Томского.

Памятник Н. В. Гоголю скульптора Н. А. Андреева.

...Первым читателям книги — наборщикам она очень понравилась. Как-то пришел он в типографию, только заглянул в дверь, а наборщики «давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке». Гоголь удивился, и когда спросил, в чем дело, ему ответили, что очень уж забавны «штучки», которые он изволил прислать из Павловска¹ для печатания.

«Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни», — писал он Пушкину.

В сентябре 1831 года наконец книга вышла.

«Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки»... — писал Пушкин. — Они изумили меня... Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов».

Книга разошлась быстро. Весной 1832 года появилась и вторая книга «Вечеров», в которой были повести: «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Заколдованное место». И снова «автором» повестей был Рудый Панько...

Из книги Н. С. Шер «Рассказы о русских писателях»

¹ *Павловск* — дачное место под Петербургом, где в то время жил Н. В. Гоголь.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа¹. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому³, в синем тулупе, подбитом черными смушками, с дьявольски сплетенною плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, заметил ее, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет. Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросят, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькнула вверх. Но где ни пока-

¹ Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остается дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто от того пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, будто сим народ угождает сатане. Однакож, если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. (З а м е ч а н и е п а с и ч н и к а².)

² Пасичник или пасечник — пчеловод.

³ «В шапке... сделанной по манеру уланскому...» — то есть в шапке, похожей на уланскую каску с квадратным верхом; *ула́ны* — конные полки в дореволюционной армии.

зывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре еще блестили. Вдруг, с другой стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колеса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец¹: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий² в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто черт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых

¹ Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец (примеч. Гоголя).

² *Губёрнский стряпчий* — служащий в суде.

людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны и снова отскочил и отдернул руку. Однакож, несмотря на все неудачи, хитрый черт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки¹; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем не бывало, побежал дальше.

В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться черту на такое незаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутью², где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка, в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и еще кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха³, перегонная на шафран водка и много всякого съестного. А между тем его дочка, красавица на всем селе, останется дома, а к дочке, наверное, придет кузнец, силач и детина хоть куда, который черту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околodge⁴. Сам еще тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалеваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых, и теперь еще можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные

¹ *Люлька* — здесь: трубка для курения.

² *Кутья* — здесь: каша из пшеницы с медом и отваром из сухих фруктов. Кутью ели в канун Рождества.

³ *Варенуха* — вареная водка с пряностями (из словаря Гоголя).

⁴ *Околodge* — здесь окрестные селения.

прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем, чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал ее на большой деревянной доске, черт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на все, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры черт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнеце свою злобу. И для этого решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не легок на подъем, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Еще при месячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафран, могла бы заманить Чуба. Но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нем ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу.

Таким образом, как только черт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула. Тут черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду.

Чудно устроено на нашем свете! Все, что ни живет в нем, все силится перенимать и передразнивать один другого. Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий¹ хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные. Теперь же и заседатель и подкоморий² отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с суконною покрышкою. Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли си-ней китайки³ по шести гривен аршин. Пономарь⁴ сделал себе нанковые⁵ на лето шаровары и жилет из полосатого гаруса⁶. Словом, все лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть

¹ *Городничий* — начальник уездного города (до середины XIX века).

² *Подкоморий* — судья по делам размежевания земельных владений.

³ *Китайка* — сорт хлопчатобумажной ткани.

⁴ *Пономарь* — прислужник в церкви.

⁵ *Нанковые* — из нанки, тонкой хлопчатобумажной ткани.

⁶ *Гарус* — здесь: хлопчатобумажная ткань, похожая на шерстяную.

черта, пустившего себя и себе туда же. Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем, между тем как фигура — взглянуть совестно. Ржа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однакож и он строит любовные куры!¹ Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

— Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате?— говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому, в коротком тулупе мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением бритвы.— Там теперь будет добрая попойка!— продолжал Чуб, осклабив при этом свое лицо.— Как бы только нам не опоздать.

При сем Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут — страх и грозу докучливых собак, но, взглянув вверх, остановился...

— Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!..

— Что? — произнес кум и поднял свою голову также вверх.

— Как что? Месяца нет!

— Что за пропасть? В самом деле нет месяца.

— То-то, что нет,— выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума.— Тебе, небось, и нужды нет.

— А что мне делать?

— Надобно же было,— продолжал Чуб, утирая рукавом усы,— какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь — чудо! Светло; снег блещет при месяце. Все было видно, как днем. Не успел выйти за дверь — и вот, хоть глаз выколи!

Чуб долго еще ворчал и бранился, а между тем в то же время раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалывать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоявшую на столе варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напоминала ему о той лени, которая так мила всем козакам. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя

¹ *Стрѣить кúры* (с франц.) — ухаживать.

ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, без всякого сомнения, решился на последнее, если бы был один, но теперь обоим не так скучно и страшно идти темною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым. Окончивши побранки, обратился он снова к куму:

— Так нет, кум, месяца?

— Нет.

— Чудно, право. А дай понюхать табаку. У тебя, кум, славный табак! Где ты берешь его?

— Кой черт, славный,— отвечал кум, закрывая березовую тавлинку, исколотую узорами.— Старая курица не чихнет!

— Я помню,— продолжал все так же Чуб,— мне покойный шинкарь Зозуля раз привез табаку из Нежина. Эх, табак был! Добрый табак был! Так что же, кум, как нам быть? Ведь темно на дворе.

— Так, пожалуй, останемся дома,— произнес кум, ухватясь за ручку двери.

Если бы кум не сказал этого, то Чуб, верно бы, решился остаться, но теперь его как будто что-то дергало идти наперекор.

— Нет, кум, пойдем! нельзя, нужно идти!

Сказавши это, он уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал-таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своем ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно все равно, сидеть ли дома или тащиться из дому, обсмотрелся, почесал палочкой батога свои плечи, и два кума отправились в дорогу.

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло еще и семнадцати лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про нее. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда, и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте¹ и запаске², а в каком-нибудь капоте³, то разогнала бы всех своих девок.

¹ *Пла́хта* — нижняя одежда женщин из шерстяной клетчатой материи (из словаря Гоголя).

² *Запáска* — род шерстяного передника у женщин (из словаря Гоголя).

³ *Капо́т* — женская верхняя домашняя одежда широкого покроя.

Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то, что и с ним поступаемо было ничуть не лучше, как с другими.

По выходе отца своего она долго еще принаряживалась и жеманилась перед небольшим, в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою.

— Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? — говорила она как бы рассеянно, для того только, чтобы об чем-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша.

Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими черными очами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное.

— Разве черные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздернутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои черные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — И, отдвигая несколько подальше от себя зеркало, вскрикнула: — Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть.

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец. — И хвастовства у нее мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и еще хвалит себя вслух!

— Да, парубки, вам ли чета я? Вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шелком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна¹! Все это накупил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете! — И, усмехнувшись, повернулась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нем была видна, и сквозь суровость какая-то

¹ Галу́н — золотая или серебряная тесьма.

издевка над смутившимся кузнецом; и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать ее миллион раз — вот все, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришел сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатой? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О! я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, мое серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на окову положил такое, какого не клал на сотникову таратайку¹, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околодок выходи своими беленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто же тебе запрещает? Говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шелком, и тонкое чувство самодовольствия разлилось на устах, на свежих ланитах² и осветилось в очах.

— Позволь и мне сесть возле тебя! — сказал кузнец.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнес ободренный кузнец и прижал ее к себе в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щеки, находившиеся уже на неприметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебе еще хочется? Ему когда мед, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, — думал про себя, повеся голову, кузнец. — Ей все игрушки; а я стою перед нею, как дурак, и очей не свожу с нее. И все бы стоял перед нею и век бы не сводил с нее

¹ Тарата́йка — повозка.

² Ланиты — щеки.

очей! Чудная девка! Чего бы я не дал, чтобы узнать, что у нее на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою; мучит меня бедного; а я за грустью не вижу света; а я ее так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его все засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепнувших жилах, и за всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? Ты у меня мать и отец и все, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моем царстве, все отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу, — сказал бы я царю, — ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства. Дай мне лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однакож дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

— Бог с ними, моя красавица!

— Как бы не так! С ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

— Тебе так весело с ними?

— Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждать? — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего, я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» прервал его размышления.

— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличивался, и вверху так сделалось холодно, что черт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак,

желая сколько-нибудь отогреть мерзнувшие руки. Немудрено, однакож, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр¹, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху; будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу.

Черт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то немудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядеть, не назвал ли сын ее Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посреди хаты, вылезла из печки, скинула теплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однакож она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым, не мешает между прочим заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживали и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести ее сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. Шел ли набожный мужик или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою², в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, — как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаной вареников и не поболтать в теплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это заходить по дороге. А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой

¹ *Кухмистр* (нем.) — повар.

² *Кобеньяк* — род суконного плаща с пришитою назади *видлагою* — откидной шапкой из сукна (из словаря Гоголя).

сзади нашиты были золотые усы¹, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже, верно, закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец² и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! Черт-баба!»

Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов; восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатой. Две пары дюжих волов всякий раз высовывали свои головы из плетеного сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму — корову, или дядю — толстого быка. Бородатый козел взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору индеек и оборачиваясь задом, когда завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавшихся над его бородою. В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов и старинных кунтушей³ с золотыми галунами: покойная жена его была шеголиха.

В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось еще каждый год две нивы табаку. Все это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдет в ее руки, и удвоивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын ее Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе, и тогда бы, наверно, не допустил ее мешаться ни во что, она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. Может быть, эти самые хитрости и сметливость ее были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на веселой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у нее сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она еще в позапрошлый четверг черною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, при-

¹ *Золотые усы* — золотая тесьма, галуны.

² *Оселедец* — длинный клоч волос на голове, заматывающийся на ухо (из словаря Гоголя).

³ *Жупан* и *кунтуш* — старинное верхнее платье.

шел какой-то коровий пастух Тымиш Коростявий. Он не преминул рассказать, как летом, перед самою петровкою¹, когда он лег спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелинуться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день. Но все это что-то сомнительно, потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму. И оттого все именитые козаки махали руками, когда слышали такие речи. «Брешут, сучьи бабы!» бывал обыкновенный ответ их.

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить все к своему месту; но мешков не тронула: это Вакула принес, пусть же сам и вынесет! Черт между тем, когда еще влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замерзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперед сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А черт улетел снова в трубу, в твердой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры.

В самом деле, едва только поднялась метель и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъяснил раскаяние и, нахлобучив глубже на голову капелюхи², угощал побранками себя, черта и кума. Впрочем, эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники поворотили назад. Ветер дул в затылок; но сквозь метущий снег ничего не было видно.

— Стой, кум! мы, кажется, не туда идем,— сказал, немного отошедши, Чуб:— я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! Свороти-ка ты, кум, немного в сторону, не найдешь ли дороги; а я тем временем поищу здесь. Дернет же нечистая сила потаскаться

¹ *Петрówka* (петровки) — пост перед Петровым днем, летним праздником в православной церкви.

² *Капелюхи* — шапка с ушами.

по такой вьюге! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!

Дороги, однакож, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперед и наконец набрел на шинок. Эта находка так его обрадовала, что он позабыл все и, стряхнувши с себя снег, вошел в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашел дорогу; остановившись, принялся он кричать во все горло, но, видя, что кум не является, решил идти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снега лежали около нее и на крыше. Хлопая намерзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть ее.

— Чего тебе тут нужно? — сурово закричал вышедший кузнец.

Чуб, узнавши голос кузнеца, отступил несколько назад. «Э, нет, это не моя хата, — говорил он про себя: — в мою хату не забредет кузнец. Опять же, если присмотреться хорошенько, то и не кузнеца. Чья бы была это хата? Вот на! не распознал! Это хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось и сначала немного чудно, что так скоро пришел домой. Однакож Левченко сидит теперь у дьяка, это я знаю; зачем же кузнец?.. Э-ге-ге! он ходит к его молодой жене. Вот как! хорошо!.. Теперь я все понял».

— Кто ты такой и зачем таскаешься под дверями? — произнес кузнец суровее прежнего и подойдя ближе.

«Нет, не скажу ему, кто я, — подумал Чуб: — чего доброго, еще приколотит проклятый выродок!» и, переменив голос, отвечал:

— Это я, добрый человек! Пришел вам на забаву поколядовать немного под окнами.

— Убирайся к черту с своими колядками! — сердито закричал Вакула. — Что ж ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же час вон!

Чуб сам уже имел это благоразумное намерение, но ему досадно показалось, что принужден слушаться приказаний кузнеца. Казалось, какой-то злой дух толкал его под руку и вынуждал сказать что-нибудь наперекор.

— Что ж ты, в самом деле, так раскричался? — произнес он тем же голосом. — Я хочу колядовать, да и полно.

— Эге! да ты от слов не уймешься!..

Вслед за сими словами Чуб почувствовал пребольной удар в плечо.

— Да вот это ты, как я вижу, начинаешь уже драться! — произнес он, немного отступая.

— Пошел, пошел! — кричал кузнец, наградив Чуба другим толчком.

— Что ж ты! — произнес Чуб таким голосом, в котором изображалась и боль, и досада, и робость. — Ты, вижу, не в шутку дерешься, и еще больно дерешься!

— Пошел, пошел! — закричал кузнец и захлопнул дверь.

— Смотри, как расхрабрился! — говорил Чуб, оставшись один на улице. — Попробуй, подойди! вишь какой! вот большая цаца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нет, голубчик, я пойду, и пойду прямо к комиссару¹. Ты у меня будешь знать. Я не посмотрю, что ты кузнец и маляр. Однакож посмотреть на спину и плечи: я думаю, синие пятна есть. Должно быть, больно поколотил вражий сын! Жаль, что холодно и не хочется скинуть кожуха! Постой ты, бесовский кузнец, чтоб черт поколотил и тебя и твою кузницу, ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеник²! Однакож ведь теперь его нет дома. Солоха, думаю, сидит одна. Гм... оно ведь недалеко отсюда; пойти бы! Время теперь такое, что нас никто не застанет. Может, и того будет можно... вишь, как больно поколотил проклятый кузнец!

Тут Чуб, почесав свою спину, отправился в другую сторону. Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трещал по всем улицам, не заглушаемый व्यюжным свистом. По временам на лице его, которого бороду и усы метель намылила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватающего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однакож, снег не крестил взад и вперед всего перед глазами, то долго еще можно было бы видеть, как Чуб останавливался, почесывал спину, произносил: «Больно поколотил проклятый кузнец!», и снова отправлялся в путь.

В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка³, в которую он спрятал украденный

¹ *Комиссар* — чиновник, исполняющий полицейские функции.

² *Шибеник* — висельник (из словаря Гоголя).

³ *Ладунка* (лядунка) — сумка кавалериста.

месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звездами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатой не толпились колядующие. Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза еще живее горят щеки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперерыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами¹, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другой и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую веселость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

— Э, Одарка! — сказала веселая красавица, оборотившись к одной из девушек. — У тебя новые черевички²? Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который все тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевички.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! — подхватил кузнец, — я тебе достану такие черевички, какие редкая панночка носит.

— Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевички, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесешь те самые, которые носит царица.

— Видишь, каких захотела! — закричала со смехом девичья толпа.

— Да! — продолжала гордо красавица. — Будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесет те самые черевички,

¹ *Паляница* — небольшой хлеб, несколько плоский (из словаря Гоголя).

² *Черевички* — башмаки (из словаря Гоголя).

которые носит царица, то вот мое слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

— Смейся, смейся! — говорил кузнец, выходя вслед за ними. — Я сам смеюсь над собою! Думаю и не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, — ну, Бог с ней! будто только на всем свете одна Оксана. Слава Богу, дивчат много хороших и без нее на селе. Да что Оксана? С нее никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух пронесил пред ним смеющийся образ Оксаны, говоривший насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевички, выйду за тебя замуж!» Все в нем волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шел и ничего не видел и не участвовал в тех веселостях, которые когда-то любил более всех.

Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все, кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло. Солоха была не так жестока, притом же черт, как известно, действовал с нею заодно. Она-таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот вечер, однакож, думала провести одна, потому что все именитые обитатели села званы были на кутью к дьяку. Но все пошло иначе: черт только что представил свое требование, как вдруг послышался голос дюжего головы¹. Солоха побежала отворить дверь, а проворный черт влез в лежавший мешок.

Голова, стряхнув с своих капелех снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошел к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в ее хате, завернул к ней в намерении провести вечер с нею.

Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка.

¹ Голова — выборная должность, глава села на Украине в XVIII — начале XX веков.

— Спрячь меня куда-нибудь,— шептал голова.— Мне не хочется теперь встретиться с дьяком.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углем; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок.

Дьяк взошел, покряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у нее, и не испугался метели. Тут он подошел к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами ее обнаженной полной руки и произнес с таким видом, в котором выказывалось и лукавство и самодовольствие:

— А что это у вас, великолепная Солоха? — И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

— Как что? Рука, Осип Никифорович! — отвечала Солоха.

— Гм! рука! Хе! хе! хе! — произнес довольный своим началом дьяк и прошелся по комнате.— А это что у вас, дражайшая Солоха? — произнес он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив ее слегка рукою за шею и таким же порядком отскочив назад.

— Будто не видите, Осип Никифорович! — отвечала Солоха.— Шея, а на шее монисто.

— Гм! на шее монисто! Хе! хе! хе! — И дьяк снова прошелся по комнате, потирая руки.— А это что у вас, несравненная Солоха?..

Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

— Ах, Боже мой, стороннее лицо! — закричал в испуге дьяк.— Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдет до отца Кондрата!..

Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшную рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую.

— Ради Бога, добродетельная Солоха,— говорил он, дрожа всем телом.— Ваша доброта, как говорит писание Луки, глава трина... трин... Стучатся, ей-Богу стучатся! Ох! спрячьте меня куда-нибудь.

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объемистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что

сверх его можно было насыпать еще с полмешка угля.

— Здравствуй, Солоха! — сказал, входя в хату, Чуб. — Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда не ожидала? Может быть, я помешал... — продолжал Чуб, показав на лице своем веселую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. — Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь?.. Может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? — И, восхищенный таким своим замеча-

нием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. — Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло от проклятого мороза... Послал же Бог такую ночь перед Рождеством! Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... Эк окостенели руки: не расстегну кожуха! Как схватилась выюга...

— Отвори! — раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

— Стучит кто-то? — сказал остановившийся Чуб.

— Отвори! — закричали сильнее прежнего.

— Это кузнец! — произнес, схватясь за капелюхи, Чуб. — Слышишь, Солоха: куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дяк. Бедный дяк не смел даже изъять кашлем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжелый мужик и поместил свои намерзнувшие на морозе сапоги по обем сторонам его висков.

Кузнец вошел, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно было, что он весьма не в духе.

В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-

то постучался снова. Это был козак Свербыгуз. Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. Он был погрузнее телом самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха вывела его в огород, чтоб выслушать от него все то, что он хотел ей объявить.

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!»

Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волосы на голове его прикрутила завязавшая мешок веревка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? — говорил кузнец. — Не хочу думать о ней, а все думается; и, как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой черт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут, верно, положено еще что-нибудь, кроме угля. Дурень я! я и позабыл, что теперь мне все кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову, а теперь мешков с углем не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет, — вскричал он, помолчав и ободрившись, — что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, все подыму. — И бодро взвалил себе на плечи мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. — Взять и этот, — продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, черт. — Тут, кажется, я положил струмент свой.

Сказав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню:

Мени з жинкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены еще пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь веселая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козак. То вдруг один из толпы вместо колядки отпускал щедровку¹ и ревел во все горло:

¹ *Щедрівки* — песенки, распевавшиеся молодежью в канун Нового года; в канун Рождества распевались колядки.

Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку¹ кашки,
Кильце² ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухошавые руки старух, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывались из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролет готовы были поселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и еще белее казался свет месяца от блеска снега.

Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нем вздрогнули; бросивши на землю мешки так, что находившийся на дне дык заохал от ушибу и голова икнул во все горло, побрел он с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за девичьей толпою, между которою ему послышался голос Оксаны.

Так, это она! Стоит, как царица, и блестит черными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеется. Но она всегда смеется. Как будто невольно, сам не понимая как, протерся кузнец сквозь толпу и стал около нее.

— А, Вакула, ты тут! Здравствуй! — сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. — Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевички, которые носит царица, достал? Достань черевички, выйду замуж! — И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте.

— Нет, не могу; нет силы больше... — произнес он наконец. — Но, Боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Ее взгляд, и речи, и все, ну вот так и жжет, так и жжет... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе³, и поминай как звали!

¹ Грудочка — мисочка.

² Кильце — кольцо, круг.

³ Пролуб — прорубь.

Тут решительным шагом пошел он вперед, догнал толпу, поровнялся с Оксаною и сказал твердым голосом:

— Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачьего хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивленною, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

— Куда, Вакула? — кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричал в ответ кузнец. — Даст Бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам Чудотворца и Божией Матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Все добро, какое найдется в моей скрыне¹, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

— Он повредился! — говорили парубки.

— Пропавшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха. — Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я в самом деле бегу? — подумал он: — как будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и все сделает, что захочет. Пойду, ведь душе все же придется пропадать!»

При этом черт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и произвел сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, встряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем²; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем,

¹ *Скрыня* — большой сундук (из словаря Гоголя).

² *Запоро́жец* — казак из Запорожской Сечи, особого казачьего войска, существовавшего до 1775 года, главный стан которого находился за днепровскими порогами (в Запорожье).

было где и поместиться: потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что, какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым. Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже знали, что он знахарь. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк умел так искусно ударить кулаком в спину, что кость отправлялась куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу. В последнее время его редко видали где-нибудь. Причина этому была, может быть, лень, а может, и то, что пролезать в двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нем нужду.

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу по-турецки перед небольшою кадучкою, на которой стояла миска с галушками¹. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки.

«Нет, этот,— подумал Вакула про себя,— еще ленивее Чуба: тот по крайней мере ест ложкою, а этот и руки не хочет поднимать!»

Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

— Я к твоей милости пришел, Пацюк! — сказал Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюк поднял голову и снова начал хлебать галушки.

— Ты, говорят, не во гнев будь сказано...— сказал, собираясь с духом, кузнец: — я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду,— приходишься немного сродни черту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумав, что выразился все еще напрямик и мало смягчил крепкие слова, и, ожи-

¹ Галушки, клёцки — кусочки теста, сваренные в воде или в молоке.

дая, что Пацюк, схвативши кадушку вместе с мискою, пошлет ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки. Ободренный кузнец решил продолжить:

— К тебе пришел, Пацюк, дай Боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции! — Кузнец иногда умел ввернуть модное слово; в том он понаторел в бытность еще в Полтаве, когда размалевывал сотнику дощатый забор. — Пропадать приходится мне грешному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого черта. Что ж, Пацюк? — произнес кузнец, видя неизменное его молчание: — как мне быть?

— Когда нужно черта, то и ступай к черту! — отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришел к тебе, — отвечал кузнец, отвешивая поклон: — кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова и доедал остальные галушки.

— Сделай милость, человек добрый, не откажи! — наступал кузнец: — свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшена или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами, — произнес равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» — безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал.

Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски; одна была наполнена варениками, другая сметаню. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим,— говорил он сам себе,— как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмакнуть в сметану».

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» — подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже вымазал губы сметаню. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, замечая притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему еще, пусть растолкует хорошенько... Однако что за черт! ведь сегодня голодная кутья¹, а он ест вареники, вареники скромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!» — И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж черт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но черт, наклонив свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

— Это я — твой друг, все сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь,— пискнул он ему в левое ухо.—

¹ *Голо́дная кутья* — канун Рождества, когда постились — не ели скромной (мясной и молочной) пищи.

Оксана будет сегодня же наша,— шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял размышляя.

— Изволь,— сказал он наконец,— за такую цену готов быть твоим!

Черт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! — думал он про себя: — теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей. Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут черт засмеялся от радости, вспомнив, как

будет дразнить в аде все хвостатое племя, как будет беситься хромой черт, считавшийся между ними первым на выдумки.

— Ну, Вакула! — пропищал черт, все так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал: — ты знаешь, что без контракта¹ ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватъ черта за хвост.

— Вишь, какой шутник! — закричал, смеясь, черт. — Ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчик! — закричал кузнец: — а вот это как тебе покажется? — При сем слове он сотворил крест, и черт сделался так тих, как ягненок. — Постой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал черт: — все, что для тебя нужно, все сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

— А, вот каким голосом запел, немец проклятый! теперь я

¹ *Контра́кт* — письменный договор, включающий обязательства обеих заключивших его сторон.

знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе! слышишь, неси, как птица!

— Куда? — произнес печальный черт.

— В Петербург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя поднимающимся на воздух.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри ее что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? «Чего доброго! Может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть ее первую красавицею на селе? Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет; он шалит, прикидывается. Не пройдет минут десять, как он, верно, придет поглядеть на меня. Я в самом деле сурова. Нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать себя. То-то он обрадуется!» И ветреная красавица уже шутила с своими подругами.

— Постойте,— сказала одна из них,— кузнец позабыл мешки свои; смотрите, какие страшные мешки! Он не по-нашему на-колядовал: я думаю, сюда по целой четверти барана кидали; а колбасам и хлебам, верно, счету нет. Роскошь! целые праздники можно объедаться.

— Это кузнецовы мешки? — подхватила Оксана.— Утащим скорее их ко мне в хату и разглядим хорошенько, что он сюда накладал.

Все со смехом одобрили такое предложение.

— Но мы не поднимем их! — закричала вся толпа вдруг, слыся сдвинуть мешки.

— Постойте,— сказала Оксана,— побежим скорее за санками и отвезем на санках!

И толпа побежала за санками.

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках, несмотря на то, что дык проткнул для себя пальцем порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, может быть, он нашел бы средство вылезть; но вылезть из мешка при всех, показать себя насмех ... это удерживало его, и он решился ждать, слегка только покрхатывая под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но как скоро услышал решение своей

дочери, то успокоился и не хотел уже вылезть, рассуждая, что к хате своей нужно пройти по крайней мере шагов с сотню, а может быть, и другую. Вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, подвязать пояс — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дивчата довезут на санках. Но случилось совсем не так, как ожидал Чуб. В то время, когда дивчата побежали за санками, худошавый кум выходил из шинка расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг; он хотел было дожидаться, авось-либо придет какой-нибудь набожный дворянин и попотчует его; но, как нарочно, все дворяне оставались дома и, как честные христиане, ели кутью посреди своих домашних. Размышляя о развращении нравов и о деревянном сердце шинкарки, продающей вино, кум набрел на мешки и остановился в изумлении.

— Вишь, какие мешки кто-то бросил на дороге! — сказал он, осматриваясь по сторонам: — должно быть, тут и свинина есть. Полезло же кому-то счастье наколядовать столько всякой всячины! Экие страшные мешки! Положим, что они набиты гречаниками да коржами¹, и то *добре*. Хотя бы были тут одни паляницы, и то в шмак²: шинкарка за каждую паляницу дает осьмуху водки. Утащить скорее, чтобы кто не увидел. — Тут взвалил он себе на плеча мешок с Чубом и дьяком, но почувствовал, что он слишком тяжел. — Нет, одному будет тяжело несть, — проговорил он, — а вот, как нарочно, идет ткач Шапуваленко. Здравствуй, Остап!

— Здравствуй, — сказал, остановившись, ткач.

— Куда идешь?

— А так. Иду, куда ноги идут.

— Помоги, человек добрый, мешки снести! Кто-то колядовал, да и кинул посреди дороги. Добром разделимся пополам.

— Мешки? А с чем мешки, с кнышами или паляницами?

— Да, думаю, всего есть.

Тут выдернули они наскоро из плетня палки, положили на них мешок и понесли на плечах.

— Куда ж мы понесем его? в шинок? — спросил дорогою ткач.

— Оно бы и я так думал, чтобы в шинок; но ведь проклятая шинкарка не поверит, подумает еще, что где-нибудь укра-

¹ *Гречаник* — хлеб из гречневой муки, *корж* — сухая лепешка из пшеничной муки, часто с салом (из словаря Гоголя).

² *И то в шмак* — и то вкусно.

ли; к тому же я только что из шинка. Мы отнесем его в мою хату. Нам никто не помешает: жинки нет дома.

— Да точно ли нет дома? — спросил осторожный ткач.

— Слава богу, мы не совсем еще без ума, — сказал кум: — черт ли бы принес меня туда, где она. Она, думаю, протаскается с бабами до света.

— Кто там? — закричала кумова жена, услышав шум в сенях, произведенный приходом двух приятелей с мешком, и отворяя дверь.

Кум остолбенел.

— Вот тебе на! — произнес ткач, опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище, каких немало на белом свете. Так же как и ее муж, она почти никогда не сидела дома и почти весь день пресмыкалась у кумушек и зажиточных старух, хвалила и ела с большим аппетитом и дралась только по утрам с своим мужем, потому что в это только время и видела его иногда. Хата их была вдвое старше шаровар волостного писаря, крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были одни остатки, потому что всякий выходивший из дому никогда не брал палки для собак, в надежде, что будет проходить мимо кумова огорода и выдернет любую из его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что ни напрашивала нежная супруга у добрых людей, прятала как можно подальше от своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если он не успевал ее пропить в шинке. Кум, несмотря на всегдашнее хладнокровие, не любил уступать ей и оттого почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкам о бесчинстве своего мужа и о претерпенных ею от него побоях.

Теперь можно себе представить, как были озадачены ткач и кум таким неожиданным явлением. Опустивши мешок, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена хотя и дурно видела старыми глазами, однакож мешок заметила.

— Вот это хорошо! — сказала она с таким видом, в котором заметна была радость ястреба. — Это хорошо, что наколядовали столько! Вот так всегда делают добрые люди; только нет, я думаю, где-нибудь подцепили. Покажите мне сей час! слышите, покажите сей же час мешок ваш!

— Лысый черт тебе покажет, а не мы, — сказал, приосанясь, кум.

— Тебе какое дело? — сказал ткач: — мы наколядовали, а не ты.

— Нет, ты мне покажешь, негодный пьяница! — вскричала жена, ударив высокого кума кулаком в подбородок и продираясь к мешку.

Но ткач и кум мужественно отстояли мешок и заставили ее попятиться назад. Не успели они оправиться, как супруга выбежала в сени уже с кочергою в руках. Проворнохватила кочергою мужа по рукам, ткача по спине и уже стояла возле мешка.

— Что мы допустили ее? — сказал ткач очнувшись.

— Э, что мы допустили! а отчего ты допустил? — сказал хладнокровно кум.

— У вас кочерга, видно, железная! — сказал после небольшого молчания ткач, почесывая спину. — Моя жинка купила прошлый год на ярмарке кочергу, дала пивкопы¹, — та ничего... не больно...

Между тем торжествующая супруга, поставив на пол каганец², развязала мешок и заглянула в него. Но, верно, старые глаза ее, которые так хорошо увидели мешок, на этот раз обманулись.

— Э, да тут лежит целый кабан! — вскрикнула она, всплеснув от радости в ладоши.

— Кабан! слышишь, целый кабан! — толкал ткач кума. — А все ты виноват!

— Что ж делать! — произнес, пожимая плечами, кум.

— Как что? чего мы стоим? отнимем мешок! ну, приступай!

— Пошла прочь! пошла! это наш кабан! — кричал, выступая, ткач.

— Ступай, ступай, чертова баба! это не твое добро! — говорил, приближаясь, кум.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чуб в это время вылез из мешка и стал посреди сеней, потягиваясь, как человек, только что пробудившийся от долгого сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши об полы руками, и все невольно разинули рты.

— Что ж она, дура, говорит: кабан! Это не кабан! — сказал кум, выпуча глаза.

— Вишь, какого человека кинуло в мешок! — сказал ткач, пугаясь от испугу. — Хоть что хочешь говори, хоть тресни, а не

¹ Пивкопы — двадцать пять копеек (из словаря Гоголя).

² Каганец — светильная, состоящая из разбитого черепка, наполненного салом (из словаря Гоголя).

обошлось без нечистой силы. Ведь он не пролезет в окошко.

— Это кум! — вскрикнул, взглядевшись, кум.

— А ты думал кто? — сказал Чуб усмехаясь. — Что, славную я выкинул над вами шутку? А вы, небось, хотели меня съесть вместо свинины? Постойте же, я вас порадую: в мешке лежит еще что-то, — если не кабан, то, наверное, поросенок или иная живность. Подо мною беспрестанно что-то шевелилось.

Ткач и кум кинулись к мешку, хозяйка дома уцепилась с противной стороны, и драка возобновилась бы снова, если бы дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался из мешка.

Кумова жена, остолбенев, выпустила из рук ногу, за которую начала было тянуть дьяка из мешка.

— Вот и другой еще! — вскрикнул со страхом ткач: — черт знает как стало на свете... голова идет кругом ... не колбас и не паляниц, а людей кидают в мешки!

— Это дьяк! — произнес изумившийся более всех Чуб. — Вот тебе на! Ай да Солоха! посадить в мешок... То-то, я гляжу, у нее полная хата мешков... Теперь я все знаю: у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она только мне одному... Вот тебе и Солоха!

Девушки немного удивились, не найдя одного мешка. «Нечего делать, будет, с нас и этого», — лепетала Оксана. Все принялись за мешок и взвалили его на санки.

Голова решил молчать, рассуждая: если он закричит, чтобы его выпустили и развязали мешок, — глупые дивчата разбегутся, подумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице, может быть, до завтра.

Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как вихорь, с санками по скрипучему снегу. Множество, шая, садилось на санки; другие взбирались на самого голову. Голова решил сносить все. Наконец приехали, отворили настежь двери в сенях и хате и с хохотом втащили мешок.

— Посмотрим, что-то лежит тут, — закричали все, бросившись развязывать.

Тут икота, которая не переставала мучить голову во все время сидения его в мешке, так усилилась, что он начал икать и кашлять во все горло.

— Ах, тут сидит кто-то! — закричали все и в испуге бросились вон из дверей.

— Что за черт! куда вы мечетесь как угорелые? — сказал, входя в дверь, Чуб.

— Ах, батко! — произнесла Оксана: — в мешке сидит кто-то!

— В мешке? где вы взяли этот мешок?

— Кузнец бросил его посреди дороги, — сказали все вдруг.

«Ну, так, не говорил ли я?...» — подумал про себя Чуб.

— Чего ж вы испугались? посмотрим. А ну-ка, чоловіче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!

Голова вылез.

— Ах! — вскрикнули девушки.

— И голова влез туда ж, — говорил про себя Чуб в недоумении, меряя его с головы до ног. — Вишь как!.. Э!.. — более он ничего не мог сказать.

Голова сам был не меньше смущен и не знал, что начать.

— Должно быть, на дворе холодно? — сказал он, обращаясь к Чубу.

— Морозец есть, — отвечал Чуб. — А позволь спросить тебя, чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем¹ или дегтем?

Он хотел не то сказать, он хотел спросить: «Как ты, голова, залез в этот мешок?», но сам не понимал, как выговорил совершенно другое.

— Дегтем лучше! — сказал голова. — Ну, прощай, Чуб! — И, нахлобучив капелюхи, вышел из хаты.

¹ *Смалец* — бараний жир (из словаря Гоголя).

— Для чего спросил я сдуру, чем он мажет сапоги! — произнес Чуб, поглядывая на двери, в которые вышел голова. — Ай да Солоха! эдакого человека засадить в мешок!.. Вишь, чертова баба! А я дурак... Да где же тот проклятый мешок?

— Я кинула его в угол, там больше ничего нет, — сказала Оксана.

— Знаю я эти штуки, ничего нет! подайте его сюда: там еще один сидит! встряхните его хорошенько... Что, нет?.. Вишь, проклятая баба! а поглядеть на нее: как святая, как будто и скромного никогда не брала в рот.

Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду и возвратимся к кузнецу, потому что уже на дворе, верно, есть час девятый.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. Однакож мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чертом. Его забавляло до крайности, как черт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисовый крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а черт, думая, что его собираются крестить, летел еще быстрее. Все было светло в вышине. Воздух в легком серебряном тумане был прозрачен. Все было видно; даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила, куда нужно, ведьма... много еще дряни встречали они. Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло дальше и продолжало свое; кузнец все летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Черт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегу не среди улицы.

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; дома росли и

будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы¹ кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, унизанными плошками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели. Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель! а те, кто катаются в таких чудных бричках со стеклами, те когда не городничие, то, верно, комиссары, а может, еще и больше». Его слова прерваны были вопросом черта: «Прямо ли ехать к царице?» «Нет, страшно, — подумал кузнец. — Тут где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью через Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; все бы так посоветоваться с ними».

¹ *Форейтор* — верховой, сидевший верхом на одной из передних лошадей при запряжке цугом, то есть попарно, гуськом.

— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да ве-ди к запорож-цам!

Черт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошел, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату, но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шелковых диванах, поджав под себя намазанные дегтем сапоги, и кутивших самый крепкий табак, называемый обыкновенно ко-решками.

— Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! вот где увиделись! — сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

— Что там за человек? — спросил сидевший перед самым куз-нецом другого, сидевшего подалее.

— А вы не узнали? — сказал кузнец: — это я, Вакула, куз-нец! Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай Боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки!

— А! — сказал тот же запорожец: — это тот самый кузнец, который малюет важно. Здорово, земляк, зачем тебя бог принес?

— А так, захотелось поглядеть, говорят...

— Что ж, земляк, — сказал, приосанясь, запорожец и желая по-казать, что он может говорить и по-русски, — что большой город?

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык.

— Губерния знатная! — отвечал он равнодушно. — Нечего сказать: дома балшущие, картины висят скрозь важные. Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычай-ности. Нечего сказать, чудная пропорция!

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющего-ся, вывели заключение очень для него выгодное.

— После потолкуем с тобою, земляк, побольше; теперь же мы едем сейчас к царице.

— К царице? а будьте ласковы, панове, возьмите и меня с собою!

— Тебя? — произнес запорожец с таким видом, с каким гово-рит дядька четырехлетнему своему воспитаннику, просящему по-садить его на настоящую, на большую лошадь. — Что ты будешь

там делать? Нет, не можно.— При этом на лице его выразилась значительная мина.— Мы, брат, будем с царицею толковать про свое.

— Возьмите! — настаивал кузнец.— Проси! — шепнул он тихо черту, ударив кулаком по карману.

Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил:

— Возьмем его, в самом деле, братцы!

— Пожалуй, возьмем! — произнесли другие.

— Надевай же платье такое, как и мы.

Кузнец схватился натянуть на себя зеленый жупан, как вдруг дверь отворилась и вошедший с позументами человек¹ сказал, что пора ехать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда он понесся в огромной карете, качаясь на рессорах, когда с обеих сторон мимо его бежали назад четырехэтажные дома и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям.

«Боже ты мой, какой свет! — думал про себя кузнец.— У нас днем не бывает так светло».

Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени и начали подыматься на блистательно освещенную лестницу.

— Что за лестница! — шептал про себя кузнец: — жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот, говорят, лгут сказки! кой черт лгут! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!

Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец все еще не переставал удивляться. Вступивши в четвертую, он невольно подошел к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с Младенцем на руках. «Что за картина! что за чудная живопись! — рассуждал он: — вот, кажется, говорит! кажется, живая! А дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! А краски! боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, все ярь да бакан; а голубая так и горит! Важная работа! должно быть, грунт наведен был блейвасом². Сколь, одна-

¹ С позументами человек — слуга, одетый в парадную одежду — ливрею, обшитую золотой или серебряной тесьмой (позументами).

² Вохра — охра, желтая краска; ярь — зеленая; бакан — красная; блейвас — белила.

кож, ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка,— продолжал он, подходя к двери и щупая замок,— еще большего достойна удивления. Эх какая чистая выделка! Это все, я думаю, немецкие кузнецы за самые дорогие цены делали...»

Может быть, долго еще бы рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли еще две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошел в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в желтых сапожках. Волосы на нем были растрепаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах, засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошел к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

— Все ли вы здесь? — спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

— *Та вси, батько!* — отвечали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудете говорить так, как я вас учил?

— Нет, батько, не позабудем.

— Это царь? — спросил кузнец одного из запорожцев.

— Куда тебе царь! это сам Потемкин¹, — отвечал тот.

В другой комнате слышались голоса, и кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назади. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

— Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

— Встаньте! — прозвучал над ними повелительный и вместе

¹ Г. А. Потемкин — государственный деятель, полководец, гетман Украины; был любимцем Екатерины II и пользовался неограниченной властью.

приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

— Не встанем, мамо! не встанем! умрем, а не встанем! — кричали запорожцы.

Потемкин кусал себе губы, наконец подошел сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился и кузнец поднять голову и увидел стоявшую перед собою небольшого росту женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами, и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел покорять себе все и мог только принадлежать одной царствующей женщине.

— Светлейший¹ обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор еще не видала, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. — Хорошо ли вас здесь содержат? — продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасибі, мамо!* Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, — почему ж не жить как-нибудь?..

Потемкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперед:

— Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневи-ли? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь *поворотить в карабинеры*²; теперь слышим новые напасты. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию чрез Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?..

Потемкин молчал и небрежно чистил небольшою щеточкою свои бриллианты, которыми были унижены его руки.

— Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули друг на друга.

¹ *Светлѣйшій* — светлейший князь, высший княжеский титул в дореволюционной России.

² *Поворотѣть в карабинѣры* — заставить казаков нести регулярную военную службу в армии. Екатерина II уничтожила вольности запорожского войска в 1775 году и раздала запорожские земли своим любимцам. *Карабинѣр* — солдат, вооруженный карабином, короткоствольной винтовкой.

«Теперь пора! царица спрашивает, чего хотите!» — сказал сам себе кузнец и вдруг повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать. Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже ты мой, что если бы моя жинка надела такие черевички!

Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже. Потемкин и хмурился и улыбался вместе. Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошел.

— Встань! — сказала ласково государыня. — Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это нетрудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам, — продолжала государыня, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом¹, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами показывал, что он не принадлежал к числу придворных, — предмет, достойный остроумного пера вашего!

— Вы, ваше императорское величество, слишком милостивы. Сюда нужно по крайней мере Лафонтена²! — отвечал, поклонясь, человек с перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однакож, — продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, — я слышала, что на Сече у вас никогда не женятся.

— *Як же, мамо!* ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, — отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом; и кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам в себе: верно, недаром он это делает».

— Мы не чернецы³, — продолжал запорожец, — а люди греш-

¹ Человек с полным, но несколько бледным лицом — Д. И. Фонвизин (1745—1792), знаменитый русский сатирик, автор комедий «Бригадир» и «Недоросль».

² Лафонтен (1621—1695) — французский поэт и баснописец.

³ Черне́ц — монах.

ные. Падки, как и все честное христианство, до скромного. Есть у нас немало таких, которые имеют жен, только не живут с ними на Сече. Есть такие, что имеют жен в Польше; есть такие, что имеют жен в Украине; есть такие, что имеют жен и в Турешине.

В это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшение! — вскрикнул он радостно, хватив башмаки. — Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах и в них, чаятельно, ваше благородие, ходите и на лед ковзаться¹, какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере из чистого сахара.

Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца, который в своем запорожском платье мог почесться красавцем, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить хорошенько царицу о всем: правда ли, что цари едят один только мед да сало, и тому подобное; но, почувствовав, что запорожцы толкают его под бока, решил замолчать. И когда государыня, обратившись к старикам, начала расспрашивать, как у них живут на Сече, какие обычаи водятся, — он, отошедши назад, нагнул к карману, сказал тихо: «Выноси меня отсюда скорее!» — и вдруг очутился за шлагбаумом.

— Утонул! ей-Богу, утонул! вот чтобы я не сошла с этого места, если не утонул! — лепетала толстая ткачиха, стоя в куче диканьских баб посередине улицы.

— Что ж, разве я лгунья какая? разве я у кого-нибудь корову украду? разве я сглазила кого, что ко мне не имеют веры? — кричала баба в козацкой свитке, с фиолетовым носом, размахивая руками. — Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела собственными глазами, как повесился кузнец!

— Кузнец повесился? вот тебе на! — сказал голова, выходящий от Чуба, остановился и протеснился ближе к разговаривавшим.

— Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось пить, старая пьяница! — отвечала ткачиха: — нужно быть такой сумасшед-

¹ Ковзаться — кататься (на коньках).

шей, как ты, чтобы повеситься! Он утонул! утонул в пролубе! Это я так знаю, как то, что ты была сейчас у шинкарки.

— Срамница! вишь, чем стала попрекать! — гневно возразила баба с фиолетовым носом. — Молчала бы, негодница! Разве я не знаю, что к тебе дьяк ходит каждый вечер?

Ткачиха вспыхнула.

— Что дьяк? к кому дьяк? что ты врешь?

— Дьяк? — пропела, теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе из заячьего меха, крытом синею китайкою. — Я дам знать дьяка! кто это говорит — дьяк?

— А вот к кому ходит дьяк! — сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

— Так это ты, — сказала дьячиха, подступая к ткачихе, — так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе?

— Отвяжись от меня, сатана! — говорила, пятась, ткачиха.

— Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! тыфу!.. — Тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе.

Ткачиха хотела и себе сделать то же, но вместо того плюнула в небритую бороду голове, который, чтобы лучше все слышать, подобрался к самим спорившим.

— А, скверная баба! — закричал голова, обтирая полою лицо и поднявши кнут. Это движение заставило всех разойтись с ругательствами в разные стороны. — Экая мерзость! — повторял он, продолжая обтираться. — Так кузнец утонул! Боже ты мой! а какой важный живописец был! какие ножи крепкие, серпы, плуги умел выковывать! что за сила была! Да, — продолжал он задумавшись, — таких людей мало у нас на селе. То-то я, еще сидя в проклятом мешке, замечал, что бедняжка был крепко не в духе. Вот тебе и кузнец! был, а теперь и нет! а я собирался было подковать свою рябую кобылу!..

И, будучи полон таких христианских мыслей, голова тихо побрел в свою хату.

Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб, она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что если он, в самом деле, ушел с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд ли и в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее! он долее

всех выносил ее капризы! Красавица всю ночь под своим одеялом поворачивалась с правого бока на левый, с левого на правый — и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от нее самой, она почти вслух бранила себя; то, приутихнув, решалась ни о чем не думать — и все думала. И вся горела, и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участи Вакулы. Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть вероломства Солохи и сонный не переставал бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках¹, в белых суконных свитках набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зеленых и желтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться еще ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник. Голова облизывался, воображая, как он разговееется колбасою; дивчата помышляли о том, как они будут ковзаться с хлопцами на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербыгуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у нее столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо ее выражало одно только сильное смущение; слезы дрожали на глазах. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однакож не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник как будто не праздник; что как будто все чего-то недостает. Как на беду, дыяк после путешествия в мешке охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на

¹ Намитка — белое покрывало из жидкого полотна, носимое на голове женщинами, с откинутыми назад концами (из словаря Гоголя).

крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют на Полтаве. К тому же он один исправлял должность церковного титара¹. Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?

Еще быстрее в остальное время ночи неслись черт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? — закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать черта: — постой, приятель, еще не все: я еще не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный черт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошел в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однакож, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнет бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал еще ни разу с того времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил все это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошел к нему кузнец, и не знал, чему удивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему придти, или тому, что он нарядился таким щеголем и запорожцем. Но еще больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новехонькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

¹ *Титар* — ктитор, церковный староста.

— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает. Отдаюсь сам, во всем каюсь; бей, да не гневись только! ты ж когда-то брался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб еще больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

— Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем все, что было меж нами! ну, теперь говори, чего тебе хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— Добре! присылай сватов!

— Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

— Погляди, какие я тебе принес черевики! — сказал Вакула: — те самые, которые носит царица.

— Нет! нет! мне не нужно черевиков! — говорила она, махая руками и не сводя с него очей: — я и без черевиков... — Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошел ближе, взял ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она так чудно хороша. Восхищенный кузнец тихо поцеловал ее, и лицо ее пуще загорелось, и она стала еще лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей¹, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

— А чья это такая размалеванная хата? — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

— Кузнеца Вакулы! — сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа! — сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом крас-

¹ *Архиерей* — общее название высшего сана в православной церкви.

ною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но еще больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос¹ зеленою краскою с красными цветами. Это, однакож, не все: на стене сбоку, как войдешь в церковь, намалевал Вакула черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «Он бачь, яка кака намалевана!» И дитя, удерживая слезинки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

Вопросы и задания

I. Ваши первые впечатления.

1. Каким чувством проникнуто все произведение? Захотелось ли вам еще раз перечитать его?

2. Какие эпизоды запомнились?

II. Разберемся в прочитанном.

1. Перечитайте начало повести. Почему, по-вашему, Гоголь начинает повесть с описания природы? Какую роль играет это описание в дальнейшем развитии действия?

2. Какие части можно выделить в этом произведении? Озаглавьте каждую из них.

3. Какие герои «Ночи перед Рождеством» встречались вам ранее в народных сказках?

4. Назовите происшествия и приключения героев, которые можно было бы назвать комическими. Что вызывало у вас смех?

5. Вспомните героев «Ночи перед Рождеством». Опишите того из них, кто больше всего удивил, поразил или понравился вам.

6. Какие отношения сложились у кузнеца Вакулы с нечистой силой? Почему черт поклялся мстить ему?

7. Почему Вакула добивается своей цели? В чем была его сила?

8. Какие народные легенды использовал Гоголь в «Ночи перед Рождеством»? Сравните фантастику в этом произведении с фантастикой в известных вам сказках. В чем, по-вашему, их различие?

III. О самом главном.

1. О чем это произведение? Постарайтесь определить его главную идею.

2. Полное название произведения, куда вошла «Ночь перед Рождеством», — «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком». Как рассказчик относится к своим героям? Из чего это видно?

IV. Будьте внимательны к слову.

1. Какие пословицы и поговорки можно было бы использовать в рассказе о героях «Ночи перед Рождеством»?

¹ Крылос — клирос (часть помещения в церкви, где поют певчие).

2. Найдите в повести слова и выражения, которые вы встречали в народных сказках. Какой, по-вашему, вывод можно из этого сделать?

3. Как вы понимаете выражение: «Боже ты мой, сколько тут панства!» Кем они были сказаны и по какому поводу?

4. «— Нет, этот,— подумал Вакула,— еще ленивее Чуба». Кого Вакула имел в виду? Что вы еще можете сказать об этом герое?

5. Подготовьте художественный пересказ одного из эпизодов, например: «Солоха точно ведьма», «Чуб по дороге к дьяку», «Вакула в Петербурге».

6. Подготовьте чтение в лицах одного из диалогов. Обратите внимание, как ведут себя герои, как они выглядят в этой сцене.

V. Литература и другие виды искусства.

1. Прочитайте другие повести из «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Заколдованное место» и другие. Как вы думаете, почему они изумили Пушкина?

2. Рассмотрите иллюстрации к повести «Ночь перед Рождеством». Озаглавьте их словами текста. Подумайте, какие устные иллюстрации можно было бы создать самим.

3. Произведение Н. В. Гоголя легло в основу выдающихся музыкальных произведений — опер Н. Римского-Корсакова «Майская ночь», П. Чайковского «Черевички», М. Мусоргского «Сорочинская ярмарка». Знакома ли вам музыка из этих произведений?

Для самостоятельной работы

1. Обратитесь к сцене «Вакула у Пацюка». Представьте себе, что вы режиссер и вам надо ее поставить. Вы должны вообразить место действия, какой должна быть обстановка. Как выглядят герои (Вакула, Пацюк)? Во что они одеты? Как они ведут себя? Что делают? Какова интонация их речи?

После ответа на вопросы распределите роли и прочитайте в лицах эту сцену.

2. В конце учебника помещена репродукция картины В. А. Тропинина «Девушка с Подолья». В чем вы видите сходство и различие между обликом этой девушки и гоголевской Оксаной?

Юмор

Слово юмор происходит от английского *humour*, которое переводится: нрав, настроение.

Какое же настроение вызывает у нас чтение «Ночи перед Рождеством»? Светлое, веселое, радостное.

Способов юмористического повествования много. Например, неожиданность. Неожиданными могут быть мысли и поступки героев, развитие сюжета. Так, черт хотел завладеть душой Вакулы, а сам оказался под его властью.

Другой прием — несоответствие. Слово «мужественно» не очень-то соответствует облику героев и вызывает улыбку, когда мы читаем: «Ткач и кум мужественно отстояли мешок».

Еще пример — г и п е р б о л а, то есть преувеличение. «Пацюк жил как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру...»

Вопросы и задания

1. Найдите в повести «Ночь перед Рождеством» примеры:
 - а) неожиданных поступков или слов героев;
 - б) несоответствия и противоречий в поведении героев;
 - в) гиперболы — преувеличения до неправдоподобия.
2. Какие юмористические произведения вы читали? Расскажите самые, на ваш взгляд, смешные эпизоды.

Для самостоятельной работы

1. Сочините веселую новогоднюю сказку, в которой происходят невероятные происшествия, герои попадают в смешные положения и само повествование вызывает смех.
2. Каково отношение художника П. А. Федотова к герою картины «Свежий кавалер»? Какие из перечисленных слов передают отношение автора: «восхищается», «осуждает», «насмехается», «негодует»?

**Николай
Алексеевич
НЕКРАСОВ
1821—1877**

Воля и труд человека
дивные дивы творят...

Н. А. Некрасов

Я хочу рассказать о книге, сохранившейся у меня с тех лет, когда я был в возрасте читателей «Пионерской правды». Это книга стихотворений Некрасова. Она много претерпела на своем веку: богатый красный переплет ее поистерся, корешок едва держится, золото из тиснения осыпалось. Она вся как бы вспухла, страницы плотной бумаги замусолены, оббиты по краям, как колода старых, заигранных карт. Но все ее страницы целы, даже те, что уже отпали от корешка, целы — титульный лист, портрет поэта в меховой шапке и шубе... и оглавление в конце книги.

А я помню ее совсем новой, с ярким переплетом и пахнувшей даже не типографской краской, как обычно пахнут новые книги, а какими-то духами, — это я хорошо помню, что духами. Отец привез ее примерно в 20-м году с базара в Смоленске, куда она попала, должно быть, из какой-нибудь барской библиотеки. Отец, по-деревенски порядочно грамотный человек и любитель книг, выменял ее на картошку.

— Ну, а вот это — тебе, — сказал он, разбирая и распределяя городские покупки.

Я был очень обрадован и польщен: я считался вторым после отца грамотеем и книгочеем в семье и, кроме того, сам сочинял стихи.

Но это только так сказано было, что книга подарена мне. На самом деле мне не разрешалось выносить ее из дому, например в поле, когда я пас скотину, или таскать на печку, где я зимой любил читать и готовить школьные уроки. Эту книгу полагалось читать только за столом, и то лишь после того, как

стол убран и насухо вытерт. Там мы ее обычно и читали — отец или я — в долгие зимние вечера, чаще всего вслух, так что все в семье вскоре узнали и полюбили «Орину, мать солдатскую», «Коробейников» (из них нам была раньше известна только песня про «коробушку»), «Сашу», «Деревенские новости», «Железную дорогу», «Крестьянских детей» и многие другие вещи из этой книги. До нее я знал из Некрасова только «Несжатую полосу» да отрывок из поэмы «Мороз, Красный нос» — «Не ветер бушует над бором...». Теперь я, как мне казалось, знал всего Некрасова, мог на память прочесть большие отрывки из «Дедушки», «Княгини Волконской» и много отдельных стихотворений. Я гордился тем, что у нас дома полный Некрасов, и был огорчен, когда вдруг узнал, что это не так, что Некрасову принадлежит «Кому на Руси жить хорошо» — большая и удивительная поэма, из которой один мой школьный товарищ мог кое-что прочесть.

Дело в том, что я не разбирался тогда в книгах настолько, чтобы увидеть, что это за Некрасов у меня. А это был первый том двухтомного издания «Полного собрания стихотворений Н. А. Некрасова» 1914 года.

Только много позднее я узнал, что в моем «полном собрании» недоставало не только поэмы «Кому на Руси жить хорошо», но «Современников», «Горя старого Наума» и многих еще замечательных стихов любимого поэта, не говоря уже о его прозе, статьях, письмах, ныне занимающих несколько томов в его полном... собрании сочинений.

Но все равно эта книга была огромным, значительнейшим событием тех лет моей жизни и наравне с однотомниками Пушкина и Лермонтова, еще ранее приобретенными отцом, составляла для меня самую большую радость и гордость, основу моих ребяческих интересов и заветных мечтаний. По этой книге я познакомился с биографией Некрасова. Из нее я впервые узнал о детских годах Некрасова, омраченных впечатлениями жизни крепостных, тяжкого труда бурлаков; о его петербургской юности, полной лишений; о его встрече с В. Г. Белинским, когда великий критик, прочитав стихотворение «В дороге», обнял поэта и со слезами на глазах воскликнул:

— Да знаете ли вы, что вы поэт и поэт истинный?

И я, сочиняя свои беспомощные, детские стихи, собирался в мечтах стать Некрасовым и даже купить себе впоследствии

точно такую же шубу и шапку. Конечно, потом я понял, что этого желать нельзя хотя бы по одному тому, что Некрасов уже есть, другого быть не может...

Лет семнадцать я уехал из родной деревни и вернулся туда из города погостить года через три. За это время книга Некрасова порядочно пострадала, и я, опасаясь за ее целостность в дальнейшем, решил ее взять с собой.

На станцию меня подвозил соседский парень. Мы с ним заговорились в дороге и чуть не опоздали к поезду. Едва успев взять билет, я кинулся к вагону — и тут мой чемоданчик раскрылся, все полетело на землю, а поезд вот уже трогается. Покамест провожавший меня товарищ подхватывал мои вещички, я подбирал выпавшие листы из книги — все до одного подобрал — и, кое-как закрыв чемоданчик, вскочил уже на ходу на подножку вагона.

С тех пор эта книга вместе с моей, сперва совсем маленькой, умещавшейся в одной вещевой корзине, библиотечкой ездила со мной из города в город, с квартиры на квартиру, и теперь находится у меня в шкафу рядом с другими изданиями Н. А. Некрасова.

И у меня к ней особое чувство. Это и память родного дома, и память невозвратимой поры, когда я впервые с этих страниц воспринял глубоко взволновавшее меня слово великого поэта. Не этому ли волнению обязан я счастьем своей жизни, счастьем служить в меру своих сил делу родной советской литературы?

Заветная, самая дорогая моя книга.

*Из книги А. Т. Твардовского
«Статьи и заметки о литературе»*

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В а н я (в кучерском армячке).

Папаша, кто строил эту дорогу?

П а п а ш а (в пальто на красной подкладке)¹.

Граф Петр Андреевич Клейнмихель², душечка!

Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядрёный³
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! и кочи⁴,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии⁵
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

¹ Пальто на красной подкладке (шинель) носили генералы.

² Граф П. А. Клейнмихель — царский министр, начальник строительства железной дороги между Петербургом и Москвой.

³ Ядрёный — здесь: свежий, здоровый.

⁴ Кóчи — кочки.

⁵ Обаяние — здесь: незнание правды.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняя дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной.
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотей-десятники¹
Секло начальство, давила нужда...
Все претерпели мы, божии ратники,
Мирные дети труда!

¹ Десятник — старший над группой рабочих.

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Все ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это все братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкой,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун¹ в волосах;

Ямою грудь, что на заступ² старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

¹ Колтун — волосы, сбившиеся в плотный ком.

² Заступ — лопата.

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,—
Ваня сказал,— тысяч пять мужиков,
Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
«Вот они — нашей дороги строители!..»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана¹,
По Колизею² две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана³,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский⁴
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы⁵ и бани,
Чудо искусства — он все растаскал!»
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

— Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище⁶ пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

¹ *Ватикан* — здесь: дворец папы римского, в котором сосредоточено много памятников искусства.

² *Колизей* — цирк в Риме, построенный в античные времена.

³ *Святой Стефан* — собор в столице Австрии Вене.

⁴ *Аполлон Бельведёрский* — скульптура, изображающая античного бога Аполлона (находится в Бельведерском дворце Ватикана).

⁵ *Термы* — бани в Древнем Риме, являвшиеся также спортивными, общественно-культурными заведениями.

⁶ *Скопище* — толпа, сборище.

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...

IV

Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику¹ должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Все заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да́ вот, поди ты!..» Махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник²,
Толстый, присадистый³, красный как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченьясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца́!.. молодца́!..

С Богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — недоимку⁴ дарю!..»

¹ *Подрядчик* — лицо, нанявшее (подрядившее) рабочих.

² *Лабáз* — помещение для хранения муки или зерна; *лаба́зник* — торговец, владелец лабаза.

³ *Приста́дистый* — приземистый, плотный.

⁴ *Недои́мка* — здесь: то, что рабочие, по подсчётам, были должны ему.

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..

Вопросы и задания

1. Определите тему стихотворения. Почему возник разговор в вагоне поезда?
2. Почему стихотворение начинается описанием природы? Как это связано с последующим разговором автора с соседями по вагону?
3. Почему Некрасов называет голод царем? В чем проявляется власть этого царя?
4. Перечитайте слова:

Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Какая мысль выражена антитезой?

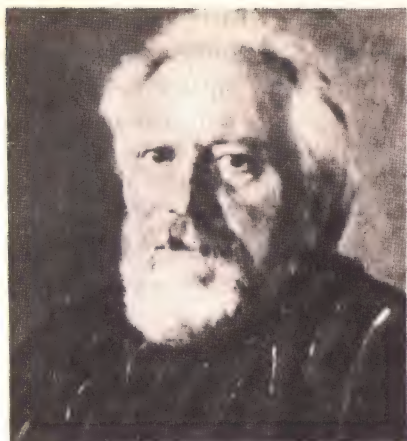
5. Зачем поэт рисует фантастическую картину — толпу мертвецов? Что мы узнаем из их песни?
6. Нарисуйте устную иллюстрацию к эпизоду, где изображен строитель-белорус. Какое чувство вызывает он? Почему поэт просит Ваню приглядеться к нему внимательно?
7. Перечитайте три последние четверостишия второй части. Что позволяет поэту верить в лучшее будущее народа?
8. А что думает о народе генерал? Что вы могли бы возразить ему, если бы слушали его речи?
9. Как поэт показал «светлую» сторону жизни народа? С каким чувством изображает он рабочих и хозяев?
10. Почему стихотворение посвящается детям и поэт рассказывает о строительстве дороги мальчику Ване?
11. В стихотворении нарисована картина из прошлого, мы узнаем, кто и как строил железную дорогу между Москвой и Петербургом. Но только ли об этом написано произведение? Что оно открывает вам, живущим почти через полтора столетия?

Николай
Семенович
ЛЕСКОВ

1831—1895

Один из лучших писателей наших...

М. Горький

«Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» принадлежит к шедеврам лесковского творчества... Долгое время среди литераторов и широкой публики бытовало мнение, будто Лесков всего лишь обработал народное сказание. Этому заблуждению способствовал сам Лесков, давший этому рассказу при первопечатании подзаголовок: «Цеховая легенда...». А по прошествии известного времени Лесков открыл карты: «Все, что есть чисто народного в «Сказе о тульском левше и о стальной блохе», заключается в следующей шутке или прибаутке: «англичане из стали блоху сделали, а наши туляки ее подковали да им назад отослали». Более ничего нет о «блохе», а о «левше», как о герое всей истории ее и о выразителе русского народа, нет никаких народных сказов... Я весь этот рассказ с о ч и н и л в мае месяце прошлого года, и л е в ш а есть лицо мною вы д у м а н н о е...»

*Из вступительной статьи
«Мастер сказа» Ю. М. Нагибина
к книге Н. С. Лескова «Левша»*

«Современный читатель живет с ощущением, что легенда о стальной блохе, подкованной русским умельцем, «была всегда»... Эта история возникает у нас при слове «блоха», при слове «левша», при слове «Тула»; она первой вспоминается при имени ее автора: не пленительные «Соборяне», не гениально выточенный «Запечатленный ангел», не хрестоматийный «Тупейный

художник»¹ — нет, именно «Блоха» выскакивает на поверхность памяти при одном имени Лескова.»

Из книги Л. А. Аннинского
«Лесковское ожерелье»

ЛЕВША

Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет², то он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нем был донской казак Платов³, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: так и так, и у нас дома свое не хуже есть, — и чем-нибудь ответит.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы, оружейные и мыльнопильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, — Платов сказал себе:

— Ну уж тут шабаш. До этих пор я еще терпел, а дальше

¹ «Соборяне», «Запечатлённый ангел», «Тупёйный художник» — произведения Н. С. Лескова.

² Александр I от России, победившей в войне с Наполеоном, участвовал в Венском конгрессе (1814—1815), который определил границы государств, подвергшихся наполеоновскому нашествию, и восстановление их социального строя.

³ Платов Матвей Иванович (1751—1818) — граф, генерал, атаман донских казаков, герой войны с Наполеоном. Ездил вместе с царем в Лондон после войны.

нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

— Так и так, завтра мы с тобой едем их оружейную кунсткамеру¹ смотреть. Там,— говорит,— такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый² нос в лохматую бурку спустил, а пришел в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку кавказской водки-кислярки³, дерябнул хороший стакан, на дорожный складень⁴ Богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было. Думал: утро ночи мудренее.

Глава вторая

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посередине под валдахином стоит Аболон полведерский⁵.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит,— только из усов кольца вьет.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приноврвлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи⁶ мантоны⁷ пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит.

Государь говорит:

¹ *Кунсткамера* — музей, собрание редких вещей.

² *Грабоватый* — горбатый.

³ *Кизлярка* — виноградная водка из города Кизляра.

⁴ *Складень* — складная икона.

⁵ *Аболон полведёрский* (искаж.) — Аполлон Бельведерский.

⁶ *Мерблюзьи* (искаж.) — верблюжьи.

⁷ *Мантоны* (манто) — здесь: пальто.

— Как это возможно — отчего в тебе такое бесчувствие? Неужто тебе здесь ничего не удивительно?

А Платов отвечает:

— Мне здесь то одно удивительно, что мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадесять язык¹ прогнали.

Государь говорит:

— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружье², а из другой пистолю.

— Вот,— говорят,— какая у нас производительность,— и подают ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства — ее наш адмирал у разбойничьего атамана в Кандеабрии³ из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может.

Взахался ужасно.

— Ах, ах, ах,— говорит,— как это так... как это даже можно так тонко сделать! — И к Платову по-русски оборачивается и говорит:

— Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвертку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два — замок и вынул. Платов показывает государю собачку, а там на

¹ *Дванадесять язык* — двенадцать языков, то есть нашествие наполеоновской армии, состоявшей не только из французов.

² *Мортимéрово ружье* — ружье, сделанное английским оружейником Г. В. Мортимером (жил в конце XVIII в.).

³ *Кандеа́брия* — Калабрия (полуостров в Италии), по созвучию с *кандеа́бром* — большим подсвечником.

самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:

— Ох-де, мы маху дали.

А государь Платову грустно говорит:

— Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов еще больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном.

Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел! <...>

А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

Глава третья

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

— Нет, я еще желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане все государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

— А покажите-ка нам ваших заводов сахар молво¹?

А англичане и не знают, что это такое молво. Перешептываются, перемигиваются, твердят друг дружке: «Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» нет.

Платов говорит:

— Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода².

А государь его за рукав дернул и тихо сказал:

— Пожалуйста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни и нимфозории³, начиная с самой огромнейшей египетской керамиды⁴ до закожной блохи, которую глазом видеть невозможно, а угрызение ее между кожей и телом.

Государь поехал.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе: «Вот, слава богу, все благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

— Что это такое значит? — спрашивает, а англиские мастера отвечают:

— Это вашему величеству наше покорное поднесение.

¹ *Сахар молво* — сахар, изготовленный на заводе Я. Н. Молво в Петербурге.

² *Бобринского завода* — сахарного завода графа А. А. Бобринского на Украине.

³ *Нимфозория* — слово образовано из «нимфа» и «инфузория», здесь означает: нечто диковинное, микроскопическое.

⁴ *Керамиды (искаж.)* — пирамиды.

— Что же это?

— А вот,— говорят,— извольте видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка.

Работники говорят:

— Извольте пальчик поклонить и ее на ладошку взять.

— На что же мне эта соринка?

— Это,— отвечают,— не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет,— отвечают,— не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнет дансе¹ танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

— А где же ключик?

А англичане говорят:

— Здесь и ключ перед вашими очами.

— Отчего же,— государь говорит,— я его не вижу?

— Потому,— отвечают,— что это надо в мелкоскоп².

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

— Извольте,— говорят,— взять ее на ладошечку — у нее в пупчике заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдет дансе...

Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в шепотке мог удержать, а в другую шепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции³ в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кадрили станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион дать, какими сами захотят деньгами,— хотят серебряными пяточками, хотят мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на нее не принесли, без футляра же ни ее, ни ключика держать нельзя,

¹ Дансё — здесь: танец.

² Мелкоскоп — микроскоп.

³ Верояции (искаж.) — вариации.

потому что затеряются и в сору их так и выбросят. А футляр на нее у них сделан из цельного бриллиантового ореха — и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляр, говорят, будто казенный, а у них насчет казенного строго, хоть и для государя — нельзя жертвовать.

Платов было очень рассердился, потому что говорит:

— Для чего такое мошенничество! Дар сделали и миллион за то получили, и все еще недостаточно! Футляр,— говорит,— всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

— Оставь, пожалуйста, это не твое дело — не порть мне политики. У них свой обычай.— И спрашивает:— Сколько тот орех стоит, в котором блоха местится?

Англичане положили за это еще пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана преламутом¹ и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же,— говорит,— принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота². Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей сделались: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут —

¹ *Преламйт* (искаж.) — перламутр.

² «Поп Федот» не с ветра взят: император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея Федотова-Чеховского, который после того именовался «духовником его величества» и любил ставить всем на вид это совершенно случайное обстоятельство. Вот этот-то Федотов-Чеховской, очевидно, и есть легендарный «поп Федот» (примеч. автора).

все могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у агличких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, соленым бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку¹, в которую сразу целый фунт Жукова табаку² входило, а потом сядет и сидит рядом с царем в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

— Ты,— говорит,— к духовной беседе неводержан и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит.

Платов остался с обидою и лег дома на досадную укушетку, да так все и лежал да покуривал Жуков табак без перестачи.

Глава четвертая

Удивительная блоха из агличкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав ее попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна³ посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое,— говорит,— теперь дело вдовье, и мне никакие забавы не обольстительны,— а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение⁴, но потом один раз стал пересматривать доставшуюся

¹ *Корешковая трубка* — сделанная из корешка дерева.

² *Жуков табак* — трубочный табак фабрики В. Жукова (20—50-е годы XIX в.).

³ Императрица Елизавета Алексеевна (1779—1826) — жена Александра I.

⁴ *Было смятение* — восстание декабристов.

ему от брата шкатулку и достал из нее табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нем нашел стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился.

— Что это еще за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении!

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

— Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки¹ химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую холод, как от крепкого металла». А потом зубом ее слегка помял и объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

¹ Из *прóтивной аптеки* — то есть аптеки, расположенной на противоположной стороне улицы.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки,— но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать,— никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был еще жив и даже все еще на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах.

Государь говорит:

— Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

— Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я,— говорит,— пришел доложить насчет этой нимфозории, которую отыскиали: это,— говорит,— так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии,— и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

— Это,— говорит,— ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть ее русским пересмотрам в Туле или в Сестербеке,— тогда еще Сестрорецк Сестербеком звали,— не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвзошались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

— Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю проверить. Мне эта коробочка все равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми ее с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию, и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что

брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Глава пятая

Платов взял стальную блоху и, как поехал через Тулу на Дон, показал ее тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

— Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против нее, — говорят, — надо взяться подумавши и с Божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, — остановись и спыслай за нами: мы к той поре, Бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо свое смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

— Мы еще и сами не знаем, что учиним, а только будем на Бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже.

Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

— Ну, нечего делать, пусть, — говорит, — будет по-вашему;

я вас знаю, какие вы, ну, иначе, делать нечего,— я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортите, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдет, как я с тихого Дона опять в Петербург поворочу,— тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы,— говорят,— мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе что-нибудь государю великолепию достойное представить.

А что именно, этого так-таки и не сказали.

Глава шестая

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косою левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветоваться там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не позволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да еще потом успеть сделать посрамительную для аглицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто верст», а святых угодников и там почивает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орел до Киева снова еще добрых пять сот верст. Этакого пути скоро не сделаешь, да и сделавши его, не скоро отдохнешь — долго еще будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили перед Платовым, а потом как пообдумались, то и струсили и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот аглицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

Глава седьмая

〈...〉 Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направляясь не к Москве, а на юг. Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесеченная» икона св. Николая, приплывшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше¹. Икона эта вида «грозного и претрашного» — святитель Мир-Ликийских² изображен на ней «в рост», весь одет сребропозлащенной одеждой, а лицом темен и на одной руке держит храм, а в другой меч — «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «Мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощию» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, все молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют — ничего неизвестно.

Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не рассказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, стучались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются — неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит, — не выскочут ли в перепуге и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничего не брало этих хитрых мастеров; один раз только левша высунулся по плечи и крикнул:

— Горите себе, а нам некогда, — и опять свою щипаную голо-

¹ *Зуша* — река, приток Оки, на которой расположен Мценск.

² *Святитель Мир-Ликийских* — архиепископ города Миры в Ликии (IV в.), прозванный Николаем-Чудотворцем.

ву спрятал, ставню захлопнул и за свое дело принялся.

Только сквозь малые щелочки было видно, как внутри дома огонек блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают.

Словом, все дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во все это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

Глава восьмая

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые¹ казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнет, и еще злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся.

Так они и в Тулу прикатили — тоже пролетели сначала сто скачков дальше Московской заставы, а потом казак сдействовал над ямщиком нагайкою в обратную сторону, и стали у крыльца новых коней запрягать. Платов же из коляски не вышел, а только велел свистовому как можно скорее привести к себе мастеровых, которым блоху оставил.

Побежал один свистовой, чтобы шли как можно скорее и несли ему работу, которою должны были англичан посрамить, и еще мало этот свистовой отбежал, как Платов вдогонку за ним раз за разом новых шлет, чтобы как можно скорее.

Всех свистовых разогнал и стал уже простых людей из любопытной публики посылать, да даже и сам от нетерпения ноги из коляски выставляет и сам от нетерпеливости бежать хочет, а зубами так и скрипит — все ему еще нескоро показывается.

Так в тогдaшнее время все требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала.

Глава девятая

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые при-

¹ *Свистовые* — от слов «свисток» и «вестовой» (посланный для передачи вести).

бежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики — те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рассыпались и повалились, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались.

Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули, и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставень, но болты были такие крепкие, что нима-

ло не подались, дернули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть.

Послы закричали:

— Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да еще этакою спиралью ошибаться смее! Или в вас после этого Бога нет!

А те отвечают:

— Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьем, тогда нашу работу вынесем.

А послы говорят:

— Он нас до того часу живьем съест и на помин души не оставит.

Но мастера отвечают:

— Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несем.

Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу

крючки в кафтанах застегивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у левши, в зеленом чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

Глава десятая

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

— Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

— Готово ли?

— Все,— отвечают,— готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипаж уже запряжен, и ямщик и фореитор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ним подняли и так замахнувши и держат.

Платов сорвал зеленый чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех,— видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме ее ничего больше нет.

Платов говорит:

— Это что же такое? А где ваша работа, которою вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

— Тут и наша работа.

Платов спрашивает:

— В чем же она себя заключает?

А оружейники отвечают:

— Зачем это объяснять? Все здесь в вашем виду,— и предусматривайте.

Платов плечами вздвинул и закричал:

— Где ключ от блохи?

— А тут же,— отвечают.— Где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапые: ловил, ловил — никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от ее брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер.

Кричал:

— Что вы, подлецы, ничего не сделали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

— Напрасно так нас обижаете,— мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны,— мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы мы у него и есть ли ему за нас постыждение.

А Платов крикнул:

— Ну, так врите же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет, и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцаными пальцами за шиворот косого левшу, так что у того все крючки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди,— говорит,— здесь до самого Петербурга вроде пубеля¹, ты мне за всех ответишь. А вы,— говорит свистовым,— теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастер ему только осмелился сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента² увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони — все враз заработало и умчали левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатали к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошел к государю, а косого левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

Глава одиннадцатая

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный — ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошел во дворец со шкатулочкою да потихо-

¹ Пубеля — пуделя.

² Тугамент — документ.

нечку ее в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответить, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без срока посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чем не забывал, и чуть Платов насчет междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

— А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

— Нимфозория,— говорит,— ваше величество, все в том же пространстве, и я ее назад привез, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

— Ты — старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как все дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

Глава двенадцатая

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с нее суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех,— а в нем блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

— Что за лихо! — Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

— У тебя на руках персты тонкие — возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория все-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

Платов весь позеленел и закричал:

— Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне там сказать не хотели. Хорошо еще, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

— У меня и так все волосья при учебе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

— Это за то,— говорит Платов,— что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

— Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказать, а левше только погрозился:

— Я тебе,— говорит,— такой-сякой-этакой, еще задам.

И велел свистовым, чтобы левше еще крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: «Благого царя благая мати, пречистая и чистая», и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят,— потому они его терпеть не могли за храбрость.

Глава тринадцатая

Как довел Платов левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит:

— Я знаю, что мои русские люди меня не обманут.— И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил ее под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком,— словом сказать, на все стороны ее повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

— Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

— Его бы приодеть надо — он в чем был взят, и теперь очень в злом виде.

А государь отвечает:

— Ничего — ввести как он есть.

Платов говорит:

— Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А левша отвечает:

— Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик¹ старенький, крючочки не застегиваются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думает. — Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

Как взошел левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

— Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

— Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или хитростью, а говорит просто.

Государь говорит:

— Оставьте над ним мудрить, — пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

— Мы, — говорит, — вот как клали. — И положил блоху под мелкоскоп. — Смотри, — говорит, — сам — ничего не видно.

Левша отвечает:

— Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь спросил:

— А как же надо?

— Надо, — говорит, — всего одну ее ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

¹ Озямчик — крестьянская одежда вроде пальто.

— Помилуй, скажи,— говорит государь,— это уже очень сильно мелко!

— А что же делать,— отвечает левша,— если только так нашу работу и заметить можно: тогда все и удивление окажется.

Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял — взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

— Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

Глава четырнадцатая

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это еще не все удивительное.

— Если бы,— говорит,— был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы,— говорит,— увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твое имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет,— отвечает левша,— моего одного и нет.

— Почему же?

— А потому,— говорит,— что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты,— там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?

А левша ответил:

— Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.

Тут и другие придворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:

— Прости меня, братец, что я тебя за волосья отодрал.

Левша отвечает:

— Бог простит,— это нам не впервые такой снег на голову.

А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вез блоху особый курьер, который на все языки учен, а при нем чтобы и левша находился и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковые у нас в Туле мастера есть.

Платов его перекрестил.

— Пусть,— говорит,— над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Так и сделал — прислал.

А граф Кисельвр¹оде велел, чтобы обмыли левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы

¹ Граф Кисельвр¹оде — сатирическое переименование фамилии министра иностранных дел в 1822—1856 гг. графа К. В. Нессельроде.

похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть.

Как его таким манером обформировали, напоили на дороге чаем с платовскою кисляркою, затянули ремненным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с левшой и пошли заграничные виды.

Глава пятнадцатая

Ехали курьер с левшою очень скоро, так что от Петербурга до Лондона нигде отдыхать не останавливались, а только на каждой станции пояса на один значок еще уже перетягивали, чтобы кишки с легкими не перепутались; но как левше после представления государю, по платовскому приказанию, от казны винная порция вволю полагалась, то он, не евши, этим одним себя поддерживал и на всю Европу русские песни пел, только припев делал по-иностранному: «Ай люли — се тре жули»¹.

Курьер как привез его в Лондон, так появился кому надо и отдал шкатулку, а левшу в гостинице в номер посадил, но ему тут скоро скучно стало, да и есть захотелось. Он постучал в дверь и показал служащему себе на рот, а тот сейчас его и свел в пищеприемную комнату.

Сел тут левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглички спросить — не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет, — англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он что ему не подходящее не принимает. Подали ему ихнего приготовления горячий студинг² в огне, — он говорит: «Это я не знаю, чтобы такое можно есть», вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили. Также и водки их пить не стал, потому что она зеленая — вроде как будто купоросом заправлена, а выбрал, что всего натуральнее, и ждет курьера в прохладе за баклажечкой.

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицейские³ ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон⁴ вышел.

¹ *Се тре жули́ (франц.)* — это очень мило.

² *Студинг* — словообразование от «пудинг».

³ *Публицейские* — сатирическое словообразование от слов «публичные» и «полицейские».

⁴ *Клеветон* — от слов «фельетон» и «клевета».

— А самого этого мастера,— говорят,— мы сейчас хотим видеть.

Курьер их препроводил в номер, а оттуда в пищеприемную залу, где наш левша порядочно уже подрумянился, и говорит: «Вот он!»

Англичане левшу сейчас хлоп-хлоп по плечу и как ровного себе за руки. «Камрад,— говорят,— камрад — хороший мастер,— разговаривать с тобой со временем, после будем, а теперь выпьем за твое благополучие».

Спросили много вина, и левше первую чарку, а он с вежливостью первый пить не стал: думает,— может быть, отравить с досады хотите.

— Нет,— говорит,— это не порядок: и в Польше нет хозяина больше¹,— сами вперед кушайте.

Англичане всех вин перед ним опробовали и тогда ему стали наливать. Он встал, левой рукой перекрестился и за всех их здоровье выпил.

Они заметили, что он левой рукою крестится, и спрашивают у курьера:

— Что он — лютеранец или протестантист²?

Курьер отвечает:

— Нет, он не лютеранец и не протестантист, а русской веры.

— А зачем же он левой рукою крестится?

Курьер сказал:

— Он — левша и все левой рукою делает.

Англичане еще более стали удивляться и начали накачивать вином и левшу и курьера, и так целые три дня обходились, а потом говорят: «Теперь довольно». По симфону³ воды ерфиксом⁴ приняли и, совсем освеживши, начали расспрашивать левшу: где он и чему учился и до каких пор арифметику знает?

Левша отвечает:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику⁵, а арифметики мы нимало не знаем.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

¹ В Польше нет хозяина больше — поговорка.

² Лютеранец, протестант — обозначает принадлежность к разным религиям.

³ Симфón — сифон для воды.

⁴ Ерфíкс (франц.) — отрезвляющее средство.

⁵ Псалтырь — часть Библии. Полусонник, Сонник — толкователь снов.

А левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно.

— А что же это,— спрашивают,— за книга в России «Полусонник»?

— Это,— говорит,— книга, к тому относящаяся, что если в Псалтире что-нибудь насчет гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение.

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчет силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и ее подковок несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает и дансе не танцует.

Левша согласился.

— Об этом,— говорит,— спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные.

А англичане сказывают ему:

— Оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим, и из вас удивительный мастер выйдет.

Но на это левша не согласился.

— У меня,— говорит,— дома родители есть.

Англичане назвали, чтобы его родителям деньги посылать, но левша не взял.

— Мы,— говорит,— к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница — старушка и привыкши в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я еще в холостом звании.

— Вы,— говорят,— обвыкнете, наш закон примете, и мы вас женим.

— Этого,— ответил левша,— никогда быть не может.

— Почему так?

— Потому,— отвечает,— что наша русская вера самая правильная и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы.

— Вы,— говорят англичане,— нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое Евангелие содержим.

— Евангелие,— отвечает левша,— действительно у всех одно,

а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее.

— Почему вы так это можете судить?

— У нас тому, — отвечает, — есть все очевидные доказательства.

— Какие?

— А такие, — говорит, — что у нас есть и боготворные иконы и гроботочивые¹ главы и мощи, а у вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет, а по второй причине — мне с англичанкою, хоть и повенчавшись в законе, жить конфузно будет.

— Отчего же так? — спрашивают. — Вы не пренебрегайте: наши тоже очень чисто одеваются и хозяйственные.

А левша говорит:

— Я их не знаю.

Англичане отвечают:

— Это неважно суть — узнать можете: мы вам грандеву² сделаем.

Левша застыдился.

— Зачем, — говорит, — напрасно девушек морочить. — И отнекался. — Грандеву, — говорит, — это дело господское, а нам нейдет, и если об этом дома, в Туле, узнают, надо мною большую насмешку сделают.

Англичане любопытствовали:

— А если, — говорят, — без грандеву, то как же у вас в таких случаях поступают, чтобы приятный выбор сделать?

Левша им объяснил наше положение.

— У нас, — говорит, — когда человек хочет насчет девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает разговорную женщину, и как она предлог сделает, тогда вместе в дом идут вежливо и девушку смотрят не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвечали, что у них разговорных женщин нет и такого обыкновения не водится, а левша говорит:

— Это тем и приятнее, потому что таким делом если заняться, то надо с обстоятельным намерением, а как я сего к чужой нации не чувствую, то зачем девушек морочить?

Он англичанам и в этих своих суждениях понравился, так что они его опять пошли по плечам и по коленям с приятством ладошками хлопывать, а сами спрашивают:

¹ Гроботочивые — мироточивые, источающие благовонную жидкость.

² Грандеву (рандеву) (франц.) — встреча, свидание.

— Мы бы,— говорят,— только через одно любопытство знать желали: какие вы порочные приметы в наших девицах приметили и за что их обегаете?

Тут левша им уже откровенно ответил:

— Я их не порочу, а только мне то не нравится, что одежда на них как-то машется, и не разобрать, что такое надето и для какой надобности; тут одно что-нибудь, а ниже еще другое пришили, а на руках какие-то ногавочки¹. Совсем точно обезьяна сапажу — плисовая тальма².

Англичане засмеялись и говорят:

— Какое же вам в этом препятствие?

— Препятствия,— отвечает левша,— нет, а только опасаясь, что стыдно будет смотреть и дожидаться, как она из всего из этого разбираться станет.

— Неужели же,— говорят,— ваш фасон лучше?

— Наш фасон,— отвечает,— в Туле простой; всякая в своих кружевцах, и наши кружева даже и большие дамы носят.

Они его тоже и своим дамам казали, и там ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Он отвечал, что мы, говорит, очень сладко не приучены.

Тогда ему по-русски вприкуску подали.

Им показывается, что этак будто хуже, а он говорит:

— На наш вкус этак вкуснее.

Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его в это время по разным заводам водить будут и все свое искусство покажут.

— А потом,— говорят,— мы его на своем корабле привезем и живого в Петербург доставим.

На это он согласился.

Глава шестнадцатая

Взяли англичане левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учен, но они им не интересовались, а левшою интересовались,— и пошли они левшу водить и все ему показывать. Он смотрел все их производство: и металлические фабрики,

¹ Ногáвки — носки.

² Пли́совая та́льма — пальто без рукавов из дешевой, под бархат, ткани.

и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчет рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом¹, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукой стирабельная дощечка: все, что который мастер делает,— на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на дощечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цифирях написано, то и на деле выходит. А придет праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на все их житье и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколько то, как старые в каком виде состоят. Все обойдет и хвалит, и говорит:

— Это и мы так можем.

А как до старого ружья дойдет,— засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет:

— Это,— говорит,— против нашего не в пример превосходнейше.

Англичане никак не могли отгадать, что такое левша замечает, а он спрашивает:

— Не могу ли,— говорит,— я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет?

Ему говорят:

— Которые тут были, те, должно быть, глядели.

— А как,— говорит,— они были: в перчатке или без перчатки?

— Ваши генералы,— говорят,— парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скупать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам:

— Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем в вас очень доволен и все, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По суше его пустить

¹ С бойлом — с побоями.

нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите.

— Мы на буреметр¹, — говорят, — смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас Финский залив, а тут настоящее Твердиземное² море.

— Это все равно, — отвечает, — где умереть, — все единственно, воля Божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать.

Его силом не удерживали: напители, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром³, а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одели и отвезли левшу на корабль, который в Россию шел. Тут поместили левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдет на палубу, под презент сядет и спросит: «Где наша Россия?»

Англичанин, которого он спрашивает, рукою ему в ту сторону покажет или головою махнет, а он туда лицом и оборотится и нетерпеливо в родную сторону смотрит.

Как вышли в буфты⁴ в Твердиземное море, так стремление его к России такое сделалось, что никак его нельзя было успокоить. Водопление стало ужасное, а левша все вниз в каюты нейдет — под презентом сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит.

Много раз англичане приходили его в теплое место вниз звать, но он, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться начал.

— Нет, — отвечает, — мне тут наружи лучше; а то со мною под крышей от колтыхания морская свинка делается.

Так все время и не сходил до особого случая и через это очень понравился одному полшкиперу, который, на горе нашего левши, умел по-русски говорить. Этот полшкипер не мог надивиться, что русский сухопутный человек и так все непогоды выдерживает.

— Молодец, — говорит, — рус! Выпьем!

Левша выпил.

¹ Буремётр — барометр.

² Твердизёмное — Средиземное.

³ С трепетиром — с репетиром (боем).

⁴ Бѹфта — бухта.

А полшкипер говорит:

— Еще!

Левша и еще выпил, и напились.

Полшкипер его и спрашивает:

— Ты какой от нашего государства в Россию секрет везешь?

Левша отвечает:

— Это мое дело.

— А если так,— отвечает полшкипер,— так давай держать с тобой аглицкое парей¹.

Левша спрашивает:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а всего пить заровно: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьет, того и горка.

Левша думает: небо тучится, брюхо пучится²,— скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно,— пари держать все-таки веселее будет.

— Хорошо,— говорит,— идет!

— Только чтоб честно.

— Да уж это,— говорит,— не беспокойтесь.

Согласились и по рукам ударили.

Глава семнадцатая

Началось у них пари еще в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде³, но шли всё наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что когда один, глянув в море, увидел, как из воды черт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только полшкипер видит черта рыжего, а левша говорит, будто он темен, как мурин⁴.

Левша говорит:

— Перекрестись и отворотись — это черт из пучины.

А англичанин спорит, что «это морской водоглаз».

— Хочешь,— говорит,— я тебя в море швырну? Ты не бойся — он мне тебя сейчас назад подаст.

А левша отвечает:

¹ Парей — пари.

² Небо тучится, брюхо пучится — пословица.

³ Динаминде (Дюнамюнде) — старое название порта Даугавгрива — в устье реки Даугавы.

⁴ Мурин — негр.

— Если так, то швыряй.

Полшкипер его взял на закорки и понес к борту.

Матросы это увидали, остановили их и доложили капитану, а тот велел их обоих вниз запереть и дать им рому и вина и холодной пищи, чтобы могли и пить и есть и свое пари выдержать, — а горячего студингу с огнем им не подавать, потому что у них в нутре может спирт загореться.

Так их и привезли взаперти до Петербурга, и пари из них ни один друг у друга не выиграл; а тут расклали их на разные повозки и повезли англичанина в посланнический дом на Аглицкую набережную, а левшу — в квартал.

Отсюда судьба их начала сильно разниться.

Глава восемнадцатая

Англичанина как привезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря и аптекаря. Лекарь велел его при себе в теплую ванну всадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взяли и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь с аптекарем, пока полшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле изголовья на столик положили и ушли.

А левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить.

Повел городской левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А левша все это время на холодном парате¹ лежал; потом поймал городской извозчика, только без теплой лисы, потому что они лису в санях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут — уши рвут, чтобы в память пришел.

¹ На холодном парате — на каменном крыльце.

Привезли в одну больницу — не принимают без тугамента, привезли в другую — и там не принимают, и так в третью, и в четвертую — до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и все пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь сказал городовому возить его в простонародную Обухвинскую больницу¹, где неведомого сословия всех умирать принимают.

Тут велели расписку дать, а левшу до разборки на полу в коридор посадить.

¹ Обухвинская больница — Обуховская больница для бедных в Петербурге.

А аглицкий полшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро проглотил, на легкий завтрак курицу с рысью¹ съел, ерфиксом запил и говорит: — Где мой русский камрад? Я его искать пойду. Оделся и побежал.

Глава девятнадцатая

Удивительным манером полшкипер как-то очень скоро левшу нашел, только его еще на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину.

— Мне бы,— говорит,— два слова государю непременно надо сказать.

Англичанин побежал к графу Клейнмихелю и зашумел:

— Разве так можно! У него,— говорит,— хоть и шуба овечкина, так душа человеческина.

Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человеческину. А потом ему кто-то сказал: «Сходил бы ты лучше к казаку Платову — он простые чувства имеет».

Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про левшу вспомнил.

— Как же, братец,— говорит,— очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию² получил — теперь меня больше не уважают,— а ты беги скорее к коменданту Скобелеву³, он в силах и тоже в этой части опытный, он что-нибудь сделает.

Полшкипер пошел и к Скобелеву и все рассказал: какая у левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит:

— Я эту болезнь понимаю, только немцы ее лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут; я сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского⁴.

¹ С рысью — то есть с рисом.

² Пуплекция — апоплексический удар, паралич.

³ Скобелев Иван Никитич (1778—1849) — генерал, комендант Петропавловской крепости.

⁴ Мартын-Сольский (Сольский Мартын Дмитриевич, 1798—1881) — врач при гвардейских полках.

Но только когда Мартын-Сольский приехал, левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер.

Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышеву¹ доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышев на него закричал:

— Знай,— говорит,— свое рвотное да слабительное, а не в свое дело не мешайся: в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдaшнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышеву о левше и напомнил, а граф Чернышев и говорит:

— Пошел к черту, плези́рная трубка², не в свое дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слыхал,— тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрется»,— так и молчал.

А доведи он левшины слова в свое время до государя,— в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

Глава двадцатая

Теперь все это уже «дела минувших дней» и «преданья старины»³, хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народною фантазиею миф он интересен, а его происхождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

¹ Чернышёв Александр Иванович (1786—1857) — князь, военный министр.

² Плези́рная трубка — здесь: в значении «клистирная».

³ «...Дела минувших дней», «преданья старины» — вольная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душой».

Вопросы и задания

I. Ваши впечатления.

Чем, по-вашему, это произведение отличается от тех, которые вы читали раньше?

II. Разберемся в прочитанном.

1. Почему безымянный мастер (левша) и его товарищи взялись поддержать Платова и с ним всю Россию?

2. Прочитайте в лицах сцену во дворце. Обратите внимание на портрет левши. Как он держится с царем и его окружением?

3. Почему «на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал», а имени левши там не оказалось?

4. Как англичанам удалось уговорить левшу погостить в Англии? Что произвело на него особое впечатление за границей?

5. Найдите в сказе наиболее интересные эпизоды, рисующие царское окружение. Выделите детали текста, передающие сатирическое отношение автора к его представителям.

III. Работа над словом.

1. Жанр сказа предполагает сказителя, близкого к народу. Выделите и прочитайте места в сказе, где виден сказитель. Обратите внимание на его речь. К кому из героев произведения он ближе всего? Докажите на конкретных примерах.

2. Сказ о левше очень близок к произведению устного народного творчества. Выделите в нем приемы сказочного повествования: зачин, повторы, диалоги, концовку, подумайте, какую роль они играют в произведении. Найдите эпизоды и описания, которые лишены сказочных элементов.

3. В сказе о левше много новых слов. Словотворчество начинается там, где рассказчик или герой сталкивается с нерусскими названиями, непонятными малограмотному человеку. Крестьянин, рассказывая о вещах ему неизвестных и чужеземных, искажает их названия согласно своему представлению о них. Но вместе с тем рассказчик вкладывает в них юмористический смысл в духе народного понимания, например: кушетка — укушетка, вестовые — свистовые, таблица — долбца. Продолжите эти примеры. Обратите внимание на тех, кому они принадлежат.

4. По признанию Лескова, замысел «Левши» возник из поговорки: «Англичанин сделал блоху из стали, а русский ее подковал». В языке сказа много русских пословиц и поговорок, например: «у него хоть шуба овечкина, да душа человечкина», «утро ночи мудренее» и другие. Найдите еще пословицы и поговорки.

IV. Сделаем выводы.

1. Расскажите о характере левши. Можно при этом воспользоваться следующим цитатным планом:

- а) «Горите себе, а нам некогда,— и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул и за свое дело принялся».
- б) «Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегиваются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится».
- в) «...Я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты,— там уже никакой мелкоскоп взять не может».
- г) «Об этом,— говорит,— спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные».
- д) «...А я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать».

Подумайте, какими пунктами можно было бы дополнить этот план.

2. Лесков говорил: «...там, где стоит «левша», надо читать «русский народ». Имея это в виду, подумайте, почему косой левша в сказе не имеет имени, и даже прозвище его пишется с маленькой буквы.

3. Л. Н. Толстой назвал Лескова «писателем будущего». Какой, по-вашему, смысл вкладывал великий писатель в эти слова?

V. Литература и другие виды искусства.

1. Рассмотрите портрет левши художника Н. Кузьмина, помещенный на стр. 158.

Охарактеризуйте его:

- а) Определите, в какой момент изображен герой.
- б) На что художник обращает внимание во внешнем облике левши?
- в) Постарайтесь определить главную мысль рисунка.

2. Обратите внимание на иллюстрации, помещенные в хрестоматию.

- а) Внимательно рассмотрите данные рисунки. Опишите их. Обратите внимание на то, как художник изобразил левшу и других героев. Каково отношение художника к изображаемому?

- б) Какие иллюстрации вам больше понравились, почему?

- в) Озаглавьте рисунки словами текста.

3. Прочитайте рассказ Н. С. Лескова «Человек на часах». Что нового вы узнали?

Для самостоятельной работы

Расскажите от лица героя о том, как левша гостил у англичан.

**Антон
Павлович
ЧЕХОВ
1860—1904**

Тогда человеку станет лучше,
когда вы покажете ему, каков
он есть.

А. П. Чехов

Замечательный русский писатель Антон Павлович Чехов вошел в литературу совсем молодым. Он начал писать рассказы, когда учился в Московском университете, готовясь стать врачом. В эти годы в юмористических журналах появляется множество разнообразных рассказов, подписанных веселым именем «Антоша Чехонте». Эти рассказы коротки и очень смешны. Они поражают неистощимой выдумкой, фантазией. Чувствуется, что творческая энергия автора бьет через край.

Среди этих рассказов, как драгоценные камни, сверкают настоящие шедевры¹, такие, например, как «Хирургия», «Канитель», «Налим», «Пересолил». Через много лет большой русский писатель Иван Алексеевич Бунин утверждал, что если бы Чехов написал только два или три рассказа, подобных этим, то и тогда было бы ясно, что «сверкнул и исчез замечательный ум». Свою мысль писатель поясняет так: выдумать и сказать хорошую шутку могут только очень умные люди, те, у которых ум «по всем жилушкам переливается».

Сам Чехов очень ценил чувство юмора и тех, кто быстро улавливает шутку. «Да-с, это уж вернейший признак: не понимает человек шутки — пиши пропало!» — говаривал Антон Павлович. Он сочинял веселые сценки, придумывал забавные прозвища, смешные имена, вовлекал всех в веселые забавы. «Так и видишь его в это время: высокий, изящный, гибкий, очень подвижный, со светло-кариими веселыми глазами, магнетически влекущий всех к себе» — таким вспоминается современнику молодой Чехов.

¹ *Шедевр* — исключительное по своим достоинствам произведение искусства.

Между тем жилось Чехову в молодости трудно. В журналах платили мало, требовали, чтобы писал часто, коротко и смешно. Семья Чехова была большой: мать, сестра, младшие братья. Все время преследовало безденежье. Но жизнелюбие, избыток творческих сил побеждали все невзгоды.

Вопрос и задание

Что такое псевдоним? «Антоша Чехонте» — один из псевдонимов Чехова. Как вы думаете, почему Чехов не стал сразу подписывать рассказы своим именем? Вспомните псевдонимы других писателей.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, коньяком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но все это не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние — жена, дети, прислуга, даже поваренок Петька — предлагали каждый свое средство. Между прочим и приказчик Булдеева Иван Евсень пришел к нему и посоветовал полечиться заговором.

— Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, — сказал он, — десять лет назад служил акцизный¹, Яков Васильевич. Заговаривает зубы — первый сорт. Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет — и как рукой! Сила ему такая дадена...

— Где же он теперь?

— А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то идут к нему, помогает... Тамошних саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... У раба Божьего Алексия зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлете!

— Ерунда! Шарлатанство!

— А вы попытайте, ваше превосходительство. Выпить большой охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин!

¹ Акцизный — служащий учреждения по сбору налогов.

— Пошли, Алеша! — взмолилась генеральша. — Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

— Ну, ладно, — согласился Булдеев. — Тут не только что к акцизному, но и к черту пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живет? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

— Его в Саратове каждая собака знает, — сказал приказчик. — Извольте писать, ваше превосходительство: в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильевичу... Васильевичу...

— Ну?

— Васильевичу... Якову Васильевичу... а по фамилии... А фамилию вот забыл!.. Васильевичу... Черт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил... Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

— Ну, что же? Скорей думай!

— Сейчас... Васильевичу... Якову Васильевичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

— Жеребятников???

— Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев...

— Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

— Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин... Все не то!

— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

— Коренников? — спросила генеральша.

— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачем же, черт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

— Ой, батюшки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад: подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погодя его позвали к господам.

— Вспомнил? — спросил генерал.

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...

— Табунов? — спрашивали у него. — Копытин? Жеребковский?

— Никак нет, — отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух: — Коненко, Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

— Папа! — закричали из детской. — Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

— Гнедов! — говорили ему. — Рысистый! Лошадитской!

Но наступил вечер, а фамилия все еще не была найдена. Так и легли спать, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучал в окно к приказчику.

— Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

— Нет, не Меринов, ваше превосходительство, — ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

— Да, может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!

— Истинное слово, ваше превосходительство, — лошадиная... Это очень даже отлично помню.

— Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

— Пускай рвет! — решил он. — Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав свое дело и получив что следует за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За ворота-

ми в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряженны, мучительны...

— Буланов... Чересседельников...— бормотал он.— Засупонин... Лошадский...

— Иван Евсеич! — обратился к нему доктор.— Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овес, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

— Надумал, ваше превосходительство! — закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу.— Надумал, дай Бог здоровья доктору! Овсов! Овсов — фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

— На-кося! — сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша.— Не нужно мне твоей лошадиной фамилии! На-кося!

Вопросы и задания

1. Что необычного в заглавии? Почему это — заглавие юмористического рассказа?

2. Этот рассказ хорошо читается по ролям, его легко разыграть как сценку. Почему?

3. Создавая смешной рассказ, Чехов проявляет неистощимую фантазию и изобретательность. Докажите это, обратившись к речи героев. Укажите эпизоды, в которых раскрываются характеры героев.

4. Каким можно назвать чеховский смех в рассказе: добродушным, уничтожающим, снисходительным или иным? Подберите одно из определений. Свой выбор подтвердите обращением к тексту.

5. Как вы понимаете выражение «Смех — дело серьезное»?

6. Найдите и прочитайте рассказы Чехова: «Хирургия», «Канитель», «Жалобная книга», «Налим», «Пересолил». Это позволит вам лучше узнать Чехова-юмориста.

7. Рассмотрите иллюстрации Кукрыниксов к юмористическим рассказам Чехова. Передают ли рисунки своеобразие чеховских рассказов?

Для самостоятельной работы

Попробуйте придумать короткий рассказ, в котором было бы неожиданное и смешное.

РОДНАЯ ПРИРОДА В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX ВЕКА

Яков
Петрович
ПОЛОНСКИЙ
1819—1898

* * *

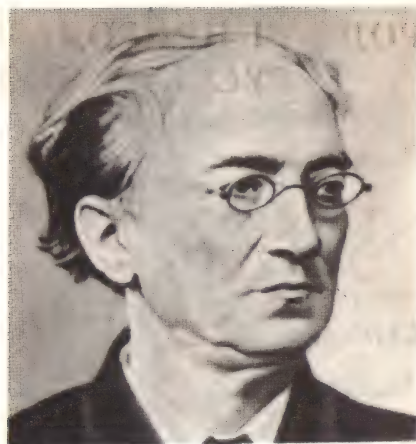
По горам две хмурых тучи
Знойным вечером блуждали
И на грудь скалы горючей
К ночи медленно сползали.
Но сошлись — не уступили
Той скалы друг другу даром,
И пустыню огласили
Яркой молнии ударом.
Грянул гром — по дебрям влажным
Эхо резко засмеялось,
А скала таким протяжным
Стоном жалобно сказалась,
Так вздохнула, что не смели
Повторить удара тучи
И у ног скалы горючей
Улеглись и обомлели...

* * *

Посмотри — какая мгла
В глубине долин легла!
Под ее прозрачной дымкой
В сонном сумраке раки
Тускло озеро блестит.

Бледный месяц невидимкой,
В тесном сонме сизых туч,
Без приюта в небе ходит
И, сквозя, на все наводит
Фосфорический свой луч.

Федор
Иванович
ТЮТЧЕВ
1803—1873

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля —
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят, —
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть век не желтеет,
Но век не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.
Всё красное лето
Мы были в красе —
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Луга побледнели,
Зефиры¹ ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

Афанасий
Афанасьевич
ФЕТ
1820—1892

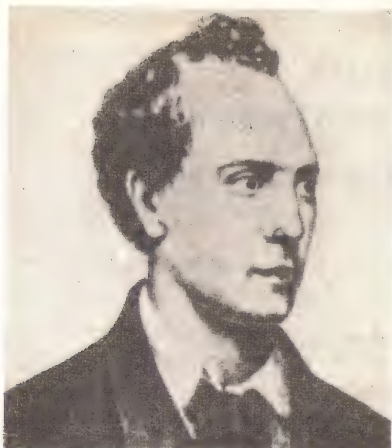

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело,
Я ничего не пойму.
Ветер. Кругом все гудёт и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.
Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

¹ Зефиры — южные теплые ветры.

**Евгений
Абрамович
БАРАТЫНСКИЙ**
1800—1844

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревав, река несет

На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древá обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвилсяя
И в яркой вышине
Незримый жаворонок поет
Заздравный гимн весне.

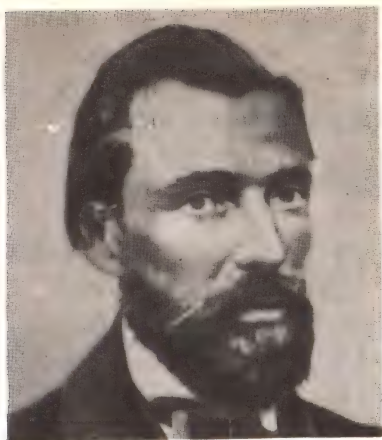
Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!..

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов.

Так мгновенные создания
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

**Иван
Саввич
НИКИТИН
1824—1861**

Встреча зимы

В сокращении

Поутру вчера дождь
В стекла окон стучал;
Над землею туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И Бог знает о чем
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка,
Воздух легок и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнем.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под черных кудрей,

Словно рад он чему,—
И на ветках берез,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слез.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,

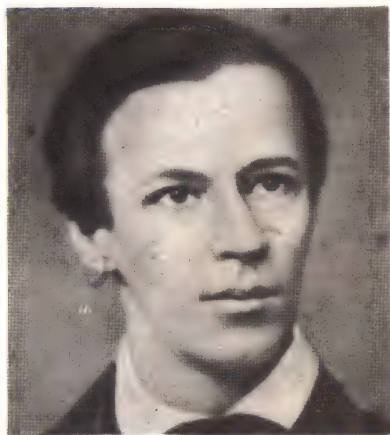
Пляшет-приседает, 1984
Соловьем свистит. 1984

Песне отвечает 1984
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь и блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

Аполлон
Николаевич
МАЙКОВ
1821—1897

Рассвет

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — всё черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней...

Осень

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.
С холоду щеки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!
Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;
Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей;
Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Пейзаж

В сокращении

Люблю дорожкой лесною,	Идешь, как будто по водам,
Не зная сам куда, брести;	Нога шумит... а ухо внемлет
Двойной глубокой колею	Малейший шорох в чаще,
Идешь — и нет конца пути...	там,
Кругом пестреет лес зеленый;	Где пышный папоротник
Уже румянит осень клены,	дремлет.
А ельник зелен и тенист;	А красных мухоморов ряд,
Осинник желтый бьет	Что карлы сказочные, спят...
тревогу;	Уж солнца луч ложится
Осыпался с березы лист	косо...
И, как ковер, устлал	Вдали проглянула река...
дорогу...	На тряской мельнице колеса
	Уже шумят издалека...

**Алексей
Константинович
ТОЛСТОЙ**
1817—1875

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и плещут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно!
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!..»

З а д а н и е

Прочитайте стихотворения, вошедшие в раздел «Родная природа в стихотворениях русских поэтов XIX века». Выберите то, которое вам особенно понравилось, и выучите его наизусть.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Мощь, мудрость и красота литературы открывается во всей своей широте только перед человеком просвещенным и знающим.

К. Г. Паустовский

**Андрей
Платонович
ПЛАТОНОВ**
1899—1951

Надо относиться к людям по-отцовски.

А. П. Платонов

Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слез любил, не видя ее до 12 лет. В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге. Колокол «Чугунной» церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера...

Потом наступило для меня время ученья — отдали меня в церковноприходскую школу. Была там учительница Апполинария Николаевна, я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве, зверю, а не властвующего Бога, чуждого буйной зеленой земле, отделенной от неба бесконечностью... Потом я учился в городском училище. Потом началась работа. Работал я во многих местах, у многих хозяев.

У нас семья была одно время в 10 человек, а я старший сын — один работник, кроме отца. Отец же, слесарь, не мог кормить такую орду.

Я забыл сказать, что кроме поля, деревни, матери и колокольного звона я любил еще (и чем больше живу, тем больше люблю) паровозы, машину, ноющий гудок и потную работу...

И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта — стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей, и из всех людей — я каждого знаю, с каждым спаяно мое сердце...

А. П. Платонов

КОРОВА

Серая степная корова черкасской породы жила одна в сарае; этот сарай, сделанный из выкрашенных снаружи досок, стоял на маленьком дворе путевого железнодорожного сторожа. В сарае, рядом с дровами, сеном, просяной соломой и отжившими свой век домашними вещами — сундуком без крышки, прогоревшей самоварной трубой, одежной ветошью, стулом без ножек, — было место для ночлега коровы и для ее жизни в долгие зимы.

Днем и вечером к ней в гости приходил мальчик Вася Рубцов, сын хозяина, и гладил ее по шерсти около головы. Сегодня он тоже пришел.

— Корова, корова, — говорил он, потому что у коровы не было своего имени и он называл ее, как было написано в книге для чтения. — Ты ведь корова!.. Ты не скучай, твой сын выздоровеет, его нынче мой отец назад приведет.

У коровы был теленок-бычок; он вчерашний день подавился чем-то, и у него стала идти изо рта слюна и желчь. Отец побоялся, что теленок падет, и повел его сегодня на станцию — показать ветеринару.

Корова смотрела вбок на мальчика и молчала, жуя давно иссохшую, замученную смертью былинку. Она всегда узнавала мальчика, а он любил ее. Ему нравилось в корове все, что в ней было, — добрые теплые глаза, обведенные темными кругами, словно корова была постоянно утомлена или задумчива, рога, лоб и ее большое худое тело, которое было таким потому, что свою силу корова не собирала для себя в жир и в мясо, а отдавала ее в молоко и в работу. Мальчик поглядел еще на нежное, по-

койное вымя с маленькими осохшими сосками, откуда он кормился молоком, и потрогал крепкий короткий подгрудок и выступы сильных костей спереди.

Посмотрев немного на мальчика, корова нагнула голову и взяла из корыта нежадным ртом несколько былинки. Ей было некогда долго глядеть в сторону или отдыхать, она должна жевать непрерывно, потому что молоко в ней рожалось тоже непрерывно, а пища была худой, однообразной, и корове нужно с нею долго трудиться, чтобы напиться.

Вася ушел из сарая. На дворе стояла осень. Вокруг дома путевого сторожа простирались ровные, пустые поля, отражавшие и отшумевшие за лето и теперь выкошенные, заглохшие и скучные.

Сейчас начинались вечерние сумерки; небо, покрытое серой прохладной наволочью, уже смежалось тьмою; ветер, что весь день шевелил остья скошенных хлебов и голые кусты, омертвевшие на зиму, теперь сам улегся в тихих, низких местах земли и лишь еле-еле поскрипывал флюгаркой на печной трубе, начиная песнь осени.

Одноколейная линия железной дороги пролежала невдалеке от дома, возле палисадника, в котором в эту пору уже все посохло и поникло — и трава и цветы. Вася остерегался заходить в огорожу палисадника: он ему казался теперь кладбищем растений, которые он посадил и вывел на жизнь весной.

Мать зажгла лампу в доме и выставила сигнальный фонарь наружу, на скамейку.

— Скоро четыреста шестой пойдет, — сказала она сыну, — ты его проводи. Отца-то что-то не видать... Уж не загулял ли!

Отец ушел с телятником на станцию, за семь километров, еще с утра; он, наверно, сдал ветеринару теленка, а сам на станционном собрании сидит, либо пиво в буфете пьет, либо на консультацию по техминимуму пошел. А может быть, очередь на ветпункте большая, и отец ожидает. Вася взял фонарь и сел на деревянную перекладину у переезда. Поезда еще не было слышно, и мальчик огорчился; ему некогда было сидеть тут и провожать поезда; ему пора было готовить уроки к завтрашнему дню и ложиться спать, а то утром надо рано подниматься.

Он ходил в колхозную семилетку за пять километров от дома и учился там в четвертом классе.

Вася любил ходить в школу, потому что, слушая учитель-

ницу и читая книги, он воображал в своем уме весь мир, которого он еще не знал, который был, как он думал, вдали от него. Нил, Египет, Испания и Дальний Восток, великие реки — Миссисипи, Енисей, Тихий Дон и Амазонка, Аральское море, Москва, гора Арарат, остров Уединения в Ледовитом океане — все это волновало Васю и влекло к себе. Ему казалось, что все страны и люди давно ожидают, когда он вырастет и придет к ним. Но он еще нигде не успел побывать; родился он здесь же, где жил и сейчас, а был только в колхозе, в котором находилась школа, и на станции. Поэтому с тревогой и радостью он всматривался в лица людей, глядящих из окон пассажирских поездов, — кто они такие и что они думают, — но поезда шли быстро, и люди проезжали в них незнанными мальчиком на переезде. Кроме того, поездов было мало, всего две пары в сутки, а из них три поезда проходили ночью.

Однажды благодаря тихому ходу поезда Вася явственно разглядел лицо молодого задумчивого человека. Он смотрел через открытое окно в степь, в незнакомое для него место на горизонте и курил трубку. Увидев мальчика, стоявшего на переезде с поднятым зеленым флажком, он улыбнулся ему и ясно сказал: «До свидания, человек!» — и еще помахал на память рукою. «До свидания, — ответил ему Вася про себя. — Вырасту, увидимся! Ты поживи и обожди меня, не умирай!» И затем долгое время мальчик вспоминал этого задумчивого человека, уехавшего в вагоне неизвестно куда: он, наверно, был парашютист, артист или орденоносец или еще лучше кто-нибудь, — так думал про него Вася. Но вскоре память о человеке, миновавшем однажды их дом, забылась в сердце мальчика, потому что ему надо было жить дальше и думать и чувствовать другое.

Далеко — в пустой ночи осенних полей — пропел паровоз. Вася вышел поближе к линии и высоко над головой поднял светлый сигнал свободного прохода. Он слушал еще некоторое время растущий гул бегущего поезда и затем обернулся к своему дому. На их дворе жалобно замычала корова. Она все время ждала своего сына — теленка, а он не приходил. «Где же это отец так долго шатается! — с недовольством подумал Вася. — Наша корова ведь уже плачет! Ночь, темно, а отца все нет».

Паровоз достиг переезда и, тяжело проворачивая колеса, дыша всею силой своего огня во тьму, миновал одинокого человека с фонарем в руке. Механик и не посмотрел на мальчика, —

далеко высунувшись из окна, он следит за машиной: пар пробил набивку в сальнике поршневого штока и при каждом ходе поршня вырывался наружу. Вася это тоже заметил. Скоро будет тяжёлой подъём, и машине с неплотностью в цилиндре тяжело будет вытягивать состав. Мальчик знал, отчего работает паровая машина, он прочитал про нее в учебнике по физике, а если бы там не было про нее написано, он все равно бы узнал о ней, что она такое. Его мучило, если он видел какой-либо предмет или вещество и не понимал, отчего они живут внутри себя и действуют. Поэтому он не обиделся на машиниста, когда тот проехал мимо и не поглядел на его фонарь: у машиниста была забота о машине, паровоз может стать ночью на долгом подъеме, и тогда ему трудно будет стронуть поезд вперед; при остановке вагоны отойдут немного назад, состав станет врастяжку, и его можно разорвать, если сильно взять с места, а слабо его вовсе не сдвинешь.

Мимо Васи пошли тяжелые четырехосные вагоны; их рессорные пружины были сжаты, и мальчик понимал, что в вагонах лежит тяжелый дорогой груз. Затем поехали открытые платформы; на них стояли автомобили, неизвестные машины, покрытые брезентом, был насыпан уголь, горой лежали кочаны капусты, после капусты были новые рельсы, и опять начались закрытые вагоны, в которых везли живность. Вася светил фонарем на колеса и буквы вагонов — не было ли там чего неладного, но там было все благополучно. Из одного вагона с живностью закричала чужая безвестная телушка, и тогда из сарая ей ответила протяжным, плачущим голосом корова, тоскующая о своем сыне.

Последние вагоны прошли мимо Васи совсем тихо. Слышно было, как паровоз в голове поезда бился в тяжелой работе, но колеса его буксовали впустую, и состав не натягивался. Вася направился с фонарем к паровозу, потому что машине было трудно и он хотел побыть около нее, словно этим он мог разделить ее участь.

Паровоз работал с таким напряжением, что из трубы его вылетали кусочки угля и слышалась гулкая дышащая внутренность котла. Колеса машины медленно проворачивались, и механик следил за ними из окна будки. Впереди паровоза шел по пути помощник машиниста. Он брал лопатой песок из балластного слоя и сыпал его на рельсы, чтобы машина не буксовала. Свет передних паровозных фонарей освещал черного, измазанного в

мазуте, утомленного человека. Вася поставил свой фонарь на землю и вышел на балласт к работающему с лопатой помощнику машиниста.

— Дай я буду,— сказал Вася.— А ты ступай помогай паровозу. А то вот-вот он остановится.

— А сумеешь? — спросил помощник, глядя на мальчика большими светлыми глазами из своего глубокого темного лица.— Ну попробуй! Только осторожней, оглядывайся на машину!

Лопата была велика и тяжела для Васи. Он отдал ее обратно помощнику.

— Я буду руками, так легче.

Вася нагнулся, нагреб песку в горсти и быстро насыпал его полосой на головку рельса.

— Посыпай на оба рельса,— указал ему помощник и побежал на паровоз.

Вася стал сыпать по очереди, то на один рельс, то на другой. Паровоз тяжело, медленно шел вслед за мальчиком, в упор растирая песок стальными колесами. Угольная гарь и влага из охлажденного пара падали сверху на Васю, но ему было интересно работать, он чувствовал себя важнее паровоза, потому что сам паровоз шел за ним и лишь благодаря ему не буксовал и не останавливался.

Если Вася забывался в усердии работы и паровоз к нему приближался почти вплотную, то машинист давал короткий гудок и кричал с машины:

— Эй, оглядывайся!.. Сыпь погуще, поровней!

Вася берегся машины и молча работал. Но потом он рассерчал, что на него кричат и приказывают, он сбежал с пути и сам закричал машинисту:

— А вы чего без песка поехали? Иль не знаете!..

— Он у нас весь вышел,— ответил машинист.— У нас посуда для него мала.

— Добавочную поставьте,— указал Вася, шагая рядом с паровозом.— Из старого железа можно согнуть и сделать. Вы кровельщику закажите.

Машинист поглядел на этого мальчика, но во тьме не увидел его хорошо. Вася был одет исправно и обут в башмаки, лицо имел небольшое и глаз не сводил с машины. У машиниста у самого дома такой же мальчишка рос.

— И пар у вас идет, где не нужно: из цилиндра, из котла

дует сбоку, — говорил Вася. — Только зря сила в дырки пропадает.

— Ишь ты! — сказал машинист. — А ты садись, веди состав, а я рядом пойду.

— Давай! — обрадованно согласился Вася.

Паровоз враз, во всю полную скорость, завертел колесами на месте, точно узник, бросившийся бежать на свободу, даже рельсы под ним далеко загремели по линии.

Вася выскочил опять вперед паровоза и начал бросать песок на рельсы под передние бегунки машины. «Не было бы своего сына, я бы усыновил этого, — бормотал машинист, укрощая буксованье паровоза. — Он с малолетства уже полный человек, а у него еще все впереди... Что за черт: не держат ли еще тормоза где-нибудь в хвосте, а бригада дремлет, как на курорте. Ну, я ее на уклоне растрясусь». Машинист дал два длинных гудка, чтоб отдали тормоза в составе, если где зажато.

Вася оглянулся и сошел с пути.

— Ты что же? — крикнул ему машинист.

— Ничего, — ответил Вася. — Сейчас не круто будет, паровоз без меня поедет, сам, а потом под гору...

— Все может быть, — произнес сверху машинист. — На, возьми-ка! — И он бросил мальчику два больших яблока.

Вася поднял с земли угощение.

— Обожди, не ешь! — сказал ему машинист. — Пойдешь назад, глянь под вагоны и послушай, пожалуйста: не зажаты ли где тормоза. А тогда выйди на бугорок, сделай мне сигнал своим фонарем, знаешь как?

— Я все сигналы знаю, — ответил Вася и уцепился за трап паровоза, чтобы прокатиться. Потом он наклонился и поглядел куда-то под паровоз.

— Зажато! — крикнул он.

— Где? — спросил машинист.

— У тебя зажато — тележка под тендером! Там колеса крутятся тихо, а на другой тележке шибче!

Машинист выругал себя, помощника и всю жизнь целиком, а Вася соскочил с трапа и пошел домой.

Вдалеке светился на земле его фонарь. На всякий случай Вася послушал, как работают ходовые части вагонов, но нигде не услышал, чтобы терлись и скрежетали тормозные колодки.

Состав прошел, и мальчик обернулся к месту, где был его

фонарь. Свет фонаря вдруг поднялся в воздух, фонарь взял в руки какой-то человек. Вася добежал туда и увидел своего отца.

— А телок наш где? — спросил мальчик у отца. — Он умер?

— Нет, он поправился, — ответил отец. — Я его на убой продал, мне цену хорошую дали. К чему нам бычок!

— Он еще маленький, — произнес Вася.

— Маленький дороже, у него мясо нежнее, — объяснил отец.

Вася переставил стекло в фонаре, белое заменил зеленым, несколько раз медленно поднял сигнал над головой и опустил вниз, обратив его свет в сторону ушедшего поезда: пусть он едет дальше, колеса под вагонами идут свободно, они нигде не зажаты.

Стало тихо. Уныло и кротно промывчала корова во дворе путевого сторожа. Она не спала в ожидании своего сына.

— Ступай один домой, — сказал отец Васе, — а я наш участок обойду.

— А инструмент? — напомнил Вася.

— Я так; я погляжу только, где костыли повышли, а работать ныне не буду, — тихо сказал отец. — У меня душа по теленку болит: растили-растили его, уж привыкли к нему... Знал бы, что жалко его будет, не продал бы...

И отец пошел с фонарем по линии, поворачивая голову то направо, то налево, осматривая путь.

Корова опять протяжно заныла, когда Вася открыл калитку во двор и корова услышала человека.

Вася вошел в сарай и присмотрелся к корове, привыкая глазами ко тьме. Корова теперь ничего не ела; она молча и редко дышала, и тяжелое, трудное горе томилось в ней, которое было безысходным и могло только увеличиваться, потому что свое горе она не умела в себе утешить ни словом, ни сознанием, ни другом, ни развлечением, как это может делать человек. Вася долго гладил и ласкал корову, но она оставалась неподвижной и равнодушной — ей нужен был сейчас только один ее сын — теленок, и ничто не могло заменить его: ни человек, ни трава и ни солнце. Корова не понимала, что можно одно счастье забыть, найти другое и жить опять, не мучаясь более. Ее смутный ум не в силах был помочь ей обмануться; что однажды вошло в сердце или в чувство ее, то не могло быть там подавлено или забыто.

И корова уныло мычала, потому что она была полностью покорна жизни, природе и своей нужде в сыне, который еще не вырос, чтобы она могла оставить его, и ей сейчас было жарко и больно внутри, она глядела во тьму большими налитыми глазами и не могла ими заплакать, чтобы обессилить себя и свое горе.

Утром Вася ушел спозаранку в школу, а отец стал готовить к работе небольшой однолемешный плуг. Отец хотел запахать на корове немного земли в полосе отчуждения¹, с тем чтобы по весне посеять там просо.

Возвратившись из школы, Вася увидел, что отец пашет на ихней корове, но запахал мало. Корова покорно волочила плуг и, склонив голову, капала слюною на землю. На своей корове Вася с отцом работали и раньше, она умела пахать и была привычна и терпелива ходить в ярме.

К вечеру отец распряг корову и пустил ее поpastись на жнивье по старополью. Вася сидел в доме за столом, он делал уроки и время от времени поглядывал в окно — он видел свою корову. Она стояла на ближнем поле, не паслась и ничего не делала.

Вечер наступал такой же, какой был вчера, сумрачный и пустой, и флюгарка поскрипывала на крыше, точно напевая долгую песню осени. Уставившись глазами в темнеющее поле, корова ждала своего сына; она уже теперь не мычала по нем и не звала его, она терпела и не понимала.

Поделав уроки, Вася взял лопот хлеба, посыпал его солью и понес корове. Корова не стала есть хлеб и осталась равнодушной, как была. Вася постоял около нее, а потом обнял корову снизу за шею, чтоб она знала, что он понимает и любит ее. Но корова резко дернула шеей, отбросила от себя мальчика и, вскрикнув непохожим горловым голосом, побежала в поле. Убежав далеко, корова вдруг повернула обратно и, то прыгая, то припадая передними ногами и прижимаясь головой к земле, стала приближаться к Васе, ожидавшему ее на прежнем месте.

Корова пробежала мимо мальчика, мимо двора и скрылась в вечернем поле, и оттуда еще раз Вася услышал ее чужой горловой голос.

Мать, вернувшаяся из колхозного кооператива, отец и Вася

¹ Полоса отчуждения — полоса земли определенной ширины, отводимая под железнодорожные сооружения и устройства.

до самой полуночи ходили в разные стороны по окрестным полям и кликали свою корову, но корова им не отвечала, ее не было. После ужина мать заплакала, что пропала их кормилица и работница, а отец сел писать заявление в кассу взаимопомощи и в дорпрофсоюз, чтоб выдали ссуду на обзаведение новой коровой.

Утром Вася проснулся первым, еще был серый свет в окнах. Он расслышал, что около дома кто-то дышит и шевелится в тишине. Он посмотрел в окно и увидел корову; она стояла у ворот и ожидала, когда ее впустят домой...

С тех пор корова хотя и жила и работала, когда приходи-

лось пахать или съездить за мукой в колхоз, но молоко у нее пропало вовсе, и она стала угрюмой и непонятливой. Вася ее сам поил, сам задавал корм и чистил, но корова не отзывалась на его заботу, ей было все равно, что делают с ней.

Среди дня корову выпускали в поле, чтоб она походила на воле и чтоб ей стало лучше. Но корова ходила мало; она подолгу стояла на месте, затем шла немного и опять останавливалась, забывая ходить. Однажды она вышла на линию и тихо пошла по шпалам, тогда отец Васи увидел ее, окоротил и свел на сторону. А раньше корова была робкая, чуткая и никогда сама не выходила на линию. Вася поэтому стал бояться, что корову может убить поездом или она сама помрет, и, сидя в школе, он все думал о ней, а из школы бежал домой бегом.

И один раз, когда были самые короткие дни и уже смеркалось, Вася, возвращаясь из школы, увидел, что против их дома стоит товарный поезд. Встревоженный, он сразу побежал к паровозу.

Знакомый машинист, которому Вася помогал недавно вести состав, и отец Васи вытаскивали из-под тендера убитую корову. Вася сел на землю и замер от горя первой близкой смерти.

— Я ведь ей минут десять свистки давал,— говорил машинист отцу Васи.— Она глухая у тебя или дурная, что ль? Ведь состав пришлось сажать на экстренное торможение, и то не успел.

— Она не глухая, она шалая,— сказал отец.— Задремала, наверно, на путях.

— Нет, она бежала от паровоза, но тихо, и в сторону не сообразила свернуть,— ответил машинист.— Я думал, она сообразит.

Вместе с помощником и кочегаром, вчетвером, они выволокли изуродованное туловище коровы из-под тендера и свалили всю говядину наружу, в сухую канаву около пути.

— Она ничего, свежая,— сказал машинист.— Себе засолишь мясо или продашь?

— Продать придется,— решил отец.— На другую корову надо деньги собирать, без коровы трудно.

— Без нее тебе нельзя,— согласился машинист.— Собирай деньги и покупай, я тебе тоже немного деньжонок подброшу. Много у меня нет, а чуть-чуть найдется. Я скоро премию получу.

— Это за что ж ты мне денег дашь? — удивился отец Васи.—

Я тебе не родня, никто... Да я и сам управлюсь: профсоюз, касса, служба, сам знаешь — оттуда, отсюда...

— Ну, а я добавлю, — настаивал машинист. — Твой сын мне помогал, а я вам помогу. Вон он сидит. Здравствуй! — улыбнулся механик.

— Здравствуй, — ответил ему Вася.

— Я еще никого в жизни не давил, — говорил машинист, — один раз — собаку... Мне самому тяжело на сердце будет, если вам ничем за корову не отплачу.

— А за что ты премию получишь? — спросил Вася. — Ты едешь плохо.

— Теперь немного лучше стал, — засмеялся машинист. — Научился. У нас, сынок, материалу не хватает, лишнего фунта пакли не получишь, вот отчего и ездить плохо приходится.

— Поставили другую посуду для песка? — спросил Вася.

— Нет, маленькую песочницу на большую сменили, — ответил машинист.

— Насилу догадались, — сердито сказал Вася.

Здесь пришел главный кондуктор и дал машинисту бумагу, которую он написал о причине остановки поезда на перегоне.

На другой день отец продал в сельский районный кооператив всю тушу коровы; приехала чужая подвода и забрала ее. Вася и отец поехали вместе с этой подводой. Отец хотел получить деньги за мясо, а Вася думал купить себе книг для чтения в магазине. Они заночевали в районе и провели там еще полдня, делая покупки, а после обеда пошли ко двору.

Идти им надо было через тот колхоз, где была семилетка, в которой учился Вася. Уже стемнело вовсе, когда отец и сын добрались до колхоза, поэтому Вася не пошел домой, а остался ночевать у школьного сторожа, чтобы не идти завтра спозаранку обратно и не мориться зря. Домой ушел один отец.

В школе с утра начались проверочные испытания за первую четверть. Ученикам задали работу на тему: «Как я буду жить и работать, чтобы принести пользу нашей Родине».

Вася написал в тетради ответ на этот урок: «Как я буду жить, я не знаю, не задумался еще. У нас была корова. Когда она жила, из нее ели молоко мать, отец и я. Потом она родила себе сына — теленка, и он тоже ел из нее молоко, мы трое и он четвертый, а всем хватало. Корова еще пахала и возила кладь. Потом ее сына продали на мясо, его убили и съели. Корова стала мучиться, но скоро умерла от поезда. И ее тоже съели, потому что она — говядина. Теперь ничего нету. Где корова и ее сын —

телок? Неизвестно, а всем было от них хорошо. Корова отдала нам все, то есть молоко, сына, мясо, кожу, внутренности и кости, она была доброй. Я тоже хочу, чтобы всем людям нашей Родины была от меня польза и хорошо, а мне пусть меньше, потому что я помню нашу корову и не забуду».

Ко двору Вася вернулся в сумерки. Отец был уже дома, он только что пришел с линии; он показывал матери сто рублей, две бумажки, которые ему бросил с паровоза машинист в кисете из-под табака.

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвел на вас Вася?
2. Какой смысл, по-вашему, вкладывал машинист в слова: «Он с малолетства полный человек, а у него еще все впереди»?..
3. Прочитайте еще раз Васино сочинение. Как оно характеризует мальчика?

Для самостоятельной работы

Прочитайте самостоятельно рассказ А. Платонова «Июльская жара».

Подумайте, какие эпизоды вам хотелось бы проиллюстрировать.

Дайте словесное описание одной из ваших иллюстраций.

Для внеклассного чтения

Главные книги А. Платонова — для взрослых. Он при жизни выпустил 23 книги. И, как всякий большой писатель, оставил несколько очень хороших детских рассказов: «Июльская жара», «Через реку», «Солдатское сердце», «Дни боевые». Советуем вам прочитать их.

**Михаил
Михайлович
ЗОЩЕНКО**
1895—1958

Почти двадцать лет взрослые считали, что я писал для их забавы. А я для забавы никогда не писал.

М. М. Зощенко

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК

Жил-был на свете чудесный человек и замечательный писатель. Звали этого человека Михаил Михайлович Зощенко.

Был он невысокого роста, с очень складной фигурой. А лицо... Лицо у него было, по-моему, необыкновенное.

Смуглый, темноволосый, он, мне казалось, чем-то походил на индуса. Глаза же у него были грустные, с высоко приподнятыми бровями.

Я встречал много писателей-юмористов, но должен сказать, что редкие из них были весельчаками. Увы, в большинстве своем это были грустные люди.

По этому поводу мне хочется рассказать одну притчу.

В одном столичном городе жил и работал известный профессор-невропатолог. Много грустных людей перевидал он на своем веку. Но однажды к нему в качестве пациента явился человек, который поразил даже его своим унылым, почти трагическим видом.

— Профессор,— сказал пациент,— я близок к смерти, хотя, по утверждению докторов, ничем не болен. Единственная моя беда — мое настроение. Кажется, у вас в медицине она именуется черной меланхолией. Никто и ничто не может вывести меня из этого состояния. Я близок к самоубийству. Помогите мне, если можете!

— Ну что ж,— сказал профессор,— я дам вам одно лекар-

ство. Это травы, их привозят из Индии. Вы будете принимать настой из этих трав, и через месяц они превратят вас в человека, довольного жизнью.

Пациент поблагодарил профессора и, захватив рецепт лекарства, ушел.

Прошел месяц, и он вновь появился в кабинете профессора.

— Ну что, полегчало? — спросил профессор. — Помогло вам мое лекарство?

— Нет, — сказал пациент, — тоска моя не прошла.

— Что же мне с вами делать? — развел руками профессор. — Продолжайте пить травы и непременно сходите в театр. Сейчас там идет очень смешная, очень веселая оперетта. Она вас, надо полагать, выведет из тоскливого состояния.

Через неделю пациент появился вновь.

— Был в оперетте, — сказал он. — Но и это не помогло мне. Мало того, стало еще грустнее.

— Ну что ж, — сокрушенно сказал профессор, — последнее, что я могу предложить вам, это сходить в цирк. Там выступает клоун, про которого говорят, что нет человека, которого бы он не рассмешил. Глядя на него, я и сам хохотал до упаду. Сходите в цирк, посмотрите этого клоуна. Я уверен, что это поможет вам выздороветь.

— Увы, дорогой профессор, — отвечал пациент, — я не могу этого сделать.

— Но почему же?

— Потому что я тот самый клоун, о котором вы говорите.

Эта притча лишний раз свидетельствует о том, что смешить могут и грустные люди...

Зощенко писал уморительно смешные рассказы. Но человеком он был неизменно печальным.

Даже рассказывая о чем-нибудь очень забавном, он не улыбался, и в глазах у него была грусть.

Он никак не желал примириться с тем, что люди не умеют жить красиво и слишком часто делают глупости. И он смеялся над ними, чтобы убедить их жить иначе, умнее, достойнее...

Однажды был я в доме, где собралось в этот вечер много гостей. Устав от шума, я ушел в кабинет хозяина, чтобы хоть несколько минут посидеть в одиночестве. На столе лежала книжечка со странным рисунком на обложке. На нем был изобра-

жен опрокинутый чайник, и называлась книжечка неожиданно — «Аристократка».

Я решил перелистать ее. Первый рассказ был тот самый, который дал ей название. Это была знаменитая ныне «Аристократка».

Не помню, смеялся ли я когда-нибудь так неудержимо, как в этот раз.

Дочитав рассказ, я выбежал в столовую и, пытаюсь перекрыть пирующих, воскликнул: «Молчите и слушайте!»

Я стал читать, и через минуту все мои слушатели, что называется, помирали со смеху.

На следующий день я попросил директора «Свободного театра», в котором тогда выступал, связать меня с Михаилом Михайловичем Зощенко, который, как я узнал, жил тогда в Ленинграде.

Это был 1922 год. Мы встретились в кафе. Я увидел человека, которого только что описал. Он был моложе меня на год, ему было тогда 26 лет.

Со свойственной мне горячностью я наговорил ему уйму восторженных слов и попросил разрешения выступить с чтением его рассказов.

И в тот же вечер, выучив ее наизусть, я прочитал «Аристократку» со сцены «Свободного театра». С той поры я не расставался ни с автором, ни с его сочинениями, которые я постоянно включал в свой репертуар...

А потом случилась беда. Зощенко были приписаны мысли и сатирические намерения, которых у него никогда не было. Началась тяжелая пора его жизни.

Не знаю, нужно ли нынче бросать упреки тем, кто в то тяжелое для Михаила Михайловича время не проявил к нему дружеского участия, не оказал ему поддержки?

Я только помню, как, приехав в Ленинград, я позвонил ему по телефону и как он долго сомневался — я ли это, а когда мы встретились, сказал мне: «Ты знаешь, твой звонок был первым. Мне теперь почти никто не звонит, а когда я встречаю знакомых на улице, некоторые из них проходят мимо меня, разглядывают вывески на Невском так внимательно, будто видят их впервые».

И грустные глаза этого удивительного человека стали еще грустнее.

Есть у меня друзья, каждое воспоминание о которых туманит взор. Я о них еще напишу. Но Михаил Михайлович Зощенко был среди них одним из лучших.

Леонид Утесов

Из книги: «Михаил Зощенко
в воспоминаниях современников»

ГАЛОША

Конечно, потерять галошу в трамвае нетрудно.

Особенно, если сбоку поднажмут да сзади какой-нибудь архаровец¹ на задник наступит, — вот вам и нет галоши.

Галошу потерять прямо пустяки.

С меня галошу сняли в два счета. Можно сказать, ахнуть не успел.

В трамвай вошел — обе галоши стояли на месте. А вышел из трамвая — гляжу, одна галоша здесь, на ноге, а другой нету. Сапог — здесь. И носок, гляжу, здесь. И подштанники на месте. А галоши нету.

А за трамваем, конечно, не побежишь.

Снял остальную галошу, завернул в газету и пошел так.

После работы, думаю, пущусь в розыски. Не пропадать же товару! Где-нибудь да раскопаю.

После работы пошел искать. Первое дело — посоветовался с одним знакомым вагоновожатым.

Тот прямо вот как меня обнадежил.

— Скажи, — говорит, — спасибо, что в трамвае потерял. В другом общественном месте не ручаюсь, а в трамвае потерять — святое дело. Такая у нас существует камера для потерянных вещей. Приходи и бери. Святое дело.

— Ну, — говорю, — спасибо. Прямо гора с плеч. Главное, галоша почти что новенькая. Всего третий сезон ношу.

На другой день иду в камеру.

— Нельзя ли, — говорю, — братцы, галошу заполучить обратно? В трамвае сняли.

— Можно, — говорят. — Какая галоша?

— Галоша, — говорю, — обыкновенная. Размер — двенадцатый номер.

¹ Архаровец (прост.) — озорник, буян.

— У нас,— говорят,— двенадцатого номера, может, двенадцать тысяч. Расскажи приметы.

— Приметы,— говорю,— обыкновенно какие: задник, конечно, обтрепан, внутри байки нету, сносилась байка.

— У нас,— говорят,— таких галош, может, больше тыщи. Нет ли специальных признаков?

— Специальные,— говорю,— признаки имеются. Носок вроде бы начисто оторван, еле держится. И каблука,— говорю,— почти что нету. Сносился каблук. А бока,— говорю,— еще ничего, пока что удержались.

— Посиди,— говорят,— тут. Сейчас посмотрим.

Вдруг выносят мою галошу.

То есть ужасно обрадовался. Прямо умилился.

Вот, думаю, славно аппарат работает. И какие, думаю, идейные люди, сколько хлопот на себя приняли из-за одной галоши.

Я им говорю:

— Спасибо,— говорю,— друзья, по гроб жизни. Давайте поскорей ее сюда. Сейчас я надену. Благодарю вас.

— Нету,— говорят,— уважаемый товарищ, не можем дать. Мы,— говорят,— не знаем, может, это не вы потеряли.

— Да я же,— говорю,— потерял. Могу дать честное слово.

Они говорят:

— Верим и вполне сочувствуем, и очень вероятно, что это вы потеряли именно эту галошу. Но отдать не можем. Принеси удостоверение, что ты действительно потерял галошу. Пушай домоуправление заверит этот факт, и тогда без излишней волокиты мы тебе выдадим то, что законно потерял.

— Братцы,— говорю,— святые товарищи, да в доме не знают про этот факт. Может, они не дадут такой бумаги.

— Дадут,— говорят,— это ихнее дело дать. На что они у вас существуют?

Поглядел я еще раз на галошу и вышел.

На другой день пошел к председателю нашего дома, говорю ему:

— Давай бумагу. Галоша гибнет.

— А верно,— говорит,— потерял? Или закручиваешь? Может, хочешь схватить лишний предмет ширпотреба?

— Ей-богу,— говорю,— потерял.

Он говорит:

— Конечно, на слова я не могу положиться. Вот если б ты

мне удостоверение достал с трамвайного парка, что галошу потерял,— тогда бы я тебе выдал бумагу. А так не могу.

Я говорю:

— Так они же меня к вам посылают.

Он говорит:

— Ну тогда пиши мне заявление.

Я говорю:

— А что там написать?

Он говорит:

— Пиши: сего числа пропала галоша. И так далее. Даю, дескать, расписку о невыезде впредь до выяснения.

Написал заявление. На другой день форменное удостоверение получил.

Пошел с этим удостоверением в камеру. И там мне, представьте себе, без хлопот и без волокиты выдают мою галошу.

Только когда надел галошу на ногу, почувствовал полное умиление. Вот, думаю, люди работают! Да в каком-нибудь другом месте разве стали бы возиться с моей галошей столько времени? Да выкинули бы ее — только и делов. А тут неделю не хлопотал, выдают обратно.

Одно досадно, за эту неделю во время хлопот первую галошу потерял. Все время носил ее под мышкой в пакете и не помню, в каком месте ее оставил. Главное, что не в трамвае. Это гиблое дело, что не в трамвае. Ну где ее искать?

Но зато другая галоша у меня. Я ее на комод поставил.

Другой раз станет скучно, взглянешь на галошу, и как-то легко и безобидно на душе становится.

Вот, думаю, славно канцелярия работает!

Сохраню эту галошу на память. Пущай потомки любят.

ВСТРЕЧА

Скажу вам откровенно: я очень люблю людей.

Другие, знаете ли, на собак растрачивают свои симпатии. Купают их и на цепочках водят. А мне как-то человек милее.

Однако не могу соврать: при всей своей горячей любви не видел бескорыстных людей.

Один было парнишка светлой личностью промелькнул в моей жизни. Да и то сейчас насчет него нахожусь в раздумье. Не могу решить, чего он тогда думал. Кто его знает — какие у него были мысли, когда он делал свое бескорыстное дело.

А шел я, знаете, из Ялты в Алупку. Пешком. По шоссе.

Я в этом году в Крыму был. В доме отдыха.

Так иду я пешком. Любуюсь крымской природой. Красота, можно сказать, неземная.

Одно худо — невозможно жарко. Через эту жару даже красота на ум не идет. Отворачиваешься от панорамы.

И пыль на зубах скрипит.

Семь верст прошел и утомился до крайности.

А до Алупки еще далеко. Может, верст десять. Прямо не рад, что выбрал такой маршрут.

Прошел еще версту. Запарился. Присел на дорогу. Сижу. Отдыхаю. И вижу — позади меня человек идет. Шагов, может, за пятьсот.

А кругом, конечно, пустынно. Ни души. Орлы летают.

Худого я тогда ничего не подумал. Но все-таки при всей своей любви к людям не люблю с ними встречаться в пустынном месте.

Встал и пошел. Немного прошел, обернулся — идет человек за мной.

Тогда я пошел быстрее, — он тоже поднажал.

Иду, на крымскую природу не гляжу. Только бы, думаю, живьем до Алупки дойти.

Оборачиваюсь. Гляжу — он рукой мне машет. Я ему тоже махнул рукой. Дескать, отстань, сделай милость.

Слышу, он мне что-то кричит.

Вот, думаю, черт, привязался!

Ходко пошел вперед. Слышу, он опять кричит. И теперь бежит сзади меня.

Несмотря на усталость, я тоже побежал.

Пробежал немного — задыхаюсь.

Слышу, кричит:

— Стой! Стой! Товарищ!

Прислонился я к скале. Стою.

Подбежал до меня небогато одетый человек. В сандалиях. И вместо рубашки — сетка.

— Чего вам, — говорю, — надо?

— Ничего, — говорит, — не надо. А вижу — не туда идете. Вы в Алупку?

— В Алупку.

— Тогда, — говорит, — вам по шоссе не надо. По шоссе гро-

мадный крюк даете. Туристы тут всегда путаются. А тут вам по тропке надо идти. Версты четыре выгоды. И тени много.

— Да нет,— говорю,— мерси, спасибо. Я уж по шоссе пойду.

— Ну,— говорит,— как хотите. А я по тропинке.

Повернулся и пошел назад. После окликает меня:

— Нет ли папироски, товарищ? Курить охота.

Дал я ему папироску. И сразу как-то мы с ним познакомились и подружились. И пошли вместе по тропинке.

Очень симпатичный человек оказался. Пищевик. Всю дорогу он надо мной смеялся.

— Прямо,— говорит,— тяжело было на вас глядеть. Идет не туда. Дай, думаю, скажу. А вы бежите. Зачем же вы побежали?

— Да,— говорю,— чего не пробежать.

Незаметно, по тенистой тропинке, пришли мы в Алупку и здесь распрощались.

Весь вечер я думал насчет этого пищевода.

Человек бежал, задыхался, сандалии трепал. И для чего? Чтобы сказать, куда мне надо идти. Это было очень благородно с его стороны.

А теперь, вернувшись в Ленинград, я думаю: кто его знает — а может, ему курить сильно захотелось? Может, он хотел папироску у меня стрелкнуть. Вот и бежал. Или, может, идти ему было скучно — попутчика искал.

Так и не знаю в точности. Однако сердце подсказывает мне, что бежал он бескорыстно. Это был простодушный человек. А такие способны совершить то, чего от других не дождешься.

Вопросы и задания

1. В рассказах Зощенко не слышно привычного для читателя голоса автора. Повествование в них ведется от первого лица. Что узнали вы о героях из их рассказов о себе?

2. Как писатель высмеивает волокиту, бюрократизм?

3. Что вы можете сказать об авторе?

4. Прочитайте эпиграф к главе и объясните, как вы его понимаете.

Для самостоятельной работы

1. Прочитайте самостоятельно рассказ М. М. Зощенко «Монтер». Что вы можете сказать о рассказчике? Почему, по-вашему, он защищает монтера? Обратите внимание на то, какие доказательства приводит он в своей речи.

2. Вспомните какие-либо случаи из вашей жизни или из жизни ваших друзей, напоминающие вам рассказ «Встреча».

**Михаил
Михайлович
ПРИШВИН**
1873—1954

Я ведь, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю.

М. М. Пришвин

Пришвин — один из своеобразнейших писателей. Он ни на кого не похож — ни у нас, ни в мировой литературе. Может быть, поэтому существует мнение, что у Пришвина нет учителей и предшественников. Это неверно. Учитель у Пришвина есть. Тот единственный учитель, которому обязана своей силой, глубиной и задушевностью русская литература. Этот учитель — русский народ... В повестях, рассказах и «географических очерках» Пришвина все объединено человеком — беспокойным, думающим, человеком с открытой и смелой душой. Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку... Его не интересует наносное. Его занимает суть человека, та мечта, которая живет у каждого в сердце, будь то лесоруб, сапожник, охотник или знаменитый ученый.

Вытащить из человека наружу его сокровенную мечту — вот в чем задача! А сделать это трудно. Ничего человек так глубоко не прячет, как свою мечту. Может быть, потому, что она не выносит самого малого осмеяния и уж, конечно, не выносит прикосновения равнодушных рук. Только единомышленнику можно доверить свою мечту. Таким единомышленником безвестных наших мечтателей и был Пришвин.

К. Г. Паустовский

Из предисловия к Собранию сочинений М. М. Пришвина.

Вопросы

1. Что особенно близко и дорого К. Г. Паустовскому в творчестве М. М. Пришвина?

2. Как эпиграф к главе перекликается с мыслями К. Г. Паустовского?

КЛАДОВАЯ СОЛНЦА¹

Сказка-быль

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от детей. И, конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как золотая курочка на высоких ножках. Волосы у нее, ни темные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

«Мужичок в мешочке», улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

«Мужичок в мешочке», как и Настя, был в золотых веснушках, а носик его, чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх.

После родителей все их крестьянское хозяйство досталось детям: изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безыменные овцы, куры, золотой петух Петя и поросенок Хрен.

Вместе с этим богатством досталась, однако, детишкам бедным и большая забота о всех живых существах. Но с такой ли бедой справлялись наши дети в тяжкие годы Отечественной войны! Вначале, как мы уже говорили, к детям приходили помогать их дальние родственники и все мы, соседи. Но очень что-то скоро умненькие и дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо.

И какие это были умные детишки! Если только возможно было, они присоединялись к общественной работе. Их носики можно было видеть на колхозных полях, на лугах, на скотном дворе, на собраниях, в противотанковых рвах: носики такие задорные.

В этом селе мы, хотя и приезжие люди, знали хорошо жизнь

¹ Повесть напечатана с сокращениями.

каждого дома. И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы.

Точно так же, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хворостинной в руке выгоняла она свое любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи.

Митраша выучился у отца делать деревянную посуду: бочки, шайки, лохани. У него есть фуганок, лади́ло¹ длиной больше чем в два его роста. И этим ладиллом он подгоняет дощечки одну к другой, складывает и обдерживает² железными или деревянными обручами.

При корове двум детям не было такой нужды, чтобы продавать на рынок деревянную посуду, но добрые люди просят: кому — шайку на умывальник, кому нужен под капли бочонок, кому — кадушечку солить огурцы или грибы, или даже простую посудинку с зубчиками — домашний цветок посадить.

Сделает, и потом ему тоже оплатят добром. Но, кроме бондарства, на нем лежит и все мужское хозяйство и общественное дело. Он бывает на всех собраниях, старается понять общественные заботы и, наверное, что-то смекает.

Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался и в дружбе у них не было бы, как теперь, прекрасного равенства. Бывает, и теперь Митраша вспомнит, как отец наставлял его мать, и вздумает, подражая отцу, тоже учить свою сестру Настю. Но сестренка мало слушается, стоит и улыбается... Тогда «Мужичок в мешочке» начинает злиться и хорохориться и всегда говорит, задрав нос:

— Вот еще!

— Да что ты хорохоришься? — возражает сестра.

— Вот еще! — сердится брат. — Ты, Настя, сама хорохоришься.

— Нет, это ты!

— Вот еще!

Так, помучив строптивного брата, Настя оглаживает его по за-

¹ Лади́ло — бондарный инструмент. Бондарь — мастер по изготовлению бочек и кадушек.

² Обдёрживает — обхватывает, связывает.

тылку. И как только маленькая ручка сестры коснется широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина.

— Давай-ка вместе полоть огурцы, или свеклу мотыжить, или картошку сажать.

* * *

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растет в болотах летом, а собирают ее поздней осенью. Но не все знают, что самая-самая хорошая клюква, с л а д к а я, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом.

Этой весной снег в густых ельниках еще держался и в конце апреля, но в болотах всегда бывает много теплее: там в это время снега уже не было вовсе. Узнав об этом от людей, Митраша и Настя стали собираться за клюквой. Еще до свету Настя задала корм всем своим животным. Митраша взял отцовское двустольное ружье «Тулку», манки¹ на рябчиков и не забыл тоже и компас. Никогда, бывало, отец его, отправляясь в лес, не забудет этого компаса. Не раз Митраша спрашивал отца:

— Всю жизнь ты ходишь по лесу, и тебе лес известен весь, как ладонь. Зачем же тебе еще нужна эта стрелка?

— Видишь, Дмитрий Павлович,— отвечал отец,— в лесу эта стрелка тебе добрей матери: бывает, небо закроется тучами, и по солнцу в лесу ты определиться не можешь, пойдешь наугад — ошибешься, заблудишься, заголодаешь. Вот тогда взгляни только на стрелку — и она укажет тебе, где твой дом. Пойдешь прямо по стрелке домой, и тебя там покормят. Стрелка эта тебе верней друга: бывает, друг твой изменит тебе, а стрелка неизменно всегда, как ее ни верти, все на север глядит.

Осмотрев чудесную вещь, Митраша запер компас, чтобы стрелка в пути не дрожала. Он хорошо, по-отцовски, обернул вокруг ног портянки, вправил в сапоги, картузик надел такой старый, что козырек его разделился надвое: верхняя корочка задралась выше солнца, а нижняя спускалась почти до самого носика. Оделся же Митраша в отцовскую старую куртку, вернее же в воротник, соединяющий полосы когда-то хорошей дмотканой материи. На животике своем мальчик связал эти полосы кушаком, и отцовская куртка села на нем, как пальто, до самой

¹ Манки (манок) — свистки, издающие звуки, очень похожие на голоса птиц, которых приманивает охотник.

земли. Еще сын охотника заткнул за пояс топор, сумку с компасом повесил на правое плечо, двустольную «Тулку» — на левое и так сделался ужасно страшным для всех птиц и зверей.

Настя, начиная собираться, повесила себе через плечо на полотенце большую корзину.

— Зачем тебе полотенце? — спросил Митраша.

— А как же? — ответила Настя. — Ты разве не помнишь, как мама за грибами ходила?

— За грибами! Много ты понимаешь: грибов бывает много, так плечо режет.

— А клюквы, может быть, у нас еще больше будет.

И только хотел сказать Митраша свое «вот еще!», вспомнилось ему, как отец о клюкве сказал, еще когда собирали его на войну.

— Ты это помнишь, — сказал Митраша сестре, — как отец нам говорил о клюкве, что есть палестинка¹ в лесу...

— Помню, — ответила Настя, — о клюкве говорил, что знает местечко и клюква там осыпучая, но что он о какой-то палестинке говорил, я не знаю. Еще помню, говорил про страшное место Слепую елань².

— Вот там, возле елани, и есть палестинка, — сказал Митраша. — Отец говорил: идите на Высокую гриву и после того держите на север и, когда перевалите через Звонкую борину, держите все прямо на север и увидите — там придет вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На палестинке еще никто не бывал!

Митраша говорил это уже в дверях. Настя во время рассказа вспомнила: у нее от вчерашнего дня остался целый, нетронутый чугунок вареной картошки. Забыв о палестинке, она тихонечко шмыгнула к загнетке³ и опрокинула в корзинку весь чугунок.

«Может быть, еще и заблудимся, — подумала она. — Хлеба у нас взято довольно, есть бутылка молока, а картошка, может быть, тоже пригодится».

А брат в это время, думая, что сестра все стоит за его спиной, рассказывал ей о чудесной палестинке и что, правда, на пути

¹ Палестинкой называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу (п р и м. а в т о р а).

² Елань — топкое место в болоте, все равно что прорубь на льду (п р и м. а в т о р а).

³ Загнетка — углубление в русской печи, куда сгребаются горячие угли.

к ней Слепая елань, где много погибло и людей, и коров, и коней.

— Ну, так что это за палестинка? — спросила Настя.

— Так ты ничего не слыхала?! — схватился он.

И терпеливо повторил ей уже на ходу все, что слышал от отца о не известной никому палестинке, где растет сладкая клюква.

* * *

Лет двести тому назад ветер-сеятель принес два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет. Поднимаясь все выше, толстая стволами, они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья так стонали и выли на все Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.

Сюда, к Лежачему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными елочками и березками, осветили Звонкую борину, и могучие стволы соснового бора стали как зажженные свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетало пение птиц, посвященное восходу великого солнца.

Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания. Он сел на самом верху, где сук сосны и сук ели сложились, как мостик между двумя деревьями. Устроившись на этом мостике, для него довольно широком, ближе к ели, Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине черного

грудь его стала переливать из синего на зеленое. И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост. Завидев солнце над болотными, жалкими елочками, он вдруг подпрыгнул на своем высоком мостике, показав свое белое, чистейшее белье подхвостья, подкрылья, и крикнул:

— Чуф! Ши!

По-тетеревиному «чуф» скорее всего значило «солнце», а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй».

В ответ на это первое чуфыканье Косача-токовика далеко по всему болоту раздалось такое же чуфыканье с хлопаньем крыльев, и вскоре со всех сторон сюда стали прилетать и садиться вблизи Лежачего камня десятки больших птиц, как две капли воды похожих на Косача.

Затаив дыхание, сидели дети на холодном камне, дожидаясь, когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного. И вот первый луч, скользя по верхушкам ближайших, очень маленьких елочек, наконец-то заиграл на щеках у детей.

Неподвижные, как изваяния¹, сидели на камне охотники за сладкой клюквой. Солнце, такое горячее и чистое, вышло против них над болотными елочками. Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось, как холодная синяя стрелка, и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул, елка нажала на сосну, и сосна простонала. Ветер рванул еще раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала.

В это время, отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы продолжать дальше свой путь. Но у самого камня довольно широкая болотная тропа расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная тропа, шла направо, другая, слабенькая, прямо.

Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая на слабую тропу, сказал:

— Нам надо по этой на север.

— Это не тропа! — ответила Настя.

— Вот еще! — рассердился Митраша. — Люди шли, — значит, тропа. Нам надо идти на север. Идем, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше.

— Кра! — крикнула в это время ворона в гнезде.

И ее самец мелкими шажками перебежал ближе к Косачу на полмостика.

¹ Изваяние — статуя.

Вторая круто-синяя стрелка пересекла солнце, и сверху стала надвигаться серая хмарь. Золотая Курочка собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

— Смотри,— сказала она,— какая плотная моя тропа, тут все люди ходят. Неужели мы умней всех?

— Пусть ходят все люди,— решительно ответил упрямый «Мужичок в мешочке».— Мы должны идти по стрелке, как отец нас учил, на север, к палестинке.

— Отец нам сказки рассказывал, он шутил с нами,— сказала Настя,— и, наверно, на севере вовсе и нет никакой палестинки. Очень даже будет глупо нам по стрелке идти: как раз не на палестинку, а в самую Слепую елань угодим.

— Ну ладно,— резко повернул Митраша,— я с тобой больше спорить не буду: ты иди по своей тропе, куда все бабы ходят за клюквой, я же пойду сам по себе, по своей тропке, на север.

И в самом деле пошел туда, не подумав ни о корзине для клюквы, ни о пище.

Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что, вся красная, как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе.

— Кра! — закричала ворона.

И самец, быстро перебежав по мостику остальной путь до Косача, со всей силой долбанул его. Как ошпаренный метнулся Косач к улетающим тетеревам, но разгневанный самец догнал его, вырвал, пустил по воздуху пучок белых и радужных перышек и погнался далеко.

Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла все солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетенные корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на все Блудово болото зарычали, завывали, застонали.

* * *

Деревья так жалобно стонали, что из полуобвалившейся картофельной ямы возле сторожки Антипыча вылезла его гончая собака Травка и точно так же, в тон деревьям, жалобно завывала. Зачем же надо было вылезать собаке так рано из теплого, належающего подвала и жалобно выть, отвечая деревьям?

Среди звуков стоны, рычания, ворчания, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребенок.

Вот этот плач и не могла выносить Травка и, заслышав его, вылезала из ямы в ночь и в полночь. Этот плач сплетенных навеки деревьев не могла выносить собака: деревья животному напоминали о его собственном горе.

Уже целых два года прошло, как случилось ужасное несчастье в жизни Травки: умер обожаемый ею лесник, старый охотник Антипыч.

Мы с давних лет ездили к этому Антипычу на охоту, и старик, думается, сам позабыл, сколько ему было лет, все жил, жил в своей лесной сторожке, и казалось — он никогда не умрет.

— Сколько тебе лет, Антипыч? — спрашивали мы. — Восемьдесят?

— Мало, — отвечал он.

— Сто?

— Много.

— Антипыч, ну брось свои шутки, скажи нам по правде, сколько же тебе лет?

— По правде, — отвечал старик, — я вам скажу, если вы вперед скажете мне, что есть правда, какая она, где живет и как ее найти.

Трудно было ответить нам.

— Ты, Антипыч, старше нас, — говорили мы, — и ты, наверно, сам лучше нас знаешь, где правда.

— Знаю, — усмехался Антипыч.

— Ну, скажи.

— Нет, пока жив я, сказать не могу, вы сами ищите. Ну, а как умирать буду, приезжайте, я вам тогда на ушко перешепну всю правду. Приезжайте!

— Хорошо, приедем. А вдруг не угадаем, когда надо, и ты без нас помрешь?

Дедушка прищурился по-своему, как он всегда шурился, когда хотел посмеяться и пошутить.

— Деточки, — сказал он, — вы не маленькие, пора бы самим знать, а вы все спрашиваете. Ну, ладно уж, когда помирать соберусь и вас тут не будет, я Травке своей перешепчу. Травка! — позвал он.

В хату вошла большая рыжая собака с черным ремешком по всей спине. У нее под глазами были черные полосы с загибом вроде очков. И от этого глаза казались очень большими, и ими она спрашивала: «Зачем позвал меня, хозяин?»

Антипыч как-то особенно поглядел на нее, и собака сразу поняла человека: он звал ее по приятельству, по дружбе, ни для чего, а просто так, пошутить, поиграть. Травка замахала хвостом, стала снижаться на ногах все ниже, ниже и, когда подползла так к коленям старика, легла на спину и повернула вверх светлый живот с шестью парами черных сосков. Антипыч только руку протянул было, чтобы погладить ее, она как вдруг вскочит и лапами на плечи — и чмок и чмок его: и в нос, и в щеки, и в самые губы.

— Ну, будет, будет,— сказал он, успокаивая собаку и вытирая лицо рукавом.

Погладил ее по голове и сказал:

— Ну, будет, теперь ступай к себе.

Травка повернулась и вышла во двор.

— То-то, ребята,— сказал Антипыч,— вот Травка, собака гончая, с одного слова все понимает, а вы, глупенькие, спрашиваете, где правда живет. Ладно же, приезжайте. А упустите меня, Травке я все перешепчу.

И вот умер Антипыч. Вскоре после этого началась Великая Отечественная война. Другого сторожа на место Антипыча не назначили и сторожку его бросили. Очень ветхий был домик, старше много самого Антипыча, и держался уже на подпорках. Как-то раз без хозяина ветер поиграл с домиком, и он сразу весь развалился, как разваливается картонный домик от одного дыхания младенца. В один год высокая трава иван-чай проросла через бревнышки, и от всей избушки остался на лесной поляне холмик, покрытый красными цветами. А Травка переселилась в картофельную яму и стала жить в лесу, как и всякий зверь.

Только очень трудно было Травке привыкать к дикой жизни. Она гоняла зверей для Антипыча, своего великого и милостивого хозяина, но не для себя. Много раз случалось ей на гону¹ поймать зайца. Подмяв его под себя, она ложилась и ждала, когда Антипыч придет, и, часто вовсе голодная, не позволяла себе есть зайца. Даже если Антипыч почему-нибудь не приходил, она брала зайца в зубы, высоко задирала голову, чтобы он не болтался, и тащила домой. Так она и работала на Антипыча, но не на себя: хозяин любил ее, кормил и берег от волков. А теперь, когда умер Антипыч, ей нужно было, как и всякому дикому зверю, жить для себя. Случалось, не один раз на жарком

¹ На гоні — в погоне, в быстром беге.

гону она забывала, что гонит зайца только для того, чтобы поймать его и съесть. До того забывалась Травка на такой охоте, что, поймав зайца, тащила его к Антипычу, и тут иногда, услышав стон деревьев, взбиралась на холм, бывший когда-то избушкой, и выла, и выла...

К этому вою давно уже прислушивался волк Серый помещик...

...В то утро, когда дети между собой поссорились и пошли по разным тропам, Серый лежал голодный и злой. Когда ветер замутил утро и завывли деревья возле Лежачего камня, он не выдержал и вылез из своего логова. Он стал над завалом, поднял голову, подобрал и так тощий живот, поставил единственное ухо на ветер, выпрямил половину хвоста и завывл.

Какой это жалобный вой! Но ты, прохожий человек, если услышишь и у тебя поднимется ответное чувство, не верь жалости: воет не собака, вернейший друг человека, это — волк, злейший враг его, самой злобой своей обреченный на гибель. Ты, прохожий, побереги свою жалость не для того, кто о себе воет, как волк, а для того, кто, как собака, потерявшая хозяина, воет, не зная, кому же теперь после него ей послужить.

* * *

Слепая елань, куда повела Митрашу стрелка компаса, было место погибельное, и тут на веках немало затянуло в болото людей и еще больше скота. И уж, конечно, всем, кто идет в Блудово болото, надо хорошо знать, что это такое Слепая елань.

Мы это так понимаем, что все Блудово болото, со всеми огромными запасами горючего торфа, есть кладовая солнца. Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки. Всем им солнце отдавало свое тепло, и они, умирая, разлагаясь, в удобрении передавали его, как наследство, другим растениям, кустикам, ягодкам, цветкам и травинкам. Но в болотах вода не дает родителям-растениям передавать все свое добро детям. Тысячи лет это добро под водой сохраняется, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кладовая солнца, как торф, достается человеку в наследство.

Блудово болото содержит огромные запасы горючего, но слой торфа не везде одинаковой толщины. Там, где сидели дети, у Лежачего камня, растения слой за слоем ложились друг на друга тысячи лет. Тут был старейший пласт торфа, но дальше,

чем ближе к Слепой елани, слой становился все моложе и тоньше.

Мало-помалу, по мере того как Митраша продвигался вперед по указанию стрелки и тропы, кочки под его ногами становились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими. Ступит ногой как будто на твердое, а нога уходит, и становится страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? Попадаются какие-то вертялые кочки, приходится выбирать место, куда ногу поставить. А потом и так пошло, что ступишь, а у тебя под ногой от этого вдруг, как в животе, заурчит и побежит куда-то под болотом.

Земля под ногой стала, как гамак, подвешенный над тинистой бездной. На этой подвижной земле, на тонком слое сплетенных между собой корнями и стеблями растений, стоят редкие, маленькие, корявые и заплесневелые елочки. Кислая болотная почва не дает им расти, и им, таким маленьким, лет уже по сто, а то и побольше... Елочки-старушки не как деревья в бору все одинаковые: высокие, стройные, дерево к дереву, колонна к колонне, свеча к свече. Чем старше старушка на болоте, тем кажется чуднее. То вот одна голый сук подняла, как руку, чтобы обнять тебя на ходу, а у другой палка в руке, и она ждет тебя, чтобы хлопнуть, третья присела зачем-то, четвертая стоя вяжет чулок,— и так все: что ни елочка, то непременно на что-то похожа.

Слой под ногами у Митраши становился все тоньше и тоньше, но растения, наверное, очень крепко сплелись и хорошо держали человека, и, качаясь и покачивая все далеко вокруг, он все шел и шел вперед. Митраше оставалось только верить тому человеку, кто шел впереди его и оставил даже тропу после себя.

Очень волновались старушки-елки, пропуская между собой мальчика с длинным ружьем, в картузе с двумя козырьками. Бывает, одна вдруг поднимется, как будто хочет смельчака палкой ударить по голове, и закроет собой впереди всех других старушек. А потом опустится, и другая колдунья тянет к тропе костлявую руку. И ждешь — вот-вот, как в сказке, полянка покажется, и на ней избушка колдуньи с мертвыми головами на шестах...

Черный ворон, стерегущий гнездо на борине, облетая по сторожевому кругу болото, заметил маленького охотника с двойным

козырьком. Весной и у ворона тоже является особый крик, похожий на то, как если человек крикнет горлом и в нос: «Дрон-тон!» Есть непонятные и неуловимые нашим ухом оттенки в основном звуке, и оттого мы не можем понять разговор воронов, а только догадываемся, как глухонемые.

— Дрон-тон! — крикнул сторожевой ворон в том смысле, что какой-то маленький человек с двойным козырьком и ружьем близится к Слепой елани и что, может быть, скоро будет пожива.

— Дрон-тон! — ответила издали на гнезде ворон-самка.

И это значило у нее:

— Слышу и жду!

Сороки, состоящие с воронами в близком родстве, заметили перекличку воронов и застрекотали. И даже лисичка после неудачной охоты за мышами наострила ушки на крик ворона.

Митраша все это слышал, но ничуть не трусил, — что ему было трусить, если под его ногами тропа человеческая: шел такой же человек, как и он, значит, и он сам, Митраша, мог по ней смело идти. И услышав ворона, он даже запел:

Ты не вейся, черный ворон,
Над моею головой!

Пение подбодрило его еще больше, и он даже смекнул, как ему сократить трудный путь по тропе. Поглядывая себе под ноги, он заметил, что нога его, опускаясь в грязь, сейчас же собирает туда, в ямку, воду. Так и каждый человек, проходя по тропе, спускал воду из мха пониже, и оттого на осушенной бровке, рядом с ручейком тропы, по ту и другую сторону аллейкой вырастала высокая сладкая трава белоус. По этой, не желтого цвета, как всюду было теперь ранней весной, а скорее цвета белого, траве можно было далеко впереди себя понять, где проходит тропа человеческая. Вот Митраша увидел: его тропа круто заворачивает влево и туда идет далеко и там совсем исчезает. Он проверил по компасу, стрелка глядела на север, тропа уходила на запад.

— Чьи вы? — закричал в это время чибис.

— Жив, жив! — ответил кулик.

— Дрон-тон! — еще уверенней крикнул ворон.

И кругом в елочках затрещали сороки.

Оглядев местность, Митраша увидел прямо перед собой чистую, хорошую поляну, где кочки, постепенно снижаясь, переходили

в совершенно ровное место. Но самое главное: он увидел, что совсем близко по той стороне поляны змеилась высокая трава белоус — неизменный спутник тропы человеческой. Узнавая по направлению белоуса тропу, идущую не прямо на север, Митраша подумал: «Зачем же я буду поворачивать налево, на кочки, если тропа вон, рукой подать, виднеется там, за полянкой?»

И он смело пошел вперед, пересекая чистую полянку...

— Эх, вы! — бывало, говорил нам Антипыч, когда мы провалились в болото, придем домой грязные, мокрые. — Ходите вы, ребята, одетые и обутые.

— А то как же?

— Ходили бы, — отвечал он, — голенькие и разутые.

— Зачем же голенькие и разутые?

А он то-то над нами покатывался.

Так мы ничего и не понимали, чему смеялся старик.

Теперь только, через много лет, приходят в голову слова Антипыча, и все становится понятным: обращал к нам Антипыч эти слова, когда мы, ребятишки, задорно и уверенно посвистывая, говорили о том, чего еще вовсе не испытали.

Антипыч, предлагая ходить нам голенькими и разутыми, только не договаривал: «Не зная броду, не лезьте в воду».

Так вот и Митраша. И благоразумная Настя предупреждала его. И трава белоус показывала направление обхода елани. Нет! Не зная броду, оставил выбитую тропу человеческую и прямо полез в Слепую елань. А между тем тут-то вот именно, на этой полянке, вовсе прекращалось сплетение растений, тут была елань, то же самое, что зимой в пруду прорубь. В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными купавами, водяными лилиями. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду ее было невозможно узнать.

Митраша по елани шел вначале лучше, чем даже раньше по болоту. Постепенно, однако, нога его стала утопать все глубже и глубже, и становилось все труднее и труднее вытаскивать ее обратно. Тут лосю хорошо, у него страшная сила в длинной ноге, и, главное, он не задумывается и мчится одинаково и в лесу, и в болоте. Но Митраша, почуввав опасность, остановился и призадумался над своим положением. В один миг остановки он погрузился по колено, в другой миг ему стало выше колен.

Он еще мог бы, сделав усилие, вырваться из елани обратно. И надумал было он повернуться, положить ружье на болото и, опираясь на него, выскочить. Но тут же, совсем недалеко от себя, впереди, увидел высокую белую траву на следу человеческого.

— Перескочу,— сказал он.

И рванулся.

Но было уже поздно. Сгоряча, как раненый,— пропадать так уж пропадать,— на авось, рванулся еще, и еще, и еще. И почувствовал себя плотно схваченным со всех сторон по самую грудь. Теперь даже и сильно дыхнуть ему нельзя было, при малейшем движении его тянуло вниз. Он мог сделать только одно: положить плашмя ружье на болото и, опираясь на него двумя руками, не шевелиться и успокоить поскорее дыхание. Так он и сделал: снял с себя ружье, положил его перед собой, оперся на него той и другой рукой.

Внезапный порыв ветра принес ему пронзительный Настин крик:

— Митраша!

Он ей ответил.

Но ветер был с той стороны, где Настя, и уносил его крик в ту сторону Блудова болота, на запад, где без конца были только елочки. Одни сороки отозвались ему и, перелетая с елочки на елочку с обычным их тревожным стрекотаньем, мало-помалу окружили всю Слепую елань и, сидя на верхних пальчиках елок, тонкие, носатые, длиннохвостые, стали трещать, одни вроде:

— Дри-ти-ти!

Другие:

— Дра-та-та!

— Дрон-тон! — крикнул ворон сверху...

И очень умные на всякое поганое дело сороки смекнули о полном бессилии погруженного в болото маленького человечка. Они соскочили с верхних пальчиков елок на землю и с разных сторон начали прыжками свое сорочье наступление.

Маленький человечек с двойным козырьком кричать перестал. По его загорелому лицу, по щекам блестящими ручейками потекли слезы.

* * *

Кто никогда не видал, как растет клюква, тот может очень долго идти по болоту и не замечать, что он по клюкве идет.

Вот взять ягоду чернику,— та растет, и ее видишь: стебелечек тоненький тянется вверх, по стебельку, как крылышки, в разные стороны зеленые маленькие листики, и у листиков сидят мелким горошком чернички, черные ягодки с синим пушком. Так же брусника, кровяно-красная ягода, листики темно-зеленые, плотные, не желтеют даже под снегом, и так много бывает ягоды, что место кажется кровью полито. Еще растет в болоте голубика кустиком, ягода голубая, более крупная, не пройдешь, не заметишь. В глухих местах, где живет огромная птица глухарь, встречается костяника, красно-рубиновая ягода кисточкой, и каждый рубинчик в зеленой оправе. Только у нас одна-единственная ягода клюква, особенно ранней весной, прячется в болотной кочке и почти невидима сверху. Только уж когда очень много ее соберется на одном месте, заметишь сверху и подумаешь: «Вот кто-то клюкву рассыпал». Наклонишься взять одну, попробоваться, и тянешь вместе с одной ягодинкой зеленую ниточку со многими клюквинками. Захочешь — и можешь вытянуть себе из кочки целое ожерелье крупных кровяно-красных ягод...

Вначале Настя срывала с плети каждую ягодку отдельно, для каждой красненькой наклонялась к земле. Но скоро из-за одной ягодки наклоняться перестала: ей больше хотелось. Она стала уже теперь догадываться, где не одну-две ягодки можно взять, а целую горсточку, и стала наклоняться только за горсточкой. Так она ссыпает горсточку за горсточкой, все чаще и чаще, а хочется все больше и больше.

Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться. А вот теперь он ушел неизвестно куда, а она и не помнит, что ведь хлеб-то у нее, что любимый брат там где-то, в темном болоте, голодный идет. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется все больше и больше.

Из-за чего же ведь и весь сыр-бор загорелся у нее при споре с Митрашей: именно, что ей захотелось идти по набитой тропе. А теперь, следуя ошупью за клюквой,— куда клюква ведет, туда и она,— Настя незаметно сошла с набитой тропы.

Было только один раз вроде пробуждения: она вдруг поняла, что где-то сошла с тропы. Повернула туда, где, показалось, проходила тропа, но там тропы не было. Она бросилась было в другую сторону, где маячили два дерева сухие с голыми сучьями,— там тоже тропы не было. Тут-то бы к случаю и вспомнить ей

про компас, как о нем говорил Митраша, и своего-то брата, своего любимого, вспомнить, что он голодный идет, и, вспомнив, перекликнуться с ним...

И только-только бы вспомнить, как вдруг Настенька увидела такое, что не всякой клюквеннице достается хоть раз в жизни своей увидеть...

В споре своем, по какой тропе идти, дети одного не знали: что большая тропа и малая, огибая Слепую елань, обе сходились на Сухой речке и там, за Сухой, больше уже не расходясь, в конце концов выводили на большую Переславскую дорогу. Большим полукругом Настина тропа огибала по суходолу¹ Слепую елань. Митрашина тропа шла напрямик возле самого края елани. Не сплошай он, не упусти из виду траву белоус на тропе человеческой, он давным-давно бы уже был на том месте, куда пришла только теперь Настя. И это место, спрятанное между кустиками можжевельника, и было как раз той самой палестинкой, куда Митраша стремился по компасу.

Приди сюда Митраша голодный и без корзины, что бы ему было тут делать, на этой палестинке кроваво-красного цвета! На палестинку пришла Настя с большой корзиной, с большим запасом продовольствия, забытым и покрытым кислой ягодой...

На самой середине палестинки не было клюквы. Тут выдался холмистой куртинкой² частый осинник, и в нем стоял рогатый великан лось. Посмотреть на него с одной стороны — покажется, он похож на быка, посмотреть с другой — лошадь и лошадь: и стройное тело, и стройные ноги сухие, и мурло с тонкими ноздрями. Но как выгнуто это мурло, какие глаза и какие рога! Смотришь и думаешь: а может быть, и нет ничего — ни быка, ни коня, а так складывается из осинника, если вот ясно видно, как толстые губы чудовища приклепнулись к дереву и на нежной осинке остается узкая белая полоска: это чудовище так кормится. Да почти и на всех осинках виднеются такие загрызы. Нет, не видение в болоте эта громадина. Но как понять, что на осиновой корочке и лепестках болотного трилистника может вырасти такое большое тело? Откуда же у человека при его могуществе берется жадность даже к кислой ягоде клюкве?

Лось, обирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползающую девочку, как на всякую ползающую тварь.

¹ *Суходол* — долина без воды или низина, не заливаемая водой.

² *Куртинка* — здесь: островок.

Ничего не видя, кроме своей клюквы, ползет она и ползет к большому черному пню. Еле передвигает за собой корзину, вся мокрая и грязная, прежняя Золотая Курочка на высоких ножках.

Лось ее и за человека не считает: у нее все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни.

А большой черный пень собирает в себе лучи солнца и сильно нагревается. Вот уже начинается вечереть, воздух и все кругом охлаждается. Но пень, черный и большой, еще сохраняет тепло. На него выползли из болота и припали к теплу шесть маленьких ящериц; четыре бабочки-лимонницы, сложив крылышки, припали усиками; большие черные мухи прилетели ночевать. Длинная клюквенная плеть, цепляясь за стебельки трав и неровности, оплела черный теплый пень и, сделав на самом верху несколько оборотов, спустилась по ту сторону. Ядовитые змеи-гадюки в это время года стерегут тепло, и одна, громадная, в полметра длиной, вползла на пень и свернулась колечком на клюкве.

А девочка тоже ползла по болоту, не поднимая вверх высоко головы. И так она приползла к горелому пню и дернула за самую плеть, где лежала змея. Гадина подняла голову и зашипела. И Настя тоже подняла голову...

Тогда-то, наконец, Настя очнулась, вскочила, и лось, узнав в ней человека, прыгнул из осинника и, выбрасывая вперед сильные длинные ноги-ходули, помчался легко по вязкому болоту, как мчится по сухой тропинке заяц-русак.

Испуганная лосем, Настенька изумленно смотрела на змею: гадюка по-прежнему лежала, свернувшись колечком в теплом луче солнца. Насте представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из кожи змеиной и стоит, не понимая, где она.

Совсем недалеко стояла и смотрела на нее большая рыжая собака с черным ремешком на спине. Собака эта была Травка, и Настя даже вспомнила ее: Антипыч не раз приходил с ней в село.

Но кличку собаки вспомнить она не могла верно и крикнула ей:
— Муравка, Муравка, я дам тебе хлеба!

И потянулась к корзине за хлебом. Доверху корзина была наполнена, и под клюквой был хлеб.

Сколько же времени прошло, сколько клюквинок легло с утра до вечера, пока огромная корзина наполнилась? Где же был за это

время брат голодный и как она забыла о нем, как она сама забыла себя и все вокруг?

Она опять поглядела на пень, где лежала змея, и вдруг пронзительно закричала:

— Братец, Митраша!

И, рыдая, упала возле корзины, наполненной клюквой.

Вот этот пронзительный крик и долетел тогда до елани, и Митраша это слышал и ответил, но порыв ветра тогда унес крик в другую сторону.

* * *

Тот сильный порыв ветра, когда крикнула бедная Настя, был еще не последним перед тишиной вечерней зари. Солнце в это время проходило вниз через толстое облако и выбросило оттуда на землю золотые ножки своего трона.

И тот порыв был еще не последним, когда в ответ на крик Насти закричал Митраша.

Последний порыв был, когда солнце погрузило как будто под землю золотые ножки своего трона и, большое, чистое, красное, нижним краешком своим коснулось земли. Тогда на суходоле запел свою милую песенку маленький певчий дрозд-белобровик. Несмело возле Лежачего камня на успокоенных деревьях затоквал Косач-токовик. И журавли прокричали три раза, не как утром — «победа», а вроде как бы:

— Спите, но помните: мы вас всех скоро разбудим, разбудим, разбудим!

День кончился не порывом ветра, а последним легким дыханием. Тогда наступила полная тишина, и везде стало все слышно, даже как пересвистывались рябчики в зарослях Сухой речки.

В это время, почуяв беду человеческую, Травка подошла к рыдающей Насте и лизнула ее соленую от слез щеку. Настя подняла было голову, поглядела на собаку и так, ничего не сказав ей, опустила голову обратно и положила ее прямо на ягоду. Сквозь клюкву Травка явственно чуяла хлеб, и ей ужасно хотелось есть, но позволить себе покопаться лапами в клюкве она никак не могла. Вместо этого, чуя беду человеческую, она подняла высоко голову и завывала...

В полной тишине, когда выла Травка, Серый сразу понял, что это было на палестинке, и скорей-скорей замахал туда напрямик. Только очень скоро Травка выть перестала, и Серый остановился переждать, когда вой снова начнется.

А Травка в это время сама услышала в стороне Лежачего камня знакомый тоненький и редкий голосок:

— Тяв! Тяв!

И сразу поняла, конечно, что это тявкала лисица по зайцу... И то поняла, что лисице без хитрости никогда не догнать зайца и тявкает она, только чтобы он бежал и морился, и когда уморится и ляжет, тут-то она и схватит его на лежке...

Выслушав гон лисицы, Травка точно так же, как и мы, охотники, поняла круг пробега зайца: от Лежачего камня заяц бежал на Слепую елань и оттуда на Сухую речку, оттуда долго полукругом на палестинку и опять непременно к Лежачему камню...

И Травка своим собачьим способом бросилась вслед зайцу и, взвизгнув залиvisto, мерным, ровным собачьим лаем наполнила всю вечернюю тишину.

Услыхав собаку, лисичка, конечно, сейчас же бросила охоту за русаком и занялась повседневной охотой на мышей... А Серый наконец-то услышал долгожданный лай собаки, понесся на махах в направлении Слепой елани.

* * *

... Зайцу повезло на этот раз. Он понял: собака, начав делать свой круг по елани, с чем-то там встретилась, и вдруг там явственно послышался голос человека и поднялся страшный шум...

А Травка, разлетевшись на елани по зайцу, вдруг в десяти шагах от себя глаза в глаза увидела маленького человека и, забыв о зайце, остановилась как вкопанная.

Что думала Травка, глядя на маленького человека в елани, можно легко догадаться. Ведь это для нас все мы разные. Для Травки все люди были, как два человека: один — Антипыч с разными лицами и другой человек — это враг Антипыча. И вот почему хорошая, умная собака не подходит сразу к человеку, а остановится и узнает, ее это хозяин или враг его.

Так вот и стояла Травка и глядела в лицо маленького человека, освещенного последним лучом заходящего солнца.

Глаза у маленького человека были сначала тусклые, мертвые, но вдруг в них загорелся огонек, и вот это заметила Травка.

«Скорее всего, это Антипыч», — подумала Травка.

И чуть-чуть, еле заметно вильнула хвостом.

Мы, конечно, не можем знать, как думала Травка, узнавая своего Антипыча, но догадываться, конечно, можно. Вы помните, бывало ли с вами так? Бывает, наклонишься в лесу к тихой заводи ручья и там, как в зеркале, увидишь — весь-то человек, большой, прекрасный, как для Травки Антипыч, из-за твоей спины наклонился и тоже смотрит в заводь, как в зеркало. И так он прекрасен там, в зеркале, со всею природой, с облаками, лесами, и солнышко там внизу тоже садится, и молодой месяц показывается, и частые звездочки.

Так вот точно, наверно, и Травке в каждом лице человека, как в зеркале, виделся весь человек Антипыч, и к каждому стремилась она броситься на шею, но по опыту своему она знала: есть враг Антипыча с точно таким же лицом.

И она ждала.

А лапы ее между тем понемногу тоже засасывало.

Если так дальше стоять, то и собачьи лапы так засосет, что и не вытащишь. Ждать больше нельзя.

И вдруг... Ни гром, ни молния, ни солнечный восход со всеми победными звуками, ни закат с журавлиным обещанием нового прекрасного дня — ничто, никакое чудо природы не могло быть больше того, что случилось сейчас для Травки в болоте: она услышала слово человеческое — и какое слово!

Антипыч, как большой, настоящий охотник, назвал свою собаку: вначале, конечно, по-охотничьи — от слова травить, и наша Травка вначале у него называлась Затравка; но после охотничья кличка на языке оболталась, и вышло прекрасное имя Травка. В последний раз, когда приходил к нам Антипыч, собака его называлась еще Затравка. И когда загорелся огонек в глазах маленького человека, это значило, что Митраша вспомнил имя собаки. Потом омертвевшие, синеющие губы маленького человека стали наливаться кровью, краснеть, зашевелились. Вот это движение губ Травка заметила и второй раз чуть-чуть вильнула хвостом. И тогда произошло настоящее чудо в понимании Травки. Точно так же, как старый Антипыч в самое старое время, новый молодой и маленький Антипыч сказал:

— Затравка!

Узнав Антипыча, Травка мгновенно легла.

— Ну, ну! — сказал Антипыч. — Иди ко мне, умница!

И Травка в ответ на слова человека тихонечко поползла.

Но маленький человек звал ее и манил сейчас не совсем от чистого сердца, как думала, наверно, сама Травка. У маленького человека в словах не только дружба и радость была, как думала Травка, а тоже таился и хитрый план своего спасения. Если бы он мог пересказать ей понятно свой план, с какой радостью бросилась бы она его спасать. Но он не мог сделать себя для нее понятным и должен был обманывать ее ласковым словом. Ему даже надо было, чтобы она его боялась, а то если бы она его не боялась, не чувствовала хорошего страха перед могуществом великого Антипыча и по-собачьи со всех ног бросилась бы ему на шею, то неминуемо болото бы затащило в свои недра человека и его друга — собаку. Маленький человек просто не мог быть сейчас великим человеком, какой мерещился Травке. Маленький человек принужден был хитрить.

— Затравушка, милая Затравушка! — ласкал он ее сладким голосом.

А сам думал:

«Ну, ползи, только ползи!»

И собака, своей чистой душой подозревая что-то не совсем чистое в ясных словах Антипыча, ползла с остановками.

— Ну, голубушка, еще, еще!

А сам думал:

«Ползи, только ползи».

И вот понемногу она подползла. Он мог бы уже и теперь, опираясь на распластанное на болоте ружье, наклониться немного вперед, протянуть руку, погладить по голове. Но маленький хитрый человек знал, что от одного его малейшего прикосновения собака с визгом радости бросится на него и утопит.

И маленький человек остановил в себе большое сердце. Он замер в точном расчете движения, как боец в определяющем исход борьбы ударе: жить ему или умереть.

Вот еще бы маленький ползок по земле, и Травка бы бросилась на шею человека, но в расчете своем маленький человек не ошибся: мгновенно он выбросил свою правую руку вперед и схватил большую, сильную собаку за левую заднюю ногу.

Так неужели же враг человека так мог обмануть?

Травка с безумной силой рванулась, и она бы вырвалась из руки маленького человека, если бы тот, уже достаточно выволоченный, не схватил ее другой рукой за другую ногу. Мгновенно вслед за тем он лег животом на ружье, выпустил собаку и на четвереньках сам, как собака, переставляя опору ружье все вперед и вперед, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и где от ног его по краям росла высокая трава белоус. Тут, на тропе, он поднялся, тут он отер последние слезы с лица, отряхнул грязь с лохмотьев своих и, как настоящий большой человек, властно приказал:

— Иди же теперь ко мне, моя Затравка!

Услыхав такой голос, такие слова, Травка бросила все свои колебания,— перед нею стоял прежний прекрасный Антипыч. С визгом радости, узнав хозяина, кинулась она ему на шею, и человек целовал своего друга и в нос, и в глаза, и в уши.

Не пора ли сказать теперь уж, как мы сами думаем о загадочных словах нашего старого лесника Антипыча, когда он обещал нам перешепнуть свою правду собаке, если мы сами его не застанем живым? Мы думаем, Антипыч не совсем в шутку об этом сказал. Очень может быть, тот Антипыч, как Травка

его понимает, или, по-нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем: эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь.

* * *

Нам теперь остается уже немного досказать о всех событиях этого большого дня в Блудовом болоте. День, как ни долг был, еще не совсем кончился, когда Митраша выбрался из елани с

помощью Травки. После бурной радости от встречи с Антипычем деловая Травка сейчас же вспомнила свой прерванный гон по зайцу. И понятно: Травка — гончая собака, и дело ее — гонять для себя, но для хозяина Антипыча поймать зайца — это все ее счастье. Узнав теперь в Митраше Антипыча, она продолжала свой прерванный круг и вскоре попала на выходной след русака и по этому свежему следу сразу пошла с голосом.

Голодный Митраша, еле живой, сразу понял, что все спасение его будет в этом зайце, что если он убьет зайца, то огонь добудет выстрелом и, как не раз бывало при отце, испечет зайца в горячей золе. Осмотрев ружье, переменяя подмокшие патроны, он вышел на круг и притаился в кусту можжевельника.

Еще хорошо можно было видеть на ружье мушку, когда Травка завернула зайца от Лежачего камня на большую Настину тропу, выгнала на палестинку, направила его отсюда на куст можжевельника, где таился охотник. Но тут случилось, что Серый, услышав возобновленный гон собаки, выбрал себе как раз тот самый куст можжевельника, где таился охотник, и два охотника, человек и злейший враг его, встретились... Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор.

Серый помещик окончил жизнь свою без всяких мучений.

Гон был, конечно, сбит этим выстрелом, но Травка дело свое продолжала. Самое главное, самое счастливое было не заяц, не волк, а что Настя, услышав близкий выстрел, закричала. Митраша узнал ее голос, ответил, и она вмиг к нему прибежала. После того вскоре и Травка принесла русака своему новому молодому Антипычу, и друзья стали греться у костра, готовить себе еду и ночлег.

* * *

Настя и Митраша жили от нас через дом, и когда утром заревела у них на дворе голодная скотина, мы первые пришли посмотреть, не случилось ли какой беды у детей. Мы сразу поняли, что дети дома не ночевали и, скорее всего, заблудились в болоте. Собрались мало-помалу и другие соседи, стали думать, как нам выручить детей, если они еще только живы. И только собрались было рассыпаться по болоту во все стороны — глядим: а охотники за сладкой клюквой идут из леса гуськом, и на плечах у них шест с тяжелой корзиной, и рядом с ними Травка, собака Антипыча.

Они рассказали нам во всех подробностях обо всем, что с ними случилось в Блудовом болоте. И всему у нас поверили — неслыханный сбор клюквы был налицо. Но не все могли поверить, что мальчик на одиннадцатом году жизни мог убить старого, хитрого волка. Однако несколько человек из них, кто поверил, с веревкой и большими санками отправились на указанное место и вскоре привезли мертвого Серого помещика. Тогда все в селе на время бросили свои дела и собрались, и даже не только из своего села, а даже из соседних деревень. Сколько тут было разговоров! И трудно сказать, на кого больше глядели — на волка или на охотника в картузе с двойным козырьком. Когда переводили глаза с волка, говорили:

— А вот дразнили: «Мужичок в мешочке»!

— Был мужичок,— отвечали другие,— да сплыл, кто смел, тот два съел: не мужичок, а герой.

И тогда, незаметно для всех, прежний «Мужичок в мешочке», правда, стал переменяться и за следующие два года войны вытянулся, и какой из него парень вышел — высокий, стройный! И стать бы ему непременно героем Отечественной войны, да вот только война-то кончилась.

А Золотая Курочка тоже всех удивила в селе. Никто ее в жадности, как мы, не упрекал; напротив, все одобряли, и что она благоразумно звала брата на торную тропу, и что так много набрала клюквы. Но когда из детдома эвакуированных ленинградских детей обратились в село за посильной помощью больным детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду. Тут-то вот мы, войдя в доверие к девочке, узнали от нее, как мучилась она про себя за свою жадность.

Нам остается теперь сказать еще несколько слов о себе: кто мы такие и зачем попали в Блудово болото. Мы — разведчики болотных богатств. Еще с первых дней Отечественной войны работали над подготовкой болота для добывания в нем горючего — торфа. И мы дознались, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах! А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых солнца, что в них будто бы черти живут; все это вздор, и никаких нет в болоте чертей.

Вопросы и задания

1. Как вы поняли рассказ и что нашли в нем интересного?

1. Где и когда происходит действие в «Кладовой солнца»?

2. Чем начало сказки-были напоминает сказку?

3. Вспомните художественные образы, отдельные эпизоды, которые можно назвать сказочными. Подумайте, какую роль они играют в произведении.

4. Что в этой сказке является былью?

II. Разберемся в прочитанном

1. Что автор говорит о Насте и Митраше в самом начале своего произведения? Какой смысл вкладывает он в слова «Золотая Курочка», «Мужичок в мешочке»?

2. Выделите сравнения и эпитеты, которые помогают понять авторское отношение к Насте и Митраше. Какие, по-вашему, черты этих детей особенно дороги автору?

3. Вспомните, как жили Настя и Митраша после смерти родителей. Что, на ваш взгляд, было особенно удивительным в их жизни?

4. Перескажите своими словами спор Насти и Митраши. Можно ли догадаться, на чьей стороне автор?

5. Что заставило Митрашу пойти по неизведанной тропе? Почему он попал в беду? Как автор относится к Митраше в этой истории? Ваши предположения подтвердите словами автора.

6. Как вела себя Настя, оказавшись одна? Почему она забыла о Митраше? Что осуждается автором?

7. Как автор описывает Блудово болото? Какой смысл вкладывает он в слова «кладовая солнца»?

8. Зачем писатель вставляет в свое повествование рассказ о ели и сосне, растущих вместе? Почему этот рассказ помещен в самом начале описания пути героев?

9. Выделите одно из описаний природы в «Кладовой солнца». Какое значение имеет этот пейзаж в раскрытии переживаний героев?

10. Почему Травка пришла на помощь человеку?

III. Сделаем выводы

1. Почему писатель назвал свое произведение сказкой-былью? Чего в нем больше — сказки или были?

2. Как, по-вашему, рассказ о ели и сосне, растущих вместе, помогает понять смысл всего произведения?

IV. Литература и другие виды искусства

1. Обратите внимание на иллюстрации к повести «Кладовая солнца». Их автор — художник Е. Рачёв.

а) Какие эпизоды изображены художником? Остановитесь подробнее на каждом из них.

б) Такими ли вы представляли героев повести?

в) Озаглавьте иллюстрации словами из текста.

г) Какие, по-вашему, еще можно было бы нарисовать иллюстрации?

Расскажите об этом подробнее. Пусть это будет устным рисованием.

2. Повесть М. М. Пришвина «Кладовая солнца» иллюстрировалась многими

художниками: И. Бруни, И. Грилем, В. Коваленко, Г. Никольским и другими. Найдите издания «Кладовой солнца» с иллюстрациями одного из них. Подумайте, чем обогатились ваши представления. Что нового узнали вы?

Для внеклассного чтения

1. Вспомните или прочитайте рассказы М. М. Пришвина «Таинственный ящик», «Синий лапоть», «Золотой луг» и другие. Подумайте, чем эти рассказы отличаются от «Кладовой солнца». Что в них общего?

2. О родной природе можно прочитать и другие произведения, такие, как: С. Т. Аксаков. Рассказы о родной природе; В. В. Бианки. Лесная газета; И. С. Соколов-Микитов. От весны до осени.

Для самостоятельной работы

Прочитайте рассказ В. Важдая о том, как работал М. М. Пришвин.

В мастерской художника

— Михаил Михайлович, а когда вы делаете эти записи?

На диване лежат листы перепечатанных записных книжек Пришвина.

— А утром,— говорит Михаил Михайлович.— Встаю рано, часов в шесть. Встаю, пью чай, один пью. Пишу свои дневнички. А потом работаю. Часа три поработаю. А как замечу, что голова начинает перегреваться, так иду на свой автомобильный завод (так Михаил Михайлович называет гараж, где стоит его машина)...

Но как рождается рассказ? Что он — реальность или фантазия художника? Пришвин оживился, заговорил, и получился рассказ под названием:

СТОЛБЫ

— Сегодня я создал рассказ о курице,— сказал Пришвин.

Пришвин не говорит: «Я написал». Он говорит: «Сегодня я создал», подчеркивая, что рассказ не просто сочиняется, а строится, творится из наблюдений, из пережитого, передуманного.

— Сегодня я создал рассказ о курице,— сказал он.— Курица высидела из четырех гусиных яиц гусят. Когда же она узнает, что это не цыплята?

Гусята росли. Они становились большими, но она еще ничего не создала. Их шеи торчали как четыре столба возле нее.

Однажды, когда они были очень велики, курица каким-то необыкновенным образом сумела упрятать гусят под крылья. Но

вот закричал петух — четыре столба поднялись из-под курицы, и вдруг и она сама поднялась на воздух — гусята встали.

Курица все поняла.

Михаил Михайлович рассказал это, как всегда, коротко, будто бы недосказанными, но по-пришвински законченными фразами, и сам смеялся от души.

— Ну, это вы придумали,— сказал я.

— Нет. Выдумка — это вот что,— ответил Михаил Михайлович.— Выдумал я «столбы», а как гусята подняли курицу, это я сам видел.

— Значит, вначале наблюдение, а потом рассказ?

— Вначале жизнь,— сказал Пришвин,— а потом опыт. Только не повторение, а опыт жизни.

*В. В а ж д а е в. В мастерской художника.
Журнал «Детская литература» (1968, № 11).*

Вопрос и задание

1. Как вы понимаете выражение «сегодня я создал рассказ»?
2. Опишите случай из вашей жизни в виде небольшого рассказа. Придумайте ему название.

1903—1958

Доделал то, что я не завершил.

Н. А. Заболоцкий

Можно ли с улыбкой, да еще так, чтобы было и ребенку понятно, рассказать о таком серьезном предмете, как мироздание? О том, что все в мире связано друг с другом, большое и малое, величественное и самое обыкновенное? Вот как сделал это поэт Заболоцкий:

Из мохнатой бороды...

Когда появились эти и другие стихи Заболоцкого, все, кто по-настоящему любил поэзию, сразу почувствовали: это большой поэт.

Но как набросились на Заболоцкого усердные критики! «Нелепо! — кричали они. — Разве это стихи? Разве можно сказать: „Тут природа вся валялась в страшно диком беспорядке“?» А почему же нельзя? Разве вы не видели таких «пейзажей»,

¹ Знаки Зодиака — созвездия.

о которых так и хочется с горькой иронией сказать стихами Заболоцкого?

Но нападки критиков — еще не самое страшное. В 1938 году поэт был несправедливо лишен свободы. Ему пришлось познать много горя и зла. Он работал на лесоповале, строил дорогу на лютom сибирском морозе. Но, несмотря на все испытания, поэт верил, что Добро, Любовь, Истина, Красота не могут быть уничтожены. Они переходят от одного поколения к другому. А человек в любых условиях должен оставаться человеком.

Вы читаете стихи Заболоцкого и почувствуете, каким героическим трудом достигается добро, как много надо бороться, чтобы стать стойким и мужественным. Бороться с самим собой — со своей ленью, эгоизмом. Но только труд души и позволяет стать тем, о ком можно сказать: «Он воин в поле, даже и один». Зато такими людьми и держится жизнь. Они не отступят, не предадут, не сломятся.

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле	Два крыла, как два огромных
К берегам отеческой земли;	горя,
Длинным треугольником	Обняли холодную волну,
летели,	И, рыданью горестному вторя,
Утопая в небе, журавли.	Журавли рванулись в высоту.
Вытянув серебряные крылья	Только там, где движутся
Через весь широкий небосвод,	светила,
Вел вожак в долину изобилья	В искупленье собственного зла
Свой немногочисленный народ.	Им природа снова возвратила
Но когда под крыльями	То, что смерть с собою унесла:
блеснуло	
Озеро, прозрачное насквозь,	Гордый дух, высокое
Черное зияющее дуло	стремленье,
Из кустов навстречу поднялось.	Волю непреклонную к борьбе —
Луч огня ударил в сердце	Все, что от бывшего поколения
птичье,	Переходит, молодость, к тебе.
Быстрый пламень вспыхнул	А вожак в рубашке из металла
и погас,	Погружался медленно на дно,
И частица дивного величья	И заря над ним образовала
С высоты обрушилась на нас.	Золотого зарева пятно.

Вопросы и задания

1. Вообразите картину, нарисованную в первой и второй строках. Обратите внимание на эпитеты. Какое чувство вызывает эта картина?
2. Почему поэт сказал не «журавль» или «вожак», а «частица дивного величья»?
3. Обратитесь к последним строкам. Что осталось бессмертным после гибели вожака?
4. Рассмотрите репродукцию картины А. Рылова «В голубом просторе». Можно ли её назвать иллюстрацией стихотворения Заболоцкого?

Для самостоятельной работы

1. Перечитайте четвертую строфу. Определите размер стиха.
2. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Подумайте, как надо прочесть начало стихотворения, чтобы передать красоту полета журавлей, их свободу и величие. Постарайтесь в чтении передать внезапность удара. А как надо прочесть последние две строфы?

ОДИНОКИЙ ДУБ

Дурная почва: слишком узловат
И этот дуб, и нет великолепия
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нем и глухо шелестят.

Не скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь —
И запоеет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один.

Вопросы

1. Мы можем представить себе этот дуб, даже нарисовать его. Но только ли о дубе идет речь в стихотворении?
2. Как помогает понять инносказательный смысл стихотворения пословица?

Для самостоятельной работы

Поработаем над выразительным чтением стихотворения.

Прочитаем первую строчку: «Дурная почва: слишком узловат...». Предложение еще не закончилось, и даже не совсем понятно, о чем идет речь, нет подлежащего. Фраза продолжается

и заканчивается посередине второй строки: «И этот дуб». С середины строки начинается новое предложение: «И нет великолепия...» — и опять обрывается. Предложения как бы не уме- щаются в строки.

В стихах в конце строк обязательны паузы. Они создают ритм. Прочитаем, делая паузы в конце строк и в конце предложений. Пауз оказывается больше, чем обычно в стихах, речь как бы «спотыкается».

Как вы думаете, зачем поэт так написал? А о чем говорится в этих строках? О некрасивом, корявом дубе. Вот и стих такой же: в нем «нет великолепия».

Но вот мы взгляделись в этот дуб и увидели, какой он крепкий, сильный. И посмотрите, как меняется стих начиная со второй строфы. В конце стихотворения уже нет былой нестройности, каждая строка — законченное предложение или законченная часть предложения.

Постарайтесь передать в чтении переход от почти прозаической нестройности речи, от интонации разговорной — к выражению спокойной уверенности.

Прочитайте еще одно стихотворение Н. А. Заболоцкого. Как вы поняли, что такое труд души? К чему призывает нас поэт?

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб воду в ступе не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь
 поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

**Александр
Яковлевич
ЯШИН**
1913—1968

Поэзия должна делать добро
людям.

А. Я. Яшин

Сам А. Я. Яшин так рассказывал о себе, о родной вологодской земле: «Я родился и вырос в северных лесах, среди охотников и звероловов. Бездорожный край наш труден для жизни, но полон поэтического своеобразия и дремучей старины с ее былинами, сказками и бывальщинками... Новое и старое, самобытное как бы сплелось у нас в затейливые кружевные узоры. Рядом с электростанциями стоят деревянные шатровые церкви, а в Тарногском районе женщины и по сей день носят расшитые бисером кокошники и встречным вместо приветствия молчаливо отвешивают низкие поклоны, касаясь земли рукой...

Я с детства приобщился к тяжелому и радостному крестьянскому труду — умею пахать плугом, косить косой, метать стога, жать серпом, плести лапти и даже прясть лен с веретеном и ткать... на самодельном стане...

Жизненный путь мой не прост. Я с детства знал, что буду поэтом, но вначале работал избачом¹, учителем, газетчиком, затем, по окончании Московского литературного института, прошел всю войну с моряками...

Страну свою я исколесил вдоль и поперек и знаю не только северную деревню, но писать хочется больше о тех местах, где я вырос, о своей заблудившейся в лесах деревне Блудново...»

Рядом с деревней, где река Юга круго поворачивает и образует глубокие омуты, берег превратился в крутой обрыв — Бобришный у́гор. Вот как поэт пишет об этом уголке природы:

¹ Изб́ач — работник в избе-читальне.

«Все мои воспоминания о раннем детстве связаны с Бобриш-ным угором. В омуте, конечно, никто никогда не купался, а мы, ребятня, даже близко к нему подходить не решались, но сам угор был излюбленным местом наших сборищ. Если смотреть на Бобришный угор со стороны реки, видна на нем среди кустов и сосен почти отвесная полоса желто-красного цвета. Здесь мы съезжали с угора вниз, продирая штаны, у кого они были... Съезжали смело, с разбегу, вместе с потоком сухого песка и гальки. Мы драли штаны, а дома матери драли нас, но на нашей лави к Бобришному угору это никак не сказывалось».

Поэт видит родную землю как будто впервые и по-детски удивляется ее красоте:

А деревья-то зеленые!
А в озерах
Вода в цвету!
А в воде, что стрелы каленые,
Листья длинные,
Заостренные,
Оголенные,
Опушенные...
И все тянутся в высоту...

Любовь к Родине для Яшина — это любовь к людям:

А все ли помним
И всегда ль о том,
Что родина была и есть и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди.

Вы можете еще прочитать стихотворения А. Яшина: «С добрым утром!», «Про березку», «Жили-были», «День творения», «Почему не удивляемся», «Босиком по земле», «Огонек». Вы увидите очень доброго и мужественного человека, для которого совесть — не просто слово, а дело всей жизни.

ОРЕЛ

Из-за утеса,
Как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была?
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

Вопросы и задания

1. Перечитайте первые три строки. Прислушайтесь к их звучанию. Как их надо прочитать, чтобы передать чувство?
2. Обратитесь ко второй строфе. Какими эпитетами характеризует поэт полет орла? Как надо прочитать эти строки?
3. Вспомните, что такое антитеза. Подумайте, почему так по-разному звучат первая и вторая строфы.

Для самостоятельной работы

События, о которых говорится в стихотворении Заболоцкого «Журавли» и Яшина «Орел», сходны. А можно ли сказать, что сходны главные мысли этих стихотворений? Докажите свое мнение.

Аллитерация

Аллитерацией называется повторение согласных звуков в поэтической речи. Вспомним: «По **к**орням **у**пругим **т**опор **з**астучал...» Мы как бы слышим стук топора по стволам пальм. В другом случае аллитерация помогает выделить самое главное слово: «**Д**ва **к**рыла, как два **о**громных **г**оря... И **р**ыданью **г**орестному **в**торя» — звуки слова «горя» повторяются во многих словах, как разные инструменты в оркестре повторяют мелодию. Или: «Из-за **у**теса, как из-за **у**гла, почти в **у**пор ударили в **о**рла». А в следующих строках повторяющихся звуков нет, еще и от этого так контрастно звучат первая и вторая строфы.

Таким образом, аллитерация служит выразительности речи.

Вопросы и задания

1. Найдите аллитерации в стихотворениях Пушкина и Лермонтова и объясните их роль.

2. Прочитайте самостоятельно еще два стихотворения А. Яшина. Каким настроением они проникнуты? Какие мысли они у вас вызвали?

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,
Рассказывает мать,
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил, мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...
Спешите делать добрые дела!

**Юрий
Маркович
НАГИБИН**
1920—1994

Каким же светлым и ясным
вспоминается наше не слишком
сытое и не слишком нарядное
детство!

Ю. М. Нагибин

Я родился 3 апреля 1920 года в Москве, близ Чистых прудов, в семье служащего... В литературном отношении я всем обязан отчиму... он научил меня читать только хорошие книги... Русская и западная классика были литературой моего детства.

Мы жили в хорошей, коренной части Москвы, в окружении прекрасных старинных церквей и густых садов, наш дом выходил на три переулочка: Армянский, Сверчков и Телеграфный, что было предметом моей постоянной гордости, не каждому мальчику доводилось жить сразу по трем адресам.

До восьмилетнего возраста всем, желавшим знать, кем я хочу стать, когда вырасту, я отвечал: «агентом МУРа»¹. Я не знал, что это такое, но мне нравилась мужественная звучность этих слов. В восемь лет, пережив с необыкновенной силой и взволнованностью эпопею по спасению итальянского аэронавта Нобиле, я мечтал стать Амундсеном или летчиком Чухновским. Затем я неистово увлекся «Тремя мушкетерами», не столько самим романом, сколько идеей дружбы, так обаятельно воплощенной в его героях. А затем почему-то решив, что увлечен химией, я без устали варил ужасающий гуталин не дававший блеска и глянца, зато наполнявший квартиру неистовой вонью...

После короткой учебы в Медицинском институте я перешел на сценарный факультет² Киноинститута... В 1940 году в журнале «Огонек» появился мой первый рассказ «Двойная ошибка» о судьбе начинающего писателя. Мартовскими грязно замешанны-

¹ Агент МУРа — сотрудник Московского уголовного розыска.

² Сценарный — факультет, на котором обучают написанию литературных произведений для создания кинофильмов.

ми улицами я бегал от одного газетного киоска к другому и спрашивал: нет ли последнего рассказа Нагибина?..

Через несколько месяцев после начала Отечественной войны, когда последний вагон с институтским имуществом ушел в Алма-Ату, я подался в противоположную сторону...

Через год, уже на Воронежском фронте, я был контужен и по выздоровлении до конца войны работал военным корреспондентом газеты «Труд»...

С тех пор у меня вышло довольно много книг, это сборники рассказов: «Зимний дуб», «Зерно жизни», «Скалистый порог», «Человек и дорога», «Перед праздником», «Ранней весной», «Друзья мои, люди», «Погоня», «Зеленая птица с красной головой», «Далекое и близкое», «Не дай ему погибнуть», повести: «Павлик», «Далеко от войны», «Странницы жизни Трубникова» и др.

Последние годы я много работаю для кино... Есть у меня и фильмы для детей: «Братья Комаровы», «Цветные сны», «Девочка и эхо».

Я почти никогда не писал специально для детей, и вместе с тем ряд моих книг был издан Детгизом¹: сборники «Мальчики» и «На озере Великом», повести — «Трудное счастье» и «Бемби», последняя написана «вдоль», а иногда и «поперек» известной лесной сказки австрийского писателя Феликса Зальтена. Выходит, что некоторые мои произведения представляют интерес для детей школьного возраста...

О своем чистопрудном детстве, о большом доме, выходившем на три переулках, я рассказал в цикле «Чистые пруды». И коммунальную квартиру тех лет, населенную хорошими людьми, я, как мог, «воспел» в цикле «Митя». Мои рассказы и повести — и есть настоящая моя автобиография, куда более подлинная, чем эти беглые записи.

Ю. Нагибин. Статья в журнале «Детская литература», 1969, № 12

Вопросы и задание

1. Какие повести и рассказы Ю. Нагибина вы читали? Какие кинофильмы по сценариям писателя вы смотрели?

2. Прочитайте сказку «Бемби». Подумайте, почему о ней можно сказать, что она написана «вдоль», а иногда «поперек» известной лесной сказки австрийского писателя Феликса Зальтена?

¹ *Детгиз* — Детское государственное издательство.

МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГ, МОЙ ДРУГ БЕСЦЕННЫЙ

Мы жили в одном подъезде, но не знали друг друга. Далеко не все ребята нашего дома принадлежали к дворовой вольнице. Иные родители, уберегая своих чад от тлетворного влияния двора, отправляли их гулять в чинный сад при Лазаревском институте или в церковный садик, где старые лапчатые клены осеняли гробницу бояр Матвеевых.

Там, изнывая от скуки под надзором дряхлых богомольных нянек, дети украдкой постигали тайны, о которых двор вещал во весь голос. Боязливо и жадно разбирали они наскальные письма на стенах боярской гробницы и пьедестале памятника действительному статскому советнику Лазареву. Мой будущий друг не по своей вине делил участь этих жалких тепличных детей.

Все ребята Армянского и прилегающих к нему переулков учились в двух рядом расположенных школах, по другую сторону Покровки. Одна находилась в Старосадском, другая — в Спасоглинищевском переулке. Мне не повезло. В год моего поступления наплыв оказался столь велик, что эти школы не смогли принять всех желающих. С группой наших ребят я угодил в очень далекую от дома 40-ю школу в Лобковском переулке, за Чистыми прудами.

Мы сразу поняли, что нам придется солоно. Здесь царили чистопрудные, а мы считались чужаками, непрошеными пришельцами, хотя со временем школа всех переварит в своем котле и все станут равны и едины под школьным стягом. Поначалу здоровый инстинкт самосохранения заставлял нас держаться тесной группой. Мы объединялись на переменках, гуртом ходили в школу и гуртом возвращались домой. Самым опасным был переход через бульвар, здесь мы держали воинский строй. Достигнув устья Телеграфного переулка, несколько расслаблялись, а за Потаповским, чувствуя себя в полной безопасности, начинали дурачиться, орать песни, бороться, а с наступлением зимы завязывать лихие снежные баталии.

В Телеграфном я и заметил впервые этого длинного, тонкого, бледно-веснушчатого мальчика с большими серо-голубыми глазами в пол-лица. Стоя в сторонке и наклонив голову к плечу, он с тихим, независтливым восхищением наблюдал наши молодецкие забавы. Он чуть вздрагивал, когда пущенный дружеской,

но чуждой снисхождения рукой снежок заклепывал чей-то рот или глаз, скупно улыбался особо залихватским выходкам, слабый румянец скованного возбуждения окрашивал его щеки. И в такой момент я поймал себя на том, что слишком громко кричу, преувеличенно жестикую и симулирую неуместное, не по игре бесстрашие. Я понял, что выставляюсь перед незнакомым мальчиком, и возненавидел его. Чего он трется возле нас? Какого черта ему надо? Уж не подослан ли он нашими врагами?.. Но когда я высказал ребятам свои подозрения, меня подняли на смех.

— Белены объелся? Да он же из нашего дома!..

Оказалось, мальчик живет в одном подъезде со мной, этажом ниже, и учится в нашей школе, в параллельном классе. Удивительно, что мы никогда не встречались! Я сразу изменил свое отношение к сероглазому мальчику. Его мнимая настырность обернулась тонкой деликатностью: он имел право водить компанию с нами, но не хотел навязываться, терпеливо ожидая, когда его позовут. И я взял это на себя.

Во время очередной снежной битвы я стал швырять в него снежками. Первый снежок, угодивший ему в плечо, смутил и вроде бы огорчил мальчика, следующий вызвал нерешительную улыбку на его лице, и лишь после третьего поверил он в чудо своего причастия и, захватив горсть снега, пустил в меня ответный снаряд. Когда схватка кончилась, я спросил его:

— Ты под нами живешь?

— Да,— сказал мальчик.— Наши окна выходят в Телеграфный.

— Значит, ты под тетей Катей живешь? У вас одна комната?

— Две. Вторая темная.

— У нас тоже. Только светлая выходит на помойку.— После этих светских подробностей я решил представиться.— Меня зовут Юра, а тебя?

И мальчик сказал:

— Павлик.

Сколько было потом знакомств, сколько звучало в моих ушах имен, ничто не сравнится с тем мгновением, когда в заснеженном московском переулке долговязый мальчик негромко назвал себя: Павлик.

Каким же запасом индивидуальности обладал этот мальчик,

затем юноша — взрослым ему не довелось стать, — если сумел так прочно войти в душу другого человека, отнюдь не пленника прошлого при всей любви к своему детству. Слов нет, я из тех, кто охотно вызывает духов былого, но живу я не во мгле минувшего, а на жестком свете настоящего, и Павлик для меня не воспоминание, а соучастник моей жизни. Порой чувство длящегося во мне его существования настолько сильно, что я начинаю верить: если твое вещество вошло в вещество того, кто будет жить после тебя, значит, ты не умрешь весь. Пусть это и не бессмертие, но все-таки победа над смертью.

Я знаю, что еще не могу написать о Павлике по-настоящему. И неизвестно, смогу ли когда-нибудь. Мне очень многое непонятно — ну хотя бы, что значит в символике бытия смерть двадцатилетних. И все же он должен быть в этой книге, без него, говоря словами Андрея Платонова, народ моего детства неполон.

Поначалу наше знакомство больше значило для Павлика, нежели для меня. Я уже был искушен в дружбе. Помимо рядовых и добрых друзей, у меня имелся закадычный друг, чернявый, густоволосый, подстриженный под девочку Митя Гребенников. Наша с ним дружба началась еще в нежном возрасте четырех лет.

Митя был жителем нашего дома, но с год назад его родители поменяли квартиру. Митя оказался по соседству в большом шестиэтажном доме на углу Сверчкова и Потаповского, и ужасно заважничал. Дом был, правда, хоть куда, с роскошными парадными, тяжелыми дверями и просторным плавным лифтом. Митя не уставал хвастаться своим домом: «Когда глядишь на Москву с шестого этажа...», «Не понимаю, как люди обходятся без лифта...» Я деликатно напомнил, что совсем недавно он жил в нашем доме и прекрасно обходился без лифта. Глядя на меня влажными темными глазами, похожими, если верить взрослым, на чернослив, Митя брезгливо сказал, что это время кажется ему страшным сном. За такое следовало набить морду. Но Митя не только внешне походил на девчонку — слабодушный, чувствительный, слезливый, хотя и способный к истерическим вспышкам ярости, — на него рука не подымалась. И все-таки я ему всыпал. С истошным ревом он схватил фруктовый нож и попытался зарезать меня. Впрочем, по-женски отходчивый, он чуть ли не на другой день полез мириться. «Наша дружба больше нас самих,

мы не имеем права терять ее» — вот какие фразы и еще похлестче уже тогда умел он загигать. Отец у него был адвокатом, и Митя унаследовал дар велеречия.

Наша драгоценная дружба едва не рухнула в первый же школьный день. Мы попали в одну школу, и наши матери позаботились усадить нас за одну парту. Когда выбирали классное самоуправление, Митя предложил меня в санитары. А я не назвал его имени, когда выдвигались кандидатуры на другие общественные посты.

Сам не знаю, почему я не сделал этого, то ли от растерянности, то ли мне показалось неудобным называть его, после того как он выкрикнул мое имя. Митя не выказал ни малейшей обиды, но его благодушие рухнуло в ту минуту, когда большинством голосов я был выбран санитаром. В мои обязанности входило носить нарукавный красный крест и осматривать перед уроками руки и шеи учеников, отмечая грязненькие крестиками в тетрадке. Получивший три крестика должен был или вымыться, или привести в школу родителей. Казалось бы, ничего особенно заманчивого в этой должности не было, но у Мити словно помутился разум от зависти. Не один вечер после злополучных выборов он звонил ко мне домой по телефону и голосом, полным ядовитого сарказма, требовал «товарища санитаря». Я подходил. «Товарищ санитар?» — «Да!» — «А, черт бадянский!» — кричал он и швырял трубку. Лишь от большой злобы можно придумать какого-то «черта бадянского»; я так и не выяснил, что́ это — фамилия нечистого или какое-то загадочное и отвратительное его свойство.

Митина вздорность, перепады настроений, чувствительные разговоры, всегдашняя готовность к ссоре, хотя бы ради сладости примирения, стали казаться мне неременной принадлежностью дружбы. Сблизившись с Павликом, я долго не понимал, что нашел иную, настоящую дружбу. Мне казалось, что я просто покровительствую робкому чужаку. Поначалу так оно в известной мере и было. Павлик сравнительно недавно переехал в наш дом и ни с кем не свел приятельства, да и — я уже говорил об этом — он был из тех несчастных ребятишек, которых выгуливали в Лазаревском и церковных садах.

Этой строгостью исчерпалась до дна родительская забота о Павлике. В последующие годы я никогда не видел, чтобы Павлику что-либо запрещалось или навязывалось. Он пользовался

полной самостоятельностью. Родительской опеке он предоставил своего младшего брата, а себя воспитывал сам. Я вовсе не шучу, так оно было на самом деле. Павлика любили в семье, и он любил родителей, но отказывал им в праве распоряжаться собой, своими интересами, распорядком дня, знакомствами, привязанностями и перемещением в пространстве. И тут он был гораздо свободнее меня, опутанного домашними табу. Тем не менее первую скрипку в наших отношениях играл я. И не только потому, что был местным старожилом. Мое преимущество заключалось в том, что я не догадывался о нашей дружбе. По-прежнему я считал своим лучшим другом Митю Гребенникова. Даже удивительно, как ловко заставлял он меня играть в спектакле под названием «Святая дружба». Ему нравилось ходить со мной в обнимку по школьным коридорам и фотографироваться вместе на Чистых прудах. Я смутно подозревал, что Митя выгадывает на этом какие-то малости в школе: что там ни говори — ему льстила дружба с «товарищем санитаром», а под прицелом чистопрудного «пушкаря» он наслаждался превосходством своей тонкой девичьей красоты над моей скуластой, широконосой заурядностью. Пока фотограф колдовал под черной тряпкой, чистопрудные кумушки наперебой восторгались Митиными глазами — «черносливом», прической с противным названием «бубикопф» и кокетливым черным бантом на груди. «Девочка, ну просто девочка!» — захлебывались они, и ему, дураку, это льстило!

Ко всему еще он оказался ябедой. Однажды классная руководительница велела мне остаться после занятий и учинила грандиозный разнос за игру в деньги. Лишь раз в жизни, еще в дошкольное время, играл я в расшибалку, быстро продул семь копеек наличными и еще рубль в долг. Поверив чистосердечному раскаянию, дед помог мне вернуть долг чести, на том и кончилось мое знакомство с азартными играми.

Прижатый в угол, Митя сознался в доносе. Он оговорил меня, для моей же пользы, боясь, что дурные наклонности вновь пробудятся во мне и погубят мою столь счастливо начавшуюся карьеру — он имел в виду пост санитара. А затем со слезами Митя требовал вернуть ему былое доверие ради святой дружбы, что «больше нас самих», и пытался вклеить мне иудин поцелуй. Все это выглядело фальшиво, скверно, непорядочно, тем не менее я еще года два, если не больше, участвовал в недостойном фарсе, пока вдруг не понял, что у настоящей дружбы совсем

инной адрес. Митя все же был привязан ко мне и тяжело переживал разрыв...

И вот настал в моей жизни Павлик. И у дворовых и у школьных ребят навсегда засело в памяти, что в нашей паре я был ведущим, а Павлик ведомым. Недоброжелатели считали, что Павлик какой-то принудительный ассортимент ко мне. Это осталось с той поры, когда я «вводил Павлика в свет» — сперва во дворе, потом в школе — он перешел в наш класс и вновь оказался на положении чужака. И тут действительно дело было поставлено строго: меня нельзя было пригласить на день рождения, Новый год или другой праздник, не пригласив Павлика. Я покинул футбольную дворовую команду, где считался лучшим бомбардиром, когда Павлика отказались взять хотя бы запасным, и вернулся лишь вместе с ним. Так возникла иллюзия нашего неравенства, которую не могла рассеять вся последующая жизнь. Общественное мнение не склонно к перемене даже перед лицом очевидности.

На самом деле ни один из нас не зависел от другого, но душевное превосходство было на стороне Павлика. Его нравственный кодекс был строже и чище моего. Долгое приятельство с Митей не могло пройти бесследно: я привык к известному моральному соглашательству. Прощение предательства немногим отличается от самого предательства. Павлик не признавал сделок с совестью, тут он становился беспощаден. Нам было лет по четырнадцать, когда я на своей шкуре испытал, насколько непримиримым может быть мягкий, покладистый Павлик.

На уроках немецкого я чувствовал себя принцем. Мать не зря надрывалась над пишущей машинкой, выколачивая рубли для оплаты фрейлейн Шульц, омрачившей мои детские годы. В мою довольно тупую к языкам голову вошло столько немецких слов, стихов и грамматических правил, не говоря уже об «эхт берлинер аусшпрахе», что все наши часто менявшиеся школьные немки души во мне не чаяли. И задержавшаяся дольше других Елена Францевна не являла собой исключения, хотя я никак не соответствовал ее идеалу ученика.

Елена Францевна требовала в классе не просто тишины и внимания, а молитвенной сосредоточенности, как в храме. Худущая, изжелта-серая, напоминающая лемура громадными темными подглазьями на изможденном, в кулачок, личике, она казалась умирающей от какой-то страшной болезни. Но она была

совершенно здорова, никогда не пропускала уроков, даже во время эпидемий гриппа, валивших всех учителей подряд. Она могла наорать на ученика за рассеянный взгляд или случайную улыбку. Куда хуже крика были ее въедливые нотации, она словно кусала тебя обидными словами. Конечно, за глаза ее звали Крысой — в каждой школе есть своя Крыса, а худая, востренькая, злая Елена Францевна казалась специально созданной для этой клички. Была ли она на самом деле такой злой? У ребят не существовало двух мнений на этот счет. Мне же она представлялась несчастным, издерганным человеком. Но я-то был принцем! Она вызывала меня читать вслух, и маленькое некрасивое ее лицо молодо розовело, когда я выдавал нагора свое «истинно берлинское произношение».

Но настал и мой черед. Елена Францевна никогда не спрашивала у меня уроков. Мы и так разговаривали с ней по-немецки, чего же еще надо? Вдруг ни с того ни с сего она вызвала меня к доске, будто самого рядового ученика. Как раз перед этим я пропустил несколько дней — то ли болел, то ли прогуливал — и понятия не имел о домашнем задании. Наверное, она все-таки была злючкой и вызвала меня нарочно, чтоб подловить. Но поначалу все шло хорошо. Я проспрягал какой-то глагол, отбарабанил предлоги, требующие дательного падежа, прочел по учебнику тошнотворно-назидательную историйку и пересказал с берлинским акцентом содержание.

— Прекрасно,— поджала узкие, бледные губы Елена Францевна.— Теперь стихотворение.

— Какое стихотворение?

— То, которое задано! — отчеканила она ледяным тоном.

— А вы разве задавали?

— Привык на уроках ворон считать! — удивительно, как легко она заводилась — с пол-оборота.— Здоровенный парень, а дисциплина...

— Да я же не был в школе! Я болел.

Она уставилась на меня окольцованными синевой лемурыми глазами и стала листать классный журнал. Пальцы ее дрожали.

— Совершенно верно, ты отсутствовал. А спросить у товарищей, что задано, мозгов не хватило?

Взял бы да и сказал: не хватило. Ну что она могла мне сделать? Поставить «неуд»? Едва ли. И тут я нашел выход. О домашних заданиях я спрашивал у Павлика, а он ни словом

не обмолвился о стихотворении. Забыл, наверное. Я так и сказал Елене Францевне с легкой усмешкой, призывая и ее отнестись к случившемуся юмористически.

— Встань! — приказала Павлику немка. — Это правда?

Он молча наклонил голову. И я тут же понял, что это неправда. Как раз о немецком я его не спрашивал. О математике, русском, истории, биологии спрашивал, а готовить немецкие уроки я считал ниже своего достоинства.

Елена Францевна перенесла свой гнев на Павлика. Он слушал ее, по обыкновению, молча, не оправдываясь и не огрызаясь, словно все это нисколько его не касалось. Спустив пары, немка уgomонилась и предложила мне прочесть любое стихотворение на выбор... Я рванул шиллеровскую «Перчатку» и заработал жирное «отлично».

Вот так все и обошлось. Ан, не обошлось! Когда, довольный и счастливый, я вернулся на свое место, Павлика не оказалось рядом. Исчезли его учебники, тетрадки, вставочка с пером «рондо». Я оглянулся, он сидел за пустой партой, через проход, позади меня.

— Ты чего это?..

Он не ответил. У него были какие-то странные глаза: красные и налитые влагой. Я никогда не видел Павлика плачущим. Даже после самых жестоких, неравных и неудачных драк, когда и самые сильные ребята плачут — не от боли, от обиды, — он не плакал. Он и сейчас не давал слезам пролиться, но, конечно же, он плакал.

— Брось! — сказала я. — Стоит ли из-за Крысы?

Он молчал и глядел мимо меня. Какое ему дело до Крысы, он и думать о ней забыл. Его предал друг. Спокойно, обыденно и публично, среди бела дня, ради грошовой выгоды предал человек, за которого он, не раздумывая, пошел бы в огонь и в воду.

Никому не хочется признаваться в собственной низости. Я стал уговаривать себя, что поступил правильно. Как ни крути, он все-таки подвел меня, пусть и невольно, и мне пришлось защищаться. Ну покричала на него немка, подумаешь, несчастье, она на всех кричит! Стоит ли вообще придавать значение подобной чепухе?.. И все же, окажись Павлик на моем месте, назвал бы он меня? Нет! Он скорее проглотил бы собственный язык. И вдруг каким-то холодком по хребту я понял, что это

не пустые слова. Недавно я прочел книжку про Джордано Бруно «Псы Господни». Из всех людей, каких я знал, только Павлик мог бы, как Джордано Бруно... Ради своей правды... А ведь так оно и случилось: подобно Джордано, Павлик кончил жизнь в огне. Он мог спастись, для этого ему достаточно было всего лишь поднять руки...

Когда прозвучал звонок, я подавил желание броситься к нему, признавая тем самым свою вину и готовность принять кару.

Почти год держал он меня в отчуждении. Все мои попытки помириться так, «между прочим», успеха не имели. А возможности были — мы по-прежнему учились в одном классе, жили в одном подъезде, наши пути все время пересекались. Надо отдать должное чуткости класса: уважая нашу ссору, как раньше уважали дружбу, ребята деликатно охраняли нашу разобщенность, помогая избегать ложных положений, разных неловкостей. Учителя и другие взрослые люди, не ведавшие о нашем разрыве, то и дело совершали невольные промахи, по привычке считая нас с Павликом неразлучниками. Будь то опыты на уроке химии, занятия в физическом кружке, воскресники, дежурства в учительской, нас обязательно зачисляли в одну группу, звено или пару. Ребята неприметно помогали нам разьединиться.

В глубине души я вовсе не испытывал к ним благодарности. Они мешали моему тайному стремлению помириться с Павликом невзначай. Но все равно выпадало немало случаев, когда при обоюдной доброй воле мы могли начать хотя бы суховатое общение, чтобы затем без выяснения отношений и всякой «достоешины», столь любезной Мите Гребенникову, вернуться к прежней дружбе. Ничего не получалось — Павлик не хотел этого. Не только потому, что презирал всякие обходные пути, мелкие уловки и хитрости, все скользкое, уклончивое, двусмысленное — прибежище слабых душ, но и потому, что ему не нужен был тот человек, каким я вдруг раскрылся на уроке немецкого.

Когда же через год я послал ему записку с просьбой о встрече, он без всяких церемоний сразу поднялся ко мне, как делал это прежде. С некоторым смущением я обнаружил, что не должен извиняться, ни даже словом касаться прошлого. Павлик не хотел, чтобы я нес ответственность за себя прежнего. Он понял, что во мне стала другая кровь, вот и пришел.

Поль Валери¹ сказал: «Писатель вознаграждает себя как

¹ Валери Поль (1871—1945) — франц. поэт.

умеет за какую-то несправедливость судьбы». Сейчас я вознаграждаю себя за несправедливость судьбы к Павлику. Когда мы недавно собирались в нашем старом дворе, я тщетно ждал, что наконец-то услышу о нем добрые и высокие слова. Вспоминали Ивана, вспоминали Арсенова, Толю Симакова, Борьку Соломатина, но хоть бы кто сказал о Павлике. Только письмо его родным отправили, но ведь это не более чем формальность, пусть и благородная...

Его не знали. Редкое душевное целомудрие заставляло его держать на запоре свой внутренний мир. Он не считал себя вправе навязывать людям свои мысли и соображения, взгляды и оценки, не говоря уже о сомнениях и надеждах. Посторонним людям он казался апатичным, вялым, безучастно пропускающим бытие мимо себя. Но я-то знаю, как мощно заряжен на жизнь был Павлик, каким сильным, страстным, целенаправленным характером он обладал. Ему так и не пришлось выйти на суд людской. Все, что в нем развивалось, зрело, строилось, не успело обрести форму...

Природа у дружбы иная, чем у любви. Легко любить ни за что, и очень трудно — за что-нибудь. Дружба не столь безотчетное чувство, хотя и в ней есть своя мистика. Я знаю, что привлекало Павлика во мне и чем явился для меня он в начале наших отношений. Потом годы окутали нас таким добрым теплом, что не осталось места головному рассуждению.

Павлик был мальчик «умственный». Из всех литературных героев он больше всего походил на Джуда Незаметного¹ с его неодолимой тягой к образованию, книгам, с вечным интеллектуальным голодом. В своей семье Павлик не имел питательной среды. Его отец был часовщиком, с постоянно расширенным и слезящимся от лупы левым глазом. Кроме часов, его ничего на свете не интересовало. Это только в сказках часовщик овевая дыханием романтики и доброго чудачества. Считается, что причастность к таинственной стихии времени выделяет человека из обыденности. Отец Павлика ремонтировал секунды, минуты и часы, но сам жил вне времени, безразличным к его интересам, страстям и борениям. Правда, в иную добрую минуту он с удовольствием вспоминал, что смотрел однажды замечательный

¹ *Джуд Незаметный* — герой одноименного романа англ. писателя Томаса Гарди (1840—1928).

спектакль «Коварский и любовь»¹. У Павлика мертвело лицо, когда отец посягал на подобного рода разговоры.

Его мать производила впечатление женщины, не ведавшей, что изобретено книгопечатание. И это казалось тем более странным, что ее братья были крупными учеными: химик и биолог. Она не поддерживала с ними родственных отношений, а может, они с ней. Мать Павлика явилась в мир, так и не очнувшись до конца от темного сна предбытия: тихий голос, отсутствующий взгляд, замедленные жесты, неконтактность с окружающими. Она свела свою жизнь к минимуму забот. Павлик сделал все от него зависящее, чтобы не попасть в этот малый круг, уступив младшему брату скупое материнское внимание. Но и на нее иной раз находило: она подвигала к пианино вращающуюся табуретку и слабо беспокоила клавиши вялыми пальцами, закрыв глаза бледными, тонкими веками, похожими на птичью пленку. Лицо Павлика мертвело, как и во время культурных диверсий отца.

В нашей семье все думали. Быть может, больше, чем надо. У нас существовал культ книг: дед собирал научную библиотеку, отец, — техническую, мы с матерью — художественную литературу и мемуары. О литературе говорили все время, пренебрегая известным утверждением, что литературой можно заниматься, но Боже упаси о ней говорить. И конечно, вскормленный такой средой, я был очень книжным мальчиком. Зловещему обаянию двора и акуловской дачи я обязан тем, что не стал книжным червем. Павлику наша настроенность на культуру была необходима как воздух.

Мне же общение с ним давало нечто большее. Он был не только Атосом наших детских игр в мушкетеры, он обладал характером Атоса: безупречным и благородным всегда и во всем, вопреки всему.

С каждым годом мы становились все ближе и дороже друг другу. На пороге юности нас поразил общий недуг — невыясненность наших устремлений. Вопрос, кем быть, возник в наших душах куда раньше, нежели его продиктовала жизненная необходимость. Мы оба хотели играть, а не присутствовать безмолвными статистами на сцене жизни. Иные ребята, одаренные

¹ «Коварский и любовь» — имеется в виду драма нем. поэта и драматурга Ф. Шйллера (1759—1805) «Коварство и любовь».

Богом, уже знали свой путь. Математика сама нашла Славу Зубкова, музыка — Тольку Симакова, живопись — Сережу Лепковского, спорт — Арсенова. Другие ребята, не подчиненные рано проснувшемуся дару, знали хотя бы примерное направление своего будущего: техника, медицина, педагогика, строительство. Многие наши сверстники, не мучась понапрасну, жили изо дня в день: школа, футбол, кино, девочки, а там видно будет.

Мы не могли принять такую ползучую жизнь. Неизвестность томила нас. Мы оба хорошо и ровно учились по всем предметам, но у нас не было ведущей страсти; чтение — страсть пассивная, нельзя стать просто читателем, так же как и театральным зрителем или посетителем музеев. У нас не было и ярко выраженных способностей, нас интересовало все. Теперь я понимаю, что мы уже тогда числились по ведомству Аполлона, а не иных серьезных богов, но сами мы охотнее посещали лекции академиков Лазарева и Вавилова, чем спектакли и концерты. Мы искали себя. Застрельщиком поисков был Павлик. Это его осенило, что мы должны варить гуталин. Знаменитый дядя-химик начинал с варки гуталина и однажды сварил такой замечательный гуталин, что сразу вошел в славу. Нам такого гуталина сварить не удалось, хотя мы продушили всю квартиру въедливым запахом ваксы. Чтобы жильцы не ругались, мы всем чистили ботинки, а Фоме Зубцову — сапоги. Отец, смеясь, говорил, что так начинал не Лавуазье¹, а Рокфеллер². Но из нас даже рокфеллеров не вышло. Наш гуталин не давал блеска, хотя здорово пачкался, и Фома Зубцов всякий раз «перечисшал» свои хромовые сапоги у айсоров на углу Кривоколенного переулка.

Затем мы пытались создать красную тушь. Жидкость оставляла несмываемые пятна на руках, одежде, стенах и грязно-белой шерсти моего пса Джека, но, нанесенная пером на бумагу, обнаруживала непонятную водянистость. Строки бледнели, таяли, и мы уже готовы были поверить, что ненароком создали «симпатическую тушь», но ядовитый цвет не исчезал совсем.

Блистательный пример дяди-химика заставлял нас упорно цепляться за чуждую нам науку. Мы беспощадно били пробирки, переводили химикалии, колбы лопались над спиртовкой

¹ А. Лавуазье (1743—1794) — выдающийся франц. физик.

² Рокфеллер — династия крупнейших финансовых магнатов США. Основатель — Джон Рокфеллер (1839—1937).

как бомбы, вызывая панику среди соседей, и наконец у Павлика достало мужества сказать: «Хватит добывать стекло из пробирок!» На химии был поставлен крест.

Пришел черед физики, науки будущего. Мы изнуряли себя на лекциях знаменитых ученых, пытались постигнуть теорию относительности, для бодрости повесив на стенке портрет Альберта Эйнштейна¹, спорили о квантовой теории, не понимая в ней ни шиша, ломали головы над книгами... Эддингтона, Брэгга², но едва справлялись даже со школьной физикой, потому что оба были бездарны в математике. Нас выручил... Пастернак. В «Охранной грамоте» я прочел о муках будущего поэта, мечтавшего стать композитором, но не обладавшего абсолютным слухом. Он отказался от музыки, узнав, что его кумир, гениальный Скрябин³, скрывает как нечто постыдное несовершенство своего слуха. Павлик не сразу понял, куда я гну, и мне пришлось пояснить: «Для современного физика математика все равно что абсолютный слух для композитора».

— Правильно! — сказал он и оборвал провода на мостике Уитсона⁴, который начинал собирать. — К черту! — А потом добавил задумчиво: — А все-таки Скрябин стал Скрябиным и без абсолютного слуха.

Но Скрябин не мог без музыки, а Пастернак мог и отступил. Мы тоже могли без физики...

Миновала, поглотив уйму времени и сил, но не захватив душу, география с картами, атласами, глобусами, с книгами о Ливингстоне, Стенли, Миклухо-Маклае и Пржевальском⁵, с новыми странствиями по Москве, но теперь уже для того, чтобы всему узнать имя; ботаника с гербариями, с тонким, волнующим ароматом засушенных цветов, трав, листьев, с приобретением в складчину слабенького микроскопа; электротехника, отмеченная серией коротких замыканий и одним серьезным пожаром, —

¹ Эйнштейн Альберт (1879—1955) — выдающийся физик-теоретик, создатель «теории относительности».

² А. С. Эддингтон (1882—1944), Г. Брэгг (1862—1942) — англ. физики.

³ А. Н. Скрябин (1871—1915) — выдающийся русский композитор и пианист.

⁴ Ч. Уинстон (1802—1872) — англ. физик и изобретатель.

⁵ Д. Ливингстон (1813—1874), Г. Стенли (1841—1904), Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888), Н. М. Пржевальский (1839—1888) — знаменитые путешественники и ученые.

была красная машина, и тревожный звон колокола, и сперва плоское, затем по-удавьи округлившееся, долгое тело шланга, и brave, расторопные пожарные в сияющих золотых касках...

Наш отдых от трудов праведных был не менее изнурителен и целенаправлен. «Перерыв!» — объявлял Павлик и ставил на нос кий от настольного бильярда, или стул, или половую щетку, или цветок, если дело происходило летом. Я немедленно следовал его примеру.

Мы увлеклись балансированием, посмотрев в мюзикхолле номер австрийского гастролера, мага и волшебника. Он балансировал на слабо натянутом канате, держа на кончике раскляпанного носа полутораметровый стальной штырь с подносом, на котором стояли кипящий самовар и чайный сервиз. «Этому можно научиться», — задумчиво сказал Павлик, заставив меня пожить.

Я хорошо знал, что у Павлика слово не расходится с делом. Знал боками и легким сотрясанием мозга. Когда награждали первых девушек-парашютисток, Павлик решил, что ради поддержания мужской чести мы тоже должны совершить прыжок с двумя зонтиками из окна его кухни во двор. Хорошо еще, что мужская честь удовлетворялась прыжком из его кухни, а не из моей, находившейся этажом выше.

Мы раздобыли зонтики и кинули жребий, кому прыгать первым. Выпало мне. Я не особенно волновался: несколько пробных прыжков с платяного шкафа убедили нас, что зонтики держат не хуже парашюта. Я влез на подоконник, затем стал на карниз. Внизу подо мной светлела полоска асфальта, дальше двор был вымощен булыжником. Я видел круглые картузы возчиков, плешь дворника Валида, макушки играющих в «классы» девчонок, спины лошадей. И я шагнул туда, к ним, вниз. На мгновение показалось, что плотная струя воздуха подхватила меня, вслед за тем двор со всем, что его населяло, подскочил вверх и ударил меня в пятки. Что-то взболтнулось в голове, и я потерял сознание.

Вокруг меня хлопотали люди, когда сверху примчался Павлик. Поразив всех своим чудовищным бессердечием, он даже не глянул на поверженного друга, схватил зонтики и, убедившись, что они не пострадали, пулей взлетел наверх. Через секунду он распластался рядом со мной, его приземление оказалось удачнее, он отделался потерей половинки переднего зуба...

Поэтому не стоило рассчитывать, что балансирование, когда им занимаешься на пару с Павликом,— невинная забава. Вот как все это выглядело в ту пору, когда после долгих беспощадных тренировок мы сравнивались с австрийским виртуозом.

По команде мы разом вскидываем на нос, лоб или подбородок какой-нибудь предмет. Миг-другой, обретен центр равновесия — и предмет застывает в совершенной неподвижности. Проходят десять, пятнадцать, двадцать минут, полчаса. Голова, откинутаая назад, затекает, пора кончать, но никому не хочется сдаваться.

Приходит из города мать с покупками. Мы здороваемся, не меняя позы. Мать идет в темную комнату, переодевается там, достает коробку с работой, что-то штопает, подшивает, тихонько напевая про себя. Затем прячет коробку в шкаф, выходит и застаёт нас в той же позе.

— Какой кошмар! — больным голосом говорит мать и идет на кухню.

Через некоторое время возвращается с кофейником в руке — ничего не изменилось.

— Господи! Вы посмотрели бы на себя со стороны — законченные идиоты!.. Вас же удар хватит!..

Мать не далека от истины: в затылке тяжесть, видно, вся кровь скопилась там. Пробую заговорить Павлику зубы: уроки, мол, не сделаны, надо прочесть пьесу Жироду «Троянской войны не будет», которую мне дали на один вечер,— ни ответа, ни привета. Проходит еще минут двадцать. Смерть начинает казаться избавлением, но я еще цепляюсь за жизнь.

— Давай так,— предлагаю я,— считаем до трех — и все!

— Как хочешь,— равнодушно отзывается Павлик.

— Раз, два, три!

Мы враз обретаем свободу, Павлик никогда не мешкает, он не нуждается в такой мелкой победе, но ему хочется, чтобы я тоже научился терпению...

Поиски своего лица продолжались... Меж тем я начал писать рассказы, а Павлик — пробовать силы на подмостках любительской сцены, но почему-то в этих своих занятиях мы уже не стремились к объединению. Я не предлагал Павлику соавторство, а он не уговаривал меня стать его партнером. Наверное, потому, что тут каждый столкнулся со своей судьбой, с единственным делом, которому должен был служить. Но мы даже самим себе не признавались, что выбор сделан. Мы обманывали себя так

искренне, что по окончании школы оба подали заявление в медицинский институт — обычное прибежище тех, кто не ладит с математикой и не верит в себя на гуманитарном поприще. Лишь убедившись в тщете своего жестокого благоразумия, лишенные в непосильной зубрежке возможности заниматься тем, без чего жизнь нам была не в жизнь, мы среди года ринулись на вновь открывшиеся факультеты киноинститута. Я с грехом пополам поступил на сценарный. Павлик провалился на режиссерском. Зато через полгода он блестяще сдал экзамены сразу в три института: в ГИТИС, куда и пошел, в тот же ВГИК, чтоб доказать себе и другим, что может туда поступить, и для спокойствия родителей в историко-архивный. «Что ж, — рассуждал его отец, — Павлик не стал врачом, но, может быть, я увижу его в постановке «Коварский и любовь».

Он этого не дождался. В первый день войны ребята Армянского переуллка явились в военкомат. Нас с Толей Симаковым забраковали — поначалу война была разборчивой. Павлику повезло. В сентябре я получил от него кое-как нацарапанную открытку: «Эти мерзавцы здорово бомбят, но ничего — живем».

А жить ему оставалось совсем немного. Он погиб под Сухиничами. Немцы предлагали советским солдатам, захваченным врасплох в здании сельсовета, сохранить им жизнь, если они положат оружие на деревянный, изрешеченный пулями пол и выйдут по одному с поднятыми руками. Но вот этого-то как раз и не могли сделать бойцы поредевшего отделения, которым командовал Павлик. Потеряв многих своих людей, немцы подожгли сельсовет, но из пламени и дыма еще раздавались выстрелы. Ни один человек не вышел. Так рассказывали местные жители, когда вернулись наши. К тому времени от всей деревни остались лишь зола да угли.

...Четверть века прошло с окончания войны, прожита лучшая, главная часть жизни, а мне до сих пор то чаще, то реже каждый год снится Павлик. Сон — счастливый художник, ему не нужно заботиться о цельности сюжетной ткани, о правдоподобию, достоверности, мотивировках, он владеет тайной, заставляющей безотчетно верить ему, прощать нескладицу и даже явную нелепость. Мне всегда снится одно и то же, разнятся лишь второстепенные подробности, улетающие по пробуждении и ничего не меняющие в существе сна: Павлик жив и вернулся. Непонятно, где он был все эти годы, почему не давал о себе

знать. Во всяком случае, тут нет ничего зазорного для него. Подразумевается долгая утрата памяти, лётаргия забывшей себя личности — сон пренебрегает точным объяснением. Довольно того, что Павлик жив и вернулся. И хотя меня тревожит и томит невинность судьбы чудом воскресшего, все меркнет перед громадным счастьем — Павлик жив, жив!.. А затем начинается нечто смутное и безмерно печальное. Павлик не идет ко мне. Я ему не нужен. Возле него как-то дискретно реет его молчаливая мать, равно призрачная и во сне и в жизни, и все же более необходимая вернувшемуся Павлику, чем я, единственный друг; их осеняет какая-то общая забота, которую мне не дано разделить. Но ведь должны мы отговориться, отплакаться за все эти годы. Неужели Павлик не понимает этого, неужели он совсем забыл меня? Нет, он все понимает и ничего не забыл. Он сознательно не идет ко мне, исключает меня из своего нового бытия. За что? Я ни в чем не виноват перед ним, я не сделал ничего плохого, ему не в чем упрекнуть меня. Во сне я объясняю все это кому-то: то ли его матери в тщетной надежде, что она поможет мне, то ли самому Павлику, но не вслух, а на неслышном наяву языке. Но он-то слышит меня и не отзывается. Вдруг он возникает совсем рядом со мной, холодно кивает и молча проходит мимо.

Я просыпаюсь с мокрым лицом и долго думаю об этом сне, испытывая острую душевную боль. Я перебираю свою жизнь, поступки, отношения с людьми, все наработанное и не нахожу за собой вины, заслуживающей такого наказания. Но, может быть, там, откуда пришел Павлик, иные мерки, быть может, мы сами некогда иначе мерили себя?..

Минувшим летом грибная страсть занесла меня на край Калужской области. Приятель, купивший там за бесценок брошенный дом в полупустой деревне, обещал мне настоящий грибной рай. Как полагается новоселу, он плохо знал дорогу, и мы долго плутали по каким-то новым шоссе и старым проселкам. И однажды мелькнула, царапнув по сердцу, надпись на дорожном указателе: «До Сухиничей...» — я не разобрал, сколько километров. Наконец мы оказались в молодом смешанном леске — березы, осины, невысокие елочки, и приятель неуверенно, будто советуясь, сказал: «Кажется, здесь...»

Может, мы и не туда приехали, но после исхоженных, с примятой, а то и вовсе вытопанной травой редких подмосковных

лесов тут нам и впрямь привиделся рай... Грибы попадались разные и все больше не особо ценные: сыроежки, моховики, лисички, но случались и подберезовики и даже белые. И какой-то особый был этот лесок: чистый, нехоженный, неломаный, просквоженный солнцем, без паутины и прилипчивых мух. По нему легко ходилось: ни чащобы, ни валежника, ни потных, вязких мест, где нога вдруг по колено проваливается в торф,— никаких подвохов не таил молодой, приветливый реднячок. Может, потому я почувствовал скорее обиду, нежели боль, напоровшись на что-то острое, скрытое в траве. Инстинктивно я рванулся вперед и чудом удержал равновесие: мои ноги запутались в колючей проволоке. Я увидел свой капкан, на миг приподняв его над травой. Приятель поспешил мне на помощь. Вдвоем мы освободили мои матерчатые туфли и брючины от шипов, а затем извлекли на свет Божий тяжелый моток колючей проволоки, той самой, без которой немислим передний край.

Она лежала у наших ног, частью сухая и красно-рыжая, частью мокрая, черная, в налете какой-то плесени, безобразная, давно мертвая, но еще способная ужалить...

Я никак не был настроен на встречу с войной. Молодой лес вырос там, где некогда были землянки, окопы, ходы сообщений, пулеметные гнезда, колючая проволока, минные поля и погорелья деревень.

И тут-то меня нагнала и пронзила стрела дорожного знака: «До Сухиничей...» Вот на этой земле, где-то поблизости, а может быть, прямо здесь Павлик доживал свою короткую жизнь. Почему-то мне впервые представилось, что в окруженном неприятелем сельсовете творилась не смерть, а последняя жизнь Павлика. Пока все не стало огнем, он жил жизнью мысли и всех чувств, памяти, слов и маленьких желаний: попить воды, покурить, утереть пот со лба. Он жил и, как всякий живой, обладал своим прошлым, ему являлись лица людей, которых он успел полюбить и лица тех, кого он не успел возненавидеть; фоном им служили бульвары, переулки, театральные залы, аудитории, казармы. И что-то он задерживал, оставлял с собой, что-то отмахивал как ненужное, мешающее...

И уж в который раз пришло ко мне: если мерить мою жизнь последним поступком Павлика, разве могу я считать, что ни в чем не виноват? Нет. Виноват во многом: в том, что не отдал своей жизни за друга, не спас, не защитил миллионы погибших,

виноват в тюрьмах и лагерях, в убийствах президентов и проповедников, в том, что в мире не затихают выстрелы, не затухают пожарища, гибнут дети и не счесть обездоленных...

Каждый погибший откупает у гибели другого. Павлик дал себя сжечь, чтобы жил я. А я плохо распорядился его подарком. Надо все время помнить о подвиге ушедших; быть может, тогда исчезнет зло и исполнится самая заветная человеческая мечта — вернуть к жизни погибших...

Вопросы и задания

1. Какое впечатление произвел Павлик на рассказчика, когда он впервые увидел его? Опишите его портрет.

2. «Нам было лет по четырнадцать, когда я на своей шкуре испытал, каким непримиримым может быть мягкий, покладистый Павлик». Из-за чего возник конфликт между друзьями? Как он их характеризует? Почему через год возобновилась их дружба?

3. «...Ни один из нас не зависел от другого, но душевное превосходство было на стороне Павлика». Что такое «душевное превосходство»? Какое основание имел рассказчик так сказать о своем друге? Докажите это на конкретном примере.

4. «Я знаю, что привлекло Павлика ко мне и чем явился для меня он в начале наших отношений».

Найдите и прочитайте в рассказе ответы на эти вопросы.

5. Как осуществлялись друзьями «поиски своего лица»? Сопоставьте эти факты с биографией писателя. Чем они дополняют друг друга?

6. Как погиб Павлик? Как рассказчик связывает смерть Павлика со всей его жизнью?

7. «Если мерить мою жизнь последним поступком Павлика, разве могу я считать, что ни в чем не виноват? Нет. Виноват». О какой вине говорит писатель? Как вы понимаете смысл этих слов?

8. Вспомните стихотворение А. С. Пушкина, начинающееся строчкой: «Мой первый друг, мой друг бесценный». Кому оно посвящено? Как вы думаете, почему Ю. Нагибин так же назвал свой рассказ?

9. Как связан рассказ Ю. Нагибина с нашим временем? Какие чувства волновали вас при его чтении?

Для самостоятельной работы

Напишите рассказ о своем друге.

**Виктор
Петрович
АСТАФЬЕВ**

Родился в 1924 году

В. П. Астафьев — известный советский писатель. Большинство рассказов, написанных им для детей, вошло в сборник «Конь с розовой гривой».

«В этой книжке,— вспоминает писатель,— есть рассказ «Васюткино озеро». Судьба его любопытна. В городе Игарке преподавал когда-то русский язык и литературу Игнатий Дмитриевич Рождественский, известный потом сибирский поэт... Он однажды предложил написать нам, пятиклассникам, о том, как прошло лето. А я летом заблудился в тайге, много дней провел один и вот об этом обо всем и написал. Сочинение мое было напечатано в рукописном школьном журнале под названием «Жив». Много лет спустя я вспомнил о нем, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось «Васюткино озеро» — мой первый рассказ для детей.

Рассказы, включенные в эту книжку, написаны в разное время. Почти все они о моей родине — Сибири, о далеком деревенском детстве, которое, несмотря на трудное время и сложности, связанные с ранней гибелью мамы,— все-таки было удивительно светлой и счастливой моей порой».

*Из предисловия к книге
В. Астафьева «Конь с розовой гривой».*

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются на увал¹ по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберешь туесок². Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конем, баба?

— Конем, конем.

Пряник конем! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело.

Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял! — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!..

С таким конем сразу почету сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе и так и эдак ласться, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его.

Когда даешь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусывать положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадобах³ вместе с Мишкой Коршуновым. Левонтий заготавливал лес на бадоби, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней — а может, и в пятнадцать, я точно не помню — Левонтий получал деньги, и тогда в доме Левонтьевых, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним еще

¹ Увал — пологий холм, имеющий значительную протяженность.

² Туесок — берестяная корзинка с тугой крышкой.

³ Бадоба — длинные поленья.

утром к бабушке забегала Левонтьиха, тетка Васеня, запыхавшаяся, загнанная, с зажатými в горсти рублями.

— Кума! — испуганно-радостным голосом восклицала она. — Долг-от я принесла! — и тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

— Да постой ты, чумовая! — окликала ее бабушка. — Сосчитать ведь надо!

Тетка Васеня покорно возвращалась, и пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглядывая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на черный день бабушка никогда Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десяти. Но и при такой малой сумме заполошная¹ Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку.

— Ты как с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! — напускалась бабушка на соседку. — Мне рупь! Другому рупь! Это что же получится?

Но Васеня опять юбкой вихрь взметывала и укатывалась: — Передала ведь!

Бабушка еще долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бедрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застекленными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни.

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой все это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы.

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всем ихнем заведении:

— Зато как папа шурунет нас — бегишь и не запнешша!

Сам дядя Левонтий в теплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, и в бязевой рубахе вовсе без пуговиц. Садился на истюканный топором чурбак, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла

¹ Запóлошная — суетливая.

работу, которую он должен был, по ее разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий только благодушно почесывался:

— Я, Петровна, слободу люблю! — и обводил рукой вокруг себя. — Хорошо! Как на море! Ничто глаз не угнетат!

Дядя Левонтий плавал когда-то по морям, любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была — прорваться в дом Левонтия после его получки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки.

— Нечего куски выглядывать! — гремела она. — Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане — вошь на аркане.

Но если мне удастся ушмыгнуть из дома и попасть к левонтьевским, то уж все: тут уж я окружен бываю редкостным вниманием, тут мне полный праздник.

— Выдь отсюда! — строго приказывал пьяненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. И пока кто-либо из них неохотно вылезал из-за стола, пояснял детям это действие уже обмякшим голосом: — Он сирота, а вы все ж при родителях! — И, жалостно глянув на меня, тут же взрывался: — Мать-то ты хоть помнишь? — Я утвердительно кивал головой, и тогда дядя Левонтий горестно облакачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слезы, вспоминал: — Бадога с ней по один год кололи-и-и! — И совсем уж разрыдавшись: — Когда ни придешь... ночь, полночь... «Пропал... пропащая ты голова, Левонтий!» — скажет и... опохмели-и-ит...

Тут тетка Васеня, ребятишки дяди Левонтия и я вместе с ними ударялись в рев, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что все-все высыпалось и вываливалось на стол, и все наперебой угощали меня и сами ели уж через силу.

Поздно вечером либо совсем уж ночью дядя Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!» — после чего я хватал пряники, конфеты, ребятишки левонтьевские тоже хватали что попало под руки и разбегались кто куда. Последней ходу задавала Васеня. И бабушка моя «привечала» ее до утра. Левонтий бил остатки стекол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол, затем, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тетка Васеня дня через три-четыре опять ходила по соседям и уже не взмetyвала юбкою вихрь. Она снова занимала денег, муки, картошек — чего придется...

Вот с ребяташками дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребяташки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку берестяные туюски, а у одного парнишки был ковшик без ручки. Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там еще ничего не поспело, напластали беремя луку-батуна, наелись до зеленой слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько перышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал.

Тут все перестали пищать, рассыпались по увалу и начали брать землянику, только-только еще поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туюска стакана на два-три. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах — закрыть дно посудыны. Вздыхнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадалось их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребяташки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой че? — спрашивал старшой и давал кому-то пинка после каждого вопроса.

— А-га-а-а-а! — запела Танька. — Санька тоже пожрал, так ничего-о-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды, и, видать, обидно ему сделалось. Берет он, старшой, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку еще раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а

мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел все, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили сходить к Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому как еще не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх, ты! — закривлялся Санька.

— Зато мне бабушка пряник конем купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька. Он плюнул себе под ноги и что-то быстро смекнул: — Скажи уж лучше — боишься ее, и еще жадный!

— Я?!

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — Сказал я это и сразу покаялся: понял, что попал на уду.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо? — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо? — повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод. Грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на все рукой. Все равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами к речке и хвастался:

— Я еще у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач неси. Может, еще шанег¹ прихватишь либо пирог.

— Ладно!

Мы брызгались из речки студеной водой, бродили по ней и руками ловили подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид

¹ Шáньга — так называют на Севере и в Сибири ватрушку — булочку с творогом.

рыбину, и мы растерзали ее на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпавляли стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог, и умер, уронив головку. Мы похоронили стрижа на берегу, в гальке, и скоро забыли о нем, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

— Это еще че! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побег, вглыбь побег бы, да босой я, а там змеев гибель.

— Жмеев? — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! — срезал Саньку старшой. — Домовые на чердаке живут да под печкой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Да тама какой домовый-то? Домашний. А тут пещерный. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит — студено ему. А домовника худая, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопает. Я ей камнем в глаз залимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но все равно страшно было слушать, и чудилось мне — кто-то в пещере все стонет, все стонет. Первой деранула от этого худого места Танька, а следом за нею и все ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал, поддавая нам жару...

Так интересно и весело провели мы весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели... Ха-ха! Нарочно съели! Ха-ха. Нам-то ништяк! Ха-ха. А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо». Бабушка моя, Катерина Петровна, — не тетка Васеня.

Тихо плелся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой и гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивая на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь че? — поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька.— Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод — и готово дело! «Ой, дитятко мое! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька.— Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособил...» — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса левонтьевских ребятишек внизу, за огородами, и мне сделалось жутко. Правда, село здесь слышно, и все же тайга, пещера недалеко, а в ней домовниха с домовым и змеи кишмя кишат.

Повздыхал, повздыхал я, даже чуть было не всплакнул, и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом насобирал ягод, заложил ими траву, получилось земляники даже с «копной».

— Дитятко ты мое! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей свою посудину.— Господь тебе, сиротинке, пособил!.. Уж куплю я тебе пряник, да самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит мое мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Все обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, еще раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел и отправился на улицу играть, и там дернуло меня сообщить обо всем Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принес его Саньке под рубахой. Потом еще принес, потом еще, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка.— В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е,— откликнулся я,— сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, бабушко...

«А что, если разбудить ее и все-все рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание бабушки. Жалко ее будить: устала она, ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараую бабушку, расскажу ей обо всем: и про туюсок, и про домовниху с домовым, и про калачи, и про все, про все...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина немая рожа, а потом замелькала земляника, завалила она и Саньку, и все на этом свете.

На полатах запахло сосняком, холодной таинственной пещерой...

Дедушка был на заимке¹, километрах в пяти от села, в устье речки Маны. Там у нас была посеяна полоска ржи, полоска овса и полоска картошек.

О колхозах тогда еще только начинались разговоры, и селяне наши пока жили единолично. У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно как-то. Может, оттого, что дедушка никогда не шумел и даже работал неторопливо, но очень уместно и податливо. Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушел, скрылся. Но пять километров для меня были тогда огромным, непреодолимым расстоянием. И Алешки, моего брата, нет. Недавно приезжала тетка Августа и забрала Алешку с собой на лесозаготовку, где она работала.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не смог придумать, как податься к левонтьевским.

— Уплыла Петровна? — усмехнулся Санька и цыкнул слюной в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке мог поместиться еще один зуб, и мы страшно завидовали этой Санькиной дырке. Как он в нее плевал!

Санька собирался на рыбалку и распутывал леску. Малые левонтьевские ходили возле скамеек, ползали, ковыляли на кривых ногах. Санька раздавал затрещины направо и налево, за то что малые лезли под руку и путали леску.

— Крючка нету,— сердито сказал он.— Проглотил, должно, который-то.

¹ *Займка* — земельный участок вдали от села, освоенный (вспаханный) его владельцем.

— Помрет?

— Ништяк,— успокоил меня Санька.— У тебя много крючков, дал бы. Я б тебя на рыбалку взял.

— Идет!

Я обрадовался и помчался домой; схватил удочки, хлеба, и мы подались к каменным бычкам, за поскотину¹, спускавшуюся прямо в Енисей ниже села.

Старшего левонтьевского сегодня не было. Его взял с собой «на бадogi» отец, и Санька командовал напропалую. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уже не задибался почти и даже умирал «народ», если тот принимался драться.

У бычков Санька поставил удочки, наживил червяков, поплевал на них и закинул лески.

— Ша! — сказал Санька, и мы замерли.

Долго не клевало. Мы устали ждать, и Санька прогнал нас искать щавель, чеснок береговой и редьку дикую.

Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли» — все ели, что бог пошлет, ничем не брезговали и оттого были краснокожие, сильные, ловкие, особенно за столом.

Пока мы собирали пригодную для жратвы зелень, Санька вытаскил двух ершей, одного пескаря и белоглавого ельца.

Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб и начал их жарить.

Рыбки были съедены почти сырые, без соли. Хлеб мой ребятишки еще раньше смолотили и занялись кто чем: вытаскивали из норок стрижей, «блинали» каменными плиточками по воде, пробовали купаться, но вода была еще холодная, и мы быстро выскочили из реки отогреться у костра. Отогрелись и повалились в еще низкую траву.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины слезки. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчелы слышали, как они звенели. Возле муравейника, на обогретой земле, лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зобы,— должно быть, заслушивались музыкой. Березовые листья блестели, осинник сом-

¹ *Поскóтина* — пастбище, выгон.

лел от жары. Боярка доцветала и сорила в воду. Сосняк был в синем куреве. Над Енисеем чуть мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Леса на скалах стояли неподвижно, и железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, — и если долго смотреть на него, он истоншался и кружевце рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет?! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских?

Вон как хорошо было жить! Ходи, бегай и ни о чем не думай. А теперь? Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет, уж лучше пусть не опрокидывается. Моя мать утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалеть меня некому. Левонтий только пьяный жалеет, и все. А бабушка только кричит да нет-нет и поддаст — у нее не задержится. И дедушки нет. На заимке он, дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка и на него кричит: «Потатчик! Своим всю жизнь потакал, теперь этому!..»

«Дедушка ты, дедушка, хоть бы ты в баню мыться приехал и взял меня с собой!»

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

— Ничего-о-о! — Голосом я давал понять, что это он, Санька, довел меня до такой жизни.

— Ништяк! — утешил меня Санька. — Не ходи домой, и все! Заройся в сено и притаись. Петровна боится — вдруг ты утонешь. Вот она как запричитает: «Утону-у-ул мой дитятко, спокинул меня, сиротиночка...» — ты тут и вылезешь!

— Не буду так делать! И слушаться тебя не буду!..

— Ну, и лешак с тобой! Об тебе ж стараются... Во! Ключуло! У тебя ключуло!

Я свалился с яра¹, переполошив стрижей в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ерш. Подошла рыба, начался клев. Мы наживляли червяков, закидывали.

— Не перешагивай через удилище! — суеверно орал Санька на совсем ошалевших от восторга малышей и таскал, таскал рыбешек.

Малыши надевали их на ивовый прут и опускали в воду.

Вдруг за ближним каменным бычком защелкали по дну ко-

¹ Яр — здесь: крутой край оврага.

ванные шесты, и из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наколочниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по самые обводы в реку, рвалась вперед, откидывая на стороны волны.

Взмах шестов, перекидка рук, толчок,— лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперед. Она ближе, ближе... Вот уж кормовой давил шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке еще одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки, крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука только по случаю поездки в город или по большим праздникам.

Да это ж бабушка!

Рванул я от удочек прямо к яру, подпрыгнул, ухватившись за траву, засунул большой палец ноги в стриженую норку. Подлетел стриж, ткнул меня по голове, и я упал на комья глины. Соскочил и ударился бежать по берегу, прочь от лодки.

— Ты куда?! Стой! Стой, говорю! — крикнула бабушка.

Я мчался во весь дух.

— Я-а-а-авишься, я-а-а-авишься домой, мошенник! — несясь вслед мне голос бабушки.

А тут еще мужики подстегнули.

— Держи его! — крикнули, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села.

Теперь только я обнаружил, что наступил уже вечер и волея-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кешке, дяди-Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди-Ваниного дома играли в лапту. Я ввязался в игру и пробегал до темноты. Появилась тетя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идешь? Бабушка потеряет тебя!

— Не-е,— ответил я как можно бодрей и беспечней.— Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тетя Феня предложила мне поест, и я с радостью смолотил все, что она мне дала.

А тонкошей молчун Кешка попил вареного молока, и мать сказала ему:

— Все на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, и оттого крепок.

Я уже надеялся, что тетя Феня и ночевать меня оставит. Но она порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всем, после чего взяла за руку и отвела домой.

В доме уже не было свету. Тетя Феня постучала в окно. Бабушка крикнула: «Не заперто!» Мы вошли в темный и тихий дом, где только и слышалось многокрылое постукивание бабочек да жужжание бьющихся о стекло мух.

Тетя Феня оттеснила меня в сени и втокнула в пристроенную к сеним кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах — на случай, если днем кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке.

Я зарылся в половики, притих, слушая.

Тетя Феня и бабушка о чем-то разговаривали в избе. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, натканной во все щели и под потолком. Травы эта все чего-то пощелкивала да потрескивала. Тоскливо было в кладовке. Темень была густа и шероховата, вся заполненная запахом и тайной жизнью.

Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодавшая из-за кота. И все потрескивали сухие травы и цветы под потолком, открывали коробочки и сорили во тьму семечки.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневной жарой собаки приходили в себя, вылезали из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста, что проложен через Малую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодежь, пляшет там, поет.

У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, дядя Левонтий принес чего-то на варево. У кого-то левонтьевские «сбодали» жердь... Скорее всего, у нас. Есть им время сейчас промышлять дрова далеко!..

Ушла тетя Феня и плотно прикрыла дверь в сенках. Воровато прошмыгнул по крыльцу кот. Под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала, должно быть. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и стал дышать себе на грудь.

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашней. Я огляделся, и сердце мое радостно подпрыгнуло: на меня был накинута дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущенно рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все куплю». — «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирал...»

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полущубком, забился в него, чтобы помереть скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало невмоготу дышать, и я открылся.

— Своих вечно потачил! — шумела бабушка. — Теперь этому! А он уже мошенничает! Че потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант будет! Я вот еще левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

— Не спишь ведь, не спишь! Я все-е вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава богу, и тут же принялась рассказывать:

— Мой-то малой-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малой-то!»

Бабушка ходила взад-вперед, поила корову, выгоняла ее к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, кричала:

— Не спишь ведь, не спишь! Я все-е вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдет. Все равно уйдет — поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без нее на селе. И каждому встречному бабушка будет твердить: «А мой-то малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слезы хлынули безудержно из моих глаз.

— Ну, что ты, что ты! — успокаивал меня дед, обирая большой жесткой рукой слезы с моего лица. — Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я принял другую к глазам, ступая в избу, и заревел:

— Я больше... я больше... я больше... — И ничего дальше сказать не мог.

— Ладно уж, умойся да садись трескать! — все еще непримимо, но уже без грозы сказала бабушка.

Я покорно умылся, долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от все еще не прошедших всхлипов, и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку вожжи, еще что-то делал. Чувствуя его незримую и надежную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула в бокал молока и со стуком поставила посудину передо мной.

— Ишь ведь, какой смиренный! Ишь ведь, какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул: терпи. Я и без него знал: боже упаси сейчас перечить бабушке или сделать чего не так, не по ее усмотрению. Она должна разрядиться, должна высказать все, что у нее накопилось, душу отвести должна.

Долго бабушка обличала меня и срамила. Я еще раз раскаянно заревел. Она еще раз прикрикнула на меня.

Но вот выговорилась бабушка. Ушел куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивая из нее нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Еще раз зажмурился, еще раз открыл. По скобленому кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато еще когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло! А я все не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

Вопросы и задания

I. Как вы поняли рассказ

1. В какое время и где происходят события рассказа? Вспомните приметы этого времени, а также места действия.

2. Поставьте вопросы, которые вам хотелось бы обсудить на уроке.

II. Разберемся в прочитанном

1. От чьего лица ведется повествование в рассказе?

2. Какие слова вам показались непонятными или необычными? Что вы можете сказать об этих словах? С какой целью писатель, по-вашему, использует их в своем произведении?

3. Что вы можете рассказать о семье Левонтия? Чем она отличалась от других семей?

4. Прочитайте отрывок, рисующий дом дяди Левонтия. Какое впечатление этот дом оставляет у читателя?

5. «Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уж забыл про ягоды...» Расскажите об этом дне. Постарайтесь, чтобы ваш рассказ был и серьезным, и веселым.

6. Кому из левонтьевских ребятишек писатель уделяет больше внимания? Прочитайте отрывок, рисующий портрет Саньки. Согласны ли вы с рассказчиком, который утверждает: «Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят»? А как, по-вашему, писатель относится к Саньке?

7. Проследите, как менялось настроение героя рассказа после того, как он вернулся домой, и на следующий день. Как это отразилось в речи рассказчика, ее интонации, в поведении героя?

8. Из каких эпизодов мы узнаем, как герой был втянут в тяжкий обман?

9. Можете ли вы назвать эпизод, в котором больше всего ощутимо сожаление героя о совершенном поступке?

III. Сделаем выводы о самом главном

1. Объясните, почему героя рассказа неудержимо тянуло к Левонтию. Что особенно привлекало его в этой семье?

2. Каким вы представляете героя рассказа? Нарисуйте устно его портрет.

3. Почему бабушка, несмотря на обман внука, купила ему «пряник конем»?

4. Какие жизненные уроки извлек герой из этой истории? Как с этим связаны заключительные слова рассказа: «Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло!.. А я все не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой»?

IV. Литература и изобразительное искусство

Обратите внимание на иллюстрацию в рассказе В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». Какой эпизод запечатлел художник? Что, по-вашему, передано наиболее удачно? Какие еще эпизоды и как хотели бы вы отразить в рисунках?

Для самостоятельной работы

Прочитайте сборник рассказов В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой» и ответьте на следующие вопросы:

1. Какой рассказ вам особенно понравился? Чем именно?

2. Почему писатель дал название всему сборнику рассказов «Конь с розовой гривой»?

**Валентин
Григорьевич
РАСПУТИН**

Родился в 1937 году

Чем человек умнее и добрее,
тем больше он замечает добра
в людях.

Л. Н. Толстой

УРОКИ ДОБРОТЫ

Этот рассказ, когда он впервые появился в книжке, помог мне разыскать мою учительницу Лидию Михайловну. Она купила мою книжку, узнала в авторе меня, а в героине рассказа себя и написала мне.

Удивительно, но Лидия Михайловна, оказывается, не помнит, что она похожим же, как в рассказе, образом отправляла мне посылку с макаронами. Я это прекрасно помню и ошибаться не могу: было. Меня сначала поразило: как же так — не помнит?! Как можно такое забыть?! Но, поразмыслив, я понял, что удивительного тут в сущности нет ничего: истинное добро со стороны того, кто творит его, имеет меньшую память, чем со стороны того, кто его принимает. Так и должно быть. На то оно и добро, чтобы не искать прямой отдачи (я помог тебе — изволь и ты мне помогать), а быть бескорыстным и уверенным в своей тихой чудодейственной силе. И если, уйдя от человека, добро возвращается к нему через много лет совсем с другой стороны, тем больше оно обошло людей и тем шире был круг его действия.

Вы уже догадались, очевидно, что это в немалой степени автобиографический рассказ, то есть такой, где автор описывает события из своей жизни. Для чего он это делает? Вовсе не из-за недостатка воображения, как может показаться, и не из тщеславного желания, пользуясь своим положением писателя, непременно рассказать обо всем, что он пережил. Есть такие понятия: духовная память и духовный опыт человека, которые должны

присутствовать в каждом из нас, независимо от нашего возраста. Это то главное и как бы высшее, дающее нам нравственное¹ направление наперед, что мы выносим из событий своей жизни и что представляет интерес не только для нас одних. Когда такое происходит и когда моральное извлечение из внешних событий представляется нам важным, мы, естественно, хотим поделиться им с другими людьми.

Вот так и случилось, что спустя более чем двадцать лет я сел за стол и стал вспоминать, что было когда-то со мной, пятиклассником, мальчишкой из глухой сибирской деревни. Вернее, стал записывать то, что никогда и не забывалось, что постоянно просилось во мне на люди. Я написал этот рассказ в надежде, что преподанные мне в свое время уроки лягут на душу как маленького, так и взрослого читателя.

Валентин Распутин

Вопросы

1. Что такое духовная память, духовный опыт человека? Как вы это понимаете?
2. Что заставило В. Распутина написать рассказ «Уроки французского»?

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Анастасии Прокопьевне Копыловой

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

* * *

Я пошел в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у нее, а в последний день августа дядя Ваня, шофер единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год еще не отпустил, а нас у матери было трое,

¹ *Нравственное* — относящееся к внутренней, духовной жизни человека.

я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестренку глазки проросшей картошки и зерен овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придется все время думать о еде. Все лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь еще пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от нее несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагреб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И все потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растет. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадет.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относительно спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда еще не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем

предметам, кроме французского, у меня держались пятерки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало все мое ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять, — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Все было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, все время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но когда она стала уезжать, не выдержал и с ревом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и ее, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошел. — Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же еще я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полutorке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалеку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне ее не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. При-

везут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тетя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из ее старших девочек или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестренки с братишкой, а оно все равно идет мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня все вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трех маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почем продают, давился слюной и шел ни с чем обратно. На плите у тети Нади стоял горячий чайник; пошвырвав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой все равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, еще в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдем сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдем так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повел меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже черной,

спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей челкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого еще зачем привел? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живет.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот еще! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошел в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея, в основном, за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать ее надо было с тем расчетом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за нее, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били все той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важнее всего считалось еще при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шел к валуну после всех, когда полная картина очередности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперед. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую челку

наверх, небрежно сплевывая в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребяли лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в нее до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Все же раза два она подкладывала мне в письмо по пятерке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживешься, но все равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятерку в третий раз, я не пошел за молоком, а разменял ее на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадет и сколько еще прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла теплая и сухая. Еще и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесенными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем полетному, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурмящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке, пожелтевшая и сморенная, все же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибегал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперед, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазенками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — все равно тянет. Вызовут — молчит.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлепал своими глазенками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда еще не сошелся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день.

У меня был свой расчет: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за нее и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втрое. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приемом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тетки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта все равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался в накладке, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепадало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазины. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загреб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам

удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать ее, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому еще не прощалось, если в своем деле он вырывается вперед? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идет за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шел собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошел к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил ее с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы ее закрывать.

— Ты перевернул ее, — сказал я. — Она была на орле, я видел. Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своем было бессмысленно: если начнется драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул ее и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведет, — решил я. — Все равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склоненной вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птах. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отперся он. — Приснилось, что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал ее. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул ее, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было еще вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплелся в гору.

— Только выкинь кому — убьем! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Все во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь поселок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг черной крапивой, упал на жесткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всем белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается

жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от нее что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моем лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот,— сказала Лидия Михайловна, открывая журнал.— Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у нее косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал,— брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал,— выкрикнул Тишкин, захлебываясь от радости.— Это ему Вадик из седьмого класса поднес. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остоленел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счета могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха все всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внес ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое,— не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, оста-

новила его Лидия Михайловна.— Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать.— Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни натворил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он рассказывал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперед в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застегнутый, оттопыривающийся темный френч движется самостоятельно чуть наперед директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждем. Посмотри, вся школа ждет, что ты нам скажешь». Ученик начинал в свое оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и все это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увел к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжегшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросал школу... Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадежный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы еще потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей

партой, подальше от нее, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шепотом, и я испугался еще больше. Но запыраться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я проямил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы...выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и легким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бесилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаенности и ненужной экономии. Я готов был свалить все на французский язык: конечно, пока училась, пока принаравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдется и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов ее все равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от нее, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей

не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на нее, я не посмел и обмануть ее. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде ее косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки¹ марких светло-зеленых штанах со следами вчерашней драки. Я еще раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обутку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И все-таки на деньги играть не надо,— задумчиво сказала Лидия Михайловна.— Обошелся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в свое спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать веревками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезенный в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо еще, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удоб-

¹ Чирки — самодельная обувь.

ной и скрытой низинке развести огонь. Мне все время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Все было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалеку, видел, как взблескивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошел, и игра сама собой приостановилась, все уставилось на меня. Птаха был в шапке с подвернутыми ушами, сидящей, как и все на нем, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришел? Давно не били?

— Играть пришел,— как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой,— Птаха выругался,— будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождем немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик.— Понял, человек играть пришел. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей,— только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет.— Вадик подмигнул ребятам.— Он здорово играет, мы ему в подметки не годимся.

Теперь я был ученый и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в нее меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдет, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашел ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвертый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось ее постоянно прикусывать. Но как ни прятал я ее, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками.— Да что же это такое?! Нет, придется с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придется остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну, зачем еще, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «веаиссир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристоном пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывал-

ся потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это еще не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остается в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шел туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился,— меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, что она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дожидаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприемник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у нее в доме, все здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный легкими и незнакомыми запахами, иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за се-

бя я еще глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко...

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню ее правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем черные, коротко стриженные волосы. Но при всем этом не было видно в ее лице жесткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? ...

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занес в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофер, — какой еще мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тетя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящик, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящике? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали, для кого.

Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня еще был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные желтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в нее и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не поущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не было, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгреб макароны и нашел на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я еще раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдем, знаем, где живет, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше некому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик,

который я поставил перед ней на пол, и удивленно спрашивала:

— Что это? Что такое ты принес? Зачем?

— Это вы сделали,— сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чем ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тетка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от нее.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась.— Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда.— Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня.— Не злись. Я же хотела, как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму,— перебил я ее.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмешь сейчас эти макароны и сварить себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких

посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Столько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чем ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Ее голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь ее все-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

* * *

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжелыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо,— подбадривала меня Лидия Михайловна.— В этой четверти пятерка еще не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмется еще придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, все сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна все время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью,— я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шаг, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к ее квартире. Все еще, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетенность отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала еще попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы

да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу все одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня еще подстегивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы еще не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонку да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чем она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет,— Лидия Михайловна покачала головой.— Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри.— Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул.— Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену.— Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол.— Теперь,— Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку,— бьешь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замерышки. Достанешь,— значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о,— махнула рукой Лидия Михайловна.— Далекое. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком,— я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли?

Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одергивать себя: то нельзя, это нельзя.— Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстраненно смотрела в окно.— Иной раз полезно забыть, что ты учительница,— не то такой сделаешься бякой и букой, что

живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьез, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь еще часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестает быть ребенком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живет Василий Андреевич. Он очень серьезный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты все равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал ее. Светопредставление — не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну, что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я еще не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счет, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила ее.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трехлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги,— несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а все равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот еще! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счет. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на нее прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издали попала своей монетой на мою, и счет сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдет, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах ее пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину,— там, где она якобы не

могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет,— заявил я,— так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать,— стала отказываться она.— У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает ее к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу ее чистой воды мошенничество, она как ни в чем не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы ее подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала,— самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да еще и смеется надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподает, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать — двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала еще раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся

ледяные ломтики в рот и, ощущая во всем теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском черного хлеба.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала ее сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормозила меня.

Знать бы нам, чем это все кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счете. Перед тем тоже, кажется, о чем-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая,— наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна,— зачем мне тебя обманывать? Я веду счет, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» несчитово.

— Почему это несчитово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донесся удивленный, если не сказать, пораженный, но твердый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, покрасневшая и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенок»,— спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?..— Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы

укрыться в комнате.— Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете...— Директор задыхался, ему не хватало воздуха.— Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Сокращение. И еще, еще... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

* * *

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань,— сказала она, прощаясь.— А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись,— она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я ее никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл ее, достав опять топор из-под лестницы,— аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обертке я нашел три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Вопросы и задания

I. Как вы поняли рассказ

1. Осуждает или оправдывает автор своего героя?

2. Чем интересен для вас этот рассказ?

II. Разберемся в прочитанном

①. Когда и как началась у героя самостоятельная жизнь? Какие испытания ожидали его? Что обозначает признание мальчика: «Но самое страшное началось, когда я приходил из школы»?

②. Почему герой рассказа стал играть в «чiku»? Как относятся к этой игре Вадик и рассказчик?

3. Прочитайте описание природы. Как этот пейзаж связан с настроением героя?

4. Найдите слова, передающие состояние мальчика в тот момент, когда Вадик и Птаха избили его. Почему они это сделали?

5. Прочитайте разговор Лидии Михайловны и героя рассказа после уроков. Обратите внимание на их портреты. Почему, по-вашему, эти описания автор поставил рядом? Как называется этот прием? Чего добивается писатель?

6. «И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе,

делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех». Как вы думаете, почему именно рассказчика выбрала Лидия Михайловна для отдельных занятий? Случайно ли это? Постарайтесь вспомнить, как сама учительница объясняет это своему ученику.

7. Почему Лидия Михайловна решилась на игру в «замеряшки» со своим учеником? Как вы расцениваете этот поступок? Что выдавало ее во время игры?

III. Сделаем выводы

1. Как вы думаете, когда герой рассказа понял истинный смысл игры, которую придумала учительница?

2. Расскажите о герое по следующему примерному плану: 1) Почему мальчик оказался в райцентре? 2) Как он чувствовал себя на новом месте? 3) Почему он не убежал в деревню? 4) Какие отношения сложились у него с товарищами? 5) Почему он ввязался в игру на деньги? 6) Как характеризуют его отношения с учительницей?

3. Попробуйте самостоятельно составить цитатный план к рассказу о герое.

4. Почему рассказ называется «Уроки французского»? В чем смысл этого произведения?

IV. Связь с другими видами искусства. Внеклассное чтение

1. Обратите внимание на иллюстрации к рассказу «Уроки французского». Какие эпизоды выбрал художник? Озаглавьте их. Какую иллюстрацию можно назвать самой удачной? Почему?

2. Рассказ «Уроки французского» иллюстрировали разные художники: В. Гильдяев, Ю. Тризы, А. Шпирко и другие. Если вы найдете различные издания книги В. Распутина, то сможете рассмотреть иллюстрации этих художников. Каким каждый из них изобразил главного героя? Кто, по-вашему, точнее и глубже раскрывает его характер?

3. По рассказу В. Распутина «Уроки французского» сделан телевизионный фильм. Если вы видели его, то подумайте над вопросами:

Какие сцены вам показались особенно удачными? Какое впечатление произвел главный герой? Таким ли вы его себе представляете?

4. Вспомните рассказ В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». Что общего между этими двумя произведениями?

Для самостоятельной работы

Приходилось ли вам встречать человека, который самоотверженно и бескорыстно делал людям добро? Расскажите о нем и его делах.

Фазиль ИСКАНДЕР

Родился в 1929 году

Юмор делает серьезное еще более серьезным.

Фазиль Искандер

Есть у Фазиля Искандера произведения, написанные о детях и детстве. Рассказы эти имеют два адреса: они обращены одновременно и к детям, и к взрослым. К детям — потому что они испытывают те же чувства, те же сомнения, те же радости и горести, какие тревожат и волнуют героев рассказов Искандера. Взрослые находят в них свежий, давно забытый взгляд на мир, где нет ни компромиссов¹, ни мучительных сомнений.

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА

Все математики, с которыми мне приходилось встречаться в школе и после школы, были людьми неряшливыми, слабохарактерными и довольно гениальными. Так что утверждение насчет того, что пифагоровы штаны якобы во все стороны равны, вряд ли абсолютно точно.

Возможно, у самого Пифагора так оно и было, но его последователи, наверное, об этом забыли и мало обращали внимания на свою внешность.

И все-таки был один математик в нашей школе, который отличался от всех других. Его нельзя было назвать ни слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю, был ли он гениален, — сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего, был.

Звали его Харламбий Диогенович. Как и Пифагор, он был по происхождению грек. Появился он в нашем классе с нового учеб-

¹ *Компромисс* — соглашение на основе взаимных уступок.

ного года. До этого мы о нем не слышали и даже не знали, что такие математики могут быть.

Он сразу же установил в нашем классе образцовую тишину. Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, потому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион.

Стадион находился рядом со школьным двором и постоянно, особенно во время больших состязаний, мешал педагогическому процессу. Директор даже писал куда-то, чтобы его перенесли в другое место. Он говорил, что стадион нервнрует школьников. На самом деле нас нервировал не стадион, а комендант стадиона дядя Вася, который безошибочно нас узнавал, даже если мы были без книжек, и гнал нас оттуда со злостью, не угасающей с годами.

К счастью, нашего директора не послушались и стадион оставили на месте, только деревянный забор заменили каменным. Так что теперь приходилось перелезать и тем, которые раньше смотрели на стадион через щели в деревянной ограде.

Все же директор наш напрасно боялся, что мы можем сбежать с урока математики. Это было просто немыслимо. Это было все равно что подойти к директору на перемене и молча скинуть с него шляпу, хотя она всем порядочно надоела. Он всегда, и зимой, и летом, ходил в одной шляпе, вечно зеленой, как магнолия. И всегда чего-нибудь боялся.

Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из гороно, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о другом.

Конечно, мы никак не могли сбежать с урока математики. Если мы вообще когда-нибудь и сбежали с урока, то это был, как правило, урок пения.

Бывало, только входит наш Харламий Диогенович в класс, сразу все затихают, и так до самого конца урока. Правда, иногда он заставлял нас смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху, самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказательство от обратного.

Происходило это примерно так. Скажем, иной ученик чуть припоздает на урок, ну, примерно на полсекунды после звонка, а Харламий Диогенович уже входит в дверь. Бедный ученик готов

провалиться сквозь пол. Может, и провалился бы, если б прямо под нашим классом не находилась учительская.

Иной учитель на такой пустяк не обратит внимания, другой сгоряча выругает, но только не Харламий Диогенович.

В таких случаях он останавливался в дверях, перекладывал журнал из руки в руку и жестом, исполненным уважения к личности ученика, указывал на проход.

Ученик мнется, его растерянная физиономия выражает желание как-нибудь понезаметней проскользнуть в дверь после учителя. Зато лицо Харлампия Диогеновича выражает радостное гостеприимство, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Он дает знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него, Харлампия Диогеновича, что его никто не ожидал, и раз уж он пришел, никто не посмеет его упрекнуть в этом маленьком опоздании, тем более он, скромный учитель, который, конечно же, пройдет в класс после такого замечательного ученика и сам закроет за ним дверь в знак того, что дорогого гостя не скоро отпустят.

Все это длится несколько секунд, и в конце концов ученик, неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идет на свое место.

Харламий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное, например:

— Принц Уэльский.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой принц Уэльский, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться. Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой за оленями. И если уж ему надоест охотиться за своими оленями и он захочет посетить какую-нибудь школу, то его обязательно поведут в первую школу, что возле электростанции. Потому что она образцовая. В крайнем случае, если б ему вздумалось прийти именно к нам, нас бы давно предупредили и подготовили класс к его приходу.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть принцем, тем более каким-то Уэльским.

Но вот Харламий Диогенович садится на место. Класс мгновенно смолкает. Начинается урок.

Большоголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал

после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет. Он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал четки с бусами, желтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать ее. Так что списывали мы только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвется от своих четок или книги и говорит:

— Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встает и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

— Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

— Авдеенко думает, что он лебедь,— поясняет Харлампий Диогенович.— Черный лебедь,— добавляет он через мгновение, намекая на загорелое угрюмое лицо Авдеенко.— Сахаров, можете продолжать,— говорит Харлампий Диогенович.

Сахаров садится.

— И вы тоже,— обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки.— Если, конечно, не сломаете шею... черный лебедь! — твердо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Авдеенко найдет в себе силы работать самостоятельно.

Шурик Авдеенко сидит, яростно наклонившись над тетрадью, показывая мощные усилия ума и воли, брошенные на решение задачи.

Главное оружие Харлампия Диогеновича — это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, — не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие согласились

бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеется. Все смеются против одного. Если над тобой смеется один человек, то можешь еще как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харламий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи.

В тот день я не решил задачу, заданную на дом. Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время. Надо было узнать, сколько километров пролетел бы он, если бы летел с другой скоростью и чуть ли не в другом направлении.

Как будто один и тот же снаряд может лететь с разной скоростью! В общем, задача была какая-то запутанная и глупая. У меня решение никак не сходило с ответом.

Поэтому на следующий день я пришел в школу за час до занятий. Мы учились во вторую смену. Самые заядлые футболисты были уже на месте. Я спросил у одного из них насчет задачи, оказалось, что и он ее не решил. Совесть моя окончательно успокоилась.

Мы разделились на две команды и играли до самого звонка.

И вот входим в класс. Еле отдышавшись, на всякий случай спрашиваю у отличника Сахарова:

— Ну, как задача?

— Ничего,— говорит он,— решил.

При этом он коротко и значительно кивнул головой в том смысле, что трудности были, но мы их одолели.

— Как так решил? Ведь ответ неправильный?

— Правильный,— кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном, добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие.

Я еще хотел посомневаться, но он отвернулся, отняв у меня последнее утешение падающих — хвататься руками за воздух.

Оказывается, в это время в дверях появился Харламий Диогенович, но я его не заметил и продолжал жестикулировать, хотя он

стоял почти рядом со мной. Наконец я догадался, в чем дело, испуганно захлопнул задачник и замер.

Харламий Диогенович прошел на место.

Я испугался и ругал себя за то, что сначала согласился с футболистом, что задача неправильная, а потом не согласился с отличником, что она правильная. А теперь Харламий Диогенович, наверное, заметил мое волнение и первым меня вызовет.

Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его Адольф Комаров. Теперь он себя называл Аликом и даже на тетради писал «Алик», потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили Гитлером. Все равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом.

Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по-моему, из этого ничего не получилось. Каждый остался таким, каким был.

Сейчас я заметил, что даже он решил задачу. Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрятный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался еще тише. У него была такая дурацкая привычка — держать руки на промокашке, от которой я его никак не мог отучить.

— Гитлер капут,— шепнул я в его сторону.

Он, конечно, ничего не ответил, но хоть руки убрал с промокашки, и то стало легче.

Между тем Харламий Диогенович поздоровался с классом и уселся на стул. Он слегка задернул рукава пиджака, медленно протер нос и рот носовым платком, почему-то посмотрел после этого в платок и сунул его в карман. Потом он снял часы и начал листать журнал. Казалось, приготовления палача пошли быстрее.

Но вот он отметил отсутствующих и стал оглядывать класс, выбирая жертву. Я затаил дыхание.

— Кто дежурный? — вдруг спросил он.

Я вздохнул, благодарный ему за передышку.

Дежурного не оказалось, и Харламий Диогенович заставил самого старосту стирать с доски. Пока тот стирал, Харламий Диогенович внушал ему, что должен делать староста, когда нет дежурного. Я надеялся, что он расскажет по этому поводу какую-нибудь притчу из школьной жизни, или басню Эзопа, или что-нибудь из греческой мифологии. Но он ничего не стал рассказывать, потому что скрип сухой тряпки о доску был неприятен и он

ждал, чтобы староста скорей кончил свое нудное протириание. Наконец староста сел.

Класс замер. Но в это мгновение раскрылась дверь, и в дверях появилась докторша с медсестрой.

— Извините, это пятый «А»? — спросила доктор.

— Нет,— сказал Харламбий Диогенович с вежливой враждебностью, чувствуя, что какое-то санитарное мероприятие может сорвать ему урок. Хотя наш класс был почти пятый «А», потому что он был пятый «Б», он так решительно сказал «нет», как будто между нами ничего общего не было и не могло быть.

— Извините,— сказала докторша еще раз и, почему-то помешкав, закрыла дверь.

Я знал, что они собираются делать уколы против тифа. В некоторых классах уже делали. Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома.

Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это самые противные из всех существующих уколов. И вот внезапная надежда, своим белоснежным халатом озарившая наш класс, исчезла. Я этого не мог так оставить.

— Можно, я им покажу, где пятый «А»? — сказал я, обнаглев от страха.

Два обстоятельства в какой-то мере оправдывали мою дерзость. Я сидел против двери, и меня часто посылали в учительскую за мелом или еще за чем-нибудь. А потом, пятый «А» был в одном из флигелей при школьном дворе, и докторша в самом деле могла запутаться, потому что она у нас бывала редко, постоянно она работала в первой школе.

— Покажите,— сказал Харламбий Диогенович и слегка приподнял брови.

Стараясь сдерживаться и не выдавать своей радости, я выскочил из класса.

Я догнал докторшу и медсестру еще в коридоре нашего этажа и пошел с ними.

— Я покажу вам, где пятый «А»,— сказал я.

Докторша улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты.

— А нам что, не будете делать? — спросил я.

— Вам на следующем уроке,— сказала докторша, все так же улыбаясь.

— А мы уходим в музей на следующий урок,— сказал я несколько неожиданно даже для себя.

Вообще-то у нас шли разговоры о том, чтобы организованно пойти в краеведческий музей и осмотреть там следы стоянки первобытного человека, но учительница истории все время откладывала наш поход, потому что директор боялся, что мы не сумеем пойти туда организованно.

Дело в том, что в прошлом году один пацан из нашей школы стащил оттуда кинжал абхазского феодала, чтобы сбежать с ним на фронт. По этому поводу был большой шум, и директор решил, что все получилось так потому, что класс пошел в музей не в шеренгу по два, а гурьбой.

На самом деле этот пацан все заранее рассчитал. Он не сразу взял кинжал, а сначала сунул его в солому, которой была покрыта Хижина Дореволюционного Бедняка. А потом через несколько месяцев, когда все успокоилось, он пришел туда в пальто с прорезанной подкладкой и окончательно унес кинжал.

— А мы вас не пустим,— сказала докторша шутливо.

— Что вы,— сказал я, начиная волноваться,— мы собираемся во дворе и организованно пойдем в музей.

— Значит, организованно?

— Да, организованно,— повторил я серьезно, боясь, что она, как и директор, не поверит в нашу способность организованно сходить в музей.

— А что, Галочка, пойдем в пятый «Б», а то и в самом деле уйдут,— сказала доктор и остановилась.

Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.

— Но ведь нам сказали сначала в пятый «А»,— заупрямилась эта Галочка и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую.

Я даже не посмотрел в ее сторону, показывая, что никто и не думает считать ее взрослой.

— Какая разница,— сказала докторша и решительно повернулась.

— Мальчику не терпится испытать мужество, да?

— Я малярик,— сказал я, отстраняя личную заинтересованность,— мне уколы делали тыщу раз.

— Ну, малярик, веди нас,— сказала докторша.

Убедившись, что они не передумают, я побежал вперед, чтобы устранить связь между собой и их приходом.

Когда я вошел в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко, и хотя решение задачи в трех действиях было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог. Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не может припомнить своей мысли.

«Не бойся, Шурик,— думал я,— ты ничего не знаешь, а я тебя уже спас». Хотелось быть ласковым и добрым.

— Молодец, Алик,— сказал я тихо Комарову,— такую трудную задачу решил.

Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато еще реже хвалили. Кончики ушей у него благодарно порозовели. Он опять наклонился над своей тетрадью и аккуратно положил руки на промокашку. Такая уж у него была привычка.

Но вот распахнулась дверь, и докторша вместе с этой Галочкой вошли в класс. Докторша сказала, что так, мол, и так, надо ребятам делать уколы.

— Если это необходимо именно сейчас,— сказал Харламий Диогенович, мельком взглянув на меня,— я не могу возражать. Авдеенко, на место,— кивнул он Шурику.

Шурик положил мел и пошел на место, продолжая делать вид, что вспоминает решение задачи.

Класс заволновался, но Харламий Диогенович приподнял брови, и все притихли. Он положил в карман свой блокнотик, закрыл журнал и уступил место докторше. Сам он присел рядом за парту. Он казался грустным и немного обиженным.

Доктор и девчонка раскрыли свои чемоданчики и стали раскладывать на столе баночки, бутылочки и враждебно сверкающие инструменты.

— Ну, кто из вас самый смелый? — сказала докторша, хищно высосав лекарство иглой и теперь держа эту иглу острием кверху, чтобы лекарство не вылилось.

Она это сказала весело, но никто не улыбнулся, все смотрели на иглу.

— Будем вызывать по списку,— сказал Харламий Диогенович,— потому что здесь сплошные герои.

Он раскрыл журнал.

— Авдеенко,— сказал Харламий Диогенович и поднял голову.

Класс нервно засмеялся. Докторша тоже улыбнулась, хотя и не понимала, почему мы смеемся.

Авдеенко подошел к столу, длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше: получить двойку или идти первым на укол.

Он поднял рубаху и теперь стоял спиной к докторше, все такой же нескладный и не решивший, что лучше. И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя теперь весь класс ему завидовал.

Алик Комаров все больше и больше бледнел. Подходила его очередь. И хотя он продолжал держать свои руки на промокашке, видно, это ему не помогало.

Я старался как-нибудь его расхрабрить, но ничего не получалось. С каждой минутой он делался все строже и бледней. Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.

— Отвернись и не смотри,— говорил я ему.

— Я не могу отвернуться,— отвечал он затравленным шепотом.

— Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство,— подготавливал я его.

— Я худой,— шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами,— мне будет очень больно.

— Ничего,— отвечал я,— лишь бы в кость не попала иголка.

— У меня одни кости,— отчаянно шептал он,— обязательно попадут.

— А ты расслабься,— говорил я ему, похлопывая его по спине,— тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твердая, как доска.

— Я и так слабый,— отвечал он, ничего не понимая,— я малокровный.

— Худые не бывают малокровными,— строго возразил я ему.— Малокровными бывают малярики, потому что малярия сосет кровь.

У меня была хроническая малярия, и сколько доктора ни лечили, ничего не могли поделать с ней. Я немного гордился своей неизлечимой малярией.

К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов. Я думаю, он даже не соображал, куда идет и зачем.

Теперь он стоял спиной к докторше, бледный, с остекленевшими глазами, и когда ему сделали укол, он внезапно побелел,

как смерть, хотя, казалось, дальше бледнеть некуда. Он так побледнел, что на лице его выступили веснушки, как будто откуда-то выпрыгнули. Раньше никто и не думал, что он веснушчатый. На всякий случай я решил запомнить, что у него есть скрытые веснушки. Это могло пригодиться, хотя я и не знал пока, для чего.

После укола он чуть не свалился, но докторша его удержала и посадила на стул. Глаза у него закатились, мы все испугались, что он умирает.

— Скорую помощь! — закричал я. — Побегу позвоню!

Харламий Диогенович гневно посмотрел на меня, а докторша ловко подсунула ему под нос флакончик. Конечно, не Харлампью Диогеновичу, а Алику.

Он сначала не открывал глаза, а потом вдруг вскочил и деловито пошел на свое место, как будто не он только что умирал.

— ...Даже не почувствовал, — сказал я, когда мне сделали укол, хотя прекрасно все почувствовал.

— Молодец малярик, — сказала докторша.

Помощница ее быстро и небрежно протерла мне спину после укола. Видно было, что она все еще злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А».

— Еще потрите, — сказал я, — надо, чтобы лекарство разошлось.

Она с ненавистью дотерла мне спину. Холодное прикосновение проспиртованной ваты было приятно, а то, что она злится на меня и все-таки вынуждена протирать мне спину, было еще приятней.

Наконец все кончилось. Докторша со своей Галочкой собрали чемоданчики и ушли. После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный — лекарства. Ученики сидели, поеживаясь, осторожно пробуя лопатками место укола и переговариваясь на правах пострадавших.

— Откройте окно, — сказал Харламий Диогенович, занимая свое место. Он хотел, чтобы с запахом лекарства из класса вышел дух больничной свободы.

Он вынул четки и задумчиво перебирал желтые бусины. До конца урока оставалось немного времени. В такие промежутки он обычно рассказывал нам что-нибудь поучительное и древнегреческое.

— Как известно из древнегреческой мифологии, Геракл совершил двенадцать подвигов, — сказал он и остановился. Щелк,

шелк,— перебрал он две бусины справа налево.— Один молодой человек хотел исправить греческую мифологию,— добавил он и опять остановился. Шелк, шелк!

«Смотри чего захотел!» — подумал я про этого молодого человека, понимая, что греческую мифологию исправлять никому не разрешается. Какую-нибудь другую завалящую мифологию, может быть, и можно подправить, но только не греческую, потому что там уже давно все исправлено и никаких ошибок быть не может.

— Он хотел совершить тринадцатый подвиг Геракла,— продолжал Харламий Диогенович,— и это ему отчасти удалось.

Мы сразу по его голосу поняли, до чего это был фальшивый и никудышный подвиг, потому что, если бы Гераклу понадобилось совершить тринадцать подвигов, он бы сам их совершил, а раз он остановился на двенадцати, значит, так оно и надо было и нечего было лезть со своими поправками.

— Геракл совершил свои подвиги, как храбрец. А этот молодой человек совершил свой подвиг из трусости...— Харламий Диогенович задумался и прибавил: — Мы сейчас узнаем, во имя чего он совершил свой подвиг...

Шелк! На этот раз только одна бусина упала с правой стороны на левую. Он ее резко подтолкнул пальцем. Она как-то нехорошо упала. Лучше бы упали две, как раньше, чем одна такая.

Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью. Как будто не бусина шелкнула, а захлопнулся маленький капканчик в руках Харламия Диогеновича.

— ...Мне кажется, я догадываюсь,— проговорил он и посмотрел на меня.

Я почувствовал, как от его взгляда сердце мое с размаху вцепилось в спину.

— Прошу вас,— сказал он и жестом пригласил меня к доске.

— Меня? — переспросил я, чувствуя, что голос мой подымается прямо из живота.

— Да, именно вас, бесстрашный малярик,— сказал он.

Я поплелся к доске.

— Расскажите, как вы решили задачу,— спросил он спокойно, и — шелк, шелк! — две бусины перекатились с правой стороны на левую. Я был в его руках.

Класс смотрел на меня и ждал. Он ждал, что я буду проваливаться, и хотел, чтобы я проваливался как можно медленнее и интересней.

Я смотрел краем глаза на доску, пытаюсь по записанным действиям восстановить причину этих действий, но ничего сообразить не мог. Тогда я стал сердито стирать с доски, как будто написанное Шуриком путало меня и мешало сосредоточиться. Я еще надеялся, что вот-вот прозвенит звонок — и казнь придется отменить. Но звонок не звенел, а бесконечно стирать с доски было невозможно. Я положил тряпку, чтобы раньше времени не делаться смешным.

— Мы вас слушаем,— сказал Харламий Диогенович, не глядя на меня.

— Артиллерийский снаряд...— сказал я бодро в ликующей тишине класса и замолк.

— Дальше,— проговорил Харламий Диогенович, вежливо выждав.

— Артиллерийский снаряд,— повторил я упрямо, надеясь по инерции этих правильных слов пробиться к другим таким же правильным словам. Но что-то крепко держало меня на привязи, которая натягивалась, как только я произносил эти слова. Я сосредоточился изо всех сил, пытаюсь представить ход задачи, и еще раз рванулся, чтобы оборвать эту невидимую привязь.— Артиллерийский снаряд...— повторил я, содрогаясь от ужаса и отвращения.

В классе раздалось сдержанные хихиканья. Я почувствовал, что наступил критический момент, и решил ни за что не делаться смешным, лучше просто получить двойку.

— Вы что, проглотили артиллерийский снаряд? — спросил Харламий Диогенович с доброжелательным любопытством.

Он спросил это так просто, как будто справлялся, не проглотил ли я сливовую косточку.

— Да,— быстро сказал я, почувствовав ловушку и решив неожиданным ответом спутать его расчеты.

— Тогда попросите военрука, чтобы он вас разминировал,— сказал Харламий Диогенович, но класс уже и так смеялся.

Смеялся Сахаров, стараясь во время смеха не переставать быть отличником. Смеялся даже Шурик Авдеенко, самый мрачный человек нашего класса, которого я же спас от неминуемой двойки. Смеялся Комаров, который хоть и зовется теперь Аликом, а как был, так и остался Адольфом.

Глядя на него, я подумал, что, если бы у нас в классе не было настоящего рыжего, он сошел бы за него, потому что волосы у него светлые, а веснушки, которые он скрывал так же, как свое настоящее имя, обнаружились во время укола. Но у нас был настоящий рыжий, и рыжеватость Комарова никто не замечал. И еще я подумал, что, если бы мы на днях не содрали с наших дверей табличку с обозначением класса, может быть, докторша к нам не зашла бы и ничего бы не случилось. Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и событиями.

Звонок, как погребальный колокол, продрался сквозь хохот класса. Харламий Диогенович поставил мне отметку в журнал и еще что-то записал в свой блокнотик.

С тех пор я стал серьезней относиться к домашним заданиям и с нерешенными задачами никогда не совался к футболистам. Каждому свое.

Позже я заметил, что почти все люди боятся показаться смешными. Особенно боятся показаться смешными женщины и поэты. Пожалуй, они слишком боятся и поэтому иногда выглядят смешными. Зато никто не может так ловко выставить человека смешным, как хороший поэт или женщина.

Конечно, слишком бояться выглядеть смешным не очень умно, но куда хуже совсем не бояться этого.

Мне кажется, что Древний Рим погиб оттого, что его импера-

торы в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться еще некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили Древний Рим вместе с его императорами и гусями.

Я, понятно, об этом нисколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора. По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда.

Вопросы и задания

1. Каким вы представляете рассказчика?
2. Расскажите о его товарищах. Почему каждый из них надолго запоминается? Обратите внимание на отдельные детали текста.
3. А какое чувство оставил у вас учитель Харламбий Диогенович? Случайно ли автор дает ему такое отчество? Почему герой с благодарностью говорит о нем?
4. Как вы понимаете слова: «Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора»?
5. Как вы думаете, в чем состоит главная идея этого произведения? Постарайтесь в одном-двух предложениях сформулировать вашу мысль.
6. Какой, по-вашему, смысл вкладывал автор в название своего рассказа?
7. Вероятно, вы смеялись, читая, например, такое описание: «Класс смотрел на меня и ждал. Он ждал, что я буду проваливаться, и хотел, чтобы я проваливался как можно медленнее и интересней»? Почему?
8. Выделите другие юмористические эпизоды и подумайте, как писателю удается вызвать смех.

Для самостоятельного чтения

1. Фазиль Искандер — автор многих интересных произведений. Наибольшей популярностью пользуются «Созвездие Козлотура», «Сандро из Чегема», которые вы прочтете, когда будете постарше. А сейчас мы советуем вам прочитать такие его рассказы, как «Первое дело», «Запретный плод», «Рассказ о море», «Мученики сцены», «Вечерняя дорога», «Дедушка».

Для самостоятельной работы

Вспомните смешной случай в вашей жизни. Расскажите о нем так, чтобы слушатели смеялись. Наиболее интересные рассказы запишите и поместите в классной стенгазете или рукописном журнале.

РОДНАЯ ПРИРОДА В СТИХОТВОРЕНИЯХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

Александр
Александрович
БЛОК
1880—1921

Летний вечер

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск
луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

* * *

Вы, бедные, нагие несчастливцы.

*Лир*¹

О, как безумно за окном
Ревет, бушует буря злая,
Несутся тучи, льют дождем,
И ветер воет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишенных
крова,

И сожаленье гонит прочь —
В объятья холода сырого!..
Бороться с мраком и дождем,
Страдальцев участь разделяя...
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

¹ Эпиграфом к стихотворению послужила А. Блоку строка, взятая из трагедии В. Шекспира «Король Лир».

Сергей
Александрович
ЕСЕНИН
1895—1925

* * *

Задремали звезды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные березки,
Растрепали шелковые косы.
Шелестят зеленые сережки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой¹ в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень...

¹ *Венка* — двухрядная гармонь.

Пороша

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.

Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,
А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.

Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

**Анна
Андреевна
АХМАТОВА**
1889—1966

* * *

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И теплый ветер нежен и упруг.
И легкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаешь,
И песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поешь.

**Николай
Михайлович
РУБЦОВ
1936—1971**

Звезда полей

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит под золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней.
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Вопросы и задания

Прочитайте стихотворения, вошедшие в раздел «Родная природа в стихотворениях русских поэтов XX века». Что объединяет их? Найдите и прочитайте другие стихотворения о природе поэтов-классиков и современных поэтов, подготовьте их выразительное чтение к утреннику «Родная природа». Используйте книгу для внеклассного чтения «В мире русской литературы», сборники «Родные поэты: Стихи русских поэтов-классиков», «Родная природа: Сборник стихов русских поэтов». Оформите зал своими рисунками, фотографиями любимых мест. Постарайтесь найти стихи и прозу поэтов-земляков.

VI

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Литература... служит вам проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей — одним словом, делает вас мудрым.

Д. С. Лихачев

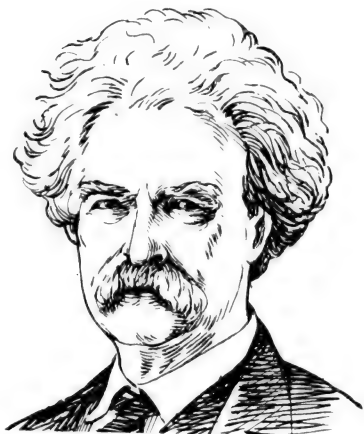
Марк

ТВЕН

1835—1910

Вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется «Гекльберри Финн», лучшей книги, которая у нас есть.

Эрнест Хемингуэй

В маленьком американском городке Ганнибале, на одном из холмов, спускающихся к Миссисипи, стоит скульптурная группа, изображающая двух мальчиков. Оживленно разговаривая, они идут куда-то в широкий мир, полный чудес, неожиданностей и приключений. Их зовут Том Сойер и Гекльберри Финн. Они — герои знаменитых книг Марка Твена.

История знает всего несколько случаев, когда памятники воздвигались литературным персонажам — вымышленным, никогда не жившим людям, рожденным творческой мыслью художника.

Скульптура Кардиффского холма — свидетельство огромной жизненности образов, созданных великим американским писателем. Для многих поколений читателей Том Сойер и Гек Финн —

это живые люди, знакомство с которыми ни для кого не прошло бесследно.

Дружбу с Гekom и Томом читатель обычно начинает в раннем детстве, но и став взрослым, он сохраняет нежность к этим товарищам своих детских лет.

*Из вступления к книге А. С. Ромм
«Марк Твен и его книги о детях».*

Вопросы и задания

1. Рассмотрите на стр. 355 изображение памятника Тому Сойеру и Геку Финну. Как вы думаете, в какой момент они изображены?
2. Какие памятники литературным героям вы еще знаете?
3. Каким, по-вашему, героям литературных произведений надо было бы поставить памятники? И почему?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕКЛЬБЕРРИ ФИННА

Главы из романа

Глава XXXIV

Мы перестали разговаривать и принялись думать. Вдруг Том и говорит:

— Слушай, Гек, какие же мы дураки, что не догадались раньше! Ведь я знаю, где Джим сидит.

— Да что ты? Где?

— В том самом сарайчике, рядом с кучей золы. Сообрази сам. Когда мы обедали, ты разве не видел, как один негр понес туда миски с едой?

— Видел.

— А ты как думал, для кого это?

— Для собаки.

— И я тоже так думал. А это вовсе не для собаки.

— Почему?

— Потому что там был арбуз.

— Верно, был, я заметил. Как же это я не сообразил, что собаки арбуза не едят? Это уж совсем никуда не годится! Вот как бывает: и глядишь, да ничего не видишь.

— Так вот: негр отпер висячий замок, когда вошел туда, и опять его запер, когда вышел. А когда мы вставали из-за стола, он принес дяде ключ — тот самый ключ, наверно. Арбуз — это, значит, человек; ключ — значит, кто-то там заперт; а вряд ли двое сидят под замком на такой маленькой плантации, где народ

такой добрый и хороший. Это Джим и сидит. Ладно, я очень рад, что мы до этого сами додумались, как полагается сыщикам; за всякий другой способ я гроша ломаного не дам. Теперь ты пошевели мозгами, придумай план, как выкрасть Джима, и я тоже придумаю свой план, а там мы выберем, который больше понравится.

Ну и голова была у Тома Сойера, хоть бы и взрослому! По мне, лучше иметь такую голову, чем быть герцогом, или капитаном парохода, или клоуном в цирке, или уж не знаю кем. Я придумал кой-что так только, ради очистки совести: я наперед знал, кто придумает настоящий план. Немного погодя Том сказал:

— Готово у тебя?

— Да,— говорю.

— Ну ладно, выкладывай.

— Вот какой мой план,— говорю.— Джим там сидит или кто другой — узнать не трудно. А завтра ночью мы достанем мой челнок и переправим плот с острова. А там, в первую же темную ночь, вытащим ключ у старика из кармана, когда он ляжет спать, и уплывем вниз по реке вместе с Джимом; днем будем прятаться, а ночью — плыть, как мы с Джимом раньше делали. Годится такой план?

— Годится ли? Почему ж не годится, очень даже годится! Но только уж очень просто, ничего в нем особенного нет. Что это за план, если с ним никакой возни не требуется? Грудной младенец — и тот справится. Не будет ни шума, ни разговоров, все равно что после кражи на мыловаренном заводе.

Я с ним не спорил, потому что ничего другого и не ждал, зато наперед знал, что к своему плану он так придирается не станет.

И верно, не стал. Он рассказал мне, в чем состоит его план, и я сразу понял, что он раз в пятнадцать лучше моего: Джима-то все равно освободим, зато шику будет куда больше, да еще, может, нас и пристрелят, по его-то плану. Мне очень понравилось. «Давай, говорю, так и будем действовать». Какой у него был план, сейчас говорить не стоит: я наперед знал, что будут еще всякие перемены. Я знал, что Том еще двадцать раз будет менять его и так и этак, когда приступим к делу, и вставлять при каждом удобном случае всякие новые штуки. Так оно и вышло.

Одно было верно — Том Сойер не шутя взялся за дело и собирается освобождать негра из рабства. Вот этого я никак не мог понять. Как же так? Мальчик из хорошей семьи, воспитанный, как

будто дорожит своей репутацией, и родные у него тоже вряд ли захотят срамиться; малый с головой, не тупица; учился все-таки, не безграмотный какой-нибудь, и добрый, не назло же он это делает, — и вот нате-ка — забыл и про гордость, и про самолюбие, лезет в это дело, унижается, срамит и себя и родных на всю Америку! Никак я этого не мог взять в толк. Просто стыдно. И я знал, что надо взять да и сказать все ему напрямик, а то какой же я ему друг! Пускай сейчас же все это бросит, пока еще не поздно. Я так и хотел ему сказать, начал было, а он оборвал меня и говорит:

— Ты что же — думаешь, я не знаю, чего хочу? Когда это со мной бывало?

— Никогда.

— Разве я не говорил, что помогу тебе украсть этого негра?

— Говорил.

— Ну и ладно.

Больше и он ничего не говорил, и я ничего не говорил. Да и смысла никакого не было разговаривать: уж если он что решил, так поставит на своем. Я только не мог понять, какая ему охота соваться в это дело, но не стал с ним спорить, даже и не поминал про это больше. Сам лезет на рожон, так что ж я тут могу поделывать!

Когда мы вернулись, во всем доме было темно и тихо, и мы прошли в конец двора — обследовать хибарку рядом с кучей золы. Мы обошли весь двор кругом, чтобы посмотреть, как будут вести себя собаки. Они нас узнали и лаяли не больше, чем обыкновенно лают деревенские собаки, заслышав ночью прохожего. Добравшись до хибарки, мы осмотрели ее спереди и с боков — и с того боку, которого я еще не видел, на северной стороне, нашли квадратное окошечко, довольно высоко от земли, забитое одной крепкой доской.

Я сказал:

— Вот и хорошо! Дыра довольно большая, Джим в нее пролезет, надо только оторвать доску.

Том говорит:

— Ну, это так же просто, как дважды два четыре, и так же легко, как не учить уроков. По-моему, мы могли бы придумать способ хоть немножко посложней, Гек Финн.

— Ну ладно, — говорю. — А если выпилить кусок стены, как я сделал в тот раз, когда меня убили?

— Это еще на что-нибудь похоже, — говорит он, — это и таинственно, и возни много, и вообще хорошо, только все-таки

можно придумать еще что-нибудь, чтобы подольше повозиться. Спешить нам некуда, так давай еще посмотрим.

Между сарайчиком и забором, с задней стороны, стояла пристройка, в вышину доходившая до крыши и сбитая из досок. Она была такой же длины, как и сарайчик, только уже — шириной футов в шесть. Дверь была с южной стороны и заперта на висячий замок. Том пошел к котлу для варки мыла, искал там и принес железную штуку, которой поднимают крышку котла; он взял ее и выломал один пробой у двери. Цепь упала, мы отворили дверь, вошли, зажгли спичку и видим, что это только пристройка к сарайчику, а сообщения между ними нет; и пола в сарае тоже нет, и вообще ничего в нем нет, кроме ржавых, никому не нужных мотыг и лопат да сломанного плуга. Спичка погасла, и мы ушли, воткнув пробой на старое место, и с виду дверь была опять как следует заперта. Том обрадовался и говорит:

— Ну, теперь все хорошо! Мы для него устроим подкоп. Это у нас займет целую неделю.

После этого мы вернулись домой; я вошел в дом с черного хода — они там дверей не запирали, надо было только потянуть за кожаный ремешок; но для Тома Сойера это было неподходяще: таинственности мало, ему непременно надо было влезать по громоотводу.

Раза три он долезал до половины и каждый раз срывался и напоследок чуть не разбил себе голову. Он уж думал, что придется это дело бросить, а потом отдохнул, решил попробовать еще раз наудачу — и все-таки влез.

Утром мы поднялись чуть свет и пошли к негритянским хижинам, чтобы приучить к себе собак и познакомиться поближе с тем негром, который кормил Джима, — если это действительно Джиму носили еду. Негры как раз позавтракали и собирались в поле, а Джимов негр накладывал в миску хлеба, мяса и всякой еды, и в то время, как остальные уходили, из большого дома ему прислали ключ.

У этого негра было добродушное, глуповатое лицо, а волосы он перевязывал нитками в пучки, для того чтобы отвадить ведьм. Он рассказывал, что ведьмы ужасно донимают его по ночам; ему мерещатся всякие чудеса, слышатся всякие слова и звуки, и никогда в жизни с ним еще не бывало, чтобы надолго привязалась такая нечисть.

Он разговорился про свои несчастья и до того увлекся, что совсем позабыл про дело. Том и спрашивает:

— А ты кому несешь еду? Собак кормить собираешься?

Негр заулыбался, так что улыбка расплылась у него по всему лицу, вроде как бывает, когда запустишь кирпичом в лужу, и говорит:

— Да, мистер Сид, собаку. И занятная же собачка! Не хотите ли поглядеть?

— Хочу.

Я толкнул Тома и шепчу ему:

— Что ж ты, так и пойдешь к нему днем? Ведь по плану не полагается.

— Тогда не полагалось, а теперь полагается.

Мы пошли — провалиться бы ему! — только мне это очень не понравилось. Входим туда и почти что ничего не видим — такая темнота; зато Джим и вправду там сидел; он-то нас разглядел и обрадовался:

— Да ведь это Гек! Господи помилуй, никак и мистер Том здесь?

Я наперед знал, что так будет, только этого и ждал. Как теперь быть, я понятия не имел, а если б и знал, так ничего не мог бы поделаться, потому что этот самый негр вмешался тут и говорит:

— Боже ты мой, да никак он вас знает?

Теперь мы пригляделись и все хорошо видели. Том посмотрел на негра пристально и как будто с удивлением и спрашивает:

— Кто нас знает?

— Да вот этот самый беглый негр.

— Не думаю, чтобы знал; а с чего это тебе пришло в голову?

— С чего пришло? Да ведь он сию минуту крикнул, что он вас знает.

Том говорит как будто с недоумением:

— Ну, это что-то очень странно... Кто кричал? Когда кричал? Что же он кричал? — Потом повертывается ко мне и преспокойно спрашивает:— Ты слыхал что-нибудь?

Разумеется, на это можно было ответить только одно, и я сказал:

— Нет, я ничего ровно не слыхал, никто ничего не говорил.

Тогда Том обращается к Джиму, глядит на него так, будто первый раз в жизни его видит, и спрашивает:

— Ты что-нибудь говорил?

— Нет, сэр,— отвечает Джим,— я ничего не говорил, сэр.

— Ни единого слова?

— Нет, сэр, ни слова не говорил.

— А ты нас раньше видел?

— Нет, сэр, сколько припомню, не видал.

Том повертывается к негру, — а тот даже оторопел и глаза вытаращил, — и говорит строгим голосом:

— Что это с тобой творится такое? С чего тебе вздумалось, будто он кричал?

— Ох, сэр, это все проклятые ведьмы, мне хоть помереть в ту же пору! Это все они, сэр, они меня в гроб уложат, всегда напугают до смерти! Не говорите про это никому, сэр, а то старый мистер Сайлас будет ругаться; он говорит, что никаких ведьм нету. Жалко, ей-богу, что его тут не было, — любопытно, что бы он сейчас сказал! Небось на этот раз не отвертелся бы! Да что уж, вот так и всегда бывает: кто повадился пить, тому не протрезвиться; сами ничего не увидят и толком разобраться не могут, а ты увидишь да скажешь им, так они еще и не верят.

Том дал ему десять центов и пообещал, что мы никому не скажем; велел ему купить еще ниток, чтобы перевязывать себе волосы, а потом поглядел на Джима и говорит:

— Интересно, повесит дядя Сайлас этого негра или нет? Если бы я поймал такого неблагодарного негра, который посмел убежать, так уж я бы его не отпустил, я бы его повесил!

А пока негр подходил к двери, разглядывал монету и пробовал на зуб, не фальшивая ли, Том шепнул Джиму:

— И виду не подавай, что ты нас знаешь. А если ночью услышишь, что копают, так это мы с Геком: мы хотим тебя освободить.

Джим только-только успел схватить нас за руки и пожать их, а тут и негр вернулся. Мы сказали, что и еще придем, если он нас возьмет с собой; а негр сказал: отчего же не взять, особенно в темные вечера, — ведьмы больше в темноте к нему привязываются, так это даже и лучше, чтобы побольше было народу.

Глава XXXV

До завтрака оставалось, должно быть, не меньше часа, и мы пошли в лес. Том сказал, что копать надо при свете, а от фонаря свет уж очень яркий, как бы с ним не попасться; лучше набрать побольше гнилушек, которые светятся, положить их где-нибудь в темном месте, они и будут светиться понемножку.

Мы притащили целую охапку сухих гнилушек, спрятали в бурьяне, а сами сели отдохнуть. Том недовольно проворчал:

— А ей-богу, все это до того легко и просто, что даже противно делается! Потому и трудно придумать какой-нибудь план поинтересней. Даже сторожа нет, некого поить дурманом,— а ведь сторож обязательно должен быть! Даже собаки нет, чтобы дать ей сонного зелья. Цепь у Джима длиной в десять футов, только на одной ноге, и надета на ножку кровати; всего и дела, что приподнять эту ножку да снять цепь. А дядя Сайлас всякому верит: отдал ключ какому-то безмозглому негру, и никто за этим негром не следит. Джим и раньше мог бы вылезти в окошко, только с десятифутовой цепью далеко не уйдешь. Просто досадно, Гек, ведь глупее ничего быть не может! Самому приходится выдумывать всякие трудности. Что ж, ничего не поделаешь! Придется как-нибудь изворачиваться с тем, что есть под руками. Во всяком случае, один плюс тут есть: для нас больше чести выручать его из разных затруднений и опасностей, когда никто этих опасностей для нас не приготовил и мы сами должны все придумывать из головы, хоть это вовсе не наша обязанность. Взять хотя бы фонарь. Если говорить прямо, приходится делать вид, будто с фонарем опасно. Да тут хоть целую процессию с факелами устраивай, никто не почешется, я думаю. Кстати, вот что мне пришло в голову: первым делом надо разыскать что-нибудь такое, из чего можно сделать пилу.

— А для чего нам пила?

— Как для чего нам пила? Ведь нужно отпилить ножку кровати, чтобы снять с нее цепь!

— Да ведь ты сам сказал, что цепь и так снимается, надо только приподнять ножку.

— Вот это на тебя похоже, Гек Финн! Непременно выберешь самый что ни на есть детский способ. Что же ты, неужели и книг никаких не читал? Ни о бароне Трэнке, ни о Казанове, ни о Бенвенуто Челлини? А Генрих Наваррский? Да мало ли еще знаменитостей! Где же слыхано, чтобы заключенных освобождали таким простецким способом? Нет, все авторитеты говорят в один голос, что надо ножку перепилить надвое и так оставить, а опилки проглотить, чтоб никто не заметил, а ножку замазать грязью и салом, чтобы даже самый зоркий тюремщик не мог разглядеть, где пилили, и думал, что ножка совсем целая. Потом, в ту ночь, когда ты совсем подготовишься к побегу, пнешь ее ногой — она и отлетит; снимешь цепь — вот и все. Больше и делать почти нечего: закинешь веревочную лестницу на зубчатую стену, со-

скользнешь в ров, сломаешь себе ногу, потому что лестница коротка — целых девятнадцати футов не хватает, — а там уж тебя ждут лошади, и верные слуги хватают тебя, кладут поперек седла и везут в твой родной Лангедок, или в Наварру, или еще куда-нибудь. Вот это я понимаю, Гек! Хорошо, если б около этой хибарки был ров! Если будет время, так в ночь побега мы его выкопаем.

Я говорю:

— А на что нам ров, когда мы Джима выкрадем через подкоп?

А он даже и не слушает. Забыл и про меня, и про все на свете, схватился рукой за подбородок и думает; потом вздохнул, покачал головой, опять вздохнул и говорит:

— Нет, это ни к чему, никакой надобности нет.

— Это ты про что? — спрашиваю.

— Да отпиливать Джиму ногу.

— Господи помилуй! — говорю. — Ну конечно, какая же в этом надобность? А для чего все-таки тебе вздумалось отпиливать ему ногу?

— Многие авторитеты так делали. Они не могли снять цепь — отрубали себе руку и тогда бежали. А ногу было бы еще лучше. Но придется обойтись без этого. Особой необходимости у нас нет, а кроме того, Джим — негр и не поймет, для чего это нужно; ему ведь не растолкуешь, что в Европе так принято... Нет, придется это бросить! Ну а веревочную лестницу — это можно: мы разорвем свои простыни и в два счета сделаем Джиму веревочную лестницу. А переслать ее можно будет в пироге, — уж это всегда так делают. И похуже бывают пироги, да приходится есть.

— Что ты это плетешь, Том Сойер? — говорю я. — Не нужно Джиму никаких веревочных лестниц.

— Нет, нужно. Ты лучше скажи, что сам плетешь неизвестно что, и ведь ничего в этом деле не смыслишь! Веревочная лестница ему нужна, у всех она бывает.

— А что он с ней будет делать?

— Что делать будет? Спрячет ее в тюфяк — не сумеет, что ли? Все так делают, значит, и ему надо. Гек, ты, кажется, ничего не хочешь делать по правилам — каждый раз что-нибудь новенькое да придумаешь. Если даже эта лестница ему не пригодится, ведь она же останется у него в тюфяке после побега? Ведь это улика? Ты думаешь, улики не понадобятся? Еще как! А ты хочешь, чтобы совсем улик не осталось? Вот это было бы хорошенькое дельце, нечего сказать! Я такого никогда в жизни не слыхал.

— Ну,— говорю,— если уж так полагается по правилам, чтоб у него была лестница,— ладно, пускай будет, я вовсе не хочу идти против правил. Однако, Том Сойер, только если мы порвем простыни, чтобы сделать Джиму лестницу, у нас будут неприятности с тетей Салли, это уж как пить дать. А я так думаю: лестница из ореховой коры ничего не стоит, добро на нее изводить не нужно, а в пирог ее можно запечь не хуже, чем тряпичную, и в тюфяк спрятать тоже. А Джим не очень в этих делах разбирается, ему все равно, какую ни...

— Ну и чушь ты несешь, Гек Финн! Если б я не смыслил ничего, так помалкивал бы! Где это слыхано, чтобы государственный преступник бежал по лестнице из ореховой коры? Да это курам на смех!

— Ну ладно, Том, делай как знаешь; только все-таки, если хочешь послушать моего совета, лучше позаимствовать простыню с веревки.

Он сказал, что это можно. Тут у него явилась еще одна мысль, и он сказал:

— Позаимствуй кстати и рубашку.

— А для чего нам рубашка, Том?

— Для Джима — вести дневник.

— Какой еще дневник? Джим и писать-то не умеет!

— Ну, положим, что не умеет, но ведь он сможет ставить какие-нибудь значки, если мы сделаем ему перо из оловянной ложки или старого обруча с бочки?

— Да что ты, Том! Можно выдернуть перо у гуся — и лучше, и гораздо скорей.

— У узников гуся по камере не бегают, чтобы можно было перья дергать, эх ты, голова! Они всегда делают перья из чего-нибудь самого твердого и неподходящего, вроде обломка медного подсвечника, да мало ли что подвернется под руку! И на это у них уходит много времени — недели, а то и месяцы, потому что перо они оттачивают об стенку. Гусиным пером они и писать ни за что не станут, хоть бы оно и оказалось под рукой. Это не принято.

— Ну ладно, а из чего же мы ему сделаем чернила?

— Многие делают из ржавчины со слезами; только это кто попроще и женщины, а знаменитости пишут своей кровью. И Джим тоже может; а когда ему понадобится известить весь мир, что он заключен, послать самое простое таинственное

сообщение, так он может нацарапать его вилкой на жестяной тарелке и выбросить в окно. Железная Маска всегда так делал, и это тоже очень хороший способ.

— У Джима нет жестяных тарелок. Его кормят из миски.

— Это ничего, мы ему достанем.

— Все равно никто не разберет.

— Это вовсе не важно, Гек Финн. Его дело — написать и выбросить тарелку в окно. А читать ее тебе незачем. Все равно половину разобрать нельзя, что они там пишут на тарелках или еще на чем.

— Тогда какой же смысл тарелки портить?

— Вот еще! Ведь это же не его тарелки!

— Все равно чьи-нибудь, ведь верно?

— Ну так что ж? Узнику-то какое дело, чьи они...

Он не договорил — мы услышали рожок, который звал к завтраку, и пошли домой.

За это утро мне удалось позаимствовать с веревки простыню и белую рубашку; я разыскал еще старый мешок и положил их туда, а потом мы взяли гнилушки и тоже туда сунули. Я называю это «заимствовать», потому что мой родитель всегда так говорил, но Том сказал, что это не заем, а кража. Он сказал, что мы помогаем узнику, а ему все равно, как добыть вещь, лишь бы добыть, и никто его за это не осудит. Вовсе не преступление, если узник украдет вещь, которая нужна ему для побега, это его право; и для узника мы имеем полное право красть в этом доме все, что нам только понадобится для его освобождения из тюрьмы<...>

Так вот, я уже говорил, что в это утро мы подождали, пока все разойдутся по своим делам и во дворе никого не будет видно, и только после этого Том отнес мешок в пристройку, а я стоял во дворе — сторожил. Он скоро вышел оттуда, и мы с ним пошли и сели на бревна — поговорить. Он сказал:

— Теперь все готово, кроме инструмента; ну а это легко достать.

— Кроме инструмента?

— Ну да.

— Это для чего же инструмент?

— Как для чего? Чтобы копать. Ведь не зубами же мы землю выгрызать будем?

— А эти старые мотыги и лопаты, что в пристройке, не годятся разве? — спрашиваю.

Он оборачивается ко мне, глядит с таким сожалением, что просто плакать хочется, и говорит:

— Гек Финн, где это ты слышал, чтоб у узников были мотыги и лопаты и всякие новейшие приспособления, для того чтобы вести подкоп? Я тебя спрашиваю, если ты хоть что-нибудь соображаешь: как же он прославится? Уж тогда чего проще — дать ему ключ, и дело с концом. Мотыги, лопаты! Еще чего! Да их и королям не дают.

— Ну ладно,— говорю,— если нам мотыги и лопаты не подходят, тогда что же нам нужно?

— Ножи, как у мясников.

— Это чтобы вести подкоп под хибарку?

— Ну да!

— Да ну тебя, Том Соьер, это просто глупо.

— Все равно, глупо или не глупо, а так полагается — самый правильный способ. И никакого другого способа нет; сколько я ни читал в книжках про это, мне не приходилось слышать, чтобы делали по-другому. Всегда копают ножом, да не землю, заметь себе,— всегда у них там твердая скала. И сколько времени на это уходит, неделя за неделей... а они все копают, копают! Да вот, например, один узник в замке Иф в Марсельской гавани¹, рылся-рылся и вышел на волю таким способом. И как ты думаешь, сколько времени он копал?

— Я почем знаю!

— Нет, ты отгадай!

— Ну, не знаю. Месяца полтора?

— Тридцать семь лет! И вышел из-под земли в Китае. Вот как бывает! Жалко, что у нас тут тюрьма стоит не на скале!

— У Джима в Китае никого и знакомых нет.

— А при чем тут знакомые? У того узника тоже не было знакомых. Всегда ты собьешься с толку. Держался бы ближе к делу!

— Ну ладно, мне все равно, где бы он ни вылез, лишь бы выйти на волю; и Джиму тоже, я думаю, все равно. Только вот что: не такой Джим молодой, чтобы его ножом откапывать. Он помрет до тех пор.

— Нет, не помрет. Неужели ты думаешь, что нам понадобится тридцать семь лет? Ведь копать-то мы будем мягкую землю!

¹ Узник в замке Иф — граф Монте-Кристо, герой одноименного романа А. Дюма.

Памятник Тому Соейру и Гекльберри Финну в г. Ганнибале (США).
Скульптор Б. Хэббард.

— А сколько понадобится, Том?

— Ну, нам ведь нельзя копать столько, сколько полагается, а то как бы дяде Сайласу не написали оттуда, из-под Нового Орлеана. Как бы он не узнал, что Джим вовсе не оттуда. Тогда он тоже что-нибудь напишет — может, объявление про Джима, я почем знаю... Значит, мы не можем рисковать — возиться с подкопом столько, сколько полагается. По правилам надо бы, я думаю, копать два года; но нам этого никак нельзя. Неизвестно, что дальше будет, а потому я советую сделать так: копать по-настоящему, как можно скорей, а потом взять да и вообразить,

будто мы копали тридцать семь лет. Тогда можно будет в два счета выкрасть и увезти, как только поднимется тревога. Да, я думаю, что это будет самое лучшее.

— Ну, тут еще есть какой-то смысл,— говорю.— Вообразить нам ничего не стоит, и хлопот с этим никаких; если надо, так я могу вообразить, что мы долтораста лет копали. Это мне нетрудно, стоит только привыкнуть. Так я сейчас сбегая достану где-нибудь два ножа.

— Доставай три,— говорит он,— из одного мы сделаем пилу.

— Том, если такое предложение не против правил и не против религии,— говорю я,— так вон там, под навесом позади коптильни, есть ржавая пила.

Он посмотрел на меня вроде как бы с досадой и с огорчением и сказал:

— Тебя ничему путному не научишь, Гек, нечего и стараться! Беги доставай ножи — три штуки!

И я побежал...

Вопросы и задания

1. Почему Гека удивило желание Тома участвовать в спасении негра Джима?
2. Почему Том был заинтересован в этом?
3. Прочитайте всё произведение Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» и ответьте на следующие вопросы:

- 1) Как характеризует Тома участие в «побеге» Джима? Ведь он знал, что Джим уже получил вольную?
- 2) Когда и при каких обстоятельствах герои вспоминают Тома Сойера?
- 3) Какие приключения случались с Гекком и как он вел себя в критических ситуациях?
- 4) Вспомните смешные эпизоды в романе. Перескажите их.
- 5) Какие герои произведения вам несимпатичны? Почему? Нарисуйте (устно) их портреты.

Для внеклассного чтения

Рекомендуем прочитать произведения Марка Твена из той же серии: «Том Сойер за границей», «Том Сойер — сыщик».

Для самостоятельной работы

Расскажите историю освобождения Джима от лица Тома Сойера.

Джек

ЛОНДОН

1876—1916

Насколько человек побеждает
страх, настолько он человек.

*Томас Карлейль*¹

Джек Лондон прожил жизнь бурную, нелегкую и удивительную. Пасынок бедного фермера Джона Лондона, он с детских лет зарабатывал себе на хлеб, меняя одну профессию на другую. Чернорабочий на консервной фабрике, на электростанции, на джутовом заводе. Плавал матросом на шхуне, был «устричным пиратом» в одной из бухт близ Сан-Франциско. Месяцы тяжелой, изнуряющей работы сменялись в жизни юноши месяцами вынужденной безработицы. Он участвовал в знаменитом в свое время походе безработных на Вашингтон. В поисках хлеба скитался по своей стране, по Канаде... В дни «золотой лихорадки», охватившей Америку, был золотоискателем, а потом военным корреспондентом в дни русско-японской войны.

И вся эта нелегкая жизнь снабдила его массой впечатлений, познакомила с героями его будущих произведений, которых он, как бы взяв за руку, смело выводит одного за другим на страницы своих книг, принесших впоследствии автору всемирную славу.

Накопив жизненные наблюдения, ощутив в себе тягу к литературному труду, «паренек из Фриско», как он называет себя в одном из рассказов, решает, именно решает стать интеллигентом², «...продавать не силу своих мышц, а изделие своего мозга». В маленькой комнатухе под крышей он дни и ночи

¹ Томас Карлейль (1795—1881) — известный английский писатель и историк.

² Интеллигент — работник умственного труда.

проводит над книгами, голодает, холодает и, как Горький у нас, вопреки всему упрямо карабкается к вершинам знаний...

И все-таки, думается мне, настоящей школой писателя было его путешествие на Север, на Аляску, куда он, захваченный «золотой лихорадкой», объявшей Америку в конце прошлого века, отправляется на поиски золота и счастья. Там, в тяжелейших условиях, он постиг самую глубинную суть жесточайшей системы свободного предпринимательства, при которой единицы несказанно богатеют, а сотни, тысячи нищают и даже гибнут. Он сам пережил все то, что так хорошо описал в своих рассказах: и ужас одиночества, и беспощадную жестокость борьбы людей за обладание богатством, силу дружбы и коллектива, и благородное трудовое братство коренных жителей американского Севера, загнанных туда наступлением капитализма. В результате его поездки кожаный мешочек, взятый им с собой для золотого песка, был выброшен за ненадобностью. Он был пуст, когда «парень из Фриско», продав последнее из того, что у него было, сел на пароход, идущий обратным рейсом.

Джек Лондон, преодолев все трудности, расплатившись за свое путешествие жестокой цингой, не нашел ни крупинки золота, зато в голове, в памяти своей он увозил то, что было куда дороже желтого металла, за который на его глазах погибло столько людей. Он вез глубокое знание жизни. Он вез целые россыпи человеческих характеров, раскрывавшихся перед ним в этом беспримерном походе за богатством. Он вез удивительные сюжеты, которые подглядел в жизни и увидел в часы бесконечной полярной ночи. Его острая память сохранила встречи, беседы, картины северной природы, случаи торжества и поражений человека в борьбе за жизнь. Но главное, год, проведенный на Севере, укрепил в нем веру в Человека, веру в товарищество, в дружбу, научил его показывать те поразительные высоты, на которые способен подняться человек в борьбе с силами природы и жестокостью социальных условий.

Борис Полевой

Предисловие к книге:

Д ж е к Л о н д о н . Любовь к жизни. Рассказы.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

Прихрамывая, они спускались к речке, и один раз тот, что шел впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи. Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность — след долгих лишений. Плечи им оттягивали тяжелые тюки, схваченные ремнями. Каждый нес ружье. Оба шли сгорбившись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.

— Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, — сказал один.

Голос его звучал вяло, без всякого выражения. Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенившуюся по камням, ничего ему не ответил.

Второй тоже вошел в речку вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная, как лед, — такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода. Местами вода захлестывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору.

Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли. Должно быть, у него закружилась голова, — он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух. Справившись с собой, он шагнул вперед, но снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и поглядел на своего спутника: тот все так же шел вперед, даже не оглядываясь.

Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:

— Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Билл ковылял дальше по молочно-белой воде. Он ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и, хотя его лицо оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя.

Билл уже выбрался на другой берег и плелся дальше. Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз. Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жесткие рыжие усы над ними. Он облизнул сухие губы кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной

гребнем невысокого холма. Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень. Тогда он отвернулся и медленно обвел взглядом тот круг вселенной, в котором он остался один после ухода Билла.

Над самым горизонтом тускло светило солнце, едва видное сквозь мглу и густой туман, который лежал плотной пеленой, без видимых границ и очертаний. Опираясь на одну ногу всей своей тяжестью, путник достал часы. Было уже четыре. Последние недели две он сбился со счета; стоял конец июля или начало августа, и он знал, что солнце должно находиться на северо-западе. Он взглянул на юг, соображая, что где-то там, за этими мрачными холмами, лежит Большое Медвежье озеро и что в том же направлении проходит по канадской равнине страшный путь Полярного круга. Речка, посреди которой он стоял, была притоком реки Коппермайн, и Коппермайн течет также на север и впадает в залив Коронации, в Северный Ледовитый океан. Сам он никогда не бывал там, но видел однажды эти места на карте Компании Гудзонова залива.

Он снова окинул взглядом тот круг вселенной, в котором остался теперь один. Картина была невеселая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха.

— Билл! — прошептал он и повторил опять: — Билл!

Он присел на корточки посреди мутного ручья, словно бескрайняя пустыня подавляла его своей несокрушимой силой, угнетала своим страшным спокойствием. Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружье с плеском упало в воду. Это заставило его опомниться. Он пересилил свой страх, собрался с духом и, опустив руки в воду, нашарил ружье, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и медленно и осторожно пошел к берегу, морщась от боли.

Он шел не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл, — и сам он казался еще более смешным и неуклюжим, чем хромой, едва ковылявший Билл. Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет. На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк еще дальше к левому плечу и, хромая, стал спускаться вниз.

Дно долины было болотистое, вода пропитывала густой мох,

словно губку. На каждом шагу она брызгала из-под ног, и подошва с хлюпаньем отрывалась от влажного мха.

Стараясь идти по следам Билла, путник перебирался от озера к озерку по камням, торчавшим во мху, как островки.

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что еще немного — и он подойдет к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: «Страна Маленьких Палок». А в озеро впадает ручей, и вода в нем не мутная. По берегам ручья растет камыш — это он хорошо помнил, — но деревьев там нет, и он пойдет вверх по ручью до самого водораздела. От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад; он спустится по нему до реки Диз и там найдет свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть — все нужное для того, чтобы добывать себе пропитание. А еще там есть мука — правда, немного, и кусок грудинки, и бобы.

Билл подождет его там, и они вдвоем спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера, а потом переправятся через озеро и пойдут на юг, все на юг, пока не доберутся до реки Маккензи. На юг, все на юг, — а зима будет догонять их, и быстрину в реке затянет льдом, и дни станут холодней, — на юг, к какой-нибудь фактории¹ Гудзонова залива, где растут высокие, мощные деревья и где сколько хочешь еды.

Вот о чем думал путник, с трудом пробираясь вперед. Но, как ни трудно ему было идти, еще труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждет его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, — оставалось только лечь на землю и умереть. И в то время как тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать — и не один раз — каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы. Он снова и снова перебирал мысленно запасы пищи в своем тайнике и запасы на складе Компании Гудзонова залива. Он ничего не ел уже два дня, но еще дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, — оставалось только горькое жесткое семя.

¹ Фактория — торговая контора и поселение.

Он знал, что ими не насытишься, но все-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом.

В девять часов он ушиб большой палец ноги о камень, пошатнулся и упал от слабости и утомления. Он лежал на боку довольно долго, не шевелясь; потом высвободился из ремней, неловко приподнялся и сел. Еще не стемнело, и в сумеречном свете он стал шарить среди камней, собирая клочки сухого мха. Набрав целую охапку, он развел костер — тлеющий, дымный костер — и поставил на него котелок с водой.

Он распаковал тюк и прежде всего сосчитал, сколько у него спичек. Их было шестьдесят семь. Чтобы не ошибиться, он пересчитывал три раза. Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент¹; один сверток он положил в пустой кисет, другой — за подкладку изношенной шапки, а третий — за пазуху. Когда он проделал все это, ему вдруг стало страшно: он развернул все три свертка и снова пересчитал. Спичек было по-прежнему шестьдесят семь.

Он просушил мокрую обувь у костра. От мокасин² остались одни лохмотья, сшитые из одеяла носки прохудились насквозь, и ноги у него были стерты до крови. Лодыжка сильно болела, и он осмотрел ее: она распухла, стала почти такой же толстой, как колено. Он оторвал длинную полосу от одного одеяла и крепко-накрепко перевязал лодыжку, оторвал еще несколько полос и обмотал ими ноги, заменив этим и носки и мокасины, потом выпил кипятку, завел часы и лег, укрывшись одеялом.

Он спал как убитый. К полуночи стемнело, но ненадолго. Солнце взошло на северо-востоке, вернее, в той стороне начало светать, потому что солнце скрывалось за серыми тучами.

В шесть часов он проснулся, лежа на спине. Он посмотрел на серое небо и почувствовал, что голоден. Повернувшись и приподнявшись на локте, он услышал громкое фыркание и увидел большого оленя, который настороженно и с любопытством смотрел на него. Олень был от него шагах в пятидесяти, не больше, и ему сразу представился запах и вкус оленины, шипящей на сковородке. Он невольно схватил незаряженное ружье, прицелился и нажал курок. Олень всхрипнул и бросился прочь, стуча копытами по камням.

¹ *Пергамент* — бумага, не пропускающая жиров и влаги.

² *Мокасины* — мягкая обувь, сшитая из кожи, без твердой подошвы.

Он выругался, отшвырнул ружье и со стоном попытался встать на ноги. Это удалось ему с большим трудом и не скоро. Суставы у него словно заржавели, и согнуться или разогнуться стоило каждый раз большого усилия воли. Когда он наконец поднялся на ноги, ему понадобилась еще целая минута, чтобы выпрямиться и стать прямо, как полагается человеку.

Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом. Ни кустов, ни деревьев — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озерки и серые ручьи. Небо тоже было серое. Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришел вчера вечером. Но он не сбился с пути. Это он знал. Скоро он придет в Страну Маленьких Палок. Он знал, что она где-то налево, недалеко отсюда — быть может, за следующим пологим холмом.

Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли все три свертка со спичками, но не стал их пересчитывать. Однако он остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи. Мешочек был невелик, он мог поместиться между ладонями, но весил пятнадцать фунтов¹ — столько же, сколько все остальное, — и это его тревожило. Наконец он отложил мешочек в сторону и стал свертывать тюк; потом взглянул на мешочек, быстро схватил его и вызывающе оглянулся по сторонам, словно пустыня хотела отнять у него золото. И когда он поднялся на ноги и поплелся дальше, мешочек лежал в тюке у него за спиной.

Он свернул налево и пошел, время от времени останавливаясь и срывая болотные ягоды. Нога у него одеревенела, он стал хромать сильнее, но эта боль ничего не значила по сравнению с болью в желудке. Голод мучил его невыносимо. Боль все грызла и грызла его, и он уже не понимал, в какую сторону надо идти, чтобы добраться до Страны Маленьких Палок. Ягоды не утоляли грызущей боли, от них только щипало язык и нёбо.

Когда он дошел до небольшой ложбины, навстречу ему с камней и кочек поднялись белые куропатки, шелестя крыльями и крича: «кр-кр-кр...» Он бросил в них камнем, но промахнулся. Потом, положив тюк на землю, стал подкрадываться к ним ползком, как кошка подкрадывается к воробьям. Штаны у него

¹ Фунт — единица веса, равная примерно 400 г.

порвались об острые камни, от колен тянулся кровавый след, но он не чувствовал этой боли — голод заглушал ее. Он полз по мокрому мху; одежда его намокла, тело зябло, но он не замечал ничего, так сильно терзал его голод. А белые куропатки все вспархивали вокруг него, и наконец это «кр-кр» стало казаться ему насмешкой; он выругал куропаток и начал громко передразнивать их крик.

Один раз он чуть не наткнулся на куропатку, которая, должно быть, спала. Он не видел ее, пока она не вспорхнула ему прямо в лицо из своего убежища среди камней. Как ни быстро вспорхнула куропатка, он успел схватить ее таким же быстрым движением — и в руках у него осталось три хвостовых пера. Глядя, как улетает куропатка, он чувствовал к ней такую ненависть, будто она причинила ему страшное зло. Потом он вернулся к своему тюку и взвалил его на спину.

К середине дня он дошел до болота, где дичи было больше. Словно дразня его, мимо прошло стадо оленей, голов в двадцать, — так близко, что их можно было подстрелить из ружья. Его охватило дикое желание бежать за ними, он был уверен, что догонит стадо. Навстречу ему попалась черно-бурая лисица с куропаткой в зубах. Он закричал. Крик был страшен, но лисица, отскочив в испуге, все же не выпустила добычи.

Вечером он шел по берегу мутного от извести ручья, поросшего редким камышом. Крепко ухватившись за стебель камыша у самого корня, он выдернул что-то вроде луковицы, не крупнее обойного гвоздя. Луковица оказалась мягкая и аппетитно хрустела на зубах. Но волокна были жесткие, такие же водянистые, как ягоды, и не насыщали. Он сбросил свою поклажу и на четвереньках пополз в камыши, хрустя и чавкая, словно жвачное животное.

Он очень устал, и его часто тянуло лечь на землю и уснуть; но желание дойти до Страны Маленьких Палок, а еще больше голод не давали ему покоя. Он искал лягушек в озерах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.

Он заглядывал в каждую лужу и наконец с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить ее обеими руками и поднял всю муть со дна. От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.

Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась. Больше ждать он не мог. Отвязав жестяное ведро, он начал вычерпывать воду. Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился и выплескивал воду так близко к луже, что она стекала обратно. Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него сильно билось и руки дрожали. Через полчаса в луже почти не осталось воды. Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть. Но рыба исчезла. Он увидел незаметную расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что ее нельзя было вычерпать и за сутки. Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы ее камнем и рыба досталась бы ему.

В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго еще он плакал без слез, сотрясаясь от рыданий.

Он развел костер и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь. Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завел часы. Одежда была сырая и холодная на ощупь. Вся нога горела от боли, как в огне. Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званые обеды и столы, заставленные едой.

Он проснулся озябший и больной. Солнца не было. Серые краски земли и неба стали темней и глубже. Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы. Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костер и кипятил воду. Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями. Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил все гуще и гуще, застилая землю, и наконец весь собранный им мох отсырел и костер погас.

Это было ему сигналом снова взвалить тук на спину и брести вперед, неизвестно куда. Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз. Им владело только одно желание: есть! Он помешался от голода. Ему было все равно, куда идти, лишь бы идти по ровному месту. Под мокрым снегом он ощупью искал водянистые ягоды, выдергивал стебли камыша с корнями. Но все это было пресно и не насыщало. Дальше ему попалась какая-то кислая на вкус травка, и он съел, сколько нашел, но этого было очень мало, потому что травка стлалась по земле и ее нелегко было найти под снегом.

В ту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он

залез под одеяло и уснул тревожным от голода сном. Снег превратился в холодный дождь. Он то и дело просыпался, чувствуя, что капли дождя падают на его лицо. Наступил день — серый день без солнца. Дождь перестал. Теперь чувство голода у путника притупилось. Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило. Мысли у него прояснились, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о своем тайнике у реки Диз.

Он разорвал остаток одного одеяла на полосы и обмотал стертые до крови ноги, потом перевязал больную ногу и приготовился к дневному переходу. Когда дело дошло до тюка, он долго глядел на мешочек из оленьей кожи, но в конце концов захватил и его.

Дождь растопил снег, и только верхушки холмов оставались белыми. Проглянуло солнце, и путнику удалось определить страны света, хотя теперь он знал, что сбился с пути. Должно быть, блуждая в эти последние дни, он отклонился слишком далеко влево. Теперь он свернул вправо, чтобы выйти на правильный путь.

Муки голода уже притупились, но он чувствовал, что ослаб. Ему приходилось часто останавливаться и отдыхать, собирая болотные ягоды и луковицы камыша. Язык у него распух, стал сухим, словно шерстистым, и во рту был горький вкус. А больше всего его донимало сердце. После нескольких минут пути оно начинало безжалостно стучать, а потом словно подскакивало и мучительно трепетало, доводя его до удушья и головокружения, чуть не до обморока.

Около полудня он увидел двух пескарей в большой луже. Вычерпать воду было немыслимо, но теперь он стал спокойнее и ухитрился поймать их жестяным ведром. Они были с мизинец длиной, не больше, но ему не особенно хотелось есть. Боль в желудке все слабела, становилась все менее острой, как будто желудок дремал. Он съел рыбок сырыми, старательно их разжевывая, и это было чисто рассудочным действием. Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых.

Вечером он поймал еще трех пескарей, двух съел, а третьего оставил на завтрак. Солнце высушило изредка попадавшие клочки мха, и он согрелся, вскипятив себе воды. В этот день он прошел не более десяти миль, а на следующий, двигаясь только когда позволяло сердце, не больше пяти. Но боли в желудке уже не беспокоили его; желудок словно уснул. Местность была ему теперь незнакома, олени попадались все чаще и волки тоже. Очень часто их вой доносился до него из пустынной дали, а один раз он

видел трех волков, которые, крадучись, перебегали ему дорогу.

Еще одна ночь, и наутро, образумившись наконец, он развязал ремешок, стягивавший кожаный мешочек. Из него желтой струйкой посыпался крупный золотой песок и самородки. Он разделил золото пополам; одну половину спрятал на видном издалека выступе скалы, завернув в кусок одеяла, а другую всыпал обратно в мешочек. Свое последнее одеяло он тоже пустил на обмотки для ног. Но ружье он все еще не бросал, потому что в тайнике у реки Диз лежали патроны.

...Опять туман. Половину одеяла он израсходовал на обмотки. Следы Билла ему не удалось найти, но теперь это было неважно. Голод упорно гнал его вперед. Но что, если... если Билл тоже заблудился? К полудню он совсем выбился из сил. Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю. К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведро и ружье.

Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, — ружье заряжено, он просто этого не заметил. И в то же время он знал, что в магазине¹ нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его. Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился, что никакого патрона в нем нет. Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон.

Прошло около получаса, потом навязчивая мысль вернулась к нему снова. Он боролся с ней и не мог ее побороть и, чтобы хоть чем-нибудь помочь себе, опять осмотрел ружье. По временам рассудок его мутился, и он продолжал брести дальше бессознательно, как автомат; странные мысли и нелепые представления точили его мозг, как черви. Но он быстро приходил в сознание — муки голода постоянно возвращали его к действительности. Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств. Он покачнулся и зашатался, как пьяный, стараясь удержаться на ногах. Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил своим глазам. Их заволакивал густой туман, пронизанный яркими точками света. Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя. Зверь разглядывал его с недружелюбным любопытством. Он уже вскинул было ружье, но быстро опомнился. Опустив ружье,

¹ Магазін — часть ружья, предназначенная для вкладывания патронов.

он вытащил охотничий нож из шитых бисером ножен. Перед ним было мясо и — жизнь. Он провел большим пальцем по лезвию ножа. Лезвие было острое, и кончик тоже острый. Сейчас он бросится на медведя и убьет его. Но сердце заколотилось — тук-тук-тук, словно предостерегая, потом бешено подскочило кверху и затрепетало; лоб сдавило, словно железным обручем, и в глазах потемнело.

Отчаянную храбрость смыло волной страха. Он так слаб — что будет, если медведь нападет на него? Он выпрямился во весь рост и как можно внушительнее выхватил нож и посмотрел медведю прямо в глаза. Зверь неуклюже шагнул вперед, поднялся на дыбы и зарычал. Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с ее самыми глубокими корнями.

Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его. Но человек все не двигался. Он стоял как вкопанный, пока опасность не миновала, а потом, весь дрожа, словно в лихорадке, повалился на мокрый мох.

Собравшись с силами, он пошел дальше, терзаясь новым страхом. Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглохнет в нем от голода. Кругом были волки. Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднял руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.

Волки по двое и по трое то и дело перебегали ему дорогу. Но они не подходили близко. Их было не так много; кроме того, они привыкли охотиться на оленей, которые не сопротивлялись им, а это странное животное ходило на двух ногах и, должно быть, царапалось и кусалось.

К вечеру он набрел на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу. Час тому назад это был живой олененок, он резво бегал и мычал. Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клетках еще не угасла жизнь. Может ли быть, что к концу дня и от него останется не больше? Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая. Только

жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть — уснуть. Смерть — это значит конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умирать?

Но он недолго рассуждал. Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах и высасывая из нее последние частицы жизни, которые еще окрашивали ее в розовый цвет. Сладкий вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства. Он стиснул зубы крепче и стал грызть. Иногда ломалась кость, иногда его зубы. Потом он стал дробить кости камнем, размалывая их в кашу, и глотал с жадностью. Второпях он попадал себе по пальцам и все-таки, несмотря на спешку, находил время удивляться, почему он не чувствует боли от ударов.

Наступили страшные дни дождей и снега. Он уже не помнил, когда останавливался на ночь и когда снова пускался в путь. Шел, не разбирая времени, и ночью и днем, отдыхал там, где падал, и тащился вперед, когда угасавшая в нем жизнь вспыхивала и разгоралась ярче. Он больше не боролся, как борются люди. Это сама жизнь в нем не хотела гибнуть и гнала его вперед. Он не страдал больше. Нервы его притупились, словно оцепенели; в мозгу теснились странные видения, радужные сны.

Он не переставая сосал и жевал раздробленные кости, которые подобрал до последней крошки и унес с собой. Больше он уже не поднимался на холмы, не пересекал водораздела, а брел по отлогому берегу большой реки, которая текла по широкой долине. Перед его глазами были только видения. Его душа и тело шли рядом и все же порознь — такой тонкой стала нить, связывающая их.

Он пришел в сознание однажды утром, лежа на плоском камне. Яркое светило и пригревало солнце. Издали ему слышно было мычание оленят. Он смутно помнил дождь, ветер и снег, но сколько времени его преследовала непогода — два дня или две недели, — он не знал.

Долгое время он лежал неподвижно, и щедрое солнце лило на него свои лучи, напитывая теплом его жалкое тело. «Хороший день», — подумал он. Быть может, ему удастся определить направление по солнцу. Сделав мучительное усилие, он повернулся на бок. Там, внизу, текла широкая, медлительная река. Она была ему незнакома, и это его удивило. Он медленно следил за ее течением, смотрел, как она вьется среди голых, угрюмых холмов, еще более угрюмых и низких, чем те, которые он видел до сих пор.

Медленно, равнодушно, без всякого интереса он проследил за течением незнакомой реки почти до самого горизонта и увидел, что она вливается в светлое, блистающее море. И все же это его не взволновало. «Очень странно,— подумал он,— это или мираж, или видение, плод расстроенного воображения». Он еще более убедился в этом, когда увидел корабль, стоявший на якоре посреди блистающего моря. Он закрыл глаза на секунду и снова открыл их. Странно, что видение не исчезает! А впрочем, нет ничего странного. Он знал, что в сердце этой бесплодной земли нет ни моря, ни кораблей, так же как нет патронов в его незаряженном ружье.

Он услышал за своей спиной какое-то сопение — не то вздох, не то кашель. Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать. Опять послышалось сопение и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка. Уши не торчали вверх, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась. Волк, верно, был болен: он все время чихал и кашлял.

«Вот это, по крайней мере, не кажется»,— подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений. Но море все так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден. Быть может, это все-таки настоящее? Он закрыл глаза и стал думать — и в конце концов он понял, в чем дело. Он шел на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки Коппермайн. Эта широкая медлительная река и была Коппермайн. Это блистающее море — Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и все стало ясно и понятно.

Он сел и начал думать о самых неотложных делах. Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса. Последнее одеяло было израсходовано. Ружье и нож он потерял. Шапка тоже пропала и вместе с ней спички, спрятанные под подкладку, но спички в кисете за пазухой, завернутые в пергамент, остались целы и не отсырели. Он посмотрел на часы. Они все еще шли и показывали одиннадцать часов. Должно быть, он не забывал заводить их.

Он был спокоен и в полном сознании. Несмотря на страшную

слабость, он не чувствовал никакой боли. Есть ему не хотелось. Мысль о еде была даже неприятна ему, и все, что он ни делал, делалось им по велению рассудка. Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни. Ведерко он почему-то не бросил: надо будет выпить кипятку, прежде чем начать путь к кораблю,— очень тяжелый, как он предвидел.

Все его движения были медленны. Он дрожал, как в параличе. Он хотел набрать сухого мха, но не смог подняться на ноги. Несколько раз он пробовал встать и в конце концов пополз на четвереньках. Один раз он подполз очень близко к больному волку. Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насилу двигая языком. Человек заметил, что язык был не здорового красного цвета, а желтовато-бурый, покрытый полусохшей слизью.

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе. Ему пришлось отдыхать чуть не каждую минуту. Он шел слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк. И в эту ночь, когда блистающее море скрылось во тьме, человек понял, что приблизился к нему не больше чем на четыре мили¹.

Ночью он все время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят. Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрет первым. Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Зверь, похожий на заморенную унылую собаку, стоял, понутив голову и поджав хвост. Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шепота.

Взошло яркое солнце; и все утро путник, спотыкаясь и падая, шел к кораблю на блистающем море. Погода стояла прекрасная. Это началось короткое бабье лето северных широт. Оно могло продержаться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.

После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шел, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было все равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и

¹ *Милья* — единица длины, различная в разных странах; географическая миля = 1609 м; морская миля = 1852 м (принята во всех государствах).

волноваться. Он уже не ощущал боли. Желудок и нервы словно дремали. Однако жизнь, еще теплившаяся в нем, гнала его вперед. Он очень устал, но жизнь в нем не хотела погибнуть; и потому, что она не хотела погибнуть, человек все еще ел болотные ягоды и пескарей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.

Он шел по следам другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи — такой же, какой был у него, — разорванный острыми зубами. Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть. Билл не бросил его до конца! Ха-ха! Он еще посмеется над Биллом. Он останется жив и возьмет мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье вороны, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости — все, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмет золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.

Он набрел на маленькое озеро. И, наклонившись над ним в поисках пескарей, отшатнулся, словно ужаленный. Он увидел свое лицо, отраженное в воде. Это отражение было так страшно, что пробудило даже его отупевшую душу. В озере плавали три пескаря, но оно было велико, и он не мог вычерпать его до дна; он попробовал поймать рыб ведерком, но в конце концов бросил эту мысль. Он побоялся, что от усталости упадет в воду и утонет. По этой же причине он не отважился плыть по реке на бревне, хотя бревен было много на песчаных отмелях.

В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблем, а на следующий день — на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля все еще оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день. Бабье лето еще держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам все так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням.

Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьет волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, — оба они, полумертвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга.

Будь то здоровый волк, человек не стал бы так сопротивляться, но ему было неприятно думать, что он попадет в утробу этой мерзкой твари, почти падали. Ему стало противно. У него снова начинался бред, сознание туманили галлюцинации, и светлые промежутки становились все короче и реже.

Однажды он пришел в чувство, услышав чье-то дыхание над самым ухом. Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости. Это было смешно, но человек не улыбнулся. Он даже не испугался. Страх уже не имел над ним власти. Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая. До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре мили. Он это знал и относился к этому спокойно. Он знал, что не проползет и полумили. И все-таки ему хотелось жить. Было бы глупо умереть после всего, что он перенес. Судьба требовала от него слишком многого. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней.

Он закрыл глаза и бесконечно бережно собрал все свои силы. Он крепился, стараясь не поддаваться чувству дурноты, затопившему, словно прилив, все его существо. Это чувство поднималось волной и мутило сознание. Временами он словно тонул, погружаясь в забытие и силясь выплыть, но каким-то необъяснимым образом остатки воли помогли ему снова выбраться на поверхность.

Он лежал на спине неподвижно и слышал, как хриплое дыхание волка приближается к нему. Оно ощущалось все ближе и ближе, время тянулось без конца, но человек не пошевелился ни разу. Вот дыхание слышно над самым ухом. Жесткий, сухой язык царапнул его щеку, словно наждачной бумагой. Руки у него вскинулись вверх — по крайней мере он хотел их вскинуть, — пальцы согнулись, как когти, но схватили пустоту. Для быстрых и уверенных движений нужна сила, а силы у него не было.

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше.

Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытьем и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если бы мог. Время от времени волна забытья захлестывала его, и он видел длинные сны; но все время, и во сне и наяву, он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и его лизнет шершавый язык.

Дыхание он не услышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее — волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Еще пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится теплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть. Потом человек перекатился на спину и уснул.

На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку. Ученые не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперед, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперед шагов на двадцать в час.

Через три недели, лежа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести. Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учеными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезавший в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его мучил страх, что еды не хватит. Он рас-

спрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана. Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.

Стали замечать, что он поправляется. Он толстел с каждым днем. Ученые качали головой и строили разные теории. Стали ограничивать его в еде, но он все раздавался в ширину, особенно в поясе.

Матросы посмеивались. Они знали, в чем дело. А когда ученые стали следить за ним, им тоже стало все ясно. После завтрака он прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку к кому-нибудь из матросов. Тот ухмылялся и подавал ему кусок морского сухаря. Человек жадно хватал кусок, глядел на него, как скряга на золото, и прятал за пазуху. Такие же подачки, ухмыляясь, давали ему и другие матросы.

Ученые промолчали и оставили его в покое. Но они осмотрели незаметно его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари. Однако человек был в здравом уме. Он только принимал меры на случай голодовки — вот и все. Ученые сказали, что это должно пройти. И это действительно прошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

Вопросы и задания

I. Ваши первые впечатления

1. Вам известны многие произведения о смелых и мужественных людях, вспомните их. Чем рассказ «Любовь к жизни» отличается от ранее прочитанных вами?

2. Что вам больше всего понравилось в нем?

II. Разберемся в прочитанном

1. При каких обстоятельствах вы впервые знакомитесь с героями этого произведения? Что можно сказать о них?

2. Опишите состояние героя, покинутого товарищем. Какие чувства он испытал? Обратите внимание на то, как описание природы помогает понять переживания героя.

3. Проследите день за днем тот путь, который прошел герой рассказа. Покажите на конкретных примерах, как постепенно нарастает трагизм его положения. Обратите внимание на то, как меняется состояние и поведение героя. Подготовьте выразительное чтение одной из сцен.

4. Перечитайте сцену встречи человека с волком. Почему в этой смертельной схватке умирающий, обессиленный человек одерживает победу? Какое значение, по-вашему, имеет этот эпизод в развитии действия рассказа?

5. Дж. Лондон выступает за дружбу и взаимопомощь. Он осуждает эгоизм. Трус, по убеждению автора, подвергается большей опасности, чем смелый человек. Покажите это на примере Билла, бросившего своего товарища.

III. Сделаем выводы

Почему герой рассказа оказался победителем? В чем смысл рассказа «Любовь к жизни» и почему он так называется?

IV. Связь с другими видами искусства. Внеклассное чтение

1. Рассмотрите иллюстрации к рассказу «Любовь к жизни». Озаглавьте их. Какие еще эпизоды, по-вашему, можно было бы взять для иллюстрирования? Расскажите подробнее, как вы их себе представляете.

2. Если вы смотрели кинофильмы по произведениям Дж. Лондона, расскажите о них. Понравились ли они вам и почему?

Для самостоятельной работы

1. Перескажите от лица героя эпизод о встрече с волком.
2. Составьте небольшой сценарий на тему «Путь к кораблю».
3. Прочитайте произведения Дж. Лондона о людях сильной воли, мужественных, целеустремленных и благородных: «Через стремнины к Клондайку», «Сказание о Кише», «Белое безмолвие», «Мексиканец».

Эрнест
СЕТОН-ТОМПСОН
1860—1946

Я изведal мучения жажды и решил вырыть колодец, чтобы из него черпали другие.

Э. Сетон-Томпсон

Эрнест Сетон-Томпсон родился в 1860 году в Англии. Но уже через шесть лет семья его переехала в Канаду. С этих лет он хорошо помнил себя. В первую же зиму Эрнест пошел в школу. «Долго-долго тянулась эта зима,— вспоминает он.— В марте наконец пришел настоящий весенний день... Маленькая птичка прилетела на тополь около нашего дома и тихо запела... Мне показалось, что я видел ее синюю спинку¹. Снова и снова пела она свою нежную песенку. Не знаю почему, но я вдруг разрыдался. Я был взволнован этой песней до глубины души. С тех пор я каждый год ждал свою синюю птичку и с ней — весну».

Как знать? Может быть, эта «синяя птица» и пробудила в нем то сильное чувство, которое сделало его всемирно известным писателем. Он был талантливый мальчик. Учителя говорили его родителям, что он самый способный мальчик в школе. В шесть лет он прочел первую строчку в газете и в том же году начал вырезать из дерева птиц и зверей.

Эрнест был не только способным, но и упорным мальчиком. Увидев в магазине книгу «Птицы Канады», он решил купить ее во что бы то ни стало. Книга стоила один доллар. Чтобы собрать эти деньги, Эрнест продал своих кроликов, перенес дрова соседям, собрал насекомых для коллекции одной англичанке и целый месяц соревновался с братом в рубке дров, зарабатывая последние недостающие двадцать пять центов. И вот желанная книга

¹ Синяя птица — символ счастья.

в руках. «Я был на седьмом небе от счастья», — вспоминает Сетон-Томпсон в автобиографии.

Птицы и звери волновали его больше всего на свете, и чем больше он рос, тем сильнее. Ни отсутствие книг по естествознанию, ни суровый отец, который не хотел слышать, чтобы хоть один из его десяти сыновей стал натуралистом, ни мучительные болезни — никакие препятствия не могли помешать ему пойти по той дороге, идти по которой звала его с детства неуголимая страсть разгадывать все тайны и загадки в жизни птиц и зверей, страсть рассказывать об этих тайнах людям и передавать красоту животных в рисунках и вырезанных из дерева фигурках. Сетон-Томпсон вспоминает: «...я пошел своей собственной тропой, не зная и не спрашивая никого, была ли это лучшая дорога. Я знал только одно: это была моя дорога». И он добился своего: стал замечательным естествоиспытателем, писателем и художником. В Канаде он получил должность «государственного натуралиста», что дало ему возможность с головой отдаться изучению животных.

В Америке Сетон-Томпсон с большим успехом читал свои рассказы перед широкой публикой. Одна за другой стали выходить книги: «Жизнь гонимых», «Животные — герои», «Биография медведей», «Мустанг-иноходец» и другие.

В. Бианки, Н. Сладков

Из предисловия к книге

Э. Сетона-Томпсона

«Рассказы о животных».

Вопросы и задания

1. Что показалось вам интересным и необычным в рассказе о Сетоне-Томпсоне?
2. Перечитайте строки из автобиографии писателя о выборе жизненного пути. Как вы понимаете эти слова?

СНАП

История бультерьера¹

I

Я увидел его впервые в сумерках.

Рано утром я получил телеграмму от своего школьного товарища Джека:

¹ *Бультерьер* — порода собак.

«Посылаю тебе замечательного щенка. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее».

У Джека такой характер, что он мог прислать мне адскую машину или бешеного хорька вместо щенка, поэтому я дожидался посылки с некоторым любопытством. Когда она прибыла, я увидел, что на ней написано: «Опасно». Изнутри при малейшем движении доносилось ворчливое рычание. Заглянув в заделанное решеткой отверстие, я, однако, увидел не тигренка, а всего-навсего маленького белого бультерьера. Он старался укусить меня и все время сварливо рычал. Собаки рычат на два лада: низким, грудным голосом — это вежливое предупреждение или исполненный достоинства ответ — и громко, почти визгливо — это последнее слово перед нападением. И белый песик рычал именно так. Как любитель собак, я думал, что сумею справиться с любой из них. Поэтому, отпустив носильщика, я достал свой складной нож, с успехом заменявший молоток, топорик, ящик с инструментом и кочергу (специальность нашей фирмы), и сорвал решетку. Бесенок грозно рычал при каждом ударе по доскам и, как только я повернул ящик набок, устремился прямо к моим ногам. Если бы только его лапка не запуталась в проволочной сетке, мне пришлось бы плохо — он явно не собирался шутить. Я вскочил на стол, где он не мог меня достать, и попытался урезонить его. Я всегда был сторонником разговоров с животными. По моему глубокому убеждению, они улавливают общий смысл нашей речи и наших намерений, хотя бы даже и не понимая слов. Но этот щенок, по-видимому, считал меня лицемером и презрел все мои заискивания. Сперва он уселся под столом, зорко глядя во все стороны, не появится ли пытающаяся спуститься нога. Я был вполне уверен, что мог бы привести его к повиновению взглядом, но мне никак не удавалось взглянуть ему в глаза, и поэтому я оставался на столе. Я человек хладнокровный. Ведь я представитель фирмы, торгующей скобяными изделиями, а наш брат вообще славится присутствием духа, уступая разве только господам, торгующим готовым платьем.

Итак, я достал сигару и закурил, сидя по-турецки на столе, в то время как маленький деспот дожидался внизу моих ног. Затем я вынул из кармана телеграмму и перечел ее: «Замечательный щенок. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее». Думаю, что мое хладнокровие успешно заменило в этом случае вежливость, ибо полчаса спустя рычание затихло. По прошествии часа он уже не

бросался на газету, осторожно опущенную со стола для испытания его чувств. Возможно, что раздражение, вызванное клеткой, немного улеглось. А когда я закурил третью сигару, щенок неторопливо прошествовал к камину и улегся там, впрочем, не забывая меня,— на это я не мог пожаловаться. Один его глаз все время следил за мной. Я же следил обоими глазами не за ним, а за его коротким хвостиком. Если бы этот хвост хоть единый раз дернулся в сторону, я почувствовал бы, что победил. Но хвостик оставался неподвижным. Я достал книжку и продолжал сидеть на столе до тех пор, пока не затекли ноги и не начал гаснуть огонь в камине. К десяти часам стало прохладно, а в половине одиннадцатого огонь окончательно потух. Подарок моего друга встал на ноги и, позевывая, потягиваясь, отправился ко мне под кровать, где лежал меховой коврик. Легко переступив со стола на буфет и с буфета на камин, я также достиг постели и, без шума раздевшись, ухитрился улечься, не встревожив своего повелителя. Не успел я еще заснуть, когда услышал легкое царапанье и почувствовал, что кто-то ходит по кровати, затем по ногам. Снап¹, по-видимому, нашел, что внизу слишком холодно, и решил расположиться со всем возможным комфортом.

Он свернулся у меня в ногах очень неудобным для меня образом. Но напрасно было бы пытаться устроиться поуютнее, потому что едва я пробовал двинуться, как он вцеплялся в мою ногу с такой яростью, что только толстое одеяло спасало меня от тяжкого увечья. Прошел целый час, прежде чем мне удалось так расположить ноги, передвигая их каждый раз на волосок, что можно было наконец уснуть. В течение ночи я несколько раз был разбужен гневным рычанием щенка — быть может, потому, что осмеливался шевелить ногой без его разрешения, но, кажется, также и за то, что позволял себе изредка храпеть.

Утром я хотел встать раньше Снапа. Видите ли, я назвал его Снапом... Полное его имя было Джинджерснап². Некоторым собакам с трудом приписываешь имя, другим же не приходится придумывать клички — они являются как-то сами собой.

Итак, я хотел встать в семь часов. Снап предпочел отложить вставание до восьми, поэтому мы встали в восемь. Он разрешил мне затопить камин и одеться, ни разу не загнав меня на стол. Выходя из комнаты, чтобы приготовить завтрак, я заметил:

¹ Снап (snap) — означает «хватать», «щелк».

² Джинджерснап (gingersnap) — хрустящий пряник с имбирем.

— Снап, друг мой, некоторые люди стали бы воспитывать тебя с помощью хлыста, но мне кажется, что мой план лучше. Теперешние доктора рекомендуют систему лечения, которая называется «оставлять без завтрака». Я испробую ее на тебе.

Было жестоко весь день не давать ему еды, но я выдержал характер. Он расцарапал всю дверь, и мне потом пришлось ее заново красить, но зато к вечеру он охотно согласился взять из моих рук немного пищи.

Не прошло и недели, как мы уже были друзьями. Теперь он спал у меня на кровати, не пытаясь искалечить меня при малейшем движении. Система лечения, которая называлась «оставлять без завтрака», сделала чудеса, и через три месяца нас нельзя было разлить водой. Оказалось также, что в телеграмме он не зря был назван замечательным щенком.

Казалось, чувство страха было ему незнакомо. Когда он встречал маленькую собачку, он не обращал на нее никакого внимания, но стоило появиться здоровому псу, как он струной вытягивал свой обрубленный хвост и принимался прохаживаться вокруг незнакомца, презрительно шаркая задними ногами и поглядывая на небо, на землю, вдаль — куда угодно, за исключением его самого, и отмечая его присутствие только частым рычанием на высоких нотах. Если незнакомец не спешил удалиться, начинался бой. После боя незнакомец в большинстве случаев удалялся с особой готовностью. Случалось и Снапу проиграть сражение, но никакой горький опыт не мог вселить в него и крупницы осторожности.

Однажды, катаясь в извозничьей карете во время собачьей выставки, Снап увидел слоноподобного сенбернара на прогулке. Его размеры вызвали у щенка такой бешеный восторг, что он стремглав ринулся из окна кареты и сломал себе ногу.

Он не знал, что такое страх. Он не был похож ни на одну из известных мне собак. Например, если мальчишке случалось швырнуть в него камнем, он тотчас же пускался бежать, но не от мальчишки, а к нему. И если мальчишка снова швырял камень, Снап немедленно разделялся с ним, чем приобрел всеобщее уважение. Только я и рассыльный нашей конторы умели видеть его хорошие стороны. Только нас двоих он считал достойными своей дружбы. К половине лета Карнеги, Вандербилдт и Астор¹, вместе взятые, не могли бы собрать достаточно денег, чтобы купить у меня моего маленького Снапа.

¹ Три американских миллиардера.

Хотя я не был коммивояжером, тем не менее фирма, в которой я служил, отправила меня осенью в путешествие, и Снап остался вдвоем с квартирной хозяйкой. Они не сошлись характерами. Он ее презирал, она его боялась, и оба ненавидели друг друга.

Я был занят сбытом колючей проволоки в северных штатах. Письма мне доставлялись раз в неделю. В своих письмах моя хозяйка постоянно жаловалась на Снапа.

Прибыв в Мендозу, в Северной Дакоте, я нашел хороший сбыт для проволоки. Разумеется, главные сделки я заключил с крупными торговцами, но я потолкался и среди фермеров, чтобы узнать их нужды и потребности, и таким образом познакомился с фермой братьев Пенруф.

Нельзя побывать в местности, где занимаются скотоводством, и не услышать о злодеяниях какого-нибудь лукавого и кровожадного волка. Прошло то время, когда волки попадались на отраву. Братья Пенруф, как и все разумные скотоводы, отказались от отравы и капканов и принялись обучать разного рода собак охоте на волка, надеясь не только избавить окрестности от врагов, но и поразвлечься.

Гончие оказались слишком слабосильными для решительной схватки, датские доги — чересчур неуклюжими, а борзые не могли преследовать зверя, не видя его. Каждая порода имела какой-нибудь роковой недостаток. Ковбои надеялись добиться толку с помощью смешанной своры, и когда меня пригласили на охоту, я очень забавлялся разнообразием участвовавших в ней собак. Было там немало ублюдков, но встречались также и чистокровные собаки — между прочим, несколько русских волкодавов, стоявших, наверно, уйму денег.

Гилтон Пенруф, старший из братьев и «начальник» местной охоты, необычайно гордился ими и ожидал от них великих подвигов.

— Борзые слишком изнежены для волчьей охоты, доги медленно бегают, но увидите, полетят клочья, когда за дело возьмутся волкодавы.

Таким образом, борзые предназначались для гона, доги — для резерва, а волкодавы — для генерального сражения. Кроме того, в свору включили двух-трех гончих, которые должны были своим тонким чутьем выслеживать зверя, если остальные потеряют его из виду.

Славное было зрелище, когда мы двинулись в путь между холмами в ясный октябрьский день! Воздух был прозрачен и чист, и, несмотря на позднее время года, не было ни снега, ни мороза. Кони охотников слегка горячились и раза два попробовали показать мне, каким образом они избавляются от своих седоков.

Мы заметили на равнине два-три серых пятна, которые были, по словам Гилтона, волками или койотами. Свора понеслась с громким лаем. Но поймать им никого не удалось, хотя они носились до самого вечера. Только одна из борзых догнала волка и, получив рану в плечо, отстала.

— Мне кажется, Гилт, что от твоих хваленых волкодавов нет никакого толку,— сказал Гарвин, младший из братьев.— Маленький черный дог куда лучше.

— Ничего не пойму! — проворчал Гилтон.— Даже койотам никогда не удавалось уйти от этих борзых, не то что волкам. Гончие также превосходные — пойдут хоть по трехдневному следу. А доги могут справиться даже с медведем.

— Не спорю,— сказал их отец,— твои собаки могут гнать, могут выслеживать и могут справиться с медведем, но дело в том, что им неохота связываться с волком. Вся окаянная свора попросту трусит. Я много бы дал, чтобы вернуть уплаченные за них деньги.

Так они ссорились и ворчали, когда я распростился с ними и уехал дальше. По-видимому, неудача объяснялась тем, что собаки, хотя и были сильны и быстроноги, но вид волка, очевидно, наводил на них ужас. У них не хватало духа помериться с ним силами, и невольно воображение переносило меня к бесстрашному песику, разделявшему мою постель в течение последнего года. Как мне хотелось, чтобы он был здесь! Неуклюжие гиганты получили бы вожака, которого никогда не покидает смелость.

На следующей моей остановке, в Бароке, я получил письма, среди которых нашлись два послания от моей хозяйки: первое — с заявлением, что «эта мерзкая собака безобразничает в моей комнате», другое, еще более пылкое, — с требованием немедленного удаления Снапа.

«Почему бы не выписать его в Мендозу? — подумал я.— Всего двадцать часов пути. Пенруфы будут рады моему Снапу. А на обратном пути я заеду за ним».

Следующая моя встреча с Джинджерснапом вовсе не настолько отличалась от первой, как можно было ожидать. Он бросился на меня, притворялся, что хочет укусить, непрерывно ворчал. Но ворчанье было грудное, басистое, а обрубок хвоста усиленно подергивался.

Пенруфы несколько раз затевали волчью охоту, с тех пор как я побывал у них, и были вне себя от неизменных неудач. Собаки почти каждый раз поднимали волка, но никак не могли покончить с ним; охотники же ни разу не находились достаточно близко, чтобы узнать, почему они трусят.

Старый Пенруф был теперь вполне убежден, что «во всем негодном сброде нет ни одной собаки похрабрее кролика».

На следующий день мы вышли на заре. Те же превосходные лошади, те же отличные ездоки, те же большие сизые, рыжие и пестрые собаки. Но, кроме того, с нами была маленькая белая собачка, все время лнувшая ко мне и знакомившая со своими зубами не только собак, но и лошадей, когда они осмеливались ко мне приблизиться. Кажется, Снап перессорился с каждым человеком, собакой и лошадей по соседству. Мы остановились на плоской вершине большого холма. Вдруг Гилтон, осматривавший окрестности в бинокль, воскликнул:

— Вижу его! Вот он бежит к ручью, Скелл. Должно быть, это койот.

Теперь надо было заставить и борзых увидеть добычу. Это нелегкое дело, так как они не могут смотреть в бинокль, а равнина была покрыта полынью выше собачьего роста.

Тогда Гилтон позвал: «Сюда, Дандер!» — и выставил ногу вперед. Одним проворным прыжком Дандер взлетел на седло и стал там, балансируя на лошади, между тем как Гилтон настойчиво показывал ему:

— Вон он, Дандер, смотри! Куси, куси его, там, там!

Дандер усиленно всмотрелся в точку, указываемую хозяином, затем, должно быть, увидел что-то, ибо с легким тьяканьем соскочил на землю и бросился бежать. Другие собаки последовали за ним. Мы поспешили им вслед, однако значительно отставая, так как наш путь затрудняли овраги, барсучьи норы, камни и высокая полынь. Слишком быстрая скачка могла окончиться печально.

Итак, мы все отстали; я же, человек, непривычный к седлу, отстал больше всех. Время от времени впереди мелькали собаки,

то мчавшиеся по равнине, то слетавшие в овраг, с тем чтобы немедленно появиться на другом его склоне. Признанным вожаком был борзой пес Дандер, и, взобравшись на следующий гребень, мы увидели всю картину охоты: койот, летящий вскачь, и собаки, бегущие в четверти мили позади, но, видимо, настигавшие его. Когда мы в следующий раз увидели их, койот был бездыханен и все собаки сидели вокруг него, исключая двух гончих и Джинджерснапа.

— Опоздали к драке! — заметил Гилтон, взглянув на оставших гончих. Затем с гордостью потрепал Дандера: — Все-таки, как видите, не потребовалось вашего щенка!

— Скажи, пожалуйста, какая смелость: десять больших собак напали на маленького койота! — насмешливо заметил отец. — Погоди, дай нам встретить волка!

На следующий день мы снова отправились на охоту.

Поднявшись на холм, мы увидели движущуюся серую точку. Движущаяся белая точка означает антилопу, красная — лисицу, а серая — волка или койота. Волк это или койот — определяют по хвосту. Опушенный хвост принадлежит койоту, поднятый кверху — ненавистному волку.

Как и вчера, Дандеру показали добычу, и он, как и вчера, повел за собой пеструю стаю — борзых, волкодавов, гончих, догов, бультерьера и всадников. На миг мы увидели погоню: без сомнения, впереди собак длинными прыжками двигался волк. Почему-то мне показалось, что передние собаки бегут не так быстро, как тогда, когда они гнались за койотом. Что было дальше, никто не видел. Собаки вернулись обратно одна за другой, а волк исчез.

Теперь на собак посыпались насмешки и попреки.

— Эх! Струсили, попросту струсили! — с отвращением проговорил старик Пенруф. — Свободно могли нагнать его, но чуть только он повернул на них, они удрали. Тыфу!

— А где же несравненный, неустрашимый и героический терьер? — спросил Гилтон презрительно.

— Не знаю, — сказал я. — Вероятнее всего, он и не видел волка. Но если когда-нибудь увидит — бьюсь об заклад, он изберет победу или смерть.

В эту ночь вблизи фермы волки зарезали нескольких коров, и мы еще раз отправились на охоту.

Началась она приблизительно так же, как накануне. Уже к

вечеру мы увидели серого молодца с поднятым хвостом не дальше как в полумиле. Гилтон посадил Дандера на седло. Я последовал его примеру и подозревал Снапа. Его лапки были так коротки, что вспрыгнуть на спину лошади он не мог. Наконец он вскарабкался с помощью моей ноги. Я показывал ему волка и повторял: «Куси, куси!» — до тех пор, пока он в конце концов не приметил зверя и не бросился со всех ног вдогонку за уже бежавшими борзыми.

Погоня шла на этот раз не через заросли кустарника в речной долине, а по открытой местности. Мы поднялись все вместе на плоскогорье и увидели погоню как раз в ту минуту, когда Дандер настиг волка и попытался ухватить его за заднюю лапу. Серый повернулся к нему для боя, и мы отлично видели все дальнейшее. Собаки подбегали по две и по три, окружая волка кольцом, лаяли на него, пока не налетел последним белый песик. Этот не стал тратить времени на лай, а ринулся прямо к горлу волка, но промахнулся и успел только вцепиться ему в нос. Тогда десять больших собак сомкнулись над волком, и две минуты спустя он был мертв. Мы мчались вскачь, чтобы не упустить развязки, и хоть издали, но явственно рассмотрели, что Снап оправдал мою рекомендацию и хвалебную телеграмму.

Теперь настал мой черед торжествовать. Снап показал им, как ловят волков, и наконец-то мендозская свора доконала волка без помощи людей.

Впрочем, два обстоятельства несколько омрачали радость победы. Во-первых, это был молодой волк, почти волчонок. Вот почему он сдуру бросился бежать по равнине. А во-вторых, Снап был ранен — волк сильно задел ему плечо.

Когда мы гордо двинулись в обратный путь, я заметил, что он прихрамывает.

— Сюда! — крикнул я. — Сюда, Снап!

Он раза два попытался вскочить на седло, но не мог.

— Дайте мне его сюда, Гилтон, — попросил я.

— Благодарю покорно. Можете сами возиться со своей гремучей змеей, — ответил Гилтон, так как всем теперь было известно, что связываться со Снапом небезопасно.

— Сюда, Снап, бери! — сказал я, протягивая ему хлыст.

Он ухватился за него зубами, и таким образом я поднял его на седло и доставил домой. Я ухаживал за ним, как за ребенком. Он показал этим скотоводам, кого не хватало в их своре. У гончих

прекрасные носы, у борзых быстрые ноги, волкодавы и доги — силачи, но все они ничего не стоят, потому что беззаветное мужество есть только у бультерьера. В этот день скотоводы разрешили волчий вопрос, в чем вы легко убедитесь, если побываете в Мендозе, ибо в каждой из местных свор теперь имеется свой бультерьер, по большей части снапомендозской крови.

IV

На следующий день была годовщина появления у меня Снапа. Погода стояла ясная, солнечная. Снега еще не было. Мы снова собрались на волчью охоту. К всеобщему разочарованию, Снап чувствовал себя плохо. Он спал, по обыкновению, у меня в ногах, и на одеяле остались следы крови. Он, конечно, не мог участвовать в травле. Решили отправиться без него. Его заманили в амбар и заперли там. Затем мы отправились в путь, но меня мучило предчувствие недоброго. Я знал, что без моей собаки мы потерпим неудачу, но не воображал, как она будет велика.

Мы забрались уже далеко, блуждая среди холмов, как вдруг, мелькая в долине, примчался за нами вдогонку белый мячик. Минуту спустя к моей лошади подбежал Снап, ворча и помахивая обрубок хвоста. Я не мог отправить его обратно, так как он ни за что не послушался бы. Рана его имела скверный вид. Подозвав его, я протянул ему хлыст и поднял на седло. «Здесь,— подумал я,— ты просидишь до возвращения домой». Но не тут-то было. Крик Гилтона «ату, ату!» известил нас, что он увидел волка. Дандер и Райл, его соперник, оба бросились вперед, столкнулись и вместе растянулись на земле. Между тем Снап, зорко приглядываясь, высмотрел волка, и не успел я оглянуться, как он уже соскочил с седла и понесся зигзагами — вверх, вниз — через долину, под долиною прямо на врага. В течение нескольких минут он вел за собой всю свору. Недолго, конечно. Большие борзые увидели движущуюся точку, и по равнине вытянулась длинная цепь собак. Травля обещала быть интересной, так как волк был совсем недалеко и все собаки мчались во всю прыть.

— Они свернули в Медвежий овраг! — крикнул Гарвин. — За мной! Мы можем выйти им наперерез!

И мы, повернув, быстро поскакали по северному склону холма, в то время как погоня, по-видимому, двигалась вдоль южного склона.

Мы поднялись на гребень и готовились уже спуститься, когда Гилтон крикнул:

— Он здесь! Мы наткнулись прямо на него.

Гилтон соскочил с лошади, бросил поводья и побежал вперед. Я сделал то же. Навстречу нам по открытой поляне, переваливаясь, неся большой волк. Голова его была опущена, хвост вытянут по прямой линии, а в пятидесяти шагах за ним мчался Дандер, вдвое быстрее, чем волк. Минуту спустя борзой пес настиг его и уже оскалил зубы, но попятился, как только волк повернулся к нему. Они находились теперь как раз под нами, не дальше как в пятидесяти футах. Гарвин выхватил револьвер, но Гилтон, к несчастью, остановил его:

— Нет, нет! Посмотрим, что будет.

Через мгновение примчалась вторая борзая, затем одна за другой и остальные собаки. Каждая неслась, горя яростью и жадной крови, готовая тут же разорвать серого на части. Но каждая поочередно отступала и принималась лаять на безопасном расстоянии. Минуты две спустя подоспели и волкодавы — славные, красивые псы. Приближаясь, они, без сомнения, желали ринуться прямо на старого волка. Но бесстрашный его вид, мускулистая грудь, смертоносные челюсти устроили их задолго до встречи с ним, и они также примкнули к общему кругу, в то время как серый разбойник поворачивался то в одну сторону, то в другую, готовый сразиться с каждой из них и со всеми вместе.

Вот появились и доги, грузные твари, каждая такого же веса, как волк. Их тяжелое дыхание переходило в угрожающий хрип, по мере того как они надвигались, готовые разорвать волка в клочья. Но как только они увидели его вблизи — угрюмого, бесстрашного, с мощными челюстями, с неутомимыми лапами, готового умереть, если надо, но уверенного в том, что умрет не он один, — эти большие доги, все трое, почувствовали, подобно остальным, внезапный прилив застенчивости: да, да, они бросятся на него немного погодя, не сейчас, а как только переведут дух. Волка они, конечно, не боятся. Голоса их звучали отвагой. Они хорошо знали, что первому, кто сунется, несдобровать, но это все равно, только не сейчас. Они еще немного полагают, чтобы подбодрить себя.

В то время как десять больших псов праздно метались вокруг безмолвного зверя, в полыни позади них послышался шорох. Затем скачками появился белоснежный резиновый мячик, вскоре

превратившийся в маленького бультерьера. Снап, самый медленный и самый маленький из своры, примчался, тяжело дыша — так тяжело, что казалось, он задыхается, и подлетел прямо к кольцу вокруг хищника, с которым никто не дерзал сразиться. Заколебался ли он? Ни на мгновение. Сквозь кольцо лающих собак он бросился напролом к старому деспоту холмов, готовясь схватить его за горло. И волк ударил его всеми двадцатью своими кинжалами. Однако малыш бросился на него вторично, и что

произошло тогда, трудно сказать. Собаки смешались. Мне почудилось, что я увидел, как маленький белый пес вцепился в нос волка, на которого сейчас напала вся свора. Мы не могли помочь собакам, но они и не нуждались в нас. У них был вожак несокрушимой смелости, и когда битва наконец закончилась, перед нами на земле лежал волк — могучий гигант — и вцепившаяся в его нос белая собачка.

Мы стояли вокруг, готовые вмешаться, но лишенные возможности это сделать. Наконец все было кончено: волк был мертв. Я окликнул Снапа, но он не двинулся. Я наклонился к нему.

— Снап, Снап, все кончено, ты убил его! — Но песик был неподвижен. Теперь только увидел я две глубокие раны на его теле. Я попытался приподнять его: — Пусти, старина, все кончено!

Он слабо заворчал и отпустил волка.

Грубые скотоводы стояли вокруг него на коленях, и старый Пенруф пробормотал дрогнувшим голосом:

— Лучше бы у меня пропало двадцать быков!

Я взял Снапа на руки, назвал его по имени и погладил по голове. Он слегка заворчал, как видно, на прощание, лизнул мне руку и умолк навсегда.

Печально возвращались мы домой. С нами была шкура чудовищного волка, но она не могла нас утешить. Мы похоронили неустрашимого Снапа на холме за фермой. Я слышал при этом, как стоящий рядом Пенруф пробормотал:

— Вот это действительно храбрец! Без храбрости в нашем деле недалеко уйдешь.

Вопросы и задания

1. Какое настроение вызвал у вас рассказ о Снапе?
2. Каким было первое знакомство со щенком?
3. Когда рассказчик признал, что Снап не зря был назван замечательным щенком?
4. «Мы мчались вскачь, чтобы не упустить развязки, и хоть издали, но явственно рассмотрели, что Снап оправдал мою рекомендацию и хвалебную телеграмму». Расскажите подробнее о том, что имеет в виду рассказчик.
5. Что заставило старого Пенруфа пробормотать дрогнувшим голосом: «Лучше бы у меня пропало двадцать быков»?
6. Прочитайте или вспомните произведения В. Бианки «Одинец», «Аскыр», «Мурзук», К. Паустовского «Заячья лапа», «Барсучий нос», В. Чаплиной «Питомцы зоопарка» и других писателей-анималистов¹. Что роднит их с произведениями Сетона-Томпсона?

¹ Писатель (художник)-анималист изображает в своих произведениях животный мир.

Астрид ЛИНДГРЕН

Родилась в 1907 году

Я надеюсь, что, быть может, книги мои внушат маленьким читателям большую человечность, лучшее понимание людей.

Астрид Линдгрен

Вы хорошо знаете литературных героев, придуманных замечательной шведской писательницей Астрид Линдгрэн: Малыша и Карлсона, который живет на крыше. А теперь вы познакомитесь с другими героями, когда прочитаете ее повесть «Расмус-бродяга».

В основе этой повести впечатления детства. В одном из своих писем А. Линдгрэн писала, что если бы не бродяги на проселочных дорогах Смолонда, которых довелось ей видеть еще ребенком, она не смогла бы написать повесть «Расмус-бродяга».

Легенды родной старины и чтение, к которому Линдгрэн пристрастилась в школьные годы, питали ум девочки. Любимыми ее книгами были «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена и сказки Х. К. Андерсена. Может быть, не случайно А. Линдгрэн, автор замечательных сказочных повестей для детей, считается наследницей лучших традиций Ч. Диккенса и М. Твена.

В 1958 году за свои произведения для детей и, в частности, за повесть «Расмус-бродяга» А. Линдгрэн получила медаль имени Ханса Кристиана Андерсена. Это международная премия за лучшую книгу для юношества.

Вопрос и задания

Прочитайте главы повести А. Линдгрэн «Расмус-бродяга», помещенные в хрестоматию, а затем продолжите чтение дома, взяв книгу в библиотеке, и подумайте над вопросом: «Почему А. Линдгрэн называют «Андерсен наших дней?»» Вспомните также другие книги писательницы, прочитанные вами ранее.

РАСМУС-БРОДЯГА

Отрывок из повести

Глава первая

Расмус, как обычно, сидел на своей излюбленной ветке у самой макушки липы и раздумывал о вещах, которым на земле вовсе не место. Во-первых, эта картошка! Ну конечно, пусть остается отварная картошка, особенно когда ее с подливкой подают в воскресенье на обед. Но когда она дружно всходит на картофельном поле и ее нужно окучивать — вот тогда хоть бы ее и вовсе не было. Без фрёкен¹ Хёк² тоже можно было бы прекрасно обойтись. Ведь это она объявила: «Завтра мы целый день будем окучивать картошку». «Мы будем окучивать», — сказала она, но это вовсе не означало, что фрёкен Хёк собиралась помогать. Этим займутся Расмус, Гуннар, Стуре-Петер и другие ребята из приюта, которым придется весь долгий жаркий летний день батрачить на картофельном поле. А каково еще видеть, как мимо по дороге деревенские ребята спешат к речке купаться. Ну и задавали эти деревенские ребята! Вот уж кому не место на земле!

Расмус немного призадумался, с чем бы еще не мешало покончить. Но приглушенный крик снизу прервал его мысли.

— Расмус! Прячься! Ястреб!

Мордочка Гуннара предостерегающе высунулась из дровяного сарая, и Расмус заторопился. Он проворно соскользнул с ветки, ухватившись за нее руками, а когда мгновение спустя фрёкен Хёк подошла к дровяному сараю, Расмуса уже не было видно среди зеленых ветвей липы. И Расмусу повезло, потому что фрёкен Хёк не любила, когда мальчики, точно птенцы, торчали на деревьях, вместо того чтобы заниматься полезной работой.

— Ты, Гуннар, верно, накладываешь одни только еловые поленья?

И фрёкен Хёк грозным взглядом окинула дрова, которые Гуннар уже положил в корзину.

— Да, фрёкен Хёк, — ответил Гуннар именно таким голосом, каким надлежало отвечать фрёкен Хёк. Тем особым приютским голосом, каким обыкновенно разговаривали с наставницей или пастором, когда тот приезжал с ревизией и спрашивал их: «Разве

¹ Фрёкен — обращение в Швеции к незамужней женщине.

² Хёк (по-шведски) — ястреб.

не приятно вырастить такой красивый сад?» — или когда приходили родители какого-нибудь деревенского мальчишки и хотели разобраться, за что они побили их дитя, который на школьном дворе кричал им вслед: «Приютские щенки!» Ответ звучал покорно и кротко, ведь было совершенно ясно, что как раз это желали услышать от них и фрёкен Хёк, и пастор, и все вокруг.

— Ты не знаешь, где Расмус? — спросила фрёкен Хёк.

От страха Расмус еще крепче уцепился за ветку. Он молил Бога, чтобы фрёкен Хёк поскорее убралась восвояси. Долго так висеть он бы не смог, а стоило ему хоть чуточку расслабить руки, как он медленно опустился бы вниз и очутился бы перед фрёкен Хёк. Да к тому же на нем была казенная рубашка в голубую полоску, которая уже издали бросалась в глаза. Другое дело — птицы! На деревьях их почти невозможно заметить. Природа наделила их защитной окраской — объясняла им учительница в школе. А к приютским ребятам природа была не столь благосклонна и не наделила их защитной окраской, поэтому Расмусу оставалось только горячо желать, чтобы фрёкен Хёк уходила поскорее, пока он не сорвался с ветки.

Совсем недавно фрёкен Хёк ругала его за то, что он отличился из всех ребят и вымазался как чертенок; об этом он вспомнил именно сейчас. Вот если она повторит свои наставления еще раз, он непременно ответит ей: «Я занимаюсь тем, что приобретаю защитную окраску».

Понятно, он скажет это чуть слышно, совсем про себя, чтобы не услышала фрёкен Хёк. Попробуй только скажи ей это прямо в лицо! Ведь у нее такие суровые глаза, рот ее тоже сурово сжат, и часто она сурово хмурит лоб. Гуннар утверждал, что даже нос у нее весьма грозный. Но Расмус с ним не соглашался. Ему казалось, что у Ястреба очень красивый нос.

Правда, именно сейчас, когда Расмус болтался на дереве и чувствовал, как у него затекают руки, ему никак не удавалось припомнить у нее что-нибудь хорошее. А Гуннар, продолжавший боязливо накладывать дрова в корзину, не осмеливался поднять глаза настолько, чтобы увидеть ее нос, так что последний мог выглядеть, как ему заблагорассудится. Единственное, что Гуннар видел, была кромка ее накрахмаленного передника.

— Ты не знаешь, где Расмус? — переспросила фрёкен Хёк довольно нетерпеливо, поскольку ответа на свой первый вопрос она еще не получила.

— Я только что видел его около курятника,— ответил Гуннар.

Это была истинная правда. Всего полчаса тому назад Гуннар и Расмус искали куриные яйца в зарослях крапивы за курятником, куда иногда забегали глупые куры, чтобы снести яйцо. Не мудрено, что Гуннар видел Расмуса около курятника совсем недавно. А где Расмус сейчас, Гуннар счел более разумным не рассказывать фрёкен Хёк.

— Если увидишь Расмуса, скажи ему, чтобы нарвал корзину крапивы,— сказала фрёкен Хёк и повернулась на каблуках.

— Да, фрёкен Хёк,— ответил Гуннар.

— Ну что, слышал? — спросил он, когда Расмус кубарем скатился с липы.— Тебе нужно нарвать корзину крапивы.

И зачем только есть на свете крапива, сокрушался Расмус. Все долгое лето только и делай, что рви крапиву для кур. Ишь какие! Подавай им каждый день крапивную кашу.

— Неужели эти глупые твари не могут хоть немного пощипать крапивы. Ведь она растет у них под самым носом!

— Как же, дожидайся. Им подноси все на блюде,— сказал Гуннар, расшаркиваясь перед курицей, которая, громко кудахча, прошествовала мимо.

Расмус сомневался, нужно ли покончить с курами на земле, но в конце концов он все-таки решил, что их надо оставить, иначе приютские не получат яйца на завтрак в воскресенье. А если бы не яйцо, как бы они узнали, что это — воскресенье. Нет, уж пусть куры будут на свете. Ничего не поделаешь, придется отправиться за крапивой.

Расмус был не ленивее своих девятилетних сверстников. Просто он оказывал свойственное его возрасту сопротивление всему, что мешало ему лазить по деревьям, купаться в речке, играть с ребятами в братья-разбойники или за картофельным погребом устраивать засаду какой-нибудь девчонке, которую послали за картошкой. Он полагал, что как раз этим следует заниматься, когда у тебя летние каникулы. Но ничего не поделаешь, раз уж фрёкен Хёк не в состоянии уразуметь это.

Приют Вэстерхага существовал главным образом за счет торговли овощами и яйцами. А сироты служили в качестве дешевой и необходимой рабочей силы и вполне оправдывали свое пребывание в приюте. Требования фрёкен Хёк, пожалуй, чрезмерными не были, хотя Расмусу казалось, что заставлять мальчишек целый день окучивать картошку просто бесчеловечно. Но поскольку

ему вместе с другими сиротами придется уже в тринадцать лет содержать самого себя, ему было необходимо заблаговременно научиться работать, и это фрёкен Хёк осознала как нельзя лучше. Зато она никак не могла понять, как необходимы игры и развлечения и для приютских детей. Но, может, этого от нее и требовать было нельзя, ведь она сама никогда не любила играть.

Расмус послушно рвал крапиву за курятником. Но тем не менее он все же сказал курам несколько теплых слов.

«Дармоедки! Лучше бы вас вовсе не было! Здесь кругом столько крапивы, что с ума можно сойти, но вас она, видите ли, не устраивает! А я рви и рви для вас крапиву, словно черный раб на плантации».

И чем больше он думал об этом, тем сильнее он чувствовал себя негром-рабом. В прошлом семестре учительница в школе читала им книжку о рабах в Америке. Нет ничего прекраснее в жизни, чем слушать, как учительница читает книжки, а из всех книг, какие Расмусу когда-нибудь приходилось слушать, эта о неграх-рабах была самой замечательной.

Он рвал крапиву и тихонько стонал. Сейчас над ним нависла плеть надсмотрщика, а за погребом лежали ищейки, подстерегавшие его. Если он не сумеет достаточно быстро наполнить корзину, они набросятся на него. И сейчас он собирал хлопок, а вовсе не крапиву. Работая под знойным солнцем южных штатов, рабы-негры вряд ли надевали большие шерстяные рукавицы, которые он натянул, чтобы не обжечься крапивой,— без них-то никак обойтись нельзя было.

Расмус работал не разгибая спины. Но и у черных рабов тоже иногда бывают маленькие радости. Там у погреба росла очень высокая крапива. Расмус уже нарвал полную корзину, но не поленился пойти туда и срезать ее только для того, чтобы подразнить собак. Вдруг он увидел в стружках возле погреба что-то блестящее, похожее на монетку в пять ёре¹. Нет, не может быть! Но он все-таки осторожно стянул рукавицу и протянул руку, чтобы извлечь находку из-под стружек.

Да, это в самом деле была монетка в пять ёре! Хлопковое поле исчезло, ищейки рассеялись как дым, бедный раб-негр был вне себя от радости.

Ведь чего только не купишь на пять ёре! И большой пакет

¹ Ёре — самая мелкая разменная монета в Швеции.

карамели, и пять леденцов, и плитку шоколада. Все это есть в деревенской лавке. Он может сбежать туда во время обеда и, может, даже завтра. Или он вовсе может не бегать туда, не тратить монетку. А день и ночь радоваться своему богатству, на которое он сможет купить все, что пожелает.

Да, пусть на земле остаются куры, и крапива пускай остается, потому что, не будь кур и крапивы, и это не случилось бы. Он раскаивался, что совсем недавно так сурово обошелся с бедными курами. И хотя вид кур, шнырявших по птичьему двору, говорил о том, что они не обратили ни малейшего внимания на его слова, ему очень хотелось объяснить им, что он абсолютно ничего не имеет против них.

— Да, да, живите себе, — проговорил он, подходя к сетчатой изгороди, окружавшей птичий двор. — Так и быть, я буду каждый день рвать для вас крапиву.

И вот тогда-то произошло новое чудо. Вот тогда-то он увидел новое сокровище. Посередине птичьего двора, у самых ног кудахтающей курицы, лежала раковинка улитки. Прямо посреди куриного помета лежала красивая белая раковинка, вся в мелких коричневых крапинках.

— О! — воскликнул Расмус. — О!

Он быстро открыл калитку и, не обращая внимания на то, что куры, отчаянно кудахтая, бросились врассыпную, ринулся во двор и схватил раковинку.

Теперь его счастье было таким полным, что он должен был с кем-нибудь поделиться. Он должен пойти и рассказать все Гуннару. Бедный Гуннар! Ведь он всего какой-нибудь час назад был с ним возле птичьего двора и не нашел ни раковинки, ни пяти ёре. Расмус призадумался. А быть может, час тому назад там не было ни раковинки, ни пяти ёре. Быть может, они чудом попали туда, как раз когда Расмус начал рвать крапиву. Быть может, для него это был волшебный день, полный удивительных событий.

Лучше всего пойти и спросить обо всем Гуннара.

Расмус вприпрыжку сорвался с места, но сразу же остановился, вспомнив о корзине с крапивой. Он пошел назад, чтобы захватить ее, и с корзиной в одной руке, раковинкой и монеткой, крепко зажатыми в другой, побежал разыскивать Гуннара.

Он нашел его на площадке для игр, где обычно собирались дети, закончив дневную работу. Сейчас там в сборе была вся ватага, чем-то сильно взволнованная. Наверное, что-то случилось, пока Расмус гулял.

Расмусу очень хотелось отвести Гуннара в сторону и показать ему свои богатства. Но Гуннару было сейчас вовсе не до того.

— Завтра мы не станем окучивать картошку, — коротко сказал он. — Тут приедут какие-то выбирать себе малыша.

Такая новость отодвинула на задний план и раковинку, и пять ёре. Разве что-нибудь сравнится с тем, что кто-то из них обретет свой дом. В Вэстерхаге не было ни одного ребенка, который не мечтал бы о таком счастье! Даже большие мальчики и девочки, которым предстояло в скором времени зарабатывать себе на жизнь, наперекор всякому здравому смыслу надеялись на такое чудо. Даже самые некрасивые, угрюмые и несносные из них питали

надежду, что в один прекрасный день кто-нибудь придет и, непонятно почему, захочет взять его или ее. И взять не как маленького батрака или служанку, чтобы помыкать ими, а как своего собственного ребенка. Большого счастья в жизни, чем иметь своих собственных родителей, дети из приюта представить себе не могли.

Правда, далеко не каждый был согласен открыть свою сокровенную мечту. Но Расмус, которому было всего девять лет, и не думал притворяться равнодушным.

— А что, если... — с жаром произнес он, — а что, если они захотят взять меня. О, мне так хочется, чтобы они взяли меня.

— И не мечтай об этом, — сказал Гуннар. — Они всегда берут девчонок с кудрявыми волосами.

Радостное оживление Расмуса исчезло, и на его лице появилось выражение глубокого разочарования. Серьезные глаза умоляюще смотрели на Гуннара.

— Значит, ты не думаешь, что могут найтись люди, которые захотят взять мальчика с прямыми волосами?

— Они берут девчонок с кудрявыми волосами, я же сказал.

Сам Гуннар был очень некрасивый мальчик, курносый, с жесткими, как щетина, волосами, и мечту о родном доме он хранил про себя. Никому и в голову бы не пришло, что его вообще интересовали предстоящие события.

Позднее, когда Расмус лежал на своей узкой кровати, стоящей рядом с постелью Гуннара в спальне мальчиков, он вспомнил, что еще не рассказал о раковинке и монете. Свесившись с кровати, он прошептал:

— Послушай-ка, Гуннар, ведь сегодня произошло столько чудес.

— Чудес? — переспросил Гуннар.

— Да, я нашел пять ёре и красивую-прекрасивую раковинку. Не говори об этом только никому!

— Можно посмотреть? — с любопытством прошептал Гуннар. — Идем к окну, я хочу посмотреть.

Они бесшумно выбрались из кроватей и в одних рубашках встали у окна. В прозрачном сумраке летнего вечера Расмус показывал свои сокровища, осторожно, так, чтобы никто, кроме Гуннара, не увидел их.

— Ну и везет же тебе! — сказал Гуннар, поглаживая указательным пальцем гладкую поверхность раковинки.

— Да, мне везет. Потому-то я и думаю, что, может быть, те, которые приедут завтра, все-таки возьмут меня.

— Ну что же, надейся,— ответил Гуннар.

На кровати около двери лежал Стуре-Петер, самый старший из мальчиков и, следовательно, их вожак. Он приподнялся на локте и напряженно прислушался.

— А ну-ка, ложитесь,— прошептал он.— Ястреб... Я слышу ее шаги на лестнице.

Гуннар и Расмус так стремительно бросились к своим кроватям, что рубашки, словно крылья, захлопали по их голым ногам. И когда вошла фрёкен Хёк, в спальне царила мертвая тишина.

Воспитательница совершала вечерний обход. Она переходила от одной кровати к другой и проверяла, все ли в порядке. Иногда, что случалось очень редко, она небрежно, почти с отвращением, гладила по щеке какого-нибудь мальчика.

Расмус не любил фрёкен Хёк, но все-таки каждый вечер надеялся, что она погладит его. Почему надеялся, он и сам не знал, просто ему очень хотелось, чтобы она погладила его.

«Если она погладит сейчас меня,— думал Расмус, лежа в кровати,— то это значит, что у меня и завтра будет день чудес. Это значит, что те, которые приедут завтра, захотят взять меня, хотя у меня и прямые волосы».

Сейчас фрёкен Хёк была у кровати Гуннара. Расмус застыл в ожидании. Сейчас, вот сейчас она подойдет к нему.

— Расмус, не тереби одеяло,— сказала фрёкен Хёк.

Затем она пошла дальше и через минуту спокойно, решительно закрыла за собой дверь.

В спальне было тихо. Только там, где стояла кровать Расмуса, слышался тяжкий вздох.

Глава вторая

В это утро у мальчишек ушло много мыла на умывание. Блистающие чистотой уши и добросовестно вымытые руки очень нравятся приемным родителям, по словам Ястреба, и сегодня надо показать себя в самом выгодном свете.

Расмус положил порядочный кусок мыла в таз и начал оттирать грязь с таким усердием, какое у него появлялось только накануне сочельника. Волосы у него были прямые — тут уж ничего не поделаешь. Но ведь речь шла об ушах. Поэтому он твердо решил, что в этот день чище его ушей не найдется во всей Вэстер-

хаге, а более красных, безжалостно надраенных рук тоже ни у кого не будет. Правда, у девочек и здесь было преимущество — они ведь ужасные чистюли. Грязь будто не пристаёт к ним так, как к мальчикам. Да, впрочем, они только и делают, что моют, убирают, пекут и всякое такое, от чего можно стать только чище.

Посреди умывальной стоял Стуре-Петер. Он еще не брал в руки ни мыла, ни щетки. Осенью ему исполнится тринадцать лет, и тогда он должен покинуть Вэстерхагу, хочет он того или нет. Он знал, что ему придется наняться батраком к какому-нибудь местному крестьянину. А еще он знал, что никакие даже очень старательно вымытые уши не смогут изменить этого обстоятельства.

— Не буду я сегодня мыться, плевал я на это дело,— заявил он во всеуслышание.

Воцарилась томительная пауза, щетки замерли в тазах. Стуре-Петер был вожак, и он не собирался мыться. Надо было спешно решать, что же делать.

— И я, и я не буду сегодня мыться — плевать мне на все!

Гуннар решительно отложил щетку. Он тоже знал, что вода и мыло не сотворят с ним чуда.

— Ты что, с ума сошел? — сказал Расмус. С волос прямо в глаза капала вода, и он откинул их назад.— Ты ведь знаешь, кто придет.

— А ты, верно, думаешь, что явится король Оскар собственной персоной. Плевать мне на того, кто придет, пусть это будет сам король или торговец старым хламом из лавки в Чисе,— все равно я мыться не буду.

Кухарка тетушка Ольга, которая была немного болтливее фрёкен Хёк, рассказывала, что придет торговец, не бедный торговец старым хламом, а богатый и важный, привезет с собой жену. Собственных детей, которые когда-нибудь смогут унаследовать лавку, у них нет. Поэтому-то они и приезжают в Вэстерхагу, чтобы приобрести малыша, сказала тетушка Ольга. «Получить в наследство целую лавку — вот это здорово,— думал Расмус.— Лавку, полную конфет, леденцов и пастилы. Ну, там мука, кофе, мыло и селедка у них, конечно, тоже есть».

— А я все-таки буду мыться,— твердо заявил он и принялся скрести локти.

— Да валяй мойся,— сказал Гуннар.— Я тебе помогу.

Он схватил Расмуса за затылок и быстро окунул его голову

в таз. Расмус вырвался, сердито отфыркиваясь. А Гуннар стоял, заливаясь смехом.

— Ты ведь не рассердился, правда? — лукаво спросил он.

Взглянув на его добродушное курносое лицо, Расмус тоже рассмеялся. На Гуннара он никогда не мог долго сердиться. Но все же это не пройдет ему даром! Он схватил таз и угрожающе двинулся на Гуннара, который стоял в дверях спальни, ожидая его нападения. Расмус поднял таз — сейчас Гуннар примет такой душ, что надолго его запомнит. Но только Расмус собрался напасть, как его жертва проворно отскочила в сторону. В ту же секунду дверь отворилась, и, подобно бурному тропическому ливню, содержимое таза с шумом обрушилось на того, кто появился на пороге.

Это была фрёкен Хёк. К сожалению, в таких случаях только один-единственный человек может удержаться от смеха, а именно тот, кто принимает душ на себя. Фрёкен Хёк отлично справилась со своим смехом, но среди мальчиков послышалось сдавленное хихиканье. И, заглушая это хихиканье, раздался чей-то отчаянный смех. Это смеялся Расмус. Какое-то одно мгновение он смеялся словно сумасшедший, а потом замолк и стоял в ужасе, ожидая катастрофы. Ибо катастрофы теперь не избежать, это он понимал.

Фрёкен Хёк превосходно умела владеть собой, и это она доказала сейчас еще раз. Она только встряхнулась, словно мокрая собака, и устремила на Расмуса неодобрительный взгляд.

— Сейчас мне не до тебя, — сказала она. — Но позднее мы непременно поговорим.

Потом она громко хлопнула в ладоши и объявила:

— Через полчаса сбор во дворе. К этому времени вы должны застелить кровати, убрать в спальне и позавтракать.

И она ушла, даже не взглянув на Расмуса. Когда она исчезла, разразилось ликование:

— Красота, под хороший дождичек она попала! — воскликнул Стуре-Петер. — Вот так Расмус! Метко угодил!

Но Расмус не мог вместе со всеми радоваться своей меткости. День начался неудачно. Этот день не будет для него днем чудес, днем, когда он получит своих собственных родителей. Наказание — вот что ждет его. И, наверное, самое ужасное наказание, потому что он натворил таких дел. От беспокойства и тревоги его начало знобить, его худое тело била мелкая дрожь.

— Одевайся,— сказал Гуннар.— Ты же замерз, у тебя даже нос посинел.

И понизив голос, добавил:

— Это я виноват, что ты облил водой Ястреба.

Расмус натянул на себя рубашку и штаны. Не все ли теперь равно, кто виноват. Ведь ни он, ни Гуннар не думали, что все выйдет шиворот-навыворот. Но ему становилось страшно, так страшно при мысли о том, что придумает фрёкен, чтобы наказать его. За тяжелый проступок фрёкен Хёк иногда собственноручно порола провинившегося плеткой из тростника. Один раз так был наказан Стуре-Петер, когда он наворовал яблок в саду священника, и Элофа тоже выпороли в то утро, когда он, рассердившись на тетушку Ольгу, обозвал ее «кухонной крысой», а фрёкен Хёк услышала это. Но выплеснуть целый таз воды на саму фрёкен Хёк — это, конечно, куда хуже, чем наворовать яблок и обозвать кого-то «кухонной крысой». Конечно, Ястреб выпорот его плеткой в своей комнате.

«Но если она ударит меня, я умру,— думал Расмус.— Просто возьму и умру, вот и все».

Если ты всего лишь приютский мальчуган с прямыми волосами, которого никто не хочет взять, то не все ли равно, жить или умереть.

Когда он вместе с другими ребятами вышел во двор, настроение у него было все еще подавленное. Фрёкен Хёк была уже там в нарядном черном платье и накрахмаленном белом переднике. Она хлопнула в ладоши и сказала:

— Вы, может быть, уже слышали, что у нас сегодня будут гости. Приедет один господин со своей женой. Они хотят посмотреть на вас и немного с вами поговорить. А вы должны играть и держать себя как всегда. Разумеется, было бы хорошо, если бы вы вели себя чуть-чуть получше, чем обычно. Ну, а теперь играйте.

Расмусу совсем не хотелось играть. Он подумал, что у него вообще больше никогда не будет желания играть. Он пошел и забрался на свое обычное место на липе. Там он смог спокойно посидеть и подумать; кроме того, оттуда можно вести наблюдение за аллеей и увидеть, когда приедет торговец с женой. И хотя никакой надежды, что эти люди выберут его, не оставалось, ему все же интересно было посмотреть на них.

Он сидел под зеленым сводом и ждал. Раковинка и пять

ёре лежали у него в кармане. Он вытащил их, чтобы полюбоваться. До чего же приятно держать их в руке.

«Мои миленькие,— с нежностью подумал он.— Мои миленькие, мои хорошие!»

Несмотря на все несчастья, его неслыханное богатство хоть чуточку, но все же радовало его.

В дальнем конце аллеи послышался слабый стук лошадиных копыт. Цокот приближался, и вот на повороте аллеи показалась коляска. Две лошади гнедой масти бежали рысью, поднимая клубы пыли на дороге. Когда же экипаж поравнялся с калиткой, кучер осадил их звучным «тпру!».

В коляске сидели господин и дама. О, до чего же красивая дама! Маленькая голубая шляпка с белыми перьями, которые покачивались на ее высоко зачесанных светлых волосах, украшала ее голову. В руке она держала белый кружевной зонтик от солнца, откинув его назад, и Расмус мог видеть ее красивое лицо. А какое было на ней нарядное светлое платье с широкой длинной юбкой. Выходя из коляски, она приподняла юбку, придерживая ее маленькой белой ручкой. Расмус подумал, что она выглядит совсем как фея из сказки. Низенький толстый мужчина, который помог ей выйти из коляски, был совсем не такой красивый. В нем не оказалось ни капельки сказочного, но зато у него была лавка, полная конфет и пастилы, а это немало значило.

Мелкими шажками дама с зонтиком прошла через калитку, которую ее муж раскрыл перед ней. Расмус, рискуя свалиться, наклонился вперед, чтобы не упустить ни одного жеста этого сказочного существа. Вот бы иметь такую маму! Какое это счастье!

— Мама,— словно репетируя, тихонько произнес про себя Расмус.— Мама!

О, если бы все-таки это был день чудес! Тогда эта красивая госпожа поняла бы, что из всех детей в Вэстерхаге лучше всего взять его и только его. Тогда бы она сказала, едва увидев его: «Нет, вы только посмотрите! Вот как раз такой мальчик с прямыми волосами, которого нам так хочется взять себе». И тогда торговец кивнул бы и сказал: «Да, он будет мне помогать в лавке. Ну, скажем, продавать карамель».

А когда бы пришла фрёкен Хёк, чтобы увести его в свою комнату и там выпороть, торговец сказал бы: «Будьте так добры, не троньте нашего ребенка».

А потом бы они сразу же посадили его в коляску, и он

держал бы красивую госпожу за руку, а у калитки стояла бы фрёкен Хёк с плеткой в руке, широко открыв рот от изумления. А коляска катилась бы по аллее, и стук лошадиных копыт удалялся бы все дальше и дальше от фрёкен Хёк. Наконец, когда коляска исчезла бы из виду, она немножко поплакала бы и сказала: «Вот и уехал Расмус».

Он вздохнул. Ах, если бы на свете было все-таки поменьше кудрявых девчонок. Грета, Анна-Стина и Эльна — три красотики в одном только их детском доме. И Элин тоже, но она какая-то странная. Ее-то наверняка не захотят взять.

Он заторопился и быстро слез с дерева. Торговец и его жена были уже во дворе и могли в любой момент заметить какую-нибудь кудрявую девчонку. По крайней мере, он должен появиться вовремя, пускай они потом сами себя винят, если не захотят взять его.

Решительно направился он во двор, где фрёкен Хёк только что поздоровалась с посетителями.

— В саду накрыт кофе. Мы посидим там и спокойно побеседуем, — сказала она, приветливо улыбаясь. — И тем временем вы, господа, сможете посмотреть на детей.

Красивая госпожа улыбнулась в ответ несколько смущенной улыбкой, нерешительно оглядывая детей.

— Да, мы посмотрим, кто...

Ее муж ободряюще похлопал ее по плечу.

— Да, да, — сказал он. — Да, да, сейчас мы попьем кофе. Все будет отлично.

Рядом на площадке дети играли в лапту. Им велели играть, и они послушно выполняли приказание. Но это было печальное зрелище, которое никому не могло доставить удовольствия. Нельзя же, в самом деле, играть, когда, может быть, все твое будущее зависит от того, как ты себя ведешь и как выглядишь именно в это утро. Дети то и дело украдкой бросали взгляды туда, где за столом около кустов сирени сидели трое и пили кофе. На площадке стояло тягостное молчание. Ни ссор, ни смеха — слышался только звон мяча, ударявшегося о битку, и этот звук казался удивительно раздражающим в это тихое летнее утро.

Робко, словно ягненок, отбившийся от стада, Расмус бежал за кустами сирени. Он и не подозревал, что фрёкен Хёк и ее гости сидят за столом. Когда же он обнаружил это, было уже поздно возвращаться и идти другим путем. Ему пришлось идти

мимо них; ноги у него при этом словно одеревенели, и он чувствовал себя в высшей степени неловко. Украдкой он посмотрел на фрёкен Хёк. Он был так близко от нее, гораздо ближе, чем ему бы хотелось. Он спотыкался на каждом шагу, норовя поскорее отойти и присоединиться к остальным ребятам на площадке для игр. Тайком он бросил взгляд и на красивую госпожу, и как раз в это мгновение она посмотрела на него. Чувствуя, что не может двинуться с места, он стоял в смущении, не отрывая от нее глаз.

— Расмус! — резко сказала фрёкен Хёк, но больше она ничего не добавила. Раз уж на то пошло, то эти господа за тем и приехали, чтобы посмотреть на детей.

— Тебя зовут Расмус, да? — спросила красивая госпожа. Отвечать Расмус был не в состоянии, он только кивнул.

— Когда здороваешься, надо поклониться,— произнесла фрёкен Хёк.

— Хочешь пряника? — осведомилась красивая госпожа и взяла пряник из хлебной корзинки.

Расмус покраснел и поспешно поклонился. Он бросил быстрый взгляд на фрёкен Хёк — разрешит она взять пряник или нет? Фрёкен Хёк кивнула, и Расмус взял пряник.

— Когда берешь пряник, надо поклониться,— сказала фрёкен Хёк.

Расмус покраснел еще больше и снова поклонился. Он стоял в нерешительности, не зная, что ему делать. Он не осмеливался есть пряник, и не знал, чего от него хотят — чтобы он ушел или остался.

— Теперь беги поиграй,— сказала фрёкен Хёк, и тогда Расмус, круто повернувшись, в смятении побежал прочь. Он сел на траву около детской площадки и начал грызть пряник, испытывая огромную досаду. Только что он вел себя как последний болван, был таким неловким и даже не догадался поклониться и поблагодарить. Теперь она, жена торговца, обязательно подумает, что он болван.

Летнее солнце поднималось все выше над горизонтом. Стоял ясный погожий день, и не надо было окучивать картошку. Но для детей из приюта Вэстерхага это все же был трудный день, полный мучительного ожидания. Игра в мяч быстро прекратилась. Дети были не в силах даже притворяться, что им весело. Они не знали, как использовать эту странную свободу, которая продлится ровно столько времени, сколько нужно этим людям, чтобы сделать свой выбор. Никогда еще утро не казалось детям таким длинным. Подавленные и хмурые, они стояли во дворе небольшими группами и украдкой следили глазами за дамой с зонтиком. Ее муж по-прежнему сидел за столом и читал газету. Было ясно, что выбор будет делать она. И жена торговца переходила от одной группы к другой. Она по очереди разговаривала с ними, немного нерешительно, немного смущенно, не зная, что же сказать всем этим несчастным детям, которые так странно глядели на нее.

Вот этот малыш Расмус, его взгляд настойчивее других следовал за ней. Словно мольба была в его глазах, в этих темных глазах, которые казались слишком большими на его веснушчатом узком лице.

Но были и другие глаза, которые молили и просили. Вот, на-

пример, эта девочка, маленькая резвушка с румяными щечками и облаком светлых вьющихся волос. Ее невозможно было не заметить, она так усердно следовала за вами, куда бы вы ни пошли. Эта отважная малышка единственная из всех детей осмеливалась отвечать улыбкой на улыбку.

Жена торговца ободряюще потрепала ее по щеке.

— Как тебя зовут, моя дорогая?

— Грета, — ответила светловолосая девочка и мило присела. — Какой у тети красивый зонтик, — сказала она.

Тетя взмахнула белым кружевным зонтиком и сама подумала, что он изящный. И вдруг она уронила его на траву. Прежде чем она успела наклониться за ним, Грета была уже там. Но не только Грета. Расмус тоже стоял недалеко от красивой госпожи, подойти к ней совсем близко у него не хватало смелости. И он тоже бросился к зонтику. О, наконец-то он покажет, что он тоже умеет быть вежливым.

— Пусти, — сказала Грета, дергая зонтик.

— Нет, я... — сказал Расмус.

— Пусти, — повторила Грета и дернула еще раз.

Внезапно Расмус остановился, в ужасе уставившись на оторванную ручку зонтика, которую держал в руке. Половина зонтика осталась у Греты. Она также напугалась. Когда она, наконец, поняла, что произошло, она расплакалась.

В этот момент подбежала фрёкен Хёк.

— Ну что за несносный ребенок этот Расмус! Мне кажется, ты сегодня не в своем уме. Когда ты научишься вести себя прилично?

Жгучие слезы стыда и обиды выступили на глазах у Расмуса. Краска залила ему лицо. Жена торговца явно расстроилась, что она причинила детям столько огорчений.

— Ничего страшного, — сказала она примирительно. — Ручку можно снова привинтить. Мой муж сейчас все исправит.

Она забрала свой растерзанный зонтик и поспешила к мужу, который все еще сидел за столом. Грета быстро осушила свои слезы и последовала за ней, словно любопытная собачонка. Она остановилась в двух шагах и с интересом смотрела, как торговец привинчивал ручку, приводя в порядок зонтик.

— Как хорошо, что его можно починить, — весело сказала она и улыбнулась. Ее светлые волнистые волосы светились на солнце.

А Расмус исчез. Он отступил, спрятав свой позор и недостойные мужчины слезы в уборной. Это было место отдыха для оскорб-

ленных душ, место, где скорее всего забываются все несчастья. Если порыться в стопке нарезанной газетной бумаги, всегда можно было прочесть что-нибудь интересное. Может, и сейчас ему посчастливится найти такое, что он сразу позабудет всяких там красивых жен торговцев с кружевными зонтиками и все несправедливости в этом мире.

Расмус глубоко погрузился в чтение. Право же, ему повезло — попалось кое-что весьма занимательное. Широко раскрыв глаза, он по слогам читал то, что было напечатано на клочке газетной бумаги:

ОГРАБЛЕНИЕ ЗАВОДА В САНДЁ

Вчера был совершен дерзкий налет на завод в Сандё. Двое мужчин в масках ворвались в контору завода. Угрожая пистолетами, они захватили все деньги, находившиеся в кассе — недельную зарплату рабочих. Затем преступники скрылись, не оставив никаких следов.

Расмус представил себе грабителей в масках, и у него по спине забегали мурашки. В этот момент он и не думал вспоминать жену торговца.

Но когда несколько часов спустя торговец и его жена покидали Вэстерхагу, он стоял у калитки и долго смотрел вслед коляске. Там на заднем сиденье сидела Грета, ее светлая головка покачивалась рядом с голубой шляпкой с перьями. Вот и уехала Грета. Она сидела в коляске и, наверное, держала за руку красивую госпожу.

Глава третья

Ну что ты теперь скажешь? — спросил Гуннар, когда коляска скрылась из виду. — Они всегда берут девчонок с кудрявыми волосами, я же говорил.

Расмус кивнул. Так оно и есть. Мальчикам не на что рассчитывать, пока рядом кудрявые девчонки.

И все-таки неужели где-нибудь на свете не найдется человек, который захочет взять в сыновья мальчика с прямыми волосами. Всего один... где-нибудь... далеко вон за тем поворотом дороги...

— Послушай, я знаю, что надо делать, — с воодушевлением сказал Расмус, — Надо удрать и самому поискать родителей.

— Что ты? Каких родителей?

Гуннар был в полном недоумении.

— Каких-нибудь, которые захотят тебя взять. Им не из кого будет выбирать и придется взять и того, у кого волосы не выются.

— Да ты просто гений,— ответил Гуннар.— Знаешь, мне кажется, что тебе надо пойти к Ястребу и сказать: «Очень извиняюсь, но я сегодня не могу окучивать картошку. Я должен пойти и поискать, не захочет ли кто-нибудь взять меня».

— Дурачок, надо удрать, не спрашиваясь у Ястреба, понимаешь? Удрать и все.

— Ну и беги,— сказал Гуннар.— Когда проголодаешься, ты вернешься домой, как пить дать. Если тебя раньше никогда не пороли, то уж тут выпорют обязательно.

«Выпорют»,— сказал Гуннар. Расмуса всего передернуло. Как он мог забыть об этом! Ведь Ястреб выпорет его плеткой; по крайней мере, он был почти уверен, что порки ему не миновать. При мысли об этом у него на лбу выступил холодный пот.

— Идем поиграем с ребятами в лапту,— предложил Гуннар.— Ты ведь не собираешься сейчас бежать?

Гуннар положил руку ему на плечо. Он был такой добрый, Гуннар, и его рука словно защищала Расмуса от всех невзгод. Расмус почувствовал себя спокойнее и пошел за ним на площадку для игр.

Остальные ребята стояли там, столпившись вокруг Стуре-Петера, который, жеманно улыбаясь, семенил ногами, изображая жену торговца.

— Как тебя зовут, мой дорогой? — говорил он, глядя по голове Элофа.— Тебе нравится здесь в Вэстерхаге, не правда ли? Ты когда-нибудь видел этот, как его, мотор? Ты когда-нибудь делал в штанишки?

Чтобы жена торговца задавала последний вопрос, никто не слышал, но все с удовольствием смеялись. Она доставила столько тайной тревоги и разбудила столько тайных желаний, а сама никогда больше не придет сюда, такая красивая в голубой шляпке и с кружевным зонтиком! Так хоть посмеяться над ней!

— Глядите-ка, вот и мальчик с тазом,— закричал Стуре-Петер, завидев Расмуса и Гуннара.

— Какие водные фокусы ты думаешь проделать с Ястребом завтра?

Расмусу совсем не хотелось говорить о водных фокусах, но если Стуре-Петер снисходил до разговора с кем-нибудь, то надо было отвечать в тон.

— Я могу взять хотя бы садовый шланг и окатить ее водой, — небрежно сказал он.

Все одобрительно засмеялись, а Расмус, поощренный успехом, продолжал:

— Или, например, я могу взять большую пожарную кишку и задать ей трёпку.

Как ни странно, но это никого не рассмешило. Внезапно все затихли и уставились на что-то позади Расмуса. Почувствовав, как заныло в животе, Расмус стремительно обернулся посмотреть, в чем дело.

Ястреб — вот, оказывается, в чем дело. В черном пальто с буфами на рукавах и в нарядной шляпке. Тетка Ольга говорила, что Ястреба пригласили к священнику на чашку кофе. Боже милосердный, почему ей надо было нагрязнать именно сейчас и именно сюда?

— Вот как, это ты-то задашь мне трёпку? — сказала она так, словно ее это забавляло. — Зайди завтра ко мне в комнату в восемь часов утра, и тогда мы увидим, кто получит трёпку.

— Да, хёкен Фрёк... — пробормотал Расмус, не помня себя от страха.

Фрёкен Хёк сокрушенно покачала головой.

— «Хёкен Фрёк» — не могу понять, Расмус, что с тобой сегодня стряслось?

И она ушла, а Расмус остался удрученный, сознавая, что погиб. На этот раз ничто не спасет его, это ясно. Его выпорют плеткой, и он заслужил такое наказание, он сам так считал. Нельзя безнаказанно натворить столько глупостей за один день.

— Фи, она бьет не очень-то больно, — сказал, утешая, Стуре-Петер. — Не так уж и страшно. Нечего тебе из-за этого киснуть.

Но Расмуса ни разу в жизни не поролли плеткой, и он чувствовал, что не вынесет этого. О, почему он не сидит сейчас рядом с женой торговца в коляске, которая катится все дальше и дальше от Вэстерхаги!

Раз уж на то пошло, ему оставалось только одно — он должен бежать... Он не мог лежать в кровати целую ночь, зная, что как только наступит утро, он должен пойти к фрёкен Хёк и получить порку. Но один он, пожалуй, не мог отправиться в

дорогу. Гуннар должен пойти вместе с ним. Он должен! Расмус поговорит с ним, будет умолять его, чтобы и он бежал! Нельзя терять время. Через несколько часов они должны отправиться.

Длинный день кончался. Наступило время ложиться спать, но всем хотелось как можно дольше оставаться на улице. Сегодня вечером дежурила тетка Ольга, потому что фрёкен не было дома. Тетку же Ольгу никто не боялся. Когда она позвала девочек, то те, как всегда, послушно пошли в дом, но мальчиков ей пришлось загонять, словно стадо упрямых бычков. Ни у кого не было желания идти ложиться спать в светлый чудесный летний вечер.

Расмус держался все время рядом с Гуннаром, и, когда они раздевались, он прошептал ему:

— Гуннар, я все-таки убегу сегодня ночью. Давай убежим вместе!

Но Гуннар с досадой оттолкнул его.

— Не болтай чепухи! Зачем тебе бежать?

Даже Гуннару Расмус не хотел признаться в том, что он бежит из-за предстоящей порки.

— Надоел мне детский дом,— заявил он.— Я решил поискать какое-нибудь другое место, где можно жить.

— Ну что же, удирай,— сказал беззаботно Гуннар.— Но когда ты вернешься назад, мне будет тебя жаль.

— Я никогда не вернусь.

Это прозвучало жутко и грозно. Расмуса самого бросило в дрожь, когда он произнес эти слова. Он не помнил другого дома и другой матери, кроме фрёкен Хёк. В самом деле, было жутко представить себе, что он должен исчезнуть навсегда. Как странно будет никогда больше не видеть Ястреба, в самом деле будет очень странно. Не потому, чтобы он любил ее, но все-таки... Несколько лет тому назад, однажды вечером, когда у Расмуса было воспаление уха, она взяла его к себе на колени. Он приложил свое больное ухо к ее руке, и она пела ему песню: «Самая надежная защита...» Он тогда очень любил ее и потом еще долго, долго после своей болезни, любил ее, ходил и горячо желал, чтобы у него снова было воспаление уха. Но ухо у него больше не заболело, и фрёкен Хёк больше никогда не печалилась о нем и почти никогда не гладила его по голове, когда совершала вечерний обход. А теперь она хотела выпороть его. Ну так он убежит, и поделом ей. Все же ему стало ужасно не по себе, когда он произнес эти слова: «Я больше никогда не вернусь назад».

А тут еще Гуннар. Если Гуннар не пойдет с ним, то и его он тоже никогда больше не увидит. Это будет похуже всего остального. Ведь Гуннар его лучший друг! Подумать только что они больше не встретятся!

В спальне их кровати стояли рядом, в школе они сидели за одной партой, а однажды за курятником они побратались: каждый до крови порезал себе руку и потом они смешали свою кровь. И вот теперь Гуннар не хотел бежать вместе с ним. Расмус почти разозлился на него за это.

— Ты и в самом деле хочешь остаться в Вэстерхаге насовсем?

— Мы поговорим об этом, когда ты вернешься,— ответил Гуннар.

— Я никогда не вернусь,— заверил Расмус и снова содрогнулся, произнося эти слова.

В спальне в этот вечер был настоящий шторм. Фрёкен Хёк сидела в гостях, а прижать хвост тетке Ольге ничего не стоило, как говорил Стуре-Петер. В ее дежурство они могли драться и дурачиться, шуметь и не ложиться спать до тех пор, пока не приходила тетка Ольга с багровым от ярости лицом и не заявляла, что доложит фрёкен Хёк. Тогда приходилось забираться в кровать. Но и в постели можно было болтать и не спать.

— Я принц крови,— начинал Альбин из своего угла, он всегда начинал так. «Принц крови Альбин» называли они его. Он утверждал, что его отец родом из королевской семьи, а сам он попал в Вэстерхагу по чистой случайности.

— Это случилось, когда я был маленьким красивым ребенком,— говорил Альбин.— Но, когда я вырасту большой, я разыщу своего отца, и тогда вы увидите, черт возьми! Кто был добр ко мне, получит от меня подарки, много всяческих подарков.

— Спасибо, Ваше Величество,— говорил Стуре-Петер.— Расскажи, что мы получим.

Эта игра повторялась часто. Никто, кроме самого Альбина, не верил, что он принц крови, и никто, кроме того же Альбина, не верил, что он когда-нибудь сможет подарить хотя бы пять ёре. Но все они тосковали по удивительному, непохожему на их будничную тусклую жизнь без сказок, без игрушек, без детских радостей. Поэтому они охотно слушали Альбина, который, лежа по вечерам в своей кровати, налево и направо раздаривал коньки и веселые игры, велосипеды и книги.

Обычно Расмус тоже любил эту игру. Но сегодня вечером у него было только одно желание, чтобы все заснули как можно скорее. Все его тело покалывало, словно все злоключения этого дня заползли ему под кожу и подстрекали его пуститься в дорогу. За открытым окном стояла летняя ночь, светлая и тихая. Там за окном царила тишина, там не было плеток, которых надо бояться. И, может быть, где-нибудь далеко отсюда найдется место, где мальчику с прямыми волосами будет лучше, чем в Вэстерхаге.

Он ненадолго задремал, но проснулся от внутренней тревоги и почувствовал, что время пришло. Как обычно, слышался только храп Элофа и тихое сопение остальных мальчиков. Расмус осторожно сел в своей кровати и начал пристально всматриваться в ряды кроватей, желая убедиться, что все заснули. Да, все спали. Что-то бормотал во сне принц Альбин; Эмиль, как всегда, метался во сне, но спать-то все спали. И Гуннар тоже. Он спал спокойно и безмятежно, положив на подушку свою лохматую голову. Нисколько не заботясь о том, что в эту ночь его лучший друг навсегда покинет приют Вэстерхагу. Расмус вздохнул. И будет же Гуннар жалеть, когда, проснувшись утром, увидит, что Расмус в самом деле убежал. Гуннар не сказал бы так спокойно «ну и беги», если бы в глубине души верил, что Расмус действительно решится бежать. Он не понимал, что иногда приходится бежать, спасаясь от плетки. Расмус опять вздохнул. Остальные мальчики, видно, считают наказание плеткой сущим пустяком. Но он скорее согласился бы умереть, чем дать себя выпороть.

Стараясь не шуметь, он выскользнул из кровати и тихонько натянул на себя одежду. Сердце так странно колотилось, и ноги тоже были какие-то странные и непослушные, они, наверное, не хотели бежать, раз так дрожали.

Он сунул руку в карман штанов. Там лежала раковинка и монетка. Конечно, пять ёре — не очень-то большие деньги, когда начинаешь самостоятельную жизнь, но от голодной смерти они могут спасти. Пару булочек и стакан молока он всегда сможет получить за свои пять ёре. Раковинку, такую красивую на вид и приятную на ощупь, он оставит. Гуннар получит ее от своего навеки потерянного друга детства. Когда он проснется утром, Расмуса не будет, зато на краю его кровати будет лежать красивая-прекрасивая раковинка.

Расмус судорожно глотнул и положил раковинку на край кровати. Он постоял немного, стараясь не расплакаться, прислушиваясь к спокойному дыханию Гуннара. Потом протянул руку к голове на подушке и грязным шершавым пальцем осторожно погладил жесткие волосы Гуннара. Это, собственно, была не ласка, просто он хотел притронуться к своему лучшему другу, потому что он, наверное, прощался с ним навсегда.

— Прощай, Гуннар,— тихо пробормотал он.

На цыпочках он добрался до двери. Остановился на мгновение с бьющимся сердцем. Открыл дверь потной от волнения рукой и остановился, прислушиваясь. О, как скрипела эта проклятая дверь!

Лестница, ведущая в кухню, тоже скрипела. А вдруг сейчас он встретит Ястреба, что он тогда скажет? Что у него заболел живот и ему надо выйти — нет, так просто Ястреба не проведешь.

Надо попытаться раздобыть на дорогу что-нибудь съестное. Он потрогал дверь кладовки. Она была заперта. Жестяные коробки для хлеба в кухне были тоже досадно пусты. Он нашел всего лишь один жалкий сухарик и сунул его в карман.

Теперь можно было отправиться. Ему оставалось только взобраться на стол перед окном, потом всего один прыжок — и он свободен.

Но как раз в это мгновение он услышал шаги по песку перед домом. Шаги, которые нельзя было не узнать. Это фрёкен Хёк возвращалась домой из гостей.

Расмус почувствовал, как ноги стали ватными. Теперь он погиб. Если Ястреб пойдет через кухню, он погиб безвозвратно. Ну как тут объяснить, что ты делаешь в кухне в одиннадцать часов вечера.

Он прислушался, холодея от ужаса. Может быть, еще не все потеряно и она пойдет через веранду...

Но не тут-то было! Вот он услышал шаги на крыльце, вот она взялась за ручку двери. Парализованные ноги Расмуса внезапно ожили — он бросился под стол. Он тянул и дергал скатерть на себя, пытаясь ею прикрыться. Через секунду фрёкен Хёк вошла в кухню. Расмусу показалось, что настал его последний час. Невозможно после такого испуга остаться в живых, — сердце наверняка сейчас разорвется, так сильно оно колотится.

Каждый уголок в большой старомодной кухне был ясно виден

в сумеречном свете ночи. Стоило только фрёкен Хёк чуть-чуть опустить глаза, и она увидела бы Расмуса, который сидел под столом, словно перепуганный кролик.

Но, видно, мысли фрёкен Хёк были заняты другим. Остановившись среди кухни, она что-то бормотала себе под нос.

— Заботы... заботы,— повторяла она.— ничего, кроме забот!

Хотя Расмус был очень испуган, он не мог не удивиться. Что имела в виду Ястреб, бормоча эти слова? Какие у нее могли быть заботы? Подумать только, ведь этого он никогда не узнает! Вот она стоит и вытаскивает булавку из шляпы, не подозревая, что Расмус видит ее в последний раз. По крайней мере, он на это надеется. Тяжело вздохнув, фрёкен Хёк вышла из кухни. Легкий стук захлопнувшейся за ней двери показался Расмусу самым божественным звуком, который ему доводилось слышать в своей жизни.

Он сидел неподвижно под столом и напряженно прислушивался. Несколько томительных секунд ожидания, потом быстро залез на подоконник и прыгнул. Тяжело шлепнувшись, он приземлился на траве. Она была мокрая от росы и холодила его босые ноги. Ночной воздух был тоже прохладным, но зато дышалось легко. Это был воздух свободы. Да, он был свободен. Слава Богу, теперь он свободен!

Но он ликовал преждевременно. Новый звук снова напугал его до полусмерти. Неожиданно отворилось окно в комнате фрёкен Хёк в верхнем этаже. Он услышал стук оконного крючка и увидел в окне фрёкен Хёк, высокую и черную. Она стояла и смотрела в его сторону. В отчаянии он прижался к стволу яблони так крепко, словно хотел слиться с ним. Затаив дыхание, он ждал.

— Кто там? — тихонько окликнула она.

Расмус вздрогнул при звуке этого хорошо знакомого голоса. Он понимал, что лучше всего ответить, пока она не обнаружила его. Молчание только ухудшит дело. Но его дрожащие губы не могли произнести ни слова, он только стоял, в страхе уставившись на темную фигуру в открытом окне. Ему казалось, что она смотрит прямо на него, и он ждал, что вот-вот она назовет его по имени.

Как ни странно, она этого не сделала. Неожиданно закрыв окно, она исчезла в глубине комнаты. Расмус облегченно вздохнул. Теперь он неясно различал ее фигуру за окном. Вот она

зажгла свечу, и в мерцающем свете он увидел ее тень на стене, оклеенной обоями в голубой цветочек.

Ему не терпелось поскорее уйти, но он не мог оторваться от яблони, пока там наверху по стенам танцевала тень. Было страшно, но ужасно интересно стоять под окном и смотреть на фрёкен Хёк, когда та ничего не подозревала.

«До свидания, Хёк, до свидания, Ястреб,— подумал он.— Ты могла бы немного почаще гладить меня вечерами по щеке. Тогда я, наверное, остался бы здесь. А теперь до свидания; видишь, как получилось».

Может быть. Ястреб подслушала его мысли, потому что она опустила штору. Словно сказала ему «до свидания». Словно закрыла перед ним приют Вэстерхагу и оставила его одного в ночи.

Он постоял еще в тени яблони, глядя на старый дом, где он прожил столько лет. Старый белый дом сейчас ночью казался очень красивым — темные окна, а кругом ветвистые деревья. Хотя тетка Ольга все время говорит, что приютский дом — это старое воронье гнездо, которое даже грешно содержать в чистоте. Найдутся дома и получше, где можно будет жить. Не стоит огорчаться из-за того, что приходится уходить. Он обязательно найдет какое-нибудь хорошее место — ведь жена торговца не одна на свете.

Он побежал... Побежал по мокрой траве, проскочил между яблонями, метнулся к калитке. Там уже петляла проезжая дорога. Словно серая лента, убегала она в летнюю ночь. И он пустился по ней бежать.

Вопросы и задания

Если вы уже успели прочитать всю повесть А. Линдгрена «Расмус-бродяга», ответьте на вопросы:

1. Когда и в связи с чем Расмус хотел сказать фрёкен Хёк: «Я занимаюсь тем, что приобретаю защитную окраску»?

2. «Теперь его счастье было таким полным, что он должен был с кем-нибудь поделиться».

Чем было вызвано счастье Расмуса? Когда он его испытал?

3. «Сейчас там в сборе была вся ватага, чем-то сильно взволнованная. Наверное, что-то случилось, пока Расмус гулял».

Что же случилось в приюте Вэстерхага? Чем взволнованы были дети?

4. «Вчера был совершен дерзкий налет на завод в Сандё. Двое мужчин в масках ворвались в контору завода. Угрожая пистолетами, они захватили все деньги...»

Когда впервые Расмус узнал об этом происшествии? Какие последствия оно имело?

5. «Это прозвучало жутко и грозно. Расмуса самого бросило в дрожь, когда он произнес эти слова. Он не помнил другого дома и другой матери, кроме фрёкен Хёк».

Вспомните, какие слова вызвали такое сильное чувство у Расмуса.

6. «— Нарубить дров? Нельзя ли вместо этого сыграть и спеть?

— Спасибо, мне хорошо и без песен,— заверила хозяйка, но лицо ее чуть-чуть просветлело.

Оскар тяжело вздохнул.

— Ну и ну,— сказал он и горестно покачал головой.— Опять коли дрова... что за напасть на человека, а он-то ходит себе и ничего плохого не подозревает. Нельзя ли сперва взглянуть на меня?»

Где и когда состоялся этот разговор? Как он характеризует Оскара?

7. «Расмуса распирало от чувства благодарности к Оскару за его доброту. Ему хотелось как-то вознаградить его, принести ради Оскара какую-нибудь большую жертву или что-нибудь подарить ему, чтобы Оскар без слов понял, как сильно он его любит».

Каким образом Расмусу удалось вознаградить Оскара?

8. «Совсем как в сказке,— подумал Расмус,— там всегда появляется старуха, когда нужно узнать дорогу в крепость дракона или еще что-нибудь».

Какая дорога интересовала Расмуса? Чем кончились его расспросы?

9. «— Ну, теперь-то я знаю тебя,— серьезно сказал Расмус.— Поэтому я уверен в тебе».

В какой момент Расмус сделал этот вывод?

10. «Расмус пришел в отчаяние. Подумать только, до чего коты бестолковые, в доме такие ужасы, а он мурлычет и поет...»

О каких ужасах идет речь? Чем все это кончилось?

11. «В другой раз мне расскажут про тайник, в другой раз дадут хлеба с маслом, все в другой раз,— подумал Расмус».

В каком месте и при каких обстоятельствах Расмусу в голову пришли эти мысли?

12. «— Теперь без меня ты сможешь идти гораздо быстрее,— сказал Расмус слегка дрожащим голосом.— Ты сможешь проходить в день много, много миль».

Когда Расмус произнес эти грустные слова и чем они были вызваны?

13. «Разве я не говорил Гуннару, что надо самому идти и искать, не захочет ли кто-нибудь взять тебя!»

Чем закончились приключения Расмуса? Почему он вспоминает Гуннара?

14. Какое, на ваш взгляд, испытание у Расмуса было самым тяжелым?

ЧЕЛОВЕК В РАЗВЕВАЮЩЕМСЯ ПЛАЩЕ

Ну разве не удивительны все эти буквы и слова? Подумать только, что можно взять великое множество всех этих бессмысленных С, и Б, и прочих, как они там еще называются, букв, и сложить их вместе так, чтобы они превратились в слова, слова которые кое-что значат. А потом можно взять эти слова, сложить из них предложения, одеть их в переплет и бац, вот тебе и книжка готова! Книжка, которая, быть может, начнется такими словами: «Однажды темной осенней ночью какой-то человек шел крадучись через маленькие ворота в стене, окружавшей замок. Он пугливо оглянулся: быть может, они, его враги, лежат в засаде, быть может, они подстерегают его там, среди деревьев парка? Под черным развевающимся плащом человек нес сверток, тесно прижимая его к себе. Нет, никогда не отнять им у него это сокровище, прежде он отдаст за него свою жизнь. Быстрый прыжок, и вот он уже сидит верхом на лошади. И тут вдруг раздался выстрел в ночи, человек вскрикнул и выпал из седла. И тут же белая лошадь помчалась прочь среди темных деревьев уже без седока».

Что это такое? Да, собственно говоря, ни что иное, как множество букв. Но когда ты читаешь, ты об этом не думаешь. Ты видишь только человека в развевающемся черном плаще, видишь, как он боится, как живо вскакивает в седло. Ты слышишь выстрел и стук копыт одинокой белой лошади, умчавшейся голопом в ночную тьму. Ну разве не удивительно, что несколько маленьких букв могут тебя так околдовать? А ты знаешь, что они рождают в тебе? Они воспламеняют волю, побуждают твою фантазию, твою способность увидеть вещи и предметы так, как ты их видеть не можешь. Подобной способности ты, верно, должен остерегаться, кто знает, куда она когда-нибудь тебя приведет? Ведь ничего великого и примечательного не свершается в нашем мире, не свершись оно прежде в фантазии какого-либо человека! Ты не думал об этом? Кто-то должен был заранее увидеть это глазами своей души точно так же, как ты видишь человека в развевающемся черном

плаще. Фантазией обладал тот, кто изобрел колесо и паровую машину, и вакцину от оспы, и способ расщепления атомов. Не обладай он фантазией, Колумб никогда не дерзнул бы отправиться в плавание на запад от Испании, чтобы приплыть в Индию. Именно так он открыл Америку... Кто знает, что может открыть или изобрести когда-нибудь твоя фантазия, если она будет расти и расцветать. Быть может, она откроет способ победить голод на нашем земном шаре или упразднить войны. И если даже она не достигнет таких высот, фантазия все же поможет тебе понять столько, сколько ты мог бы не понять, проживи даже целую жизнь. Потому что фантазия подобна прожектору: она внезапно озаряет тьму и ты видишь.

Ну, а для того чтобы расти, твоей фантазии нужна помощь. Ей нужны те самые маленькие буквы и слова, все то и увлекательное, и веселое, и красивое, что может вместиться в книжном переплете. Во всем нашем обществе нет ничего, что лучше книги могло бы воспламенить этот самый прожектор так, чтобы мы глазами своей души увидели то, что иначе видеть не можем. В твоем возрасте мы видим белых лошадей и незнакомцев в развевающихся черных плащах, видим пиратов, бороздящих моря, и индейцев у бивачного костра, искателя сокровищ в подземных пещерах, и космический корабль на пути к отдаленным мирам, о которых мы ничего не знаем и все же видим при свете прожектора своей фантазии. Как важно и необходимо видеть все это. Важно научиться создавать фантастические картины, а поэтому необходимо как можно раньше найти путь к книге. Потому что мы должны начать с самого начала. Потому что, если будучи в твоем возрасте, мы не сможем увидеть таинственных незнакомцев в черных развевающихся плащах, и пиратов, и космические корабли, мы никогда не научимся видеть. И нам придется тогда пройти всю свою жизнь безо всякого такого прожектора, который озарит нам тьму.

Человек в черном развевающемся плаще...

Собственно говоря, что же произошло с ним потом? Умер ли он, а может из близлежащего монастыря явился какой-нибудь сердобольный монах и сжалился над ним. И что за сокровище нес он в своем свертке? Был ли это живой ребенок или шкатулка, полная драгоценностей? Кто были те, кто подстергал его в засаде в темноте и стрелял в него? И куда, в конце концов, убежала белая лошадь?

Да, все это, верно, тебе очень хотелось бы узнать! Но я не собираюсь тебе это рассказывать. Ха-ха, придется тебе выдумать все это самому! Пусти в ход всю свою фантазию!

Астрид Линдгрен. Журнал «Детская литература» (1987, № 10)

Вопросы и задание

1. «Фантазия подобна прожектору: она внезапно озаряет тьму и ты видишь». Что же озаряет этот прожектор? Что мы видим «глазами своей души», и почему без фантазии человек, по словам А. Линдгрен, находится во тьме?

2. Придумайте и напишите в домашнем сочинении продолжение рассказа, начало которого писательница предлагает в статье.

Рэй БРЭДБЕРИ

Родился в 1920 году

Я выбираю звезды.

Рэй Брэдбери

Рэй Дуглас Брэдбери — крупнейший американский писатель-фантаст. Писать он начал еще до войны, мальчиком, выросшим в бедной лос-анджелесской семье; теперь он автор многих книг, сумевший фантастику превратить в подлинное искусство. Фантастика о будущем, утверждает писатель, помогает жить в настоящем. «Ведь будущее рождается из настоящего. Будущее создается нами сейчас. В каждую минуту, которую мы проживаем, нам дана возможность творить его».

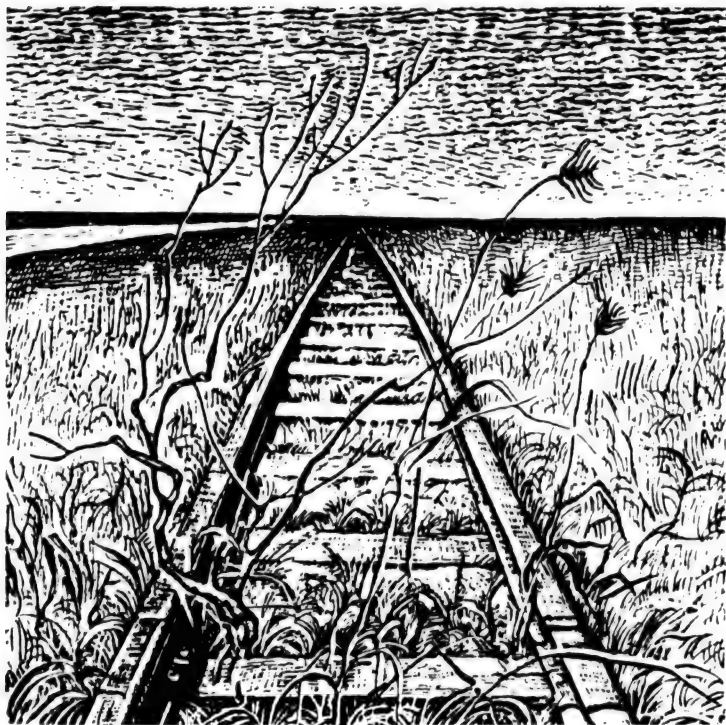
Книги Рэя Брэдбери известны во всем мире. У нас в стране переведены многие из них: романы «451° по Фаренгейту», «Чувствую, что зло грядет», цикл повестей «Марсианские хроники», автобиографический роман «Вино из одуванчиков», сборник стихов «Когда слоны в последний раз во двореике цвели», сборник «Холодный ветер, теплый ветер» и другие.

В о п р о с

Как вы понимаете выражение: «Фантастика о будущем помогает жить в настоящем»?

КАНИКУЛЫ

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, ее создавали пчелы и цветы, суша и океан, все, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и все

двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс, сплошной парадокс: безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчелы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мглистых далях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далеких гор.

Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чье-то сердце. Черный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырехколесной дрезине, на обращенной в две стороны двойной скамейке, защищенные от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развеивал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперед. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и все время настороженно — что дальше?

На ровной прямой дороге мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землей и морем, землей и небом, затормозил и пресек вращение колес.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горячее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушенный гром, шепот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зеленых водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедим?

Мужчина навел бинокль на зеленый полуостров вдаль.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придется ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьезные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина все еще напряженно глядел в бинокль. — Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. После-завтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало-Альто.

Женщина развязала ярко-желтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла ее с золотистых волос и, покрытая легкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что все тело пропиталось ее ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнес корзинку с припасами на берег.

Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нем был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зеленых баночек, он понемногу отпускал галстук и расстегивал жилет, все время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты все время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут, на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись — и мир был пуст. Висела бельевая веревка соседей, и ветер трепал ослепительно белые рубашки, как всегда, поутру блестели машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свиданья», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и, даже не развертывая ее, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всем мире ни души, начинай все сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверно, да,— ответил он.— Без насилия. Просто все исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и все, что растет,— цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Все оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться.— Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы.— Он задумался.— Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов. Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свернутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть, потому, что уже столько лет не любили город, и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик еще спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдешь на работу?

— Ты все еще не веришь, да? — Он засмеялся.— Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Все, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпус-

тили, милая, и мы никогда не вернемся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повел ее по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли,— сказал он.— Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашел в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско.

Молчание. Молчание. Молчание.

— Все,— сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой,— сказала она.— Их нет, а мы остались. И радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучали. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить еще детей!

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой.— Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрет, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнем наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и пока он полчасика один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Соленый ветер разносил запах горячего дегтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцами по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберемся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиэтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошел к самой воде и бросал палки в море, потом бегал за ними, изображая ученую собаку.

Отец продолжал:

— Зимует в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадем, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчет того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедём по ней до конца, посмотрим, куда она ведет. Когда-нибудь, честное слово, пойдем на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьезные глаза его подозрительно блеснули. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул ее руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью все каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула. И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришел?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледное. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там, где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать.

Муж хотел взять руку мальчика. Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны! Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец ее удержал:

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не

переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил ее железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

Что, думала она, что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошел от воды и остановился около родителей, глядя на них; лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешенное, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

«Он написал наше желание? — думала женщина. — Написал то, о чем мы сейчас говорили, нашу мечту?»

Или написал что-то свое, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошел к рельсам и сам, в одиночку, повел дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал.

Это или не это? Наше или свое?..

Она долго глядела в его лишенные выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолетной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам желтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, — там, далеко, у самого горизонта, поблескивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

— Иногда сбывается... даже чересчур.

— Смотря чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко.

Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперед, куда предстояло ехать.

— До свиданья, берег, — сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Ее гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

Вопросы

1. По каким признакам можно судить, что самым большим желанием всех героев рассказа была надежда на встречу с человеком?

2. Почему мать боялась, что желание ее сына не совпадет с ее желанием?

3. Как вы думаете, что написал в записке мальчик? А что написали бы вы на его месте?

4. В чем, по-вашему, смысл этого рассказа?

Для самостоятельной работы

Прочитайте предложенный отрывок.

Алиса Селезнева с отцом и капитаном Зеленым отправились на космическом корабле «Пегас» за новыми животными для зоопарка. Вначале путешественники полетели на планету Двух Капитанов, где встретились с доктором Верховцевым, директором Музея Космических Капитанов.

«...Доктор Верховцев встретил путешественников и повел их к музею. Возле него стояла статуя, изображавшая двух капитанов. На плече у Кима сидела каменная птица.

— Это что за птица? — спросила Алиса.

— Это говорун с планеты Блук.

— Говоруны умеют говорить и летать меж звезд. Капитан Ким никогда не расстается с этой птицей. Теперь разрешите спросить, зачем вы прилетели?

— Мы хотим посмотреть дневники капитанов, — сказал Селезнев.

Эти слова почему-то испугали Верховцева.

— У меня нет дневников. Улетайте отсюда!

Пришлось ни с чем возвращаться на «Пегас». Отлетая, путешественники увидели, как следом за ними поднялся корабль Верховцева и взял курс в другую сторону.

— Не нравится мне все это, — сказал Зеленый...»

Задание

Если вам знакомо это произведение (кто автор? как называется?), расскажите, что произошло с путешественниками дальше. Если вы его не знаете, попробуйте сочинить продолжение этого фантастического рассказа.

ЗЕЛЕНОЕ УТРО

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, кладя в рот еду и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. День был похож на тридцать других: с утра пораньше вырыть побольше аккуратных ямок, потом сыпать в них семена и носить воду из прозрачных каналов. Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя, как в небе один оттенок темноты сменяется другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он мечтал о том, чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города и душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево, чего-чего только оно не может... Оно красит природу, простирает тень, роняет плоды. Или становится царством детских игр — целый небесный мир, где можно лазить, играть, висеть на руках... Средоточие пищи и радости — вот что такое дерево. Но большинство деревьев — это живительный холодок для легких и ласковый шелест для уха, который ночью, когда лежишь в снежно-белой постели, баюкает тебя.

Он лежал и слушал, как темная почва собирается с силами, ожидая солнце, ожидая дождей, которых все нет и нет... Приложив ухо к земле, он слышал поступь грядущих годов и видел — видел, как посаженные сегодня семена брызжут зеленью, как ветка за веткой рвутся к небу, цепляются за него и тянутся ввысь, и весь Марс становится солнечным лесом, светлым фруктовым садом.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывет над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки и выйдет в путь с рюкзаком, выбирая места, копая, сажая семена или саженцы, осторожно уминая землю, поливая — и дальше, насвистывая и глядя в ясное небо, а оно к полудню все ярче и жарче...

— Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костер — живой румяный товарищ, который шутиливо кусает тебе пальцы, а в

прохладные ночи, теплый, дремлет рядом, шуря сонные розовые глаза...— Нам всем нужен воздух. Здесь, на Марсе, воздух редкий. Чуть что и устал. Все равно что в Андах, в Южной Америке. Вдохнул и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, им нужно развивать легкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или сажать еще деревья.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул.— В школе нам рассказывали про Джонни Эплсида. Как он шел через Америку и сажал яблони. А ведь мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы и клены. Всякие деревья: осины, каштаны и кедры. И делаю не просто плоды для желудка, а воздух для легких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько — сколько от них будет кислорода!

Вспомнилось прибытие на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался с тихое марсианское утро и думал: «Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдется ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырек с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришел в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень редкий воздух. Одни его переносят. А вам, мне кажется, лучше возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело, и Марс сделал два оборота у него под ногами. Ноздри расширились, он принудил легкие пить нечто.— Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое; он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух. Они хотят меня отослать из-за воздуха». И он повернул голову, чтобы видеть холмы и равнины Марса. Присмотрелся и сразу заметил: куда ни глянь, сколько ни смотри — ни одного дерева, ни единого. Волнами уходит вдаль черный перегной, а на нем — ничего, ни одной травинки. «Воздух,— думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто.— Воздух, воздух...» И на вершушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — ни деревца, ни травинки.

Ну конечно!

Ответ родился не в сознании, а в горле, в легких. И мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и

трава. Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он поведет свою частную «садовую» войну с Марсом: Древняя марсианская почва... Ее собственные растения прожили столько тысячелетий, что вконец одряхлели. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно лишь гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор говорили о том, что растет в зеленом уборе. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем начнутся планомерные посадки. Пока что продовольствие доставляют с Земли замороженным, в летающих сосульках; лишь несколько общественных садов зеленеют хлореллой.

— Так что пока, — сказал Координатор, — действуйте сами. Добудем семян, сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах плохо с местом. Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зеленых посадок не будет пользоваться успехом...

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шел пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычайно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперед, шел вперед по широкой солнечной долине, все дальше от Первого Города, и ждал — ждал, когда же пойдет дождь.

...Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропеченные солнцем холмы подернулись ночным инеем, а он думал о богатой черной почве — такой черной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве, из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, и спелые стручки будут ронять огромные, невообразимые зерна, сотрясающие землю.

Сонный костер укутался пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью, — подумал он и вытянул руку проверить, идет ли дождь. — Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, легкий, он моросил с высокого неба — волшебный эликсир, пахнувший чарами, звездами, воздухом; и он нес с собой острую на вкус пыль, рождая во рту то же ощущение, что старый херес¹.

Дождь.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали темные пятна: капли становились крупнее и крупнее. Костер выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Шел дождь. Огромный черный свод вдруг треснул, и шесть аспидно-голубых осколков полетели вниз. Он увидел десять миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в воздухе ровно на столько времени, сколько было необходимо, чтобы их запечатлел электрический фотограф. И — мрак, вода.

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошелся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звезды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколл достал из целлофановой сумки сухую одежду, переоделся, лег, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались за ограду, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал и ждал, и работал... Но вот он поднялся и впервые стал лицом в ту сторону, откуда пришел.

Утро было зеленое.

Насколько хватало глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, опуская в землю семена и саженцы. И не мелочь какая-нибудь,

¹ Херес — сорт виноградного вина.

нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные, пышные, деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах тянулись новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколл.

Но долина и утро были зеленые.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелеными деревьями. Присмотришься — и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зеленый, прохладный кислород превратил долину в дельту реки. Еще мгновение, и в поселке распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щеки порозовеют, носы озябнут, легкие заново оживут, сердца забьются чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зеленый воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу золотистому солнцу поднялось еще пять тысяч деревьев.

Вопросы и задания

1. В чем смысл рассказа «Зеленое утро»? С какими произведениями, прочитанными вами ранее, вы могли бы его сравнить? Расскажите об этом.

2. Что заставило Бенджамена Дрисколла остаться на опасной для него планете?

3. Почему в течение целого месяца он ни разу не поворачивался «лицом в ту сторону, откуда пришел»?

4. Что объединяет прочитанные вами рассказы Рэя Брэдбери? Почему они называются фантастическими? Прочитайте определение фантастики в словаре литературоведческих терминов.

5. В чем, по-вашему, смысл слов писателя, вынесенных в эпиграф: «Я выбираю звезды»? Как он связан с содержанием рассказов «Каникулы» и «Зеленое утро»?

6. Рассмотрите репродукцию картины К. Ф. Юона «Новая планета». Придумайте небольшой рассказ по этой картине.

ЧТО ЧИТАТЬ ЛЕТОМ

О твоих ровесниках

- В. Богомолов. «Иван».
Л. Пантелеев. «Ленька Пантелеев».
А. Свирский. «Рыжик».
А. Алексин. «Мой брат играет на кларнете»; «Звоните и приезжайте».
М. Бреженер. «Чур, не игра»; «Достойнейший» и другие рассказы.
А. Грин. «Алые паруса» и другие повести и рассказы.
Н. Дубов. «Мальчик у моря».

О природе и животных

- В. Бианки. «Одинец»; «Аскыр»; «Мурзук» и другие рассказы.
Г. Скребицкий. «От первых проталин до первой грозы».
Г. Тропопольский. «Белый Бим Черное ухо».
Дж. Даррелл. «Моя семья и звери».

Классики отечественной литературы

- Н. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки»; «Миргород».
А. Куприн. «Изумруд» и другие рассказы.
А. Пушкин. «Выстрел»; «Гробовщик»; «Барышня-крестьянка».
Л. Толстой. «Детство».
А. Чехов. «Налим»; «Злоумышленник» и другие рассказы.

Зарубежные классики

- Ч. Диккенс. «Приключения Оливера Твиста».
А. Дюма. «Три мушкетера».
В. Скотт. «Айвенго»; «Квентин Дорвард».
М. Твен. «Принц и нищий».
Ф. Шиллер. «Вильгельм Телль».
Майн Рид. «Всадник без головы».

Приключения, фантастика

- А. Беляев. «Человек-амфибия»; «Ариэль».
Ж. Верн. «Двадцать тысяч лье под водой»; «Таинственный остров».
И. Ефремов. «Звездные корабли»; «На краю Ойкумены».
Ф. Купер. «Последний из могикан»; «Пионер»; «Следопыт»; «Зверобой».
Г. Мартынов. «Каллисто»; «Каллистяне».
Г. Уэллс. «Человек-невидимка».
К. Булычев. «Миллион приключений»; «Девочка с Земли».

В мире прекрасного

- М. Андреева и др. «Рассказы о трех искусствах».
Э. Выгодский. «Необыкновенные приключения испанского солдата Сервантеса, автора «Дон Кихота».
А. Гессен. «...Москва, я думал о тебе».

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллегория (от *греч.* allos — иной и agoгеио — говорю) — иносказательное изображение предмета или явления с целью наглядно показать его существенные черты. Часто аллегория лежит в основе загадки: «Красна девица сидит в темнице, а ко-са на улице», пословицы: «Чем дальше в лес, тем больше дров», басни.

Аллитерация (от *лат.* littera — буква) — повторение однородных согласных звуков, придающее тексту особую вырази-тельность: «И заря над ним образовала золотого зарева пятно».

Амфибра́хий (от *греч.* amphí — кругом, brachys — краткий) — трехсложный размер стиха, в строке которого повторяются груп-пы из трех слогов — безударный, ударный, безударный (— ´ —): «В песчаных степях аравийской земли...»

Ана́пест (от *греч.* anapaiston — отраженный назад) — трех-сложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трех слогов — два безударных, ударный (— — ´): «Я такого угла не видал...»

Антите́за (от *греч.* antithesis — противоречие, противополо-жение) — противопоставление образов, эпизодов, картин, слов. Антитеза помогает передать мысль и чувство, усиливает эмо-циональность речи. Противопоставлены картины солнечного утра и вчерашнего вечера в стихотворении Пушкина «Зимнее утро».

Анекдо́т (*греч.* anecdotos — неизданный) — краткий устный рассказ с остроумной концовкой.

Балла́да (от *прованс.* ballar — плясать) — стихотворный рас-

сказ на легендарную или историческую тему. Реальное в балладе нередко сочетается с фантастическим (см., например, «Воздушный корабль» Лермонтова).

Бáсня — краткий иносказательный рассказ поучительного характера. Действующими лицами в басне часто выступают животные, предметы, в которых проявляются человеческие качества. Чаще всего басни пишут в стихах, но бывают и прозаические басни.

Герóй (литературный) — персонаж, действующее лицо, художественный образ человека в художественном произведении.

Гипéрбола (греч. hyperbole — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета: «И растет ребенок там не по дням, а по часам».

Да́ктиль (греч. dactilos — палец) — трехсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трех слогов — ударный и два безударных (‘ — —): «Труд этот, Ваня, был страшно громаден...»

Диалóг (от греч. dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. В пьесах, киносценариях диалог — основная форма раскрытия характеров. Диалог помогает показать человека в эпических произведениях, иногда встречается в лирических произведениях («Железная дорога» Некрасова).

Драматическое произведение, или **драма** (греч. drama — действие), — произведение, предназначенное для постановки на сцене. В драме характеры людей раскрываются в диалогах и монологах и непосредственно в действиях, поступках.

Жанр (франц. genre — род, вид) — вид художественных произведений: басня, повесть, рассказ и др.

Зага́дка — произведение устного народного творчества. В нем содержится иносказательное изображение предмета, по которому надо отгадать предмет: «Висит сито, не руками свито» (паутина).

Иде́я (греч. idea — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инве́рсия (лат. inversio — перестановка) — необычный порядок слов, благодаря которому автор достигает особой выразительности речи: «Эк, какую кучу снега напустил в очи сатана!»

Интонáция (лат. intonare — громко произносить) — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и собеседнику.

Ирónia (греч. eĩgōneia — притворство, насмешка) — выражение насмешки. Употребление слова, под которым подразумевается противоположное значение: «Он дает знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него...»

Киносценáрий (от *итал.* scenario, *лат.* scaena — сцена) — литературно-драматическое произведение, по которому ставится кинофильм. В киносценарии есть авторские описания, диалоги и монологи героев, авторский текст, звучащий за кадром, и иногда — пояснительные надписи.

Комéдия (греч. cōmōidia — песня веселой толпы) — драматическое произведение, в основе которого лежит юмор, смешное.

Композíция (*лат.* compositio — сложение, состав) — построение художественного произведения.

Легéнда (*лат.* legenda — то, что должно быть прочитано) — произведение, созданное народной фантазией, где сочетаются реальное (историческое событие или лицо) и фантастическое («Легенда об Арионе»).

Лиричéское произведение (от греч. lyricos — поющий под звуки лиры) — произведение, в котором выражаются мысли и чувства автора, вызванные различными явлениями жизни. Наряду с лирическими существуют произведения эпические и драматические.

Метáфора (греч. metaphora — перенос) — слово или выражение, употребленное в переносном смысле, вместо другого слова, потому что между обозначаемыми предметами есть сходство. «Тенькает синица меж лесных кудрей» — кудрями названа листва, потому что она похожа на кудри человека. В нашей речи много метафор: *шляпка гриба, ручка двери, узел связи*.

Метонíмия (греч. metōnymia — переименование) — слово или выражение, употребленное вместо другого, потому что между обозначаемыми ими предметами есть связь (не сходство): «Не смеют что ли командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?» «Изорвать мундиры» — вместо «дать бой». «Помнит вся Россия» — помнят люди в России. В нашей речи много метонимий: *съел целую тарелку, устал с дороги, читал Пушкина*.

Мифы (греч. mythos — слово, речь) — рассказы, порожденные народной фантазией, в которых люди объясняли различные явления жизни. Мифологические образы вошли в сокровищницу

мировой культуры и активно используются в литературе и искусстве до нашего времени.

Монолог (от *греч.* monos — один и logos — речь, слово) — речь одного человека в произведении. Монолог преобладает в лирических произведениях, употребляется в эпических — когда герой говорит сам с собой. В драматическом произведении это обстоятельное высказывание героя.

Олицетворение — изображение неживых предметов в виде живых существ: «вьюга злилась».

Описание — словесное изображение картины (портрет героя, пейзаж, внутренний вид комнаты — интерьер и др.).

Пейзаж (*франц.* paysage, от pays — страна, местность) — картина природы в художественном произведении.

Повествование — рассказ о событиях, фактах, действиях, поступках героя.

Повесть — один из видов (жанров) эпических произведений. По охвату событий и героев повесть больше, чем рассказ, но меньше, чем роман.

Поговорка — крылатое народное выражение, в котором метко определяется отношение к чему-либо. В отличие от пословицы поговорка не составляет цельного предложения: «семь пятниц на неделе», «собака на сене».

Портрет (*франц.* portrait — изображение) — изображение внешности героя (его лица, фигуры, одежды) в произведении.

Пословица — крылатое народное выражение, которое может быть отнесено ко множеству явлений: «Век живи — век учись». Пословицам присущ ритм, а часто и рифма: «Сытое брюхо к ученью глухо».

Поэзия (*греч.* poiēsis, от poiēō — делаю, творю) — 1) стихотворные произведения. Это могут быть произведения лирические («Узник» Пушкина), эпические («Сказка о мертвой царевне и семи богатырях») и драматические (пьесы в стихах); 2) поэтичность: прекрасное, глубоко действующее на чувство.

Поэма (*греч.* poiēma — творение) — один из видов лироэпических произведений: в поэме есть сюжет, события (что характерно для эпического произведения) и открытое выражение автором своих чувств (как в лирике).

Притча — небольшой рассказ, в иносказательном виде заключающий религиозное или моральное поучение.

Прóза (от *лат.* *prosa* (*oratio*) — прямая, свободно движущаяся речь) — произведения нестихотворные.

Проза́йческая речь — речь, свободно движущаяся от предложения к предложению, нестихотворная. Но, как и стихотворная, это тоже художественная речь, в ней есть свой ритм и другие средства художественной выразительности.

Псевдо́ним (*греч.* *pseudōnymos*, от *pseudos* — вымысел, ложь и *опо́та* — имя) — вымышленное имя, под которым автор публикует свои произведения. Максим Горький — псевдоним А. М. Пешкова.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Расска́зчик — в литературном произведении образ человека, от лица которого ведется повествование.

Ритм (от *греч.* *rhythmos* — такт, соразмерность) — повторение однородных явлений через равные промежутки.

Ри́фма (от *греч.* *rhythmos* — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Ромáн (*франц.* *roman* — первоначально произведение на романских — французском, итальянском, испанском — языках) — большое эпическое произведение, где действует много героев, жизнь изображается в развитии.

Сати́ра (*лат.* *satira* — букв. смесь, всякая всячина) — высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни путем изображения их в нелепом, преувеличенном, карикатурном виде. Высмеивая зло, писатель-сатирик утверждает добро.

Симво́л (от *греч.* *symbolon* — условный знак) — предмет, действие или слово, служащее условным обозначением какого-либо явления. Например, хлеб-соль — символ гостеприимства.

Сказ — повествование от лица рассказчика, человека с особым характером и складом речи (например, «Левша» Лескова).

Ска́зка — произведение устного народного творчества, повествование, основанное на вымысле. Различают сказки о животных, волшебные и бытовые. Кроме народных есть сказки литературные, созданные писателями.

Сравне́ние — изображение одного предмета путем сравнения его с другим. У Гоголя «черт поджаривал... грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу».

Стих (от *греч.* *stichos* — ряд, порядок, строй) — стихотвор-

ная строка, наименьшая единица деления стихотворных произведений. Слово «стихи» часто употребляется в значении «стихотворения».

Стихотворение — небольшое произведение в стихах.

Стихотворная речь — в отличие от прозы, речь ритмически упорядоченная, состоящая из сходно звучащих отрезков — строк, строф. Часто в стихах имеется рифма.

Строфа́ (от *греч.* *strophē* — поворот) — группа строк (стихов), составляющая единство, с определенным, повторяющимся расположением рифм.

Сюже́т (*франц.* *sujet* — предмет, содержание) — событие или ряд событий, изображенных в произведении.

Тема (*греч.* *thema*) — круг жизненных явлений, изображенных в произведении; то, о чем говорится в произведении.

Устное наро́дное творчество, или **фольклóр** (от *англ.* *folk* — народ, *logē* — мудрость), — словесное поэтическое творчество народа. Виды устного народного творчества: поговорка, загадка, песня, сказка, легенда и др. Наряду с устным народным творчеством существуют народная музыка, народный танец, резьба по дереву и другие виды народного творчества.

Фанта́стика (*греч.* *phantastikē* — способность воображать) — мир невероятных, чудесных представлений и образов, рожденных воображением.

Хоре́й (*греч.* *choreios*, от *choros* — хор) — двусложный размер стиха. В строке хорей ударные слоги нечетные, безударные — четные (— —): «Буря мглою небо кроет...»

Худо́жественная литерату́ра — один из видов искусства — искусство слова. Слово в художественной литературе — средство создания образа, оно служит изображению явления, выражению чувства и мысли. Другие виды искусства — живопись, музыка, скульптура, кино и др.

Эпи́граф (*греч.* *epigraphē* — надпись) — краткое изречение (поговорка, цитата), которое автор помещает перед произведением или его частью, чтобы помочь читателю понять главную мысль.

Эпизо́д (от *греч.* *epeisodion* — случай) — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

Эпи́тет (от *греч.* *epitheton* — приложение) — художественное определение предмета или явления, помогающее живо предста-

вить себе предмет, почувствовать отношение автора к нему: «Месяц величаво поднялся на небо...»

Эпическое произведение (от *греч.* epos — слово, речь, рассказ) — произведение, в котором автор рассказывает о людях, об окружающем мире, о различных событиях. Виды эпических произведений — роман, повесть, рассказ, басня, сказка, притча и др. Кроме эпических произведения бывают лирические и драматические.

Юмор (*англ.* humour — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Смех помогает человеку освободиться от всего дурного, мелкого, пошлого. В отличие от сатиры юмор — смех веселый, доброжелательный.

Ямб (*греч.* iambos, от названия музыкального инструмента) — двусложный размер стиха. В строке ямба ударные слоги четные, безударные — нечетные (— '): «Мороз и солнце; день чудесный!...»

СОДЕРЖАНИЕ

I. Мифы народов мира	3
Мифы Древней Греции	—
Подвиги Геракла	5
Скотный двор царя Авгия	—
Яблоки Гесперид	6
Легенда об Арионе	11
Мифы древних славян	—
Народный миф о солнце	14
Мифы Древней Индии	15
Творение	—
Сказание о создании ночи	17
Скандинавские мифы	—
Сказание о путешествии Тора в Утгард	—
Мифы североамериканских индейцев	22
Г. Лонгфелло. Песнь о Гайавате. <i>Перевод И. Бунина</i>	23
 II. Знакомство с Библией	 26
Рождество Иисуса Христа	27
Притча о блудном сыне	30
Притча о добром самарянине	32
 III. Древнерусская литература	 33
О «Повести временных лет».	—
Сказание о Кожемяке	35
Сказание о белгородском киселе	36
 IV. Произведения русских писателей XIX века	 39
Александр Сергеевич Пушкин	—
Узник	42
И. И. Пушкину	44
Зимнее утро	45
Стихотворная речь. Двусложные размеры стиха	46
Метель	48
Станционный смотритель	61
Михаил Юрьевич Лермонтов	72
Парус	75
Тучи	77
«На севере диком...»	78
Утес	—
Листок	—
Три пальмы	79
Антитеза	81
Трехсложные размеры стиха	—

Николай Васильевич Гоголь	85
Ночь перед Рождеством	88
<i>Юмор</i>	132
Николай Алексеевич Некрасов	134
Железная дорога	136
Николай Семенович Лесков	143
Левша	144
Антон Павлович Чехов	180
Лошадиная фамилия	181
Родная природа в стихотворениях русских поэтов	
XIX века	186
Я. П. Полонский	—
Ф. И. Тютчев	187
А. А. Фет	188
Е. А. Баратынский	189
И. С. Никитин	190
А. Н. Майков	191
А. К. Толстой	193
V. Произведения русских писателей XX века	194
Андрей Платонович Платонов	—
Корова	195
Михаил Михайлович Зощенко	207
Галоша	210
Встреча	212
Михаил Михайлович Пришвин	215
Кладовая солнца	216
Николай Алексеевич Заболоцкий	244
Журавли	245
Одинокий дуб	246
Не позволяй душе лениться	247
Александр Яковлевич Яшин	248
Орел	249
Аллитерация	250
Покормите птиц	251
Спешите делать добрые дела	—
Юрий Маркович Нагибин	253
Мой первый друг, мой друг бесценный	255
Виктор Петрович Астафьев	276
Конь с розовой гривой	277
Валентин Григорьевич Распутин	293
Уроки французского	294
Фазиль Искандер	324
Тринадцатый подвиг Геракла	—
Родная природа в стихотворениях русских поэтов	
XX века	339

А. А. Блок	339
С. А. Есенин	340
А. А. Ахматова	341
Н. М. Рубцов	343
VI. Произведения зарубежных писателей	344
Марк Твен	—
Приключения Гекльберри Финна. <i>Перевод Н. Дарузес</i> . . .	345
Джек Лондон	358
Любовь к жизни. <i>Перевод Н. Дарузес</i>	360
Эрнест Сетон-Томпсон	380
Снап. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	381
Астрид Линдгрен	394
Расмус-бродяга. <i>Перевод Е. Паклиной и О. Шарковой</i> . . .	395
Человек в черном плаще. <i>Перевод Л. Брауде</i>	421
Рэй Брэдбери	424
Каникулы. <i>Перевод Л. Жданова</i>	—
Зеленое утро. <i>Перевод Л. Жданова</i>	433
Что читать летом	438
Краткий словарь литературоведческих терминов	439

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник

для общеобразовательных учреждений

Автор-составитель Полухина Валентина Павловна

Зав. редакцией В. П. Журавлев. Редактор Е. И. Правоторова. Художественный редактор Л. Ф. Малышева. Технический редактор С. В. Китаева. Корректор М. М. Крючкова.

ИБ № 16485

Изд. лиц. № 010001 от 10.10.91. Подписано к печати с диапозитивов 04.07.96. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. книжно-журнальная. Гарнит. литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28+0,31 форз. Усл. кр.-отт. 29,56. Уч.-изд. л. 26,20+0,53 форз. Тираж 100000 экз. Заказ № 2258. С 111.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Комитета Российской Федерации по печати. 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Комитета Российской Федерации по печати. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Издательство "Просвещение"

предлагает учебно-методическую
и научно-познавательную литературу

Мы работаем на основе прямых договоров

Приглашаем к сотрудничеству республиканские, краевые
и областные органы образования, книготоргующие организации
и оптовых покупателей на взаимовыгодных условиях

МЫ ПРЕДЛАГАЕМ

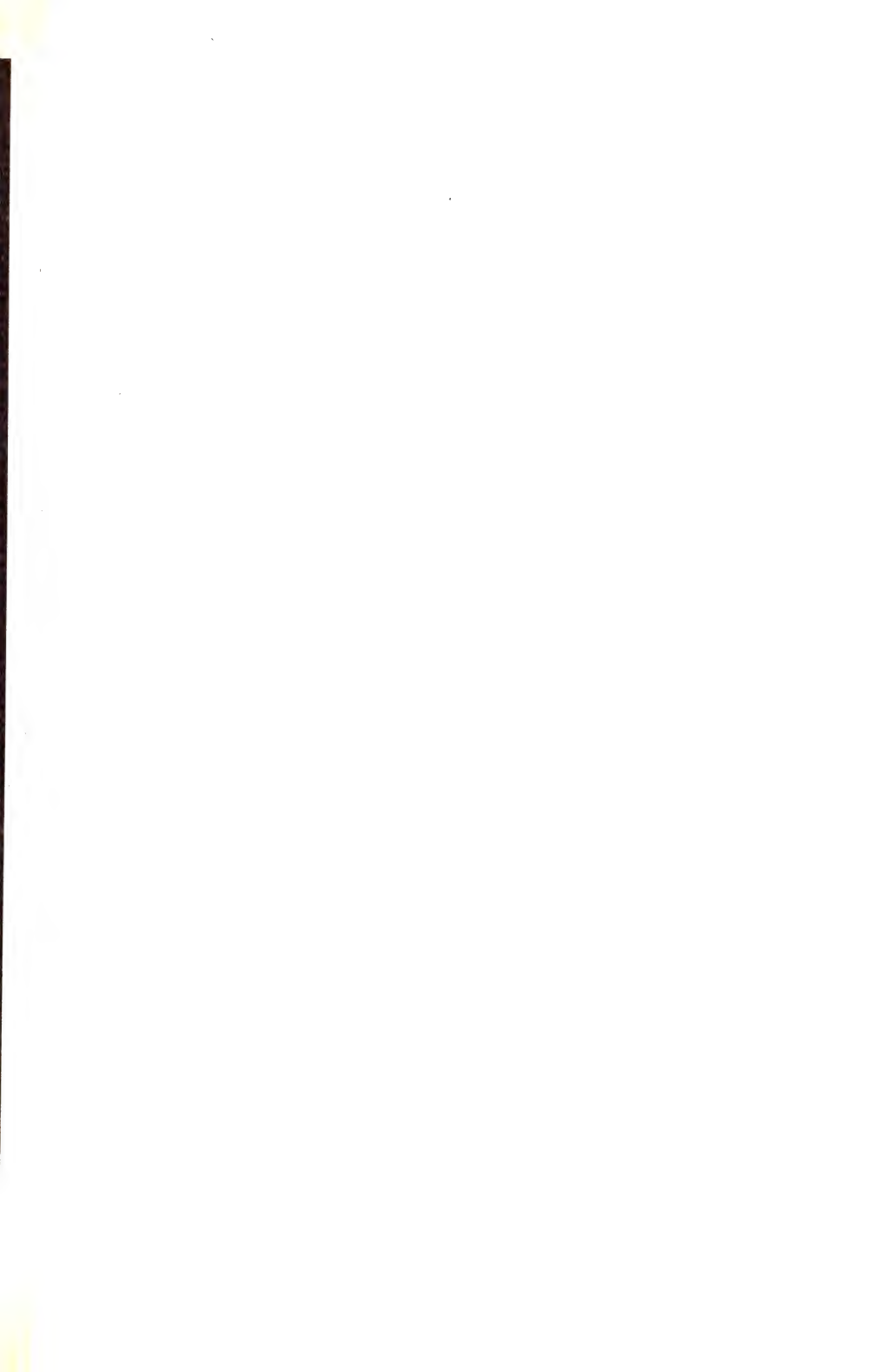
- ☐ книги со складов издательства,
- ☐ контейнерную отгрузку во все регионы России и стран СНГ,
- ☐ розничным покупателям - книги из нашего книжного киоска,
- ☐ "Книгу - почтой".

По всем вопросам обращайтесь по адресу:
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41

Телефоны: отдел реализации	289 44 44
	289 60 26
отдел рекламы	289 52 84
книжный киоск	289 13 36
факс	200 42 66

"Книга-почтой": 117571, Москва, пр.Вернадского, 88
АО "Учебная литература". Телефон: 437 46 97

**Книги "Просвещения" всегда нужны,
интересны, познавательны, доступны.**

В.А. Тропинин.
"Девушка с Подолья"

П.А. Федотов.
"Свежий кавалер"

А.Г. Венецианов, "На пашне"

А.А. Рылов. "В голубом просторе"

К.Ф. Юон. "Новая планета"

 ПРОСВЕЩЕНИЕ

о | Литература

(1996)